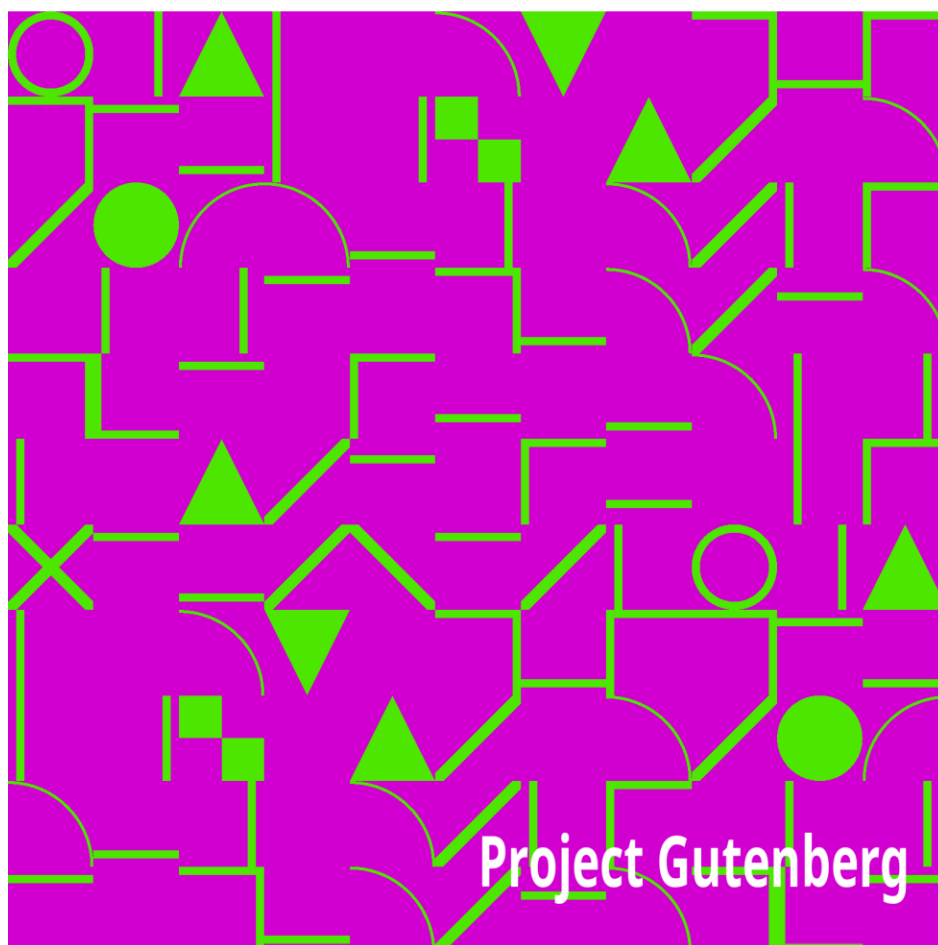

Что такое собственность? Исследование принципа права и правления

П.-Ж. Прудон

**What is Property? An Inquiry into the
Principle of Right and of Government**

P.-J. Proudhon

Электронная книга проекта Гутенберга Что такое собственность? Исследование принципа права и правления

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Что такое собственность? Исследование принципа права и правления

Автор: П.-Ж. Прудон

Дата выхода: 1 ноября 1995 г. [Электронная книга № 360]

Последнее обновление: 19 ноября 2017 г.

Язык: Английский

В титрах: Продюсеры Майк Лох и Дэвид Уиджер

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА "ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА" ЧТО ТАКОЕ СОБСТВЕННОСТЬ?
ИССЛЕДОВАНИЕ ПРИНЦИПА ПРАВА И ПРАВЛЕНИЯ ***

ЧТО ТАКОЕ СОБСТВЕННОСТЬ? ИССЛЕДОВАНИЕ ПРИНЦИПА ПРАВА И ПРАВЛЕНИЯ

П. Ж. Прудон

ПОДРОБНОЕ СОДЕРЖАНИЕ

П. Ж. ПРУДОН: ЕГО ЖИЗНЬ И ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

FIRST MEMOIR

,

— ИДЕЯ РЕВОЛЮЦИИ

ГЛАВА II.

СОБСТВЕННОСТЬ, РАССМАТРИВАЕМАЯ КАК ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРАВО.—ЗАНЯТИЕ И
ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО
КАК ЭФФЕКТИВНЫЕ ОСНОВЫ СОБСТВЕННОСТИ.—ОПРЕДЕЛЕНИЯ

% 1. Собственность как естественное право.

% 2. Занятие как право собственности.

% 3. Гражданское право как основа и санкция собственности.

ГЛАВА III.

ТРУД КАК ДЕЙСТВЕННАЯ ПРИЧИНА ВОЗНИКНОВЕНИЯ СФЕРЫ СОБСТВЕННОСТИ

% 1. Земля не может быть присвоена.

% 2. Всеобщее согласие не оправдывает Собственность.

% 3. Предписание не дает права собственности на собственность.

% 4. Труд.—Что Труд не обладает врожденной способностью присваивать природные богатства.

% 5. Что Труд ведет к Равенству Собственности.

% 6. Что в Обществе все заработные платы равны.

% 7. Это Неравенство Сил является Необходимым условием Равенства Состояний.

% 8. Что, с точки зрения Справедливости, Труд уничтожает Собственность.

ГЛАВА IV.

ЭТО СВОЙСТВО НЕВОЗМОЖНО

ПРОДЕМОНСТРИРОВАТЬ. АКСИОМА.

Собственность - это Право увеличения, на которое претендует Собственник в отношении любой вещи, на которой он поставил печать как на своей собственной.

ПЕРВОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ.

Собственность невозможна, потому что она требует Чего-то даром.

ВТОРОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ.

Собственность невозможна, потому что, где бы она ни существовала, производство обходится дороже, чем оно того стоит.

ТРЕТЬЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ.

Собственность невозможна, потому что при данном Капитале Производство пропорционально труду, а не собственности.

ЧЕТВЕРТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ.

Собственность невозможна, потому что это убийство.

ПЯТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ.

Собственность невозможна, потому что, если она существует, Общество пожирает само себя.

Приложение к пятому предложению.

ШЕСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ.

Собственность невозможна, потому что она - Мать тирании.

СЕДЬМОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ.

Собственность невозможна, потому что, потребляя свои Доходы, она их теряет; накапливая их, она сводит их на нет; и, используя их как капитал, она обращает их против производства.

ВОСЬМОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ.

Собственность невозможна, потому что ее Способность к накоплению бесконечна и проявляется только в конечных количествах.

ДЕВЯТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Собственность невозможна, потому что она бессильна против Собственности.

ДЕСЯТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ.

Собственность невозможна, потому что это Отрицание Равенства.

ГЛАВА V.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ИДЕИ СПРАВЕДЛИВОСТИ И В СПРАВЕДЛИВОСТИ И
ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРИНЦИПА ПРАВЛЕНИЯ И ПРАВА.

ЧАСТЬ 1.

% 1. О нравственном чувстве человека и животных.

% 2. О Первой и Второй степенях Общительности.

% 3. Третьей степени общительности.

ЧАСТЬ I 1.

% 1. О причинах наших ошибок. Происхождение собственности.

% 2. Характеристики коммунизма и собственности.

% 3. Определение третьей формы общества. Заключение.

ВТОРОЕ МЕМУАРНОЕ

ПИСЬМО М. БЛАНКИ О СОБСТВЕННОСТИ

Связанное содержимое

П. Ж. ПРУДОН: ЕГО ЖИЗНЬ И ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

ЧТО ТАКОЕ СОБСТВЕННОСТЬ? ИЛИ,

ПЕРВЫЕ МЕМУАРЫ.

ГЛАВА I. МЕТОД, ПРИМЕНЯЕМЫЙ В ЭТОЙ РАБОТЕ.—ИДЕЯ РЕВОЛЮЦИИ.

ГЛАВА II. СОБСТВЕННОСТЬ, РАССМАТРИВАЕМАЯ КАК ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРАВО

ГЛАВА III. ТРУД КАК ДЕЙСТВЕННАЯ ПРИЧИНА СФЕРЫ СОБСТВЕННОСТИ.

ГЛАВА IV. ЭТА СОБСТВЕННОСТЬ НЕВОЗМОЖНА.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ПЯТОМУ ПРЕДЛОЖЕНИЮ.

ГЛАВА V. ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ИДЕИ СПРАВЕДЛИВОСТИ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ЧТО ТАКОЕ СОБСТВЕННОСТЬ?

ВТОРЫЕ МЕМУАРЫ.

Закключение. — "Результатами труда, выполненного этим поколением, являются

СНОСКИ:

П. Ж. ПРУДОН: ЕГО ЖИЗНЬ И ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ.

Переписка ¹ П. Ж. Прудона, первые тома которой мы публикуем сегодня, была собрана после его смерти преданным и разумным трудом его дочери с помощью нескольких друзей. Она была неполной, когда была представлена Сент-Беву, но той части, с которой знаменитый академик ознакомился, было достаточно, чтобы позволить ему оценить ее в целом с той здравостью суждения, которая характеризовала его как литературного критика.

Он, однако, предостерег бы читателей от принятия интерпретации взглядов автора биографом как в каком-либо смысле авторитетной; посоветовав им, скорее, дожидаться публикации остальных работ Прудона, чтобы они могли составить мнение самостоятельно.—Переводчик.

В важном произведении, которое его обычные читатели, конечно, не забыли, хотя смерть не позволила ему закончить его, Сент—Бев так оценивает переписку великого публициста: -

"Письма Прудона, даже за пределами круга его особых друзей, всегда будут представлять ценность; мы всегда можем чему-то научиться из них, и здесь самое подходящее место для определения общего характера его переписки.

"Оно всегда было большим, особенно с тех пор, как он стал таким знаменитым; и, по правде говоря, я убежден, что в будущем переписка Прудона станет его главной, жизненно важной работой, и что большинство его книг будут лишь дополнением к этому и подтверждением. Во всяком случае, его книги можно хорошо понять только с помощью его писем и постоянных объяснений, которые он дает тем, кто обращается к нему со своими сомнениями и просит его более четко определить свою позицию.

"Среди известных людей существует множество методов переписки. Есть люди, которым писать письма скучно, и которые, осыпаясь вопросами и комплиментами, отвечают в величайшей спешке, единственно для того, чтобы поскорее покончить с работой, и которые отвечают вежливостью на вежливость, приправляя ее большим или меньшим остроумием. Такого рода переписка, хотя и исходит от известных людей, незначительна и недостойна сбора и классификации.

"После тех, кто пишет письма, выполняя неприятную обязанность, и почти рядом с ними по незначительности, я бы поставил тех, кто пишет в манере совершенно внешней, совершенно поверхностной, преданной только лести, расточая похвалы, как золото, не считая их; а также

тех, кто взвешивает каждое слово, кто отвечает формально и напыщенно, рассчитывая на изящные фразы и эффект. Они обмениваются только словами и выбирают их исключительно за их яркость и эффектность. Вы думаете, что это к вам лично они обращаются; но в вашем лице они обращаются к четырем уголкам Европы. Такие письма пусты и не учат ничему, кроме театрального исполнения и любимой позы их авторов.

"Я не буду причислять к последним более благоразумных и проницательных авторов, которые, обращаясь к отдельным лицам, одним глазом следят за потомками. Мы знаем, что многие, кто использует этот метод, писали длинные, законченные, очаровательные, льстивые и достаточно естественные письма. Беранже представляет нам лучший пример такого рода.

"Прудон, однако, человек совершенно иного характера и привычек. Когда он пишет, он не думает ни о чем, кроме своей идеи и человека, к которому обращается: *ad rem et ad hominem*. Человек убежденный и доктринальный, он не устает писать; его не раздражают расспросы. Когда к нему обращаются, он заботится только о том, чтобы знать, что вашим мотивом является не бесполезное любопытство, а любовь к правде; он предполагает, что вы серьезны, он отвечает, он рассматривает ваши возражения, иногда устно, иногда письменно; ибо, как он замечает, "если есть какие-то вопросы, которые переписка никогда не разрешит, но которые можно прояснить в разговоре за две минуты, в других случаях дело обстоит как раз наоборот: возражение, четко изложенное в письменной форме, хорошо выраженное сомнение, которое вызывает прямой и положительный ответ, помогают делу больше, чем десять часов устного общения!" В письменном виде вам он без колебаний рассматривает предмет заново; он раскрывает вам фундамент и надстройку своей мысли: он редко признает себя побежденным - это не в его стиле; он придерживается своей позиции, но признает разрывы, вариации, короче говоря, ЭВОЛЮЦИЮ своего ума. История его мышления содержится в его письмах; там ее и следует искать.

Прудон, кто бы к нему ни обращался, всегда готов; он отрывается от страницы книги, над которой работает, чтобы ответить вам тем же пером, и при этом не теряя терпения, не путаясь, не жалея чернил; он общественный деятель, преданный распространению своей идеи всеми методами, и лучшим методом для него всегда является настоящий, новейший. Сам его почерк, жирный, равномерный, разборчивый, даже в самых утомительных отрывках, не выдает спешки, не торопится заканчивать. Каждая реплика точна: ничто не оставлено на волю случая; пунктуация, очень правильная, немного выразительная и решительная, с точностью и тонким различием указывает на все звенья в цепи его аргументации. Он полностью предан вам, своему бизнесу и вашему, когда пишет вам, и никогда ничему другому. Все его письма, которые я видел, серьезны: ни одно не является банальным.

Но в то же время он совсем не артистичен и не аффектирован; он не ВЫСТРАИВАЕТ свои письма, не пересматривает их, не тратит времени на их перечитывание; у нас есть первый глоток, превосходный и чистый, струя из фонтана, но это все. Новые аргументы, которые он обнаруживает в поддержку своих идей и которые предлагает ему оппозиция, являются приятным сюрпризом и проливают свет, который мы тщетно искали бы даже в его работах. Его переписка существенно отличается от его книг тем, что она не вызывает у вас беспокойства; она помещает вас в самое сердце этого человека, объясняет его вам и оставляет у вас впечатление морального уважения и почти интеллектуальной защищенности. Мы чувствуем его искренность. Я не знаю никого, с кем его можно было бы сравнить в этом отношении больше, чем с Жорж

Санд, чья корреспонденция обширна и в то же время полна искренности. Его роль и его природа соответствуют друг другу. Если он пишет молодому человеку, который раскрывается перед ним в скептическом беспокойстве, молодой женщине, которая просит его решить за нее деликатные вопросы поведения, его письмо принимает форму короткого нравственного эссе, совета отца-исповедника. Бывал ли он в театре (что для него редкость), чтобы посмотреть одну из комедий Понсара или драму Шарля Эдмона, он чувствует себя обязанным поделиться своими впечатлениями с другом, которому он обязан этим удовольствием, и его письмо становится литературной и философской критикой, полной смысла и не похожей ни на какую другую. Его фамильярность подходит его корреспонденту; он не притворяется грубым. Термины вежливости или привязанности, которые он применяет по отношению к своим корреспондентам, трезвы, взвешенны, подходят каждому и честны в своей простоте и сердечности. Когда он говорит о морали и семье, временами он кажется похожим на библейских патриархов. Он в совершенстве владеет языком, и он никогда не упускает случая им воспользоваться. Время от времени грубое слово, несколько личностей, слишком горьких и совершенно несправедливых или ранящих, придется пресекать при печати; однако время, по мере того как оно проходит, многое разрешается и делает их безобидными. Прав ли я, говоря, что переписка Прудона, всегда содержательная, однажды станет самой доступной и привлекательной частью его работ?"

Почти вся подлинная биография Прудона включена в его переписку. Вплоть до 1837 года, даты первого письма, которое нам удалось собрать, его жизнь, рассказанная Сент-Бевом, из которой мы делаем многочисленные выдержки, может быть изложена на нескольких страницах.

Пьер Жозеф Прудон родился 15 января 1809 года в пригороде Безансона под названием Муйер. Его отец и мать работали на большой пивоварне, принадлежащей месье Рено. Его отец, хотя и приходился двоюродным братом юристу Прудону, знаменитому профессору дижонского университета, был пивоваром-подмастерьем. Его мать, настоящая крестьянка, была простой служанкой. Она была аккуратным человеком с большим здравым смыслом и, как говорят те, кто ее знал, незаурядной женщиной ГЕРОИЧЕСКОГО характера, если воспользоваться выражением почтенного месье Вайса, библиотекаря из Безансона. Прудон особенно походил на нее: на нее и на своего деда Турнези, крестьянина-солдата, о котором ему рассказывала мать и чьи мужественные поступки он описал в своей работе "Справедливость". Прудон, который всегда испытывал большое почтение к своей матери Екатерине, дал ее имя старшей из своих дочерей. В 1814 году, когда Безансон был блокирован, Муйер, стоявший перед городскими стенами, был разрушен при защите этого места; и отец Прудона основал бондарную мастерскую в пригороде Баттана под названием Виньерон. Очень честный, но простодушный и близорукий, этот бондарь, отец пятерых детей, из которых Пьер Жозеф был старшим, провел свою жизнь в бедности. В восьмилетнем возрасте Прудон либо приносил пользу по дому, либо пас скот на улице. Никто не должен упустить из виду эту прекрасную и драгоценную страницу его работы "Справедливость", в которой он описывает сельские виды спорта, которыми наслаждался, когда был пастухом. В возрасте двенадцати лет он работал мальчиком в подвале гостиницы. Это, однако, не помешало ему учиться.

Его матери очень помогал месье Рено, бывший владелец пивоварни, который к тому времени отошел от дел и занимался образованием своих детей.

Прудон поступил в школу дневным учеником в шестом классе. Он по необходимости нерегулярно посещал занятия; домашние заботы и ограничения иногда не позволяли ему посещать занятия. Тем не менее он преуспел в учебе; он проявил большое упорство. Его семья была так бедна, что не могла позволить себе снабжать его книгами; он был вынужден одалживать их у своих товарищей и переписывать тексты своих уроков. Он сам рассказал нам, что ему пришлось оставить свои деревянные башмаки за дверью, чтобы не мешать занятиям своим шумом; и что, не имея шляпы, он пошел в школу с непокрытой головой. Однажды, ближе к концу своих занятий, вернувшись с раздачи призов, нагруженный кронами, он не обнаружил в доме ничего съестного.

"В своем рвении к труду и жажде знаний Прудон, - говорит Сент-Бев, - не был удовлетворен наставлениями своих учителей. С двенадцати до четырнадцати лет он был постоянным посетителем городской библиотеки. Одно любопытство вело к другому, и он заказывал книгу за книгой, иногда восемь или десять за один присест. Ученый библиотекарь, друг и почти брат Шарля Нодье, месье Вайс, однажды подошел к нему и, улыбаясь, спросил: "Но, мой маленький друг, что ты собираешься делать со всеми этими книгами?" Ребенок поднял голову, посмотрел на своего собеседника и ответил: "А тебе-то какое дело?" - И добрый господин Вайс помнит это по сей день".

Вынужденный зарабатывать себе на жизнь, Прудон не мог продолжать учебу. Он поступил корректором в типографию в Безансоне. Вскоре после этого, став композитором, он совершил турне по Франции в этом качестве. В Тулоне, где он оказался без денег и без работы, у него произошла сцена с мэром, которую он описывает в своей работе "Правосудие".

Сент-Бев говорит, что после своего турне по Франции, когда его трудовая книжка была заполнена хорошими сертификатами, Прудон был повышен до должности бригадира. Но он не говорит нам, по той причине, что ему ничего не было известно о письме Фалло, о котором мы услышали только шесть месяцев назад, что печатник в то время подумывал бросить свою профессию, чтобы стать учителем.

Ближе к 1829 году Фалло, который был немного старше Прудона и который, получив пенсию Сюара в 1832 году, умер на двадцать девятом году жизни, занимая должность помощника библиотекаря в Институте, был обвинен, хотя и был протестантом, в пересмотре "Жития святых", опубликованного в Безансоне. Книга была на латыни, и Фалло добавил несколько заметок, которые также были на латыни.

"Но, - говорит Сент-Бев, - случилось так, что некоторые ошибки ускользнули от его внимания, на которые Прудон, в то время корректор в типографии, не преминул указать ему. Удивленный тем, что обнаружил в мастерской такого хорошего знатока латыни, он пожелал познакомиться с ним; и вскоре между ними возникла самая искренняя и близкая дружба: дружба интеллекта и сердца".

Письмо Фалло, адресованное печатнику в возрасте от двадцати двух до двадцати трех лет и формально предсказывающее его будущую славу, кажется нам настолько интересным, что мы без колебаний воспроизводим его полностью.

"ПАРИЖ, 5 декабря 1831 года.

"МОЙ ДОРОГОЙ ПРУДОН, ВЫ имеете право быть удивленным и даже недовольным моей долгой задержкой с ответом на ваше любезное письмо; я сообщу вам причину этого. Возникла необходимость переслать отчет о ваших идеях М.Дж. де Грею; выслушать его возражения, ответить на них и дожидаться его окончательного ответа, который пришел ко мне совсем недавно; ибо М. Дж. - своего рода финансовый король, который не заботится о пунктуальности в общении с такими бедолагами, как мы. Я тоже небрежен в деловых вопросах; иногда моя небрежность доходит даже до беспорядка, и метафизические размышления, которые постоянно занимают мой ум, в сочетании с развлечениями Парижа, делают меня самым неспособным человеком в мире для оперативного ведения переговоров.

"У меня есть решение мсье Жобара; вот оно: по его мнению, вы слишком образованны и умны для его детей; он опасается, что вы не сможете приспособить свой ум и характер к детским представлениям, обычным для их возраста и положения. Короче говоря, он тот, кого в мире называют хорошим отцом; то есть он хочет избаловать своих детей, и, чтобы легко добиться этого, он считает нужным нанять своего нынешнего наставника, который не очень образован, но который с удивительной легкостью принимает участие в их играх и веселых забавах, который указывает маленькой девочке буквы алфавита, который водит маленьких мальчиков к мессе и который, не менее услужливый, чем наш знакомый достойный аббат П., охотно потанцует для развлечения мадам. Такая профессия не подошла бы вам, вам, у кого свободная, гордая и мужественная душа: вам отказано; давайте выбросим этот вопрос из головы. Возможно, в другой раз моя забота будет менее прискорбной. Я могу только попросить у вас прощения за то, что подумал о том, чтобы таким образом избавиться от вас, почти не посоветовавшись с вами. Я нахожу свое оправдание в мотивах, которые руководили мной; я имел в виду ваше благополучие и продвижение в этом мире.

"Я вижу в твоём письме, мой товарищ, сквозь его блестящие остроты и под откровенной и бесхитростной веселостью, которой ты его окропил, оттенок грусти и уныния, который причиняет мне боль. Ты несчастлив, мой друг: твоё нынешнее положение тебя не устраивает; ты не можешь оставаться в нём, оно создано не для тебя, оно ниже тебя; ты должен во что бы то ни стало покинуть его, прежде чем его пагубное влияние начнет сказываться на твоих способностях и прежде чем ты, как говорится, освоишься в своей профессии, если бы такое вообще могло случиться, что я категорически отрицаю. Вы несчастливы; вы ещё не вступили на тот путь, который наметила для вас Природа. Но, малодушная душа, разве это повод для уныния? Должна ли ты чувствовать себя обескураженной? Боритесь, морбле, боритесь упорно, и вы восторгаетесь. Ж.-Ж. Руссо бродил ощупью сорок лет, прежде чем ему открылся его гений. Вы не Ж.-Ж. Руссо; но послушайте: я не знаю, смог бы я угадать автора "Эмиля", когда ему было двадцать лет, предположив, что я был его современником и имел честь быть с ним знакомым. Но я знал тебя, я любил тебя, я предсказал твоё будущее, если можно так выразиться; впервые в своей жизни я рискну пророчествовать. Сохраните это письмо, прочтите его ещё раз через пятнадцать или двадцать лет, возможно, через двадцать пять, и если к тому времени предсказание, которое я собираюсь сделать, не сбудется, сожгите его как глупость из милосердия и уважения к моей памяти. Вот моё предсказание: Прудон, ты станешь, помимо своей воли, неизбежно, в силу факта твоей судьбы, писателем; ты будешь философом; ты станешь одним из светочей века, и твоё имя займет место в анналах девятнадцатого века, подобно именам Гассенди, Декарта, Мальбранша и Бэкона в семнадцатом веке, а также именам Дидро, Монтескье, Гельвеция. Локк, Юм и Гольбах в восемнадцатом веке. Такова будет ваша участь! Делай теперь, что хочешь, печатай в типографии, расти детей, похорони себя в глубоком

уединении, ищи глухие деревни, мне все равно; ты не можешь избежать своей судьбы; ты не можешь лишиться своей самой благородной черты, того активного, сильного и пытливого ума, которым ты наделен; твое место в мире определено, и оно не может оставаться пустым. Идите, куда вам заблагорассудится, я жду вас в Париже, где вы будете говорить о философии и доктринах Платона; вам придется прийти, хотите вы того или нет. Я, который говорю это вам, должен быть очень уверен в этом, чтобы быть готовым изложить это на бумаге, поскольку, не получая награды за мое пророческое мастерство, на которое, уверяю вас, я ни в малейшей степени не претендую, я рискую прослыть безмозглым парнем, если окажется, что я ошибаюсь: тот ведет смелую игру, кто рискует своим здравым смыслом в обмен на очень пустяковую заслугу предсказания будущего молодого человека.

"Когда я говорю, что ожидаю вас в Париже, я использую только вошедшую в поговорку фразу, которая не должна ввести вас в заблуждение относительно моих проектов и замыслов. Мне неприятно жить в Париже, очень неприятно; и когда овладевшая мной лихорадка изящных искусств оставит меня, я без сожаления покину это место и поищу более спокойное местожительство в провинциальном городке, при условии, что город всегда будет обеспечивать меня средствами к существованию, хлебом, кроватью, книгами, отдыхом и уединением. Как я скучаю, мой добрый Прудон, по той темной, затемненной, прокуренной комнате, в которой я жил в Безансоне и где мы провели столько приятных часов за философскими спорами! Ты помнишь это? Но теперь это далеко. Вернется ли когда-нибудь то счастливое время? Встретимся ли мы когда-нибудь снова? Здесь моя жизнь беспокойна, неопределенна, ненадежна и, что еще хуже, ленива, неграмотна и бродяжничает. Я не работаю, я живу в праздности, я бродяжничаю; я не читаю, я больше не занимаюсь; мои книги заброшены; время от времени я просматриваю несколько метафизических работ и после нескольких дней брожу по грязным, загаженным, людным улицам. Я ложусь с пустой головой и усталым телом, чтобы повторить представление на следующий день. Какова цель этих прогулок, спросите вы. Я наношу визиты, мой друг; я провожу собеседования с глупыми людьми. Затем мной, наименее любознательным из существ, овладевает приступ любопытства: есть музеи, библиотеки, собрания, церкви, дворцы, сады и театры, которые стоит посетить. Я люблю картины, люблю музыку, люблю скульптуру; все это красиво и полезно, но они не могут ни утолить голод, ни заменить мои приятные чтения Байи, Юма и Теннемана, которыми я обычно наслаждался у камина, когда мог читать.

- Но хватит жалоб. Не позволяйте этому письму слишком сильно повлиять на вас и не думайте, что я поддаюсь унынию; нет, я фаталист и верю в свою звезду. Я еще не знаю, ни в чем мое призвание, ни к какой отрасли светской литературы я подхожу лучше всего; я даже не знаю, подхожу ли я к чему-нибудь или когда-нибудь буду подхожен; но какое это имеет значение? Я страдаю, я тружусь, я мечтаю, я наслаждаюсь, я думаю; одним словом, когда пробьет мой последний час, я буду жить.

"Прудон, я люблю вас, я уважаю вас; и, поверьте мне, это не просто фразы. Какой мне интерес льстить и восхвалять бедного печатника? Ты богат, чтобы платить придворным? У тебя есть роскошный стол, лихая жена и золото, которым можно разбрасываться, чтобы привлечь их в свою свиту? Есть ли у вас слава, почести, доверие, которые сделали бы ваше знакомство приятным для их тщеславия и гордыни? Нет; вы бедны, неизвестны, покинуты; но, бедный, неизвестный и покинутый, у вас есть друг, и друг, который знает все обязательства, которые это

слово налагает на честных людей, когда они отваживаются взять его на себя. Этот друг - я сам: подвергни меня испытанию.

"ГЮСТАВ ФАЛЛО".

Из этого письма следует, что если в тот период Прудон уже продемонстрировал ясновидящему другу свой исследовательский гений, то это было сделано в направлении философских, а не экономических и социальных вопросов.

Став мастером в фирме Gauthier & Co., которая владела крупной типографией в Безансоне, он исправлял гранки церковных авторов, Отцов Церкви. Когда они печатали Библию, Вульгату, ему пришлось сравнить латынь с оригинальным ивритом.

"Таким образом, - говорит Сент-Бев, - он самостоятельно выучил иврит, и, поскольку в его сознании все было взаимосвязано, его привело изучение сравнительной филологии. Поскольку дом Готье опубликовал много работ по истории Церкви и богословию, он также приобрел, благодаря своему желанию исследовать все, обширные знания в области богословия, которые впоследствии заставили дезинформированных людей думать, что он учился в духовной семинарии".

Ближе к 1836 году Прудон покинул дом Готье и вместе со своим компаньоном основал небольшую типографию в Безансоне. Его вклад в партнерство состоял не столько в капитале, сколько в его знании профессии. Его партнер покончил с собой в 1838 году, и Прудону пришлось свернуть бизнес, что ему удалось не так быстро и легко, как он надеялся. Затем друзья уговорили его вступить в ряды претендентов на получение пенсии Suard. Эта пенсия состояла из дохода в полторы тысячи франков, завещанного Безансонской академии мадам Сюар, вдовой академика, для выплаты раз в три года молодому человеку, проживающему в департаменте Ду, бакалавру литературы или естественных наук, не обладающему состоянием, которого Безансонская академия СОЧТЕТ НАИБОЛЕЕ ПОДХОДЯЩИМ ДЛЯ ЛИТЕРАТУРНОЙ ИЛИ НАУЧНОЙ КАРЬЕРЫ, ИЛИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРАВА ИЛИ МЕДИЦИНЫ. Первым, кто получил пенсию Suard, был Гюстав Фалло. Вторым стал Мове, который был выдающимся астрономом в Академии наук. Прудон стремился стать третьим. Чтобы получить квалификацию, он должен был получить степень бакалавра литературы и был обязан написать письмо в Академию Безансона. Во фразе этого письма, условия которого ему пришлось изменить, хотя он наотрез отказался менять его дух, Прудон выразил свою твердую решимость трудиться ради улучшения положения своих братьев, рабочих.

Единственной вещью, которую он тогда опубликовал, было "Эссе по общей грамматике", появившееся без подписи автора. Переиздавая в Безансоне "Первобытные элементы языков, обнаруженные путем сравнения еврейских корней с латинскими и французскими" аббата Бержье, Прудон расширил издание своего "Очерка общей грамматики".

Дата издания - 1837 год - доказывает, что в то время он и не думал претендовать на пенсию Суарда. В этой работе, которая продолжила и дополнила работу аббата Бержье, Прудон принял ту же точку зрения, что и Моисей и библейская традиция. Два года спустя, в феврале 1839 года, уже будучи обладателем пенсии Суар, он направил в Институт в качестве претендента на премию Волни мемуары, озаглавленные "Исследования по грамматической классификации и происхождению некоторых французских слов". Это была его первая работа, переработанная и представленная в другой форме. В институт были отправлены только четыре мемуара, ни один

из которых не получил премии. Были удостоены двух почетных упоминаний, одно из них - "Мемуарам № 4", то есть П. Ж. Прудону, печатнику из Безансона. Судьями были М. Амедде Жобер, Рейно и Бюрнуф.

"Комитет, - говорилось в отчете, представленном на ежегодном собрании пяти академий в четверг, 2 мая 1839 г., - уделил особое внимание рукописям № 1 и № 4. Тем не менее, он не считает возможным присуждать премию ни одной из этих работ, поскольку они не кажутся достаточно проработанными. Комитет, который находит в № 4 несколько оригинальных анализов, особенно в отношении механизма языка иврит, сожалеет о том, что автор прибегал к опасным предположениям и иногда забывал о специальной рекомендации комитета использовать экспериментальный и сравнительный метод".

Прудон помнил об этом. Он посещал лекции Эжена Бюрнуфа и, как только познакомился с трудами и открытиями Боппа и его преемников, окончательно отказался от гипотезы, которая была осуждена Академией надписей и художественной литературы. Затем он продал по цене газеты оставшиеся экземпляры "Эссе", опубликованного им в 1837 году. В 1850 году они все еще лежали на заднем дворе бакалейной лавки.

Затем соседний издатель выставил издание на продажу с привлекательным названием Прудон. Последовал судебный процесс, в ходе которого автор был избит. Его враги, а в то время их было много, были бы рады доказать, что он ренегат и отщепенец. Прудон в своей работе "Правосудие" приводит некоторые интересные подробности этого судебного процесса.

Владея пансионом Сюар, Прудон принял участие в конкурсе, предложенном Безансонской академией по вопросу о пользе празднования воскресенья. Его мемуары получили почетное упоминание вместе с медалью, которой он был награжден на открытом заседании 24 августа 1839 года. Докладчик комитета, аббат Дони, впоследствии ставший епископом Монтобана, обратил внимание на неоспоримое превосходство его таланта.

"Но, - говорит Сент-Бев, - он упрекнул его в принятии опасных теорий и в том, что он затронул вопросы практической политики и социальной организации, где честные намерения и рвение к общественному благу не могут оправдать опрометчивых решений".

Была ли это политика, мы подразумеваем благоразумие, которая побудила Прудона прикрыть свои идеи равенства законом Моисея? Сент-Бев, как и многие другие, похоже, думает именно так. Но мы прекрасно помним, что, спросив Прудона в августе 1848 года, не считает ли он себя в некоторых отношениях обязанным своему соотечественнику Шарлю Фурье, мы получили от него следующий ответ: "Я, конечно, читал Фурье и не раз говорил о нем в своих работах; но, в целом, я не думаю, что я ему чем-то обязан. Моих настоящих учителей, тех, благодаря кому в моей голове зародились плодотворные идеи, трое: во-первых, Библия, затем Адам Смит и, наконец, Гегель".

Свободно признаваемое в "Праздновании воскресенья" влияние Библии на Прудона не менее очевидно и в его первых мемуарах о собственности. Прудон, несомненно, привнес в эту работу много собственных идей; но разве саму основу древнего еврейского права нельзя найти в его осуждении ростовщического интереса и отрицании права личного присвоения земли?

Первые мемуары о собственности появились в 1840 году под названием "Что такое собственность? или исследование принципа права и правительства". Прудон посвятил его в

письме, служившем предисловием, Безансонской академии. Последняя, узнав, что ее пенсионерка предстала перед судом, приняла это дело близко к сердцу и возбудила его, по словам Сент-Бева, со всей возможной поспешностью.

Смелому защитнику принципа равенства условий едва удалось избежать немедленного лишения пенсии. Г-н Вивьен, тогдашний министр юстиции, которого настойчиво просили привлечь автора к ответственности, пожелал сначала узнать мнение экономиста Бланки, члена Академии моральных и политических наук. Прудон подарил этой академии экземпляр своей книги, и г-ну Бланки было поручено ее просмотреть. Эта рецензия, хотя и противоречила взглядам Прудона, защищала его. Месье Бланки относился к автору как к ученому, поэтому его не преследовали по закону. Он всегда был благодарен м-м. Бланки и Вивьен за их красивое поведение в этом вопросе.

Рецензия г-на Бланки, частично воспроизведенная "Монитором" 7 сентября 1840 г., естественно, побудила Прудона направить ему в форме письма свои вторые мемуары о собственности, которые появились в апреле 1841 г. Прудон в своих первых мемуарах пытался продемонстрировать, что стремление к равенству условий является истинным принципом права и правительства. В "Письме к М. Бланки", он рассматривает многочисленные и разнообразные методы, с помощью которых этот принцип постепенно реализуется во всех обществах, особенно в современном обществе.

В 1842 году появились третьи мемуары, озаглавленные "Уведомление собственникам, или письмо месье Виктору Консидерану, редактору "Ла Фаланж", в ответ на защиту собственности". Здесь проявилось влияние Адама Смита, и это было откровенно признано. Разве Адам Смит не нашел в принципе равенства первый из всех законов, регулирующих заработную плату? Несомненно, существуют и другие законы; но Прудон считает, что все они вытекают из принципа собственности, как он определил его в своих первых мемуарах. Таким образом, в человечестве есть два принципа: один ведет нас к равенству, другой отделяет нас от него. В первом случае мы относимся друг к другу как к партнерам; во втором - как к незнакомцам, если не сказать - врагам. Это различие, которое постоянно встречается на протяжении всех трех мемуаров, уже содержало в зародыше идею, породившую "Систему экономических противоречий", появившуюся в 1846 году, идею антиномии или противодействия.

"Обращение к собственникам" было изъято магистратами Безансона, и Прудон был вызван в суд Ду в течение недели. Он лично зачитал присяжным свою письменную защиту и был оправдан. Присяжные, как и мсье Бланки, рассматривали его только как философа, исследователя, ученого.

В 1843 году Прудон опубликовал "Создание порядка в человечестве", большой том, в котором рассматриваются не только вопросы социальной экономики. Религия, философия, метод, достоверность, логика и диалектика рассматриваются довольно подробно.

Выпущенный из своей типографии 1 марта того же года, Прудон был вынужден искать возможности заработать себе на жизнь. Господа. Братья Готье, перевозчики по воде между Мюлузом и Лионом, старший из которых был товарищем Прудона в детстве, загорелись счастливой мыслью нанять его, использовать его способности в своем бизнесе и улаживать многочисленные трудности, которые ежедневно возникали. Помимо большого количества отчетов, которые требовали от него составления его новых обязанностей и которые задержали

публикацию "Системы экономических противоречий" до октября 1846 года, мы должны упомянуть работу, которая, прежде чем появиться в виде брошюры, была опубликована в "Revue des Economistes", — "Конкуренция между железными дорогами и судоходными путями".

"Отверженный, или Покаяние короля", опубликованный Прудон в марте 1845 года в "Revue Independante" в то Великопостное время, когда Лакордер проповедовал в Лионе, доказывает, что, хотя Прудон с рвением посвятил себя изучению экономических проблем, он не утратил интереса к вопросам религиозной истории. Среди его работ по этим вопросам, которые он, к сожалению, был вынужден оставить незаконченными, мы можем упомянуть почти законченную историю раннехристианских ересей и борьбы христианства против цезаризма.

Мы уже говорили, что в 1848 году Прудон признавал трех учителей. Не зная немецкого языка, он не смог бы прочесть труды Гегеля, которые в то время еще не были переведены на французский. Именно Шарль Грюн, немец, приехавший во Францию для изучения различных философских и социалистических систем, дал ему понять суть гегелевских идей. Зимой 1844-45 годов Шарль Грюн провел несколько долгих бесед с Прудон, в ходе которых были определены, причем очень решительно, не идеи, принадлежавшие исключительно бизонтенскому мыслителю, а форма важной работы, над которой он работал после 1843 года и которая была опубликована Гийоменом в 1846 году.

Великая идея Гегеля, которую Прудон перенял и которую он с удивительной способностью демонстрирует в "Системе экономических противоречий", заключается в следующем: антиномия, то есть существование двух законов или тенденций, противоположных друг другу, возможна не только для двух различных вещей, но и для одной и той же вещи. Рассматриваемые в их тезисах, то есть в законе или тенденции, которые их создали, все экономические категории рациональны - конкуренция, монополия, торговый баланс и собственность, а также разделение труда, машины, налогообложение и кредит. Но, подобно коммунизму и народонаселению, все эти категории антиномичны; все они противопоставлены не только друг другу, но и самим себе. Все является оппозицией, и беспорядок рождается из этой системы противопоставлений. Отсюда и подзаголовок работы — "Философия страдания". Ни одна категория не может быть подавлена; оппозиция, антиномия или противоположность, которые существуют в каждой из них, не могут быть подавлены.

Где же тогда лежит решение социальной проблемы? Находясь под влиянием идей гегеля, Прудон начал искать его в высшем синтезе, который должен был примирить тезис и антитезис. Впоследствии, работая над своей книгой о "Справедливости", он увидел, что антиномические термины не уничтожают друг друга, как противоположные полюса электрической сети не уничтожают друг друга; что они являются порождающей причиной движения, жизни и прогресса; что проблема состоит в том, чтобы обнаружить не их слияние, которое было бы смертью, а их равновесие — равновесие вечно неустойчивое, меняющееся в зависимости от развития общества.

На обложке "Системы экономических противоречий" Прудон объявил, как только она появилась, о своем "Решении социальной проблемы". Эта работа, которой он занимался, когда разразилась революция 1848 года, должна была быть разделена на брошюры и газетные статьи. Две брошюры, которые он опубликовал в марте 1848 года, еще до того, как стал редактором "Представителя народа", носят одно и то же название — "Решение социальной проблемы". Первое, представляющее собой главным образом критику первых действий

временного правительства, примечательно тем фактом, что в нем Прудон, опережая всех остальных, энергично выступал против создания национальных мастерских. Вторая, "Организация кредита и обращения", на нескольких страницах резюмирует его идею экономического прогресса: постепенное снижение процента, прибыли, ренты, налогов и заработной платы. Весь прогресс до сих пор был достигнут именно таким образом; таким образом он должен быть достигнут и впредь. Те рабочие, которые выступают за номинальное повышение заработной платы, бессознательно идут вразрез со всеми своими интересами.

Опубликовав в "Представителе народа" устав Биржевого банка — банка, который не должен был приносить прибыли, поскольку у него не должно было быть акционеров, и который, следовательно, должен был дисконтировать коммерческие бумаги без учета процентов, взимая лишь комиссию, достаточную для покрытия его текущих расходов, — Прудон попытался в ряде статей объяснить его механизм и необходимость. Эти статьи были собраны в одном томе под двойным названием "Резюме социального вопроса; обменный банк". Другие его статьи, те, которые до декабря 1848 года были вдохновлены ходом событий, были собраны в другом томе — "Революционные идеи".

Почти неизвестный в марте 1848 года и вычеркнутый в апреле из списка кандидатов в Учредительное собрание делегацией рабочих, заседавшей в Люксембургском парламенте, Прудон получил лишь очень небольшое число голосов на всеобщих апрельских выборах. На дополнительных выборах, которые состоялись в первых числах июня, он был избран в Париже семьюдесятью семью тысячами голосов.

После роковых июньских дней он опубликовал статью в *le terme*, которая стала причиной первой приостановки работы "Le Representant du Peuple". Именно в это время он внес на рассмотрение Ассамблеи законопроект, который, будучи передан в Комитет по финансам, подготовил, во-первых, доклад М. Тьер, а затем речь, произнесенная Прудоном 31 июля в ответ на этот доклад. "Le Representant du Peuple", вновь появившийся несколько дней спустя, написал он, ссылаясь на закон, обязывающий журналы выдавать облигации, свою знаменитую статью о "Мальтузианцах" (10 августа 1848 г.).

Десять дней спустя "Представитель народа", снова приостановленный, окончательно перестал выходить. "Le Peuple", главным редактором которой он был и первый номер которой вышел в начале сентября, сначала выходила еженедельно из-за отсутствия достаточного количества облигаций; впоследствии она выходила ежедневно, дважды в неделю. Прежде чем "Народ" получил свои первые облигации, Прудон опубликовал замечательную брошюру о "Праве на труд" — праве, которое он отрицал в той форме, в какой оно тогда утверждалось. Именно в тот период он предложил на банкете в Пуассоньер свой Тост за Революцию.

Прудон, которого попросили председательствовать на банкете, отказался и предложил на его место сначала Ледрю-Роллена, а затем, ввиду нежелания организаторов банкета, знаменитого председателя партии горы Ламенне. Очевидно, он намеревался побудить представителей крайне левых провозгласить наконец вместе с ним Демократическую и Социальную республику. Ламенне был принят организаторами, и Гора пообещал присутствовать на банкете. Накануне вечером все казалось правильным, когда генерал Кавеньяк заменил министра Сенара министром Дюфор-Вивьен. Гора, подвергая сомнению правительство, предложил вотум доверия старому министру и, по молчаливому согласию, недоверия новому. Прудон воздержался от голосования по этому предложению. Гора заявила, что не будет присутствовать

на банкете, если там будет присутствовать Прудон. Пятеро монтаньяров во главе с Матье Дромом отправились во временный офис "Le Peuple", чтобы уведомить его об этом. "Гражданин Прудон, - сказали они организаторам в его присутствии, - воздержавшись сегодня от голосования по предложению Горы, предал дело Республики". Прудон, подвергнутый яростному допросу, начал свою защиту с упоминания, с одной стороны, обращения, которому он подвергся со стороны уволенного министра, а с другой - беспристрастного поведения, проявленного по отношению к нему в 1840 году г-ном Вивьеном, новым министром. Затем он атаковал Гору, сказав ее делегатам, что она искала лишь предлог, и что на самом деле, несмотря на свои заявления о социализме в частной беседе, будь то с ним или с организаторами банкета, у нее не хватило смелости публично объявить себя социалистической.

На следующий день в своем Тосте за революцию, тосте, который был полон намеков на волнующую сцену предыдущей ночи, Прудон начал свою борьбу с Горой. Его дуэль с Феликсом Пиатом была одним из эпизодов этой борьбы, которая стала менее ожесточенной на стороне Прудона после того, как Гора наконец решил публично провозгласить Демократическую и Социальную республику. Кампания по выборам президента Республики только началась. Прудон выступил с очень резкой атакой на кандидатуру Луи Бонапарта в памфлете, который считается одним из его литературных шедевров: "Памфлет о президентстве". Будучи противником этого института, против которого он голосовал в Учредительном собрании, он сначала решил не принимать участия в кампании. Но вскоре, видя, что таким образом он увеличивает шансы Луи Бонапарта и что, если, что было совершенно маловероятно, последний не получит абсолютного большинства голосов, Собрание не преминет избрать генерала Кавеньяка, он поддержал, для проформы, кандидатуру Распая, которого поддерживали его друзья из Социалистического комитета. Шарль Делеклюз, главный редактор "Демократической и социальной революции", который не мог простить ему того, что он предпочел Распай кандидату от партии "Гора" Ледрю-Роллену, напал на него на следующий день после выборов с яростью, перешедшей все границы. Сначала Прудону хватило мудрости воздержаться от ответа. Наконец, доведенный до крайности, он сам стал агрессивным, и Делеклюз прислал ему своих секундантов. На этот раз Прудон решительно отказался драться; он не стал бы драться с Феликсом Пиатом, если бы его мужество не было поставлено под сомнение.

25 января 1849 года Прудон, встав с постели больного, увидел, что существование Учредительного собрания находится под угрозой из-за коалиции монархических партий с Луи Бонапартом, который уже планировал свой государственный переворот. Он без колебаний открыто атаковал человека, который только что получил пять миллионов голосов. Он хотел сломать идола; ему удалось лишь добиться судебного преследования и осудить самого себя. Судебное преследование, выдвинутое против него, было санкционировано большинством членов Учредительного собрания, несмотря на речь, с которой он выступил по этому поводу. Признанный присяжными виновным, он был приговорен в марте 1849 года к трем годам тюремного заключения и выплате штрафа в размере десяти тысяч франков.

Прудон ни на минуту не отказывался от своего проекта Обменного банка, который должен был действовать без капитала с достаточным количеством приверженцев среди купцов и фабрикантов. Этот банк, который он тогда назвал Народным банком и вокруг которого он хотел объединить многочисленные ассоциации трудящихся, образовавшиеся с 24 февраля 1848 года, уже приобрел определенное количество подписчиков и приверженцев, число последних достигло тридцати семи тысяч. Он уже собирался начать работу, когда приговор Прудону

вынудил его выбирать между тюремным заключением и изгнанием. Он без колебаний отказался от своего проекта и вернул деньги подписчикам. Он объяснил мотивы, которые привели его к этому решению, в статье в "Le Peuple".

Бежав в Бельгию, он пробыл там всего несколько дней, а оттуда отправился в Париж под вымышленным именем, чтобы спрятаться в доме на улице Шаброль. Из своего тайника он почти каждый день отправлял статьи, подписанные и неподписанные, в "Le Peuple". Вечером, надев блузу, он выходил в какое-нибудь уединенное место подышать свежим воздухом. Вскоре, осмелев по привычке, он рискнул совершить вечернюю прогулку по бульварам, а затем зашел в своей неосторожности так далеко, что прогулялся при свете дня по окрестностям Северного вокзала. Вскоре его узнала полиция, которая арестовала его 6 июня 1849 года на улице Фобур-Пуассоньер.

Доставленный в офис префекта полиции, затем в Сент-Пелажи, он находился в Консьержери в день 13 июня 1849 года, который закончился жестоким подавлением "Народа". Затем он начал писать "Исповедь революционера", опубликованную ближе к концу года. Его снова перевели в Сент-Пелажи, когда в декабре 1849 года он женился на мадемуазель. Эуфразия Пьегар, молодая работница, руки которой он попросил в 1847 году. Мадам Прудон родила ему четырех дочерей, из которых только две, Кэтрин и Стефани, пережили своего отца. Стефани умерла в 1873 году.

В октябре 1849 года "Le Peuple" был заменен новым журналом "Голос народа", который Прудон редактировал из своей тюремной камеры. В нем были опубликованы его дискуссии с Пьером Леру и Бастиа.

Политические статьи, которые он посылал в "Голос народа", в конце концов настолько не понравились правительству, что оно перевело его в Дулен, где он некоторое время тайно содержался в заключении. Впоследствии его доставили обратно в Париж, чтобы он предстал перед судом присяжных на берегу Сены в связи со статьей в "Голосе народа", его защищал г-н Кремье и оправдал. Из Консьержери он снова отправился в Сент-Пелажи, где 6 июня 1852 года отбыл свой трехлетний тюремный срок.

"Голос народа", запрещенный до принятия закона от 31 мая, был заменен еженедельником "Le Peuple" за 1850 год. Основанный с помощью главных членов the Mountain, этот журнал вскоре постигла участь его предшественников.

В 1851 году, за несколько месяцев до государственного переворота, Прудон опубликовал "Общую идею революции девятнадцатого века", в которой, показав логический ряд унитарных правительств — от монархии, которая является первым термином, до прямого правления народа, которое является последним, — он противопоставляет идеал анархии или самоуправления коммунистическому идеалу.

В этот период Социалистическая партия, обескураженная выборами 1849 года, которые привели к большому триумфу консерваторов, чем выборы 1848 года, и справедливо рассерженная национальным представительным органом, который только что принял закон от 31 мая 1850 года, потребовала прямого законодательства и прямого управления. Прудон, который ни за что не хотел плебисцитарной системы, которую он имел все основания считать разрушительной для свободы, не колеблясь указывал тем из своих друзей, которые всего ожидали от прямого законодательства, на одну из антиномий всеобщего избирательного права.

Поскольку это институт, предназначенный для проведения в интересах наибольшего числа людей социальных реформ, которым противостоит земельное избирательное право, всеобщее избирательное право бессильно; особенно если оно претендует на законодательное закрепление или прямое управление. Ибо до тех пор, пока социальные реформы не будут завершены, наибольшее число людей по необходимости является наименее просвещенными и, следовательно, наименее способными к пониманию и осуществлению реформ. Что касается указанной им антиномии свободы и правительства, будь то монархическое, аристократическое или демократическое по форме, Прудон, главным желанием которого было сохранить свободу, естественно, искал решение в свободном договоре. Но хотя свободный контракт может быть практическим решением чисто экономических вопросов, он не может быть использован в политике. Прудон осознал это десять лет спустя, когда его прекрасное исследование "Войны и мира" привело его к нахождению в ФЕДЕРАТИВНОМ ПРИНЦИПЕ точного равновесия свободы и правительства.

"Социальная революция, продемонстрированная государственным переворотом" появилась в 1852 году, через несколько месяцев после его освобождения из тюрьмы. В то время террор царил до такой степени, что никто не хотел публиковать его книгу без специального разрешения правительства. Ему удалось получить это разрешение, написав Луи Бонапарту письмо, которое он опубликовал одновременно с этой работой. Когда последняя была выставлена на продажу, Прудона предупредили, что ему не разрешат больше публиковать книги того же характера. В то время он вынашивал идею написать всеобщую историю под названием "Хронос". Этот проект так и не был реализован.

Уже будучи отцом двоих детей и ожидая появления третьего, Прудон был вынужден немедленно изобрести какие-нибудь средства к существованию; он возобновил свои труды и опубликовал, сначала анонимно, "Руководство биржевого спекулянта". Позже, в 1857 году, завершив работу, он без колебаний подписал ее, признав в предисловии свой долг перед своим сотрудником Г. Дюшеном.

Тем временем он тщетно добивался разрешения на издание журнала или рецензии. В этом разрешении ему постоянно отказывали. Имперское правительство всегда подозревало его после публикации "Социальной революции, продемонстрированной государственным переворотом".

Ближе к концу 1853 года Прудон опубликовал в Бельгии брошюру, озаглавленную "Философия прогресса". При всей своей безобидности, эта брошюра, которую Прудон пытался отправить во Францию, была изъята на границе. Жалобы Прудона оказались напрасными.

Империя выдавала гранты за грантами крупным компаниям. Финансовое общество, обратившееся за грантом на строительство железной дороги на востоке Франции, наняло Прудона для написания нескольких мемуаров в поддержку этого требования. Грант был предоставлен другой компании. Автору было предложено отступное в качестве компенсации, которое должно было быть выплачено (как это было принято в таких случаях) компанией, получившей грант. Излишне говорить, что Прудон ничего бы не принял. Затем, желая объяснить общественности, а также правительству, какую цель он имел в виду, он опубликовал работу, озаглавленную "Реформы, которые необходимо провести в управлении железными дорогами".

Ближе к концу 1854 года Прудон уже начал свою книгу о "Справедливости", когда у него случился сильный приступ холеры, от которого он оправился с большим трудом. С тех пор его здоровье оставалось слабым.

Наконец, 22 апреля 1858 года он опубликовал в трех больших томах важный труд, над которым работал с 1854 года. Эта работа имела два названия: первое - "Справедливость в революции и Церкви"; второе - "Новые принципы практической философии, адресованные Его Высочеству монсеньору Матье, кардиналу-архиепископу Безансона". 27 апреля, когда у нас едва хватило времени прочесть произведение, мировой судья издал приказ о его изъятии; 28-го изъятие было произведено. На этот первый акт магистратуры автор инкриминируемой книги ответил 11 мая сильно мотивированной петицией, требуя пересмотра конкордата 1802 года; или, другими словами, нового урегулирования отношений между Церковью и государством. По сути, это прошение было всего лишь логическим следствием самой работы. "Петиция в Сенат", вышедшая тиражом в тысячу экземпляров 17 мая, была расценена государственным обвинителем как отягчающее обстоятельство преступления или преступлений, обнаруженных в основной части работы, приложением к которой она являлась, и, в свою очередь, была изъята 23 мая. Первого июня автор обратился к Сенату со второй "Петицией", которая была передана на хранение вместе с первой в канцелярию секретаря Собрания, хранителя и гарантии, согласно конституции 1852 года, принципов 89-го года. 2 июня, когда два процесса были объединены, Прудон предстал перед судом вместе со своим издателем, печатником книги и печатником петиции, чтобы выслушать приговор полицейского магистрата, который приговорил его к трем годам тюремного заключения, штрафу в четыре тысячи франков и запрещению его творчества. Излишне говорить, что издатель и печатники также были осуждены шестой палатой.

Прудон подал апелляцию; он написал мемуары, которые закон 1819 года, при отсутствии которых он подвергся бы новому судебному преследованию, давал ему право опубликовать до слушания дела. Решив воспользоваться разрешенными законом средствами, он тщетно уговаривал печатников, которые вместе с ним подвергались судебному преследованию, оказать ему помощь. Затем он потребовал от генерального прокурора Ше д'Эст Анж заявления о том, что двадцать третья статья закона от 17 мая 1819 года допускает письменную защиту и что печатник не рискует печатать ее. Генеральный прокурор наотрез отказался. Затем Прудон отправился в Бельгию, где напечатал свою защиту, которая, конечно, не могла пересечь французскую границу. Этот мемуар по праву может быть поставлен в один ряд с лучшими произведениями Бомарше; он озаглавлен: "Правосудие, осуществляемое Церковью; Апелляция на приговор, вынесенный П. Ж. Прудону магистратом полиции Сены 2 июня 1858 года". Очень подробное обсуждение оснований для решения шестой палаты, в то же время это было прекрасным резюме его великой работы.

Оказавшись в Бельгии, Прудон не преминул остаться там. В 1859 году, после всеобщей амнистии, последовавшей за итальянской войной, он сначала подумал, что включен в нее. Но имперское правительство, проконсультировавшись с его друзьями, уведомило его, что, по его мнению, и несмотря на противоположный совет г-на Фостена Хели, его осуждение не носило политического характера. Прудон, таким образом, причисленный правительством к авторам аморальных произведений, считал ниже своего достоинства протестовать и терпеливо ждал наступления 1863 года, которое позволило бы ему вернуться во Францию.

В Бельгии, где у него не замедлили завязаться новые дружеские отношения, он опубликовал в 1859-60 годах отдельными частями новое издание своего великого труда "Справедливость". Каждый номер содержал, в дополнение к первоначальному тексту, тщательно просмотренному и исправленному, многочисленные пояснительные примечания и некоторые "Вести о революции". В этих новостях, которые образуют своего рода обзор прогресса идей в Европе, Прудон с грустью утверждает, что Франция, долгое время шедшая во главе прогрессивных наций, стала, по-видимому, сама того не подозревая, самой отсталой из наций; и он не раз считал, что ей серьезно угрожает моральная смерть.

Война в Италии побудила его написать новую работу, которую он опубликовал в 1861 году под названием "Война и мир". Эта работа, в которой, идя вразрез со множеством идей, принятых до тех пор без рассмотрения, он впервые выступил против восстановления аристократической и священнической Польши и против установления унитарного правительства в Италии, создала ему множество врагов. Большинство его друзей, сбивые с толку его категорическим утверждением права на применение силы, уведомили его, что они решительно не одобряют его новую публикацию. "Вы видите, - торжествующе восклицали те, с кем он всегда боролся, - этот человек всего лишь софист".

Побуждаемый своими предыдущими исследованиями проверять все с помощью вопроса о праве, Прудон в своей "Войне и мире" спрашивает, существует ли реальное право, подтверждением которого является война, а демонстрацией - победа. Это право, которое он грубо называет правом сильнейшего или правом силы и которое, в конце концов, является лишь правом наиболее достойных на предпочтение в известных определенных случаях, существует, говорит Прудон, независимо от войны. Она не может быть законно подтверждена, за исключением случаев, когда необходимость явно требует подчинения одной воли другой и в тех пределах, в которых она существует; то есть, никогда не предполагая порабощения одной другой. Среди наций право большинства, которое является лишь следствием права силы, так же неприемлемо, как и всеобщая монархия. Следовательно, до тех пор, пока не будет установлено и признано равновесие между государствами или национальными силами, должна продолжаться война. Война, говорит Прудон, не всегда необходима для определения того, какая сторона сильнее; и ему не составляет труда доказать это на примерах, взятых из семьи, мастерской и других мест. Переходя затем к изучению войны, он доказывает, что на практике она никоим образом не соответствует тому, какой она должна быть согласно его теории права силы. Систематические ужасы войны, естественно, заставляют его искать для нее причину, отличную от отстаивания этого права; и только тогда экономист берет на себя смелость разоблачить эту причину перед теми, кто, как и он сам, хочет мира. Необходимость поиска за границей компенсации за страдания, причиняемые каждой нации отсутствием экономического равновесия, является, согласно Прудону, всегда реальной, хотя и всегда скрываемой причиной войны. Страницы, посвященные этому доказательству и его теории бедности, которую он четко отличает от нищеты и пауперизма, проливают совершенно новый свет на философию истории. Что касается вывода автора, то он очень прост. Со времен Вестфальского мирного договора, и особенно после международных договоров 1815 года, международным правом Европы было равновесие. Теперь остается не разрушать его, но, сохраняя его, мирно трудиться в каждой защищенной им нации ради равновесия экономических сил. Последняя строка книги, очевидно, написанная для того, чтобы сдерживать имперские амбиции, звучит так: "Человечество больше не хочет войн".

В 1861 году, после экспедиции Гарибальди и битвы при Кастельфидардо, Прудон сразу понял, что установление итальянского единства нанесет серьезный удар по европейскому равновесию. Главным образом для того, чтобы сохранить это равновесие, он так энергично высказался в пользу итальянской федерации, хотя поначалу это должна была быть всего лишь федерация монархов. Напрасно возражали, что, будучи установленным Францией, итальянское единство нарушит европейское равновесие в нашу пользу. Прудон, апеллируя к истории, показал, что каждое государство, нарушающее равновесие в свою пользу, только заставляет другие государства объединяться против него и тем самым уменьшает свое влияние и мощь. Он добавил, что, поскольку нации по своей сути эгоистичны, Италия не преминет, когда представится возможность, поставить свои интересы выше своей благодарности.

Поддерживать европейское равновесие путем уменьшения крупных государств и умножения малых; объединять последние в организованные федерации не для нападения, а для обороны; и с помощью этих федераций, которые, если бы они еще не были республиканскими, быстро стали бы таковыми, держать в узде великие военные монархии, — такова была в начале 1861 года политическая программа Прудона.

Цель федераций, сказал он, будет заключаться в том, чтобы гарантировать, насколько это возможно, благодетельное царство мира; и они будут иметь дальнейший эффект обеспечения в каждой нации торжества свободы над деспотизмом. Там, где находится самое крупное унитарное государство, свобода находится в наибольшей опасности; более того, если это государство демократическое, следует опасаться деспотизма без противовеса большинству. С федерацией все обстоит не так. Всеобщее избирательное право федеративного государства сдерживается всеобщим избирательным правом федеративных Штатов; а последнее, в свою очередь, компенсируется СОБСТВЕННОСТЬЮ, оплотом свободы, который оно стремится не разрушить, а уравновесить институтами МУТУАЛИЗМА.

Все эти идеи и многие другие, на которые Прудон лишь намекал в своей работе "Война и мир", были развиты Прудоном в его последующих публикациях, одна из которых имеет своим девизом: "Всегда реформы, никогда утопии". Мыслитель, очевидно, завершил свою эволюцию.

Государственный совет кантона Во предложил призы за эссе по вопросу налогообложения, ранее обсуждавшемуся на конгрессе в Лозанне, Прудон вступил в ряды и получил первую премию. Его мемуары были опубликованы в 1861 году под названием "Теория налогообложения".

Примерно в то же время он написал в Брюсселе в "L'Office de Publicite" несколько замечательных статей по вопросу о литературной собственности, который обсуждался на конгрессе, проходившем в Бельгии, эти статьи не следует путать с "Литературными майоратами", более полным трудом на ту же тему, который был опубликован в 1863 году, вскоре после его возвращения во Францию.

Произвольно освобожденный от амнистии 1859 года, Прудон был помилован два года спустя специальным актом. Он не хотел пользоваться этой милостью и, казалось, решил остаться в Бельгии до 2 июня 1863 года, когда он должен был получить привилегию выписываться по рецепту, когда абсурдный и нелепый бунт, вызванный в Брюсселе опубликованной им статьей о федерации и единстве в Италии, побудил его ускорить свое возвращение во Францию. В дом, в котором он жил, в предместье Иксель, были брошены камни. Разместив жену и дочерей в

безопасности у своих друзей в Брюсселе, он прибыл в Париж в сентябре 1862 года и опубликовал там брошюру "Федерация и единство Италии", которая, естественно, начинается со статьи, послужившей предлогом для бунтовщиков в Брюсселе.

Среди работ, начатых Прудонем во время пребывания в Бельгии, закончить которые смерть не позволила ему, мы должны упомянуть "Историю Польши", которая будет опубликована позже; и "Теорию собственности", вышедшую в 1865 году, до "Евангелий с комментариями" и после тома, озаглавленного "Принцип искусства и его социальное предназначение".

Публикациями Прудона в 1863 году были: 1. "Литературные мажораты: рассмотрение законопроекта, имеющего целью создание бессрочной монополии в интересах авторов, изобретателей и художников"; 2. "Федеративный принцип и необходимость восстановления Революционной партии"; 3. "Присяжные демократы и огнеупорные материалы"; 4. "Прекратили ли свое существование Договоры 1815 года?" Акты будущего Конгресса".

Болезнь, которой было суждено убить его, становилась все хуже и хуже; но Прудон трудился постоянно!.... Серия статей, опубликованных в 1864 году в "Парижском вестнике", была собрана в брошюру под названием "Новые наблюдения за итальянским единством". Он надеялся опубликовать в том же году свою работу "Политический потенциал рабочего класса", но не смог написать последнюю главу.... Он постоянно слабел. Его врач прописал ему покой. В августе он отправился во Франш-Конте, где провел месяц. Вернувшись в Париж, он с трудом возобновил свою работу.... Начиная с декабря месяца, болезнь сердца быстро прогрессировала; угнетение стало невыносимым, его ноги распухли, и он не мог спать....

19 января 1865 года он умер около двух часов ночи на руках своей жены, свояченицы и друга, который пишет эти строки....

Публикация его переписки, которой беззаветно предана его дочь Кэтрин, несомненно, повысит его репутацию как мыслителя, как писателя и как честного человека.

Ж. А. ЛАНГЛУА.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Следующее письмо послужило предисловием к первому изданию этих мемуаров:

"Членам Безансонской академии"

ПАРИЖ, 30 июня 1840 года.

"ДЖЕНТЛЬМЕНЫ, в ходе ваших дебатов 9 мая 1833 года по поводу трехгодичной пенсии, учрежденной мадам Сюар, вы выразили следующее пожелание:

"Академия просит титулярия представлять ее ежегодно, в течение первых двух недель июля, с кратким и логичным изложением различных исследований, которые он проводил в течение только что истекшего года".

- Теперь я предлагаю, джентльмены, выполнить этот долг.

"Когда я просил ваших голосов, я смело заявил о своем намерении направить свои усилия на открытие каких-либо средств УЛУЧШЕНИЯ ФИЗИЧЕСКОГО, МОРАЛЬНОГО И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ПРОСТО МНОГОЧИСЛЕННЫХ И БЕДНЕЙШИХ КЛАССОВ. Эта идея, какой бы чуждой она ни казалась объекту моей кандидатуры, была воспринята вами благосклонно; и благодаря драгоценному отличию, которым вы имели удовольствие меня удостоить, вы превратили это официальное предложение в нерушимое и священное обязательство. С тех пор я понял, с каким достойным обществом мне приходится иметь дело: мое уважение к его просвещенности, мое признание его преимуществ, мой энтузиазм по поводу его славы были безграничны.

Сразу убедившись, что для того, чтобы сойти с проторенных путей мнений и систем, необходимо продолжать изучение человека и общества научными методами и неукоснительно, я посвятил один год филологии и грамматике; лингвистика, или естественная история речи, будучи из всех наук той, которая лучше всего соответствовала складу моего ума, казалось, имела самое близкое отношение к исследованиям, которые я собирался начать. Написанный в этот период трактат по одному из самых интересных вопросов сравнительной грамматики,² если он и не показал поразительного успеха, то, по крайней мере, засвидетельствовал тщательность моих трудов.

С тех пор метафизика и наука о морали были моими единственными занятиями; мое осознание того факта, что эти науки, хотя и плохо определены относительно своего объекта и не ограничены своей сферой, подобно естественным наукам, поддаются демонстрации и достоверности, уже вознаградило мои усилия.

- Но, джентльмены, из всех учителей, которым я следовал, никому я не обязан так много, как вам. Ваше сотрудничество, ваши программы, ваши инструкции, согласующиеся с моими тайными желаниями и самыми заветными надеждами, никогда не переставали просвещать меня и указывать мой путь; эти мемуары о собственности - порождение вашей мысли.

"В 1838 году Безансонская академия поставила следующий вопрос: КАКИМ ПРИЧИНАМ МЫ ДОЛЖНЫ ПРИПИСАТЬ ПОСТОЯННО РАСТУЩЕЕ ЧИСЛО САМОУБИЙСТВ И КАКОВЫ НАДЛЕЖАЩИЕ СРЕДСТВА ДЛЯ ПРЕСЕЧЕНИЯ ПОСЛЕДСТВИЙ ЭТОЙ МОРАЛЬНОЙ ЗАРАЗЫ?

Таким образом, в менее общих выражениях был задан вопрос о том, что является причиной социального зла и каково средство от него? Вы сами признали это, джентльмены, когда ваш комитет сообщил, что конкурсанты с точностью перечислили непосредственные и частные причины самоубийств, а также средства предотвращения каждой из них; но из этого перечисления, более или менее умело составленного, не было получено никакой положительной информации ни об основной причине зла, ни о способах его устранения.

"В 1839 году ваша программа, всегда оригинальная и разнообразная в своем академическом выражении, стала более точной. Расследования 1838 года указали в качестве причин или, скорее, симптомов социальной болезни на пренебрежение принципами религии и морали,

стремление к богатству, страсть к удовольствиям и политические беспорядки. Все эти данные были воплощены вами в одном предложении: *ПОЛЕЗНОСТЬ ПРАЗДНОВАНИЯ ВОСКРЕСЕНЬЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ГИГИЕНЫ, МОРАЛИ, СОЦИАЛЬНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ*.

- Джентльмены, выражаясь христианским языком, вы спросили, какова истинная система общества. Конкурент 3 осмелился утверждать и считал, что доказал, что установление дня отдыха с еженедельными интервалами неразрывно связано с политической системой, основанной на равенстве условий; что без равенства этот институт является аномалией и невозможностью: что только равенство может возродить это древнее и таинственное соблюдение седьмого дня. Этот аргумент не встретил вашего одобрения, поскольку, не отрицая связи, указанной участником, вы рассудили, и справедливо, джентльмены, что принцип равенства условий не был продемонстрирован, идеи автора были не более чем гипотезами.

Наконец, джентльмены, этот фундаментальный принцип равенства вы представили на конкурс в следующих выражениях: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И МОРАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВО ФРАНЦИИ ДО НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ И ТЕ, КОТОРЫЕ, ПО-ВИДИМОМУ, ПОЯВЯТСЯ В БУДУЩЕМ, ЗАКОНА О РАВНОМ РАЗДЕЛЕ НАСЛЕДСТВЕННОГО ИМУЩЕСТВА МЕЖДУ ДЕТЬМИ.

"Вместо того, чтобы ограничиваться общими местами без широты или значимости, мне кажется, что ваш вопрос следует сформулировать следующим образом:—

"Если закон смог сделать право наследования общим для всех детей одного отца, не может ли он сделать его равным для всех его внуков и правнуков?

"Если закон больше не учитывает возраст кого-либо из членов семьи, не может ли он, по праву наследования, перестать учитывать это в расе, в племени, в нации?

"Может ли равенство по праву наследования быть сохранено между гражданами, а также между двоюродными братьями? Одним словом, может ли принцип преемственности стать принципом равенства?

Резюмируем все эти идеи в одном всеобъемлющем вопросе: каков принцип наследственности? Каковы основы неравенства? Что такое собственность?

Такова, джентльмены, цель мемуаров, которые я предлагаю вам сегодня.

"Если я правильно уловил предмет вашей мысли; если мне удастся выявить истину, которая бесспорна, но по причинам, которые я имею смелость заявить, что объяснил, всегда понимались неправильно; если с помощью безошибочного метода исследования я установлю догму равенства условий; если я определю принцип гражданского права, сущность справедливости и форму общества; если я навсегда уничтожу собственность, — вам, джентльмены, достанется вся слава, ибо именно вашей помощи и вашему вдохновению я обязан этим .

"Моя цель в этой работе - применение метода к проблемам философии; любое другое намерение чуждо ему и даже противоречит ему.

"Я легкомысленно отозвался о юриспруденции: я имел на это право; но я был бы несправедлив, если бы не проводил различия между этой мнимой наукой и людьми, которые ею занимаются. Преданные кропотливой и суровой учебе, заслуживающие во всех отношениях уважения своих

сограждан благодаря своим знаниям и красноречию, наши легисты заслуживают только одного упрека - чрезмерного уважения к произвольным законам.

"Я был безжалостен в своей критике экономистов: признаюсь, что в целом они мне не нравятся. Высокомерие и пустота их сочинений, их дерзкая гордыня и их неоправданные ошибки вызвали у меня отвращение. Тот, кто, зная их, прощает их, может прочитать их.

"Я сурово обвинил ученую христианскую церковь: это был мой долг. Это обвинение вытекает из фактов, на которые я обращаю внимание: почему Церковь приняла решение относительно вещей, которых она не понимает? Церковь допустила ошибку в догмах и морали; физика и математика свидетельствуют против нее. Возможно, с моей стороны неправильно говорить это, но, безусловно, к несчастью для христианства, это правда. Чтобы восстановить религию, джентльмены, необходимо осудить Церковь.

Возможно, вы пожалеете, джентльмены, что, уделяя все свое внимание методу и доказательствам, я слишком пренебрегал формой и стилем: напрасно я пытался добиться большего. Литературной надежды и веры у меня нет. Девятнадцатый век, в моих глазах, - это генетическая эпоха, в которой разрабатываются новые принципы, но в которой ничто из написанного не устоит. Вот причина, на мой взгляд, почему среди стольких талантливых людей во Франции сегодня нет ни одного великого писателя. В обществе, подобном нашему, стремление к литературной славе кажется мне анахронизмом. Какой смысл взывать к древней сивилле, когда муза находится накануне рождения? Жалкие актеры в трагедии, близящейся к концу, то, что нам подобает сделать, - это ускорить катастрофу. Самый достойный среди нас тот, кто лучше всех сыграет эту роль. Что ж, я больше не стремлюсь к этому печальному успеху!

- Почему бы мне не признаться в этом, джентльмены? Я стремился к вашим избирательным правам и добивался звания вашего пенсионера, ненавидя все существующее и вынашивая планы его разрушения; я закончу это расследование в духе спокойного и философского смирения. Я обрел больше покоя от знания истины, чем гнева от чувства угнетения; и самым ценным плодом, который я мог бы пожелать извлечь из этих мемуаров, было бы вдохновение моих читателей тем душевным спокойствием, которое возникает из ясного осознания зла и его причины и которое гораздо сильнее страсти и энтузиазма. Моя ненависть к привилегиям и человеческому авторитету была безгранична; возможно, временами в своем негодовании я был виновен в смешении людей и вещей; в настоящее время я могу только презирать и жаловаться; чтобы перестать ненавидеть, мне нужно было только знать.

"Теперь дело за вами, джентльмены, чья миссия и характер заключаются в провозглашении истины, дело за вами - наставлять людей и говорить им, на что они должны надеяться и чего им следует бояться. Люди, неспособные пока здраво судить о том, что для них лучше, аплодируют без разбора самым противоположным идеям, при условии, что в них они почувствуют привкус лести: для них законы мышления подобны границам возможного; сегодня они могут отличить ученого от софиста не больше, чем раньше могли отличить врача от колдуна. "Бесцеремонно принимая, собирая воедино и аккумулируя все новое, считая все сообщения правдивыми и несомненными, при дуновении или звоне новизны они собираются, как пчелы при звуке воды в бассейне". 4

"Пусть вы, джентльмены, стремитесь к равенству так же, как я сам стремлюсь к нему; пусть вы, ради вечного счастья нашей страны, станете его пропагандистами и глашатаями; пусть я буду

последним из ваших пенсионеров! Из всех пожеланий, которые я могу высказать, это, джентльмены, самое достойное для вас и самое почетное для меня.

"Я, с глубочайшим уважением и самой искренней благодарностью,

"Ваш пенсионер,

"П. Ж. ПРУДОН".

Через два месяца после получения этого письма Академия на своих прениях от 24 августа ответила в адрес своего пенсионера запиской, текст которой я привожу ниже:—

"Член Академии обращает внимание на брошюру, опубликованную в июне прошлого года титульным директором пансиона Суард под названием "Что такое собственность?" и посвященную автором Академии. Он придерживается мнения, что общество обязано ради справедливости, примера и собственного достоинства публично снять с себя всякую ответственность за антисоциальные доктрины, содержащиеся в этой публикации. Вследствие этого он требует:

1. Что Академия самым официальным образом дезавуирует и осуждает работу пенсионера Суарда как опубликованную без ее согласия и как приписывающую ей мнения, диаметрально противоположные принципам каждого из ее членов;

"2. Чтобы пенсионеру было предъявлено обвинение в том, что в случае публикации второго издания его книги он должен опустить посвящение;

"3. Чтобы это решение Академии было занесено в протокол.

"Эти три предложения, поставленные на голосование, принимаются".

После этого смехотворного указа, которому его авторы хотели придать силу, придав ему форму противоречия, я могу только попросить читателя не измерять интеллект моих соотечественников интеллектом нашей Академии.

В то время как мои покровители в области социальных и политических наук осыпали анафемой мою брошюру, человек, который не был знаком с Франш-Конте, который не знал меня, который, возможно, даже считал себя лично оскорбленным слишком резким суждением, которое я высказал об экономистах, публицист столь же образованный, сколь и скромный, любимый людьми, чьи горести он ощущал, почитаемый властью, которую он стремился просветить, не льстя и не позоря ее, г—н Бланки — член Института, профессор политической экономии, защитник собственности - взялся за эту брошюру. он защищал меня перед его коллегами и министерством и спас меня от ударов правосудия, которое всегда слепо, потому что оно всегда невежественно.

Мне кажется, что читатель с удовольствием прочтет письмо, которое г-н Бланки оказал мне честь написать после публикации моих вторых мемуаров, письмо, столь же почетное для его автора, сколь и лестное для того, кому оно адресовано.

"ПАРИЖ, 1 мая 1841 года.

"МЕСЬЕ, спешу поблагодарить вас за то, что вы прислали мне свои вторые мемуары о собственности. Я прочел его со всем интересом, который, естественно, вызвало бы знакомство с первым. Я очень рад, что вы несколько смягчили грубость формы, которая придавала такому серьезному произведению вид памфлета; ибо вы весьма напугали меня, сэр, и понадобился ваш талант, чтобы убедить меня в ваших намерениях. Никто не тратит столько реальных знаний с целью разжечь огонь в своей стране. Это положение, которое теперь становится достоянием внимания — СОБСТВЕННОСТЬ — ЭТО ГРАБЕЖ! - по своей природе могло оттолкнуть от вашей книги даже тех серьезных умов, которые не судят по внешнему виду, если бы вы настаивали на его грубой простоте. Но если вы смягчили форму, вы тем не менее менее верны основам своей доктрины; и хотя вы оказали мне честь, предоставив мне участие в этом опасном учении, я не могу принять партнерство, которое, насколько это возможно, сделало бы мне честь, но которое скомпрометировало бы меня во всех других отношениях.

"Я согласен с вами только в одном, а именно в том, что в этом мире слишком часто злоупотребляют всеми видами собственности. Но я не рассуждаю от злоупотребления к отмене — героическому средству, слишком похожему на смерть, которое излечивает все зло. Я пойду дальше: я признаюсь, что из всех злоупотреблений самым ненавистным для меня является злоупотребление собственностью; но, повторяю, есть средство от этого зла, не нарушающее его, тем более не уничтожающее его. Если нынешние законы допускают злоупотребления, мы можем их реконструировать. Наш гражданский кодекс - это не Коран; нет ничего плохого в том, чтобы изучить его. Измените, в таком случае, законы, регулирующие использование собственности, но будьте осторожны с анафемами; ибо, по логике вещей, где тот честный человек, руки которого совершенно чисты? Неужели вы думаете, что можно быть грабителем, не зная этого, не желая этого, не подозревая об этом? Разве вы не признаете, что общество в его нынешнем состоянии, как и каждый человек, имеет в своем составе всевозможные добродетели и пороки, унаследованные от наших предков? Является ли собственность, таким образом, в ваших глазах вещью настолько простой и абстрактной, что вы можете заново замесить и уравнивать ее, если можно так выразиться, на вашей метафизической мельнице? Тот, кто сказал столько превосходных и практичных вещей, сколько содержится в этих двух ваших прекрасных и парадоксальных импровизациях, не может быть чистым и непоколебимым утопистом. Вы слишком хорошо знакомы с экономической и академической фразеологией, чтобы играть жесткими словами революций. Тогда я полагаю, что вы обращались с собственностью так же, как Руссо восемьдесят лет назад обращался с письмами, великолепно и поэтично проявив остроумие и знания. Таково, по крайней мере, мое мнение.

"Именно это я сказал Институту в то время, когда представлял свой отчет о вашей книге. Я знал, что они хотели возбудить против вас дело в суде; вы, возможно, не знаете, с каким трудом мне удалось предотвратить это. 5 Какое огорчение я всегда испытывал бы, если бы королевский советник, то есть интеллектуальный палач, пошел по моим следам, чтобы напасть на вашу книгу и досадить вам лично! Я действительно провел две ужасные ночи, и мне удалось сдержать светскую руку, только показав, что ваша книга была академической диссертацией, а не манифестом подстрекателя. Ваш стиль слишком возвышен, чтобы когда-либо служить безумцам, которые, обсуждая самые серьезные вопросы нашего общественного устройства, используют брусчатку в качестве оружия. Но проследите, сэр, чтобы вскоре они не пришли, вопреки вам, за боеприпасами к этому грозному арсеналу и чтобы ваша энергичная метафизика не попала в руки какого-нибудь рыночного софиста, который мог бы обсуждать этот вопрос в присутствии изголодавшейся публики: у нас будет добыча для заключения и осуждения.

"Я так же глубоко, как и вы, сэр, переживаю злоупотребления, на которые вы указываете; но я испытываю такую сильную привязанность к порядку — не к тому обычному и строгому порядку, которым довольна полиция, а к величественному и внушительному порядку человеческих обществ, — что иногда мне неловко нападать на определенные злоупотребления. Мне нравится восстанавливать одной рукой, когда я вынужден разрушать другой. Подрезая старое дерево, мы предохраняемся от разрушения почек и плодов. Вы знаете это не хуже любого другого. Вы мудрый и образованный человек; у вас вдумчивый ум. Термины, которыми вы характеризуете фанатиков наших дней, достаточно сильны, чтобы успокоить самое подозрительное воображение относительно ваших намерений; но вы делаете вывод в пользу отмены собственности! Вы хотите уничтожить самый мощный двигатель человеческого разума; вы нападаете на отцовское чувство в его сладчайших иллюзиях; одним словом вы останавливаете накопление капитала, и отныне мы строим на песке, а не на камне. С этим я не могу согласиться; и по этой причине я раскритиковал вашу книгу, такую полную прекрасных страниц, такую блестящую знаниями и пылом!

"Я хотел бы, сэр, чтобы мое пошатнувшееся здоровье позволило мне изучить вместе с вами страницу за страницей мемуары, которые вы оказали мне честь адресовать публично и лично; думаю, я мог бы высказать несколько важных критических замечаний. На данный момент я должен ограничиться тем, что поблагодарю вас за добрые слова, которыми вы сочли нужным отозваться обо мне. Каждому из нас присуща искренность; я желаю также благоразумия. Вы знаете, как глубоко укоренилась болезнь, от которой страдают рабочие; я знаю, сколько благородных сердец бьется под этими грубыми одеждами, и я испытываю непреодолимую и братскую симпатию к тысячам храбрых людей, которые встают рано утром, чтобы трудиться, платить налоги и делать нашу страну сильной. Я стараюсь служить им и просвещать, в то время как некоторые пытаются ввести их в заблуждение. Вы писали не для них напрямую. Вы опубликовали два великолепных манифеста, второй из которых более сдержанный, чем первый; опубликуйте третий, более сдержанный, чем второй, и вы займете высокое положение в науке, первой заповедью которой является спокойствие и беспристрастность.

Прощайте, сэр! Ни одно человеческое уважение к другому не может превзойти моего к вам.

"БЛАНКИ".

Мне, конечно, следовало бы сделать некоторые исключения из этого благородного и красноречивого письма; но, признаюсь, я больше склонен осознать предсказание, которым оно заканчивается, чем без необходимости увеличивать число моих противников. Столько споров утомляет меня. Интеллект, расходуемый на словесную войну, подобен тому, что используется в битве: это потраченный впустую интеллект. Г-н Бланки признает, что собственностью злоупотребляют многими пагубными способами; я называю СОБСТВЕННОСТЬЮ исключительно сумму этих злоупотреблений. Каждому из нас объект недвижимости кажется многоугольником, углы которого нужно скостить; но после проведенной операции мсье Бланки утверждает, что фигура все равно будет многоугольником (гипотеза, принятая в математике, хотя и не доказанная), в то время как я считаю, что эта фигура будет кругом. Честные люди, по крайней мере, могут понимать друг друга.

В остальном я допускаю, что при нынешнем состоянии вопроса разум может законно колебаться, прежде чем принять решение в пользу отмены собственности. Чтобы добиться победы своего дела, недостаточно просто ниспровергнуть общепризнанный принцип,

неоспоримым достоинством которого является систематическое повторение наших политических теорий; необходимо также установить противоположный принцип и сформулировать систему, которая должна исходить из него. Далее, необходимо показать метод, с помощью которого новая система удовлетворит все моральные и политические потребности, которые побудили к установлению первой. Таким образом, от следующих условий последующего доказательства зависит правильность моих предыдущих аргументов:

Открытие системы абсолютного равенства, в которой все существующие институты, за исключением собственности или совокупности злоупотреблений собственностью, не только могут найти себе место, но и сами могут служить инструментами равенства: свобода личности, разделение властей, государственное служение, система присяжных, административная и судебная организация, единство и полнота обучения, брак, семья, наследование в прямом и побочном порядке, право продажи и обмена, право составлять завещание и даже право первородства, — система, которая лучше, чем собственность, гарантирует накопление капитала и поддерживает мужество всех; которая с превосходной точки зрения объясняет, исправляет и дополняет теории ассоциации, предложенные до сих пор, от Платона и Пифагора до Бабефа, Сен-Симона и Фурье; система, наконец, которая, служа средством перехода, применима непосредственно.

Я знаю, что такая обширная работа требует объединенных усилий двадцати Монтескье; тем не менее, если ее не поручить закончить одному человеку, то начать это предприятие может один человек. Дороги, которую ему предстоит пройти, будет достаточно, чтобы показать конец и гарантировать результат.

ЧТО ТАКОЕ СОБСТВЕННОСТЬ? ИЛИ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРИНЦИПА ПРАВА И ПРАВЛЕНИЯ

ПЕРВЫЕ МЕМУАРЫ.

Adversus hostem aeterna auctertas esto.

Борьба с врагом вечна. ЗАКОН
ДВЕНАДЦАТИ ТАБЛИЦ.

ГЛАВА I. МЕТОД, ПРИМЕНЯЕМЫЙ В ЭТОЙ РАБОТЕ.—ИДЕЯ РЕВОЛЮЦИИ.

Если бы меня попросили ответить на следующий вопрос: ЧТО ТАКОЕ РАБСТВО? и я ответил бы одним словом "ЭТО УБИЙСТВО", мой смысл был бы понят сразу. Не потребовалось бы никаких пространных аргументов, чтобы показать, что власть отнимать у человека его мысли, его волю, его личность - это власть над жизнью и смертью; и что поработить человека - значит убить его. Зачем же тогда отвечать на этот другой вопрос: ЧТО ТАКОЕ СОБСТВЕННОСТЬ? не могу ли я аналогичным образом ответить, ЧТО ЭТО ГРАБЕЖ, без уверенности быть неправильно понятым; второе предложение является не чем иным, как трансформацией первого?

Я берусь обсудить жизненно важный принцип нашего правительства и наших институтов - собственность: я в своем праве. Я могу ошибаться в выводах, которые придут к результатам моего расследования: я в своем праве. Думаю, лучше всего поставить на первое место последнюю мысль моей книги: я все еще в своем праве.

Такой автор учит, что собственность — это гражданское право, порожденное занятием и санкционированное законом; другой утверждает, что это естественное право, берущее начало в труде, - и обе эти доктрины, какими бы противоположными они ни казались, поощряются и приветствуются. Я утверждаю, что ни труд, ни профессия, ни закон не могут создать собственность; что это следствие без причины: заслуживаю ли я порицания?

Но возникает ропот!

СОБСТВЕННОСТЬ - ЭТО ГРАБЕЖ! Это боевой клич 93-го! Это сигнал революций!

Читатель, успокойся: я не сеятель раздора, не подстрекатель к мятежу. Я опережаю ход истории на несколько дней; я раскрываю истину, развитие которой мы, возможно, тщетно пытаемся остановить; я пишу преамбулу нашей будущей конституции. Это положение, которое кажется вам богохульным — СОБСТВЕННОСТЬ ЕСТЬ ГРАБЕЖ, — было бы, если бы наши предрассудки позволяли нам рассматривать его, признано громоотводом, защищающим нас от надвигающейся молнии; но на пути стоит слишком много интересов!... Увы! философия не изменит ход событий: судьба исполнится сама собой, независимо от пророчества. Кроме того, разве не должно восторжествовать правосудие и завершиться наше образование?

СОБСТВЕННОСТЬ - ЭТО ГРАБЕЖ!... Какая революция в человеческих идеях! СОБСТВЕННИК и ГРАБИТЕЛЬ во все времена были выражениями столь же противоречивыми, сколь враждебны существа, которых они обозначают; все языки увековечили это противопоставление. На каком основании вы тогда осмеливаетесь нападать на всеобщее согласие и обвинять во лжи человечество? Кто ты такой, чтобы подвергать сомнению суд народов и эпох?

Какое значение для тебя, читатель, имеет моя неясная индивидуальность? Я, как и ты, живу в век, в котором разум подчиняется только фактам и очевидностям. Меня, как и вас, зовут ИСКАТЕЛЬ ИСТИНЫ. 6 Моя миссия записана в этих словах закона: ГОВОРИ БЕЗ НЕНАВИСТИ И СТРАХА; РАССКАЗЫВАЙ ТО, ЧТО ТЫ ЗНАЕШЬ! Работа нашей расы состоит в том, чтобы построить храм науки, и эта наука включает в себя человека и Природу. Теперь истина открывается всем: сегодня Ньютону и Паскалю, завтра пастуху в долине и подмастерью в лавке. Каждый вносит свой камень в здание и, выполнив свою задачу, исчезает. Вечность предшествует нам, вечность следует за нами: между двумя бесконечностями, какое значение имеет один бедный смертный, чтобы столетие интересовалось им?

Тогда не обращай внимания, читатель, на мой титул и моего персонажа и прислушивайся только к моим аргументам. Именно в соответствии со всеобщим согласием я берусь исправить всеобщую ошибку; исходя из МНЕНИЯ человечества, я взываю к его ВЕРЕ. Наберитесь смелости следовать за мной; и, если ваша воля свободна, если ваша совесть свободна, если ваш разум может объединить два утверждения и вывести из них третье, мои идеи неизбежно станут вашими. Начиная с того, что я даю вам свое последнее слово, моей целью было предостеречь вас, а не бросить вам вызов; ибо я уверен, что, прочитав меня, вы будете вынуждены согласиться. Вещи, о которых я должен говорить, настолько просты и ясны, что вы будете удивлены тем, что не поняли их раньше, и скажете: "Я пренебрегал размышлениями". Другие предлагают вам зрелище гения, вырывающего у природы ее секреты и раскрывающего перед вами ее возвышенные послания; здесь вы найдете только серию экспериментов над СПРАВЕДЛИВОСТЬЮ и ПРЯМОТОЙ, своего рода проверку весов и мер вашей совести. Операции должны проводиться у вас на глазах, и вы должны взвесить результат.

Тем не менее, я не создаю никакой системы. Я прошу положить конец привилегиям, отменить рабство, установить равенство прав и верховенство закона. Справедливость, и ничего больше; это альфа и омега моего аргумента: другим я оставляю дело управления миром.

Однажды я спросил себя: почему в обществе так много горя и невзгод? Неужели человек всегда должен быть несчастным? И, не удовлетворившись объяснениями, данными реформаторами, — одни приписывали всеобщее бедствие правительственной трусости и неспособности, другие — заговорщикам и эмигрантам, третьи — невежеству и всеобщей коррупции, — и устав от бесконечных споров "трибюн" и прессы, я попытался разобраться в этом вопросе сам. Я консультировался у магистров естественных наук; я прочел сотню томов философии, права, политической экономии и истории: молю Бога, чтобы я жил в столетие, в котором столько чтения было бесполезно! Я прилагал все усилия для получения точной информации, сравнивая доктрины, отвечая на возражения, постоянно строя уравнения и сокращения из аргументов и взвешивая тысячи силлогизмов на весах самой строгой логики. В этой кропотливой работе я собрал много интересных фактов, которыми поделюсь со своими друзьями и общественностью, как только у меня появится свободное время. Но я должен сказать, что я сразу понял, что мы никогда не понимали значения этих слов, таких распространенных и в то же время таких священных: СПРАВЕДЛИВОСТЬ, РАВНОПРАВИЕ, СВОБОДА; что относительно каждого из этих принципов наши представления были совершенно неясными; и, фактически, это невежество было единственной причиной как бедности, которая пожирает нас, так и всех бедствий, которые когда-либо обрушивались на человечество.

Мой разум был напуган этим странным результатом: я усомнился в своем рассудке. Что! сказал я, ты открыл то, чего не видел глаз, не слышало ухо, не проникало озарение! Негодяй, не принимай видения своего больного мозга за истины науки! Разве вы не знаете (так говорили великие философы), что в вопросах практической морали всеобщее заблуждение является противоречием?

Тогда я решил проверить свои аргументы; и, приступая к этой новой работе, я искал ответ на следующие вопросы: возможно ли, чтобы человечество так долго и так повсеместно ошибалось в применении моральных принципов? Как и почему он мог ошибиться? Как его ошибка, будучи универсальной, может быть исправлена?

Эти вопросы, от решения которых зависела достоверность моих выводов, не оказывали длительного сопротивления анализу. В главе V этой работы будет показано, что в морали, как и во всех других отраслях знания, самыми серьезными ошибками являются догмы науки; что даже в делах правосудия ошибаться - привилегия, облагораживающая человека; и что какие бы философские заслуги ни приписывались мне, они бесконечно малы. Назвать вещь легко: трудность состоит в том, чтобы распознать ее до того, как она появится. Выражая последнюю стадию идеи — идеи, которая пронизывает все умы, которая завтра будет провозглашена другим, если я не смогу объявить ее сегодня, - я не могу претендовать ни на какую заслугу, кроме приоритета высказывания. Восхваляем ли мы человека, который первым увидел рассвет?

Да: все люди верят и повторяют, что равенство условий тождественно равенству прав; что СОБСТВЕННОСТЬ и ГРАБЕЖ - синонимичные понятия; что любое социальное преимущество, предоставляемое или, скорее, узурпируемое во имя превосходства таланта или службы, является беззаконием и вымогательством. Я говорю, что все люди в своих сердцах свидетельствуют об этих истинах; их нужно только заставить понять это.

Прежде чем перейти непосредственно к стоящему передо мной вопросу, я должен сказать несколько слов о пути, по которому мне предстоит пройти. Когда Паскаль подходил к геометрической задаче, он изобретал метод решения; для решения философской проблемы в равной степени необходим метод. Что ж, насколько проблемы, рассматриваемые философией, превосходят по серьезности своих результатов проблемы, обсуждаемые геометрией! Насколько же более настоятельно они требуют для своего решения глубокого и строгого анализа!

Современные психологи утверждают, что это факт, никогда не подвергающийся сомнению, что каждое восприятие, получаемое умом, определяется определенными общими законами, которые управляют умом; сформировано, так сказать, в определенных типах, уже существующих в нашем понимании, и которые составляют его первоначальное состояние. Следовательно, говорят они, если у ума нет врожденных ИДЕЙ, то у него есть, по крайней мере, врожденные ФОРМЫ. Так, например, каждое явление с необходимостью воспринимается нами как происходящее во ВРЕМЕНИ и ПРОСТРАНСТВЕ, что вынуждает нас выводить ПРИЧИНУ его возникновения; каждая существующая вещь предполагает идеи СУБСТАНЦИИ, ВИДА, ОТНОШЕНИЯ, ЧИСЛА и т.д.; одним словом, мы не формируем идеи, которая не была бы связана с каким—либо одним из общих принципов разума, независимо от которых ничего не существует.

Эти аксиомы понимания, добавляют психологи, эти фундаментальные типы, с помощью которых неизбежно формируются все наши суждения и идеи и которые наши ощущения служат только

для освещения, известны в школах как КАТЕГОРИИ. Их изначальное существование в сознании сегодня продемонстрировано; их нужно только систематизировать и занести в каталог.

Аристотель признавал десять; Кант увеличил это число до пятнадцати; г—н Кузен сократил его до трех, до двух, до одного; и неоспоримая слава этого профессора будет обусловлена тем фактом, что, если он и не открыл истинную теорию категорий, то, по крайней мере, яснее, чем кто-либо другой, осознал огромную важность этого вопроса - величайшего и, возможно, единственного, с которым приходится иметь дело метафизике.

Я признаюсь, что не верю во врожденность не только ИДЕЙ, но также ФОРМ или ЗАКОНОВ нашего понимания; и я считаю метафизику Рида и Канта еще более удаленной от истины, чем метафизику Аристотеля. Однако, поскольку я не хочу вступать здесь в обсуждение разума, что потребовало бы большого труда и не представляло интереса для публики, я приму гипотезу о том, что наши самые общие и наиболее необходимые идеи — такие как время, пространство, субстанция и причина — изначально существуют в уме; или, по крайней мере, непосредственно вытекают из его строения.

Но тем не менее психологический факт, которому философы уделяли слишком мало внимания, заключается в том, что привычка, подобно второй натуре, обладает способностью фиксировать в уме новые категориальные формы, производные от впечатляющих нас явлений, которые обычно лишены объективной реальности, но влияние которых на наши суждения не менее предопределяющее, чем влияние исходных категорий. Следовательно, мы рассуждаем, руководствуясь ВЕЧНЫМИ и АБСОЛЮТНЫМИ законами нашего ума, и в то же время вторичными правилами, обычно ошибочными, которые подсказываются нам несовершенным наблюдением. Это самый питательный источник ложных предрассудков и постоянная и часто непреодолимая причина множества ошибок. Предвзятость, проистекающая из этих предрассудков, настолько сильна, что часто, даже когда мы боремся против принципа, который наш разум считает ложным, который противоречит нашему разуму и который не одобряет наша совесть, мы защищаем его, сами того не зная, мы рассуждаем в соответствии с ним и повинемся ему, одновременно нападая на него. Заключение в круг, наш разум вращается сам по себе до тех пор, пока новое наблюдение, порождающее в нас новые идеи, не привлечет внимание к внешнему принципу, который избавит нас от фантома, которым владеет наше воображение.

Таким образом, сегодня мы знаем, что по законам универсального магнетизма, причина которого до сих пор неизвестна, два тела (без каких-либо препятствий) стремятся соединиться под действием ускоренной движущей силы, которую мы называем ГРАВИТАЦИЕЙ. Именно гравитация заставляет тела без опоры падать на землю, придает им вес и привязывает нас к земле, на которой мы живем. Незнание этой причины было единственным препятствием, мешавшим древним верить в антиподов. "Разве вы не видите", - сказал св. Августин вслед за Лактанцием: "что, если бы под нашими ногами были люди, их головы были бы направлены вниз и они упали бы в небо?" Епископ Гиппонский, который считал землю плоской, потому что она казалась такой глазу, предположил, следовательно, что, если бы мы соединили прямыми линиями зенит с надиром в разных местах, эти линии были бы параллельны друг другу; и в направлении этих линий он прослеживал каждое движение сверху вниз. Отсюда он, естественно, пришел к выводу, что звезды были вращающимися факелами, установленными на небесном своде; что, если бы их предоставили самим себе, они упали бы на землю огненным дождем; что земля была одной обширной равниной, образующей нижнюю часть мира, и т. Д.

Если бы его спросили, чем поддерживается сам мир, он бы ответил, что не знает, но что для Бога нет ничего невозможного. Таковы были идеи св. Августина в отношении пространства и движения, идеи, закрепленные в нем предубеждением, проистекающим из внешнего вида и ставшим для него общим и категорическим правилом суждения. О причине, по которой падают тела, его разум ничего не знал; он мог только сказать, что тело падает потому, что оно падает.

У нас идея падения более сложная: к общим идеям пространства и движения, которые она подразумевает, мы добавляем идею притяжения или направления к центру, что дает нам более высокую идею причины. Но если физика полностью скорректировала наше суждение в этом отношении, мы все еще пользуемся предубеждением Св. Августин; и когда мы говорим, что предмет УПАЛ, мы не имеем в виду просто и вообще, что имело место действие тяготения, но специально и в частности то, что это движение имело место по направлению к земле и СВЕРХУ ВНИЗ. Наш разум напрасно просвещается; воображение берет верх, и наш язык навсегда остается неисправимым. СПУСТИТЬСЯ С НЕБЕС - такое же неправильное выражение, как и ПОДНЯТЬСЯ НА НЕБЕСА; и все же это выражение будет жить до тех пор, пока люди пользуются языком.

Все эти фразы — СВЕРХУ ВНИЗ; СПУСТИТЬСЯ С НЕБЕС; УПАСТЬ С ОБЛАКОВ И т.д. — отныне безвредны, потому что мы знаем, как исправить их на практике; но давайте сообразим на мгновение задуматься, насколько они затормозили прогресс науки. Если для статистики, механики, гидродинамики и баллистики действительно не имеет большого значения, что истинная причина падения тел должна быть известна и что наши представления об общих движениях в пространстве должны быть точными, то совсем иначе обстоит дело, когда мы беремся объяснить устройство Вселенной, причину приливов и отливов, форму земли и ее положение на небесах: чтобы понять эти вещи, мы должны выйти из круга видимостей. Во все века были гениальные механики, превосходные архитекторы, искусные артиллеристы: любая ошибка, в которую они могли впасть из-за округлости земли и силы тяжести, никоим образом не замедляла развитие их искусства; на прочности их зданий и точности прицеливания это не влияло. Но рано или поздно они были вынуждены столкнуться с явлениями, которые предполагаемый параллелизм всех перпендикуляров, возведенных от поверхности земли, делал необъяснимыми; тогда также началась борьба между предрассудками, которых веками было достаточно в повседневной практике, и беспрецедентными мнениями, которым, казалось, противоречили показания глаз.

Таким образом, с одной стороны, самые ложные суждения, независимо от того, основаны ли они на отдельных фактах или только на видимости, всегда охватывают некоторые истины, сфера которых, большая или малая, оставляет место для определенного числа выводов, за пределами которых мы впадаем в абсурд. Идеи св. Августин, например, содержал следующие истины: что тела падают к земле, что они падают по прямой линии, что либо солнце, либо земля движется, что либо небо, либо земля вращается и т.д. Эти общие факты всегда были верны; наша наука ничего к ним не добавила. Но, с другой стороны, поскольку необходимо учитывать каждую вещь, мы вынуждены искать принципы все более и более всеобъемлющие: вот почему нам пришлось последовательно отказаться сначала от мнения, что мир плоский, затем от теории, которая рассматривает его как неподвижный центр вселенной, и т.д.

Если мы перейдем теперь от физической природы к моральному миру, мы все еще окажемся подверженными тому же обману видимости, тому же влиянию спонтанности и привычки. Но

отличительной чертой этого второго раздела нашего знания является, с одной стороны, добро или зло, которое мы извлекаем из наших мнений; и, с другой стороны, упорство, с которым мы защищаем предрассудок, который мучает и убивает нас.

Какую бы теорию мы ни приняли относительно формы земли и причины ее веса, физика земного шара от этого не страдает; а что касается нас, то наша социальная экономика не может извлечь из этого ни прибыли, ни ущерба. Но именно в нас и через нас действуют законы нашей нравственной природы; так вот, эти законы не могут быть исполнены без нашей сознательной помощи и, следовательно, до тех пор, пока мы их не узнаем. Итак, если наша наука о моральных законах ложна, очевидно, что, желая себе добра, мы совершаем свое собственное зло; если она неполна, ее может быть достаточно на какое-то время для нашего социального прогресса, но в долгосрочной перспективе это заведет нас на ложный путь и, в конце концов, ввергнет в пучину бедствий.

Тогда нам нужно проявлять свои самые высокие суждения; и, к нашей славе, недостатка в них никогда не обнаруживается; но тогда также начинается яростная борьба между старыми предрассудками и новыми идеями. Дни пожаров и страданий! Нам рассказывают о времени, когда с теми же верованиями, с теми же институтами весь мир казался счастливым: зачем жаловаться на эти верования; зачем изгонять эти институты? Мы не спешим признать, что тот счастливый век служил точной цели развития принципа зла, который дремал в обществе; мы обвиняем людей и богов, силы земли и Природы. Вместо того чтобы искать причину зла в своем уме и сердце, человек обвиняет своих хозяев, своих соперников, своих соседей и самого себя; нации вооружаются, убивают и истребляют друг друга, пока из-за огромной депопуляции не будет восстановлено равновесие и мир снова не восстанет из пепла сражающихся. Человечество так неохотно прикасается к обычаям своих предков и меняет законы, установленные основателями сообществ и подтвержденные верным соблюдением веками.

Nihil motum ex antiquo probabile est: Не доверять всем инновациям, писал Тит Ливий.

Несомненно, было бы лучше, если бы человек не был вынужден меняться: но как! из-за того, что он рожден невежественным, из-за того, что он существует только при условии постепенного самообучения, должен ли он отречься от света, отречься от своего разума и вверить себя удаче? Совершенное здоровье лучше выздоровления: должен ли больной человек, следовательно, отказываться от лечения? Исправляйтесь, исправляйтесь! зывали с незапамятных времен Иоанн Креститель и Иисус Христос. Исправляйтесь, исправляйтесь! восклицали наши отцы пятьдесят лет назад; и еще долго мы будем кричать: Реформа, реформа!

Видя нищету моего века, я сказал себе: среди принципов, поддерживающих общество, есть один, которого оно не понимает, который исказило своим невежеством и который является причиной всего существующего зла. Этот принцип самый древний из всех, ибо характерной чертой революций является ниспровержение самых современных принципов и уважение устоявшихся. Итак, зло, от которого мы страдаем, предшествует всем революциям. Этот принцип, нарушенный нашим невежеством, почитается и лелеется; ибо, если бы его не лелеяли, он никому не причинил бы вреда, он не имел бы влияния.

Но этот принцип, правильный по своему назначению, но неправильно понятый: этот принцип, старый, как человечество, что это такое? Может ли это быть религией?

Все люди верят в Бога: этот догмат принадлежит одновременно их совести и их разуму. Для человечества Бог - столь же примитивный факт, идея столь же неизбежная, принцип столь же необходимый, как для нашего понимания категориальные идеи причины, субстанции, времени и пространства. Бог доказан нам совестью прежде, чем какие-либо умозаключения разума; точно так же, как солнце доказано нам свидетельством чувств прежде, чем всеми аргументами физики. Мы открываем явления и законы посредством наблюдения и опыта; только этот более глубокий смысл открывает нам существование. Человечество верит, что Бог есть; но, веря в Бога, во что оно верит? Одним словом, что такое Бог?

Природу этого представления о Божественности — этого примитивного, универсального представления, рожденного в расе, — человеческий разум еще не постиг. С каждым шагом, который мы делаем в нашем исследовании Природы и причин, идея Бога расширяется и возвышается; чем дальше продвигается наука, тем больше кажется, что Бог растет и ширится. Антропоморфизм и идолопоклонство с необходимостью составляли веру разума в его юности, теологию младенчества и поэзию. Безобидная ошибка, если бы они не пытались сделать это правилом поведения и если бы они были достаточно мудры, чтобы уважать свободу мысли. Но, создав Бога по своему образу и подобию, человек пожелал присвоить его еще больше; не довольствуясь уродованием Всемогущего, он обращался с ним как со своим достоянием, своими благами, своей собственностью. Бог, изображенный в чудовищных формах, стал во всем мире собственностью человека и государства. Таково было происхождение развращения нравов религией и источник благочестивой вражды и священных войн. Слава Богу! мы научились позволять каждому иметь свои собственные убеждения; мы ищем моральные законы вне рамок религии. Вместо того чтобы устанавливать законы относительно природы и атрибутов Бога, догм теологии и судьбы наших душ, мы мудро ждем, пока наука скажет нам, что отвергать, а что принимать. Бог, душа, религия — вечные объекты наших неустанных размышлений и наших самых фатальных заблуждений, ужасные проблемы, решение которых, сколько бы мы ни пытались, всегда остается незавершенным, — по всем этим вопросам мы все еще можем ошибаться, но, по крайней мере, наша ошибка безвредна. При свободе религии и отделении духовной власти от светской влияние религиозных идей на прогресс общества носит чисто негативный характер; ни один закон, ни один политический или гражданский институт не основаны на религии. Пренебрежение обязанностями, налагаемыми религией, может усилить общую коррупцию, но это не основная причина; это лишь вспомогательное средство или результат. Общеизвестно, и особенно в том вопросе, который сейчас привлекает наше внимание, что причина неравенства условий жизни людей — пауперизма, всеобщей нищеты и правительственных затруднений — больше не может быть прослежена в религии: мы должны идти дальше назад и копать еще глубже.

Но что есть в человеке более древнего и глубокого, чем религиозное чувство?

Есть сам человек; то есть воля и совесть, свободная воля и закон, вечно антагонистичные. Человек находится в состоянии войны с самим собой: почему?

"Человек, - говорят теологи, - согрешил в начале; наш род виновен в древнем преступлении. Из-за этого преступления человечество пало; заблуждение и невежество стали его опорой. Почитайте историю, и вы найдете универсальное доказательство этой необходимости зла в постоянном страдании народов. Человек страдает и всегда будет страдать; его болезнь

наследственна и конституциональна. Используйте паллиативы, применяйте смягчающие средства; лекарства нет".

Этот аргумент также не является чем-то особенным для теологов; мы находим его выраженным эквивалентным языком в философских трудах материалистов, верящих в бесконечное совершенствование. Дестут де Трейси формально учит, что бедность, преступность и война являются неизбежными условиями нашего социального состояния; необходимым злом, бунтовать против которого было бы безумием. Итак, назовите это НЕОБХОДИМОСТЬЮ ЗЛА или ИЗНАЧАЛЬНОЙ ПОРОЧНОСТЬЮ, по сути, это одна и та же философия.

"Первый человек согрешил". Если бы приверженцы Библии верно истолковали это, они бы сказали: ЧЕЛОВЕК ИЗНАЧАЛЬНО СОГРЕШИЛ, то есть совершил ошибку; ибо СОГРЕШИТЬ, ПОТЕРПЕТЬ НЕУДАЧУ, СОВЕРШИТЬ ОШИБКУ - все это означает одно и то же.

"Последствия греха Адама унаследованы человечеством; первое - невежество". Поистине, раса, как и индивид, рождается невежественной; но в отношении множества вопросов, даже в моральной и политической сферах, это невежество расы рассеялось: кто говорит, что оно не исчезнет совсем? Человечество постоянно продвигается к истине, и свет всегда торжествует над тьмой. Таким образом, наша болезнь не является абсолютно неизлечимой, и теория теологов хуже, чем неадекватна; она нелепа, поскольку сводится к такой тавтологии: "Человек заблуждается, потому что он заблуждается". В то время как истинное утверждение таково: "Человек ошибается, потому что он учится".

Итак, если человек узнает все, что ему нужно знать, разумно полагать, что, перестав ошибаться, он перестанет страдать.

Но если мы спросим докторов относительно этого закона, который, как говорят, выгравирован в сердце человека, мы сразу увидим, что они спорят о предмете, о котором ничего не знают; что по наиболее важным вопросам существует почти столько же мнений, сколько авторов; что мы не находим двух согласных относительно наилучшей формы правления, принципа авторитета и природы права; что все плывут наугад по безбрежному и бездонному морю, предоставленные руководству своих частных мнений, которые они скромно принимают за здравый смысл. И, принимая во внимание эту мешанину противоречивых мнений, мы говорим: "Объектом наших исследований является закон, определение социального принципа. Итак, политики, то есть социологи, не понимают друг друга; тогда ошибка кроется в них самих; и, поскольку каждая ошибка имеет своей целью реальность, мы должны заглянуть в их книги, чтобы найти истину, которую они бессознательно вложили туда".

Итак, о чем говорят юристы и публицисты? О СПРАВЕДЛИВОСТИ, РАВНОПРАВИИ, СВОБОДЕ, ЕСТЕСТВЕННОМ ПРАВЕ, ГРАЖДАНСКИХ ЗАКОНАХ и т.д. Но что такое справедливость? Каков его принцип, его характер, его формула? На этот вопрос у наших врачей, очевидно, нет ответа, ибо в противном случае их наука, начинающаяся с ясного и четко определенного принципа, вышла бы из области вероятностей, и все споры прекратились бы.

Что такое справедливость? Богословы отвечают: "Всякая справедливость исходит от Бога". Это правда; но мы знаем не больше, чем раньше.

Философам следовало бы быть более информированными: они так много спорили о справедливости и несправедливости! К несчастью, проверка доказывает, что их знания ничего

не значат, и что с ними — как с дикарями, каждая молитва которых к солнцу - просто *О! О!*— это крик восхищения, любви и энтузиазма; но кто не знает, что солнце придает мало значения междометию *О!* Именно такова наша позиция по отношению к философам в отношении справедливости. Справедливость, говорят они, — это *ДОЧЬ НЕБЕС; Свет, КОТОРЫЙ ОЗАРЯЕТ КАЖДОГО ЧЕЛОВЕКА, ПРИХОДЯЩЕГО В МИР; САМАЯ ПРЕКРАСНАЯ ПРЕРОГАТИВА НАШЕЙ ПРИРОДЫ; ТО, ЧТО ОТЛИЧАЕТ НАС ОТ ЖИВОТНЫХ И УПОДОБЛЯЕТ НАС БОГУ*, - и тысяча других подобных вещей. К чему, спрашиваю я, сводится эта благочестивая литания? К молитве дикарей: *О!*

Все наиболее разумные учения человеческой мудрости о справедливости суммируются в этом знаменитом изречении: *ДЕЛАЙ ДРУГИМ ТО, ЧЕГО ТЫ ХОТЕЛ БЫ, ЧТОБЫ ДРУГИЕ ПОСТУПАЛИ С ТОБОЙ; НЕ ДЕЛАЙ ДРУГИМ ТОГО, ЧЕГО ТЫ НЕ ХОТЕЛ БЫ, ЧТОБЫ ДРУГИЕ ПОСТУПАЛИ С ТОБОЙ*. Но это правило моральной практики ненаучно: какое я имею право желать, чтобы другие поступали или не поступали со мной? Бесполезно говорить мне, что мой долг равен моему праву, если мне одновременно не скажут, в чем заключается мое право.

Давайте попробуем прийти к чему-то более точному и позитивному.

Справедливость - это центральная звезда, управляющая обществами, полюс, вокруг которого вращается политический мир, принцип и регулятор всех сделок. Ничто не происходит между людьми иначе, как во имя ПРАВА; ничто без призыва к справедливости. Правосудие - это не работа закона: напротив, закон - это всего лишь декларация и применение СПРАВЕДЛИВОСТИ во всех обстоятельствах, когда люди могут вступать в контакт. Таким образом, если бы идея о том, что мы формируем справедливость и право, была нечеткой, если бы она была несовершенной или даже ложной, ясно, что все наши законодательные применения были бы неправильными, наши институты порочными, наша политика ошибочной: следовательно, были бы беспорядок и социальный хаос.

Эта гипотеза об извращении справедливости в наших умах и, как необходимый результат, в наших действиях становится доказанным фактом, когда показано, что мнения людей не имели постоянной связи с понятием справедливости и его приложениями; что в разные периоды они претерпевали изменения: одним словом, что имел место прогресс идей. Так вот, это то, что история доказывает самыми неопровержимыми свидетельствами.

Восемнадцать столетий назад мир под властью цезарей исчерпал себя в рабстве, суевериях и сладострастии. Люди, опьяненные и как бы одурманенные своими длительными оргиями, утратили само понятие о праве и долге: война и разгул поочередно считали их; ростовщичество и труд машин (то есть рабов), лишая их средств к существованию, препятствовали продолжению рода. Варварство снова возникло в отвратительной форме из этой массы разврата и распространилось, подобно всепожирающей проказе, по обезлюдившим провинциям. Мудрые предвидели падение империи, но не могли придумать никакого средства. Что они могли подумать в самом деле? Чтобы спасти это старое общество, было бы необходимо изменить объекты общественного уважения и боготворимости и отменить права, утверждаемые исключительно светским правосудием; они говорили: "Рим победил своей политикой и своими богами; любое изменение в теологии и общественном мнении было бы безумием и святотатством. Рим, милосердный к покоренным народам, хотя и заковывал их в цепи, пощадил их жизни; рабы - самый плодородный источник его богатства; свобода народов означала бы отрицание его прав и разорение его финансов. Рим, на самом деле, купающийся в

удовольствиях и пресыщенный трофеями вселенной, живет благодаря победе и правлению; его роскошь и удовольствия - цена его завоеваний: он не может ни отречься от престола, ни лишить себя собственности ". Таким образом, на стороне Рима были факты и закон. Его притязания были оправданы общечеловеческими обычаями и законами народов. Ее институты были основаны на идолопоклонстве в религии, рабстве в государстве и эпикуризме в частной жизни; коснуться их означало потрясти общество до основания и, пользуясь нашим современным выражением, открыть бездну революций. Так что эта идея никому не пришла в голову; и все же человечество умирало в крови и роскоши.

Внезапно появился человек, называющий себя Словом Божьим. По сей день неизвестно, кто он был, откуда пришел и что подсказало ему его идеи. Он повсюду провозглашал, что конец существующего общества близок, что мир вот-вот переживет новое рождение; что священники - гадюки, юристы - невежды, а философы - лицемеры и лжецы; что господин и раб равны, что ростовщичество и все, что ему сродни, - грабеж, что собственники и бездельники однажды сгорят, в то время как бедные и чистые сердцем обретут покой.

Этот человек — Слово Божье — был осужден и арестован как враг общества священниками и юристами, которые хорошо понимали, как побудить людей требовать его смерти. Но это судебное убийство, хотя и положило завершающий штрих их преступлениям, не уничтожило семена доктрины, посеянные Словом Божьим. После его смерти его первые ученики путешествовали во всех направлениях, проповедуя то, что они называли БЛАГОЙ ВЕСТЬЮ, создавая, в свою очередь, миллионы миссионеров; и, когда их задача, казалось, была выполнена, они погибли от меча римского правосудия. Эта упорная агитация, война палачей и мучеников, длилась почти три столетия и закончилась обращением мира. Идолопоклонство было уничтожено, рабство отменено, разложение освободило место для более строгой морали, а презрение к богатству иногда доходило почти до лишений.

Общество было спасено отрицанием своих собственных принципов, революцией в своей религии и нарушением своих самых священных прав. В ходе этой революции идея справедливости распространилась до таких масштабов, о которых раньше и не мечтали, чтобы никогда не вернуться к своим первоначальным границам. До сих пор справедливость существовала только для господ; [7](#) затем она начала существовать для рабов.

Тем не менее, новая религия в то время принесла далеко не все свои плоды. Произошло заметное улучшение общественной морали и частичное освобождение от угнетения; но, кроме этого, СЕМЕНА, ПОСЕЯННЫЕ СЫНОМ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ, упав в идолопоклоннические сердца, не произвели ничего, кроме бесчисленных разногласий и квазипоэтической мифологии. Вместо того чтобы претворять в жизнь принципы морали и управления, которым учит Слово Божье, его последователи занимались спекуляциями относительно его рождения, его происхождения, его личности и его действий; они обсуждали его притчи, и из конфликта самых экстравагантных мнений по неопровержимым вопросам и текстам, которые никто не понимал, родилась ТЕОЛОГИЯ, которую можно определить как НАУКУ о БЕСКОНЕЧНОМ АБСУРДЕ.

Истина ХРИСТИАНСТВА не пережила эпоху апостолов; Евангелие, комментируемое и символизируемое греками и латинянами, наполненное языческими баснями, превратилось буквально в массу противоречий; и по сей день правление НЕПОГРЕШИМОЙ ЦЕРКВИ было долгой эпохой тьмы. Говорят, что ВРАТА АДА не всегда будут побеждать, что СЛОВО БОЖЬЕ вернется и что однажды люди познают истину и справедливость; но это будет смертью

греческого и римского католицизма, точно так же, как в свете науки исчезли капризы общественного мнения.

Чудовища, которых преемники апостолов стремились уничтожить, испугавшись на мгновение, постепенно появлялись снова, благодаря безумному фанатизму, а иногда и преднамеренному попустительству священников и богословов. История предоставления избирательных прав французским коммунам постоянно представляет собой зрелище распространения идей справедливости и свободы среди людей, несмотря на объединенные усилия королей, знати и духовенства. В 1789 году христианской эры французская нация, разделенная по кастовому признаку, бедная и угнетенная, боролась в тройной сети королевского абсолютизма, тирании знати и парламентов и нетерпимости священников. Существовало право короля и право священника, право патриция и право плебея; существовали привилегии рождения, провинции, коммуны, корпораций и профессий; и, в основе всего, насилие, безнравственность и нищета. Некоторое время они говорили о реформации; те, кто, по-видимому, желал ее больше всего, отдавали предпочтение ей только ради собственной выгоды, а люди, которые должны были выиграть, ожидали немногого и ничего не говорили. Долгое время эти бедняки, то ли из недоверия, то ли от отчаяния, не решались просить о своих правах: говорят, что привычка служить отняла мужество у тех старых общин, которые в средние века были такими смелыми.

Наконец появилась книга, суммирующая весь вопрос в этих двух положениях: ЧТО ТАКОЕ ТРЕТЬЕ СОСЛОВИЕ? —НИЧТО. КАКИМ ОНО ДОЛЖНО БЫТЬ? —ВСЕ. Кто—то добавил в качестве комментария: ЧТО ТАКОЕ КОРОЛЬ? - СЛУГА НАРОДА.

Это было внезапное откровение: вуаль была сорвана, толстая повязка упала со всех глаз. Люди начали рассуждать так: —

Если король - наш слуга, он должен отчитываться перед нами;

Если он должен отчитываться перед нами, он подлежит контролю;

Если его можно контролировать, он несет ответственность;

Если он несет ответственность, он подлежит наказанию;

Если он наказуем, то должен быть наказан в соответствии со своими заслугами;

Если он должен быть наказан по своим заслугам, он может быть наказан смертью.

Через пять лет после публикации брошюры Сийеса третье сословие стало всем; короля, дворянства, духовенства больше не было. В 1793 году нация, не останавливаясь на конституционной фикции о неприкосновенности суверена, повела Людовика XVI. на эшафот; в 1830 году она сопровождала Карла X. в Шербур. В каждом конкретном случае он, возможно, действительно ошибался в своей оценке правонарушения; но, по правде говоря, логика, приведшая к его действию, была безукоризненной. Народ, наказывая своего суверена, сделал именно то, за что июльское правительство подверглось столь суровому осуждению, когда оно отказалось казнить Луи Бонапарта после Страсбургского дела: они поразили истинного виновника. Это было применение общего права, торжественный указ правосудия, приводящий в исполнение уголовные законы. 8

Дух, породивший движение 89-го года, был духом отрицания; это само по себе доказывает, что порядок вещей, пришедший на смену старой системе, не был методичным или хорошо продуманным; что, порожденный гневом и ненавистью, он не мог иметь эффекта науки, основанной на наблюдении и изучении; что его основы, одним словом, не были выведены из глубокого знания законов природы и общества. Таким образом, народ обнаружил, что республика, среди так называемых новых институтов, действовала на основе тех самых принципов, против которых они боролись, и находилась под влиянием всех предрассудков, которые они намеревались уничтожить. Мы с безрассудным энтузиазмом поздравляем себя со славной Французской революцией, возрождением 1789 года, великими переменами, которые были осуществлены, и возвратом к прежним институтам: иллюзия, иллюзия!

Когда наши представления о каком-либо предмете, материальном, интеллектуальном или социальном, претерпевают основательные изменения в результате новых наблюдений, я называю это движение революции разума. Если идеи просто расширяются или модифицируются, происходит только ПРОГРЕСС. Таким образом, система Птолемея была шагом в астрономическом прогрессе, система Коперника была революцией. Итак, в 1789 году были борьба и прогресс; революции не было. Изучение реформ, которые были предприняты, доказывает это.

Нация, так долго являвшаяся жертвой монархического эгоизма, надеялась навсегда освободиться, заявив, что только она одна является суверенной. Но что такое монархия? Суверенитет одного человека. Что такое демократия? Суверенитет нации, или, скорее, национального большинства. Но в обоих случаях это суверенитет человека вместо суверенитета закона, суверенитет воли вместо суверенитета разума; одним словом, страсти вместо справедливости. Несомненно, когда нация переходит от монархического к демократическому государству, происходит прогресс, потому что, умножая суверенов, мы увеличиваем возможности разума заменить собой волю; но на самом деле никакой революции в правительстве не происходит, поскольку принцип остается тем же самым. Теперь у нас есть доказательство того, что при самой совершенной демократии мы не можем быть свободными. 9

И это еще не все. Король-нация не может осуществлять свой суверенитет сам; он обязан делегировать его агентам: это постоянно повторяют те, кто стремится завоевать его расположение. Будь этих агентов пять, десять, сто или тысяча, какое значение имеет число; и какое значение имеет название? Это всегда власть человека, власть воли и каприза. Я спрашиваю, какую революцию произвела эта мнимая революция?

Мы также знаем, как осуществлялся этот суверенитет: сначала Конвентом, затем Директорией, а затем конфискован консулом. Что касается императора, сильного человека, которого так обожала и оплакивала нация, он никогда не хотел зависеть от нее; но, словно намереваясь бросить вызов ее суверенитету, он осмелился потребовать ее избирательного права, то есть ее отречения, отречения от этого неотъемлемого суверенитета; и он его получил.

Но что такое суверенитет? Говорят, что это ВЛАСТЬ УСТАНОВЛИВАТЬ ЗАКОН. 10 Еще один абсурд, пережиток деспотизма. Нация давно видела, как короли отдавали свои приказы в такой форме, ИБО ТАКОВО НАШЕ УДОВОЛЬСТВИЕ; она хотела, в свою очередь, вкушать удовольствие от принятия законов. За пятьдесят лет оно породило их мириадами; всегда, следует понимать, с помощью представителей. Пьеса далека от завершения.

Определение суверенитета было выведено из определения закона. Закон, говорили они, есть **ВЫРАЖЕНИЕ ВОЛИ СУВЕРЕНА**: тогда, при монархии, закон является выражением воли короля; в республике закон является выражением воли народа. Помимо разницы в количестве завещаний, эти две системы совершенно идентичны: обе допускают одну и ту же ошибку, а именно, что закон является выражением воли; он должен быть выражением факта. Более того, они следовали хорошим лидерам: они приняли гражданина Женевы за своего пророка, а *contrat social* - за свой Коран.

Предвзятость и предвзятость очевидны во всех фразах новых законодателей. Нация страдала от множества исключений и привилегий; ее представители выступили со следующим заявлением: **"ВСЕ ЛЮДИ РАВНЫ ПО ПРИРОДЕ И ПЕРЕД ЗАКОНОМ"**; двусмысленное и избыточное заявление. **МУЖЧИНЫ РАВНЫ ОТ ПРИРОДЫ**: означает ли это, что они равны по размеру, красоте, талантам и добродетели? Нет; тогда они имели в виду политическое и гражданское равенство. Тогда было бы достаточно сказать: **"ВСЕ ЛЮДИ РАВНЫ Перед ЗАКОНОМ"**.

Но что такое равенство перед законом? Ни конституция 1790 года, ни конституция 93-го, ни дарованная хартия, ни принятая хартия не дали ему точного определения. Все это подразумевает неравенство в состоянии и положении, несовместимое даже с тенью равенства в правах. В этом отношении можно сказать, что все наши конституции были верным выражением народной воли: я собираюсь это доказать.

Раньше люди были отстранены от гражданских и военных должностей; было сочтено удивительным, когда в Декларацию прав была включена следующая высокопарная статья: "Все граждане имеют равное право занимать должности; свободные нации не признают никаких требований при выборе офицеров, кроме добродетелей и талантов".

Они, конечно, должны были восхищаться такой прекрасной идеей: они восхищались куском бессмыслицы. Почему! суверенный народ, законодатели и реформаторы, прямо скажем, видят в государственных должностях только возможности для материального продвижения. И поскольку он рассматривает их как источник прибыли, он устанавливает право граждан на это. Ибо какая польза была бы от этой предосторожности, если бы от нее нечего было выиграть? Никому и в голову не придет предписывать, чтобы пилотами были только астрономы и географы, или запрещать заикающимся играть в театре и опере. Нация все еще подражала королям: подобно им, она хотела предоставить прибыльные должности своим друзьям и льстецам. К сожалению, и эта последняя черта довершает сходство, нация не контролировала список прожиточных минимумов; это было в руках ее агентов и представителей. Они, с другой стороны, позаботились о том, чтобы не перечить воле своего милостивого государя.

Эта поучительная статья Декларации прав, сохраненная в хартиях 1814 и 1830 годов, подразумевает несколько видов гражданского неравенства, то есть неравенства перед законом: неравенство положения, поскольку к выполнению государственных функций стремятся только ради уважения и вознаграждения, которые они приносят; неравенство богатства, поскольку, если бы требовалось уравнивать состояния, государственная служба рассматривалась бы как обязанность, а не как награда; неравенство привилегий, поскольку в законе не указано, что подразумевается под **ТАЛАНТАМИ** и **ДОБРОДЕТЕЛЯМИ**. При империи добродетель и талант заключались просто в военной храбрости и преданности императору; это было продемонстрировано, когда Наполеон создал свое дворянство и попытался связать его с

древними. Сегодня человек, который платит налоги в размере двухсот франков, добродетелен; талантливый человек - честный карманник: подобные истины считаются тривиальными.

Люди, наконец, легализовали собственность. Да простит их Бог, ибо они не ведали, что творили! Пятьдесят лет они страдали из-за своей жалкой глупости. Но как получилось, что люди, чей голос, как они говорят нам, является голосом Божиим, и чья совесть непогрешима, — как получилось, что люди ошиблись? Как случилось, что, стремясь к свободе и равенству, они вернулись к привилегиям и рабству? Всегда из-за копирования древнего режима.

Раньше дворянство и духовенство вносили свой вклад в расходы государства только добровольной помощью и безвозмездными пожертвованиями; на их имущество нельзя было наложить арест даже за долги, в то время как плебеи, обремененные налогами и статутным трудом, постоянно подвергались мучениям, то со стороны королевских сборщиков налогов, то со стороны дворян и духовенства. Тот, чье имущество подлежало смерти, не мог ни завещать, ни наследовать имущество; с ним обращались как с животными, чьи услуги и потомство принадлежат их хозяину по праву наследования. Люди хотели, чтобы условия СОБСТВЕННОСТИ были одинаковыми для всех; они считали, что каждый должен НАСЛАЖДАТЬСЯ СВОИМ ИМУЩЕСТВОМ, СВОИМ ДОХОДОМ И ПЛОДАМИ СВОЕГО ТРУДА И ТРУДОЛЮБИЯ И СВОБОДНО РАСПОРЯЖАТЬСЯ ИМИ. Народ не изобретал собственность; но поскольку у него не было тех же привилегий в отношении нее, которыми обладали дворяне и духовенство, он постановил, что это право должно осуществляться всеми на одинаковых условиях. Более отвратительные формы собственности — трудовая, смертная казнь, поденщина и отстранение от государственной службы — исчезли; условия пользования ею были изменены: принцип по-прежнему остается тем же. Был достигнут прогресс в регулировании правых; революции не произошло.

Итак, таковы три фундаментальных принципа современного общества, установленные один за другим движениями 1789 и 1830 годов: 1. ВЕРХОВЕНСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ВОЛИ; короче говоря, ДЕСПОТИЗМ. 2. НЕРАВЕНСТВО В БОГАТСТВЕ И РАНГЕ. 3. СОБСТВЕННОСТЬ — превыше СПРАВЕДЛИВОСТИ, к ней всегда обращаются как к ангелу-хранителю суверенов, знати и собственников; СПРАВЕДЛИВОСТЬ - общий, примитивный, категорический закон всего общества.

Мы должны установить, согласуются ли идеи ДЕСПОТИЗМА, ГРАЖДАНСКОГО НЕРАВЕНСТВА и СОБСТВЕННОСТИ с первоначальным представлением о СПРАВЕДЛИВОСТИ и с необходимостью вытекают из него, принимая различные формы в зависимости от состояния, положения и отношений людей; или же они скорее являются незаконным результатом смешения различных вещей, фатальной ассоциацией идей. И поскольку справедливость имеет дело прежде всего с вопросами правления, состоянием людей и владения вещами, мы должны установить, при каких условиях, судя по всеобщему мнению и прогрессу человеческого разума, правительство справедливо, положение граждан справедливо и владение вещами справедливо; затем, вычеркнув все, что не соответствует этим условиям, результат сразу скажет нам, что такое законное правительство, что такое законное положение граждан и что такое законное владение вещами; и, наконец, как последний результат анализа, что такое СПРАВЕДЛИВОСТЬ.

Справедлива ли власть человека над человеком?

Все отвечают: "Нет; авторитет человека - это всего лишь авторитет закона, который должен быть справедливым и истинным". Частная воля ничего не значит в правительстве, которое состоит, во-первых, в обнаружении истины и справедливости для того, чтобы издавать закон; и, во-вторых, в надзоре за исполнением этого закона. Я не задаюсь сейчас вопросом, удовлетворяет ли наша конституционная форма правления этим условиям; влияет ли, например, воля министерства на провозглашение и толкование закона; или наши депутаты в своих дебатах больше стремятся победить аргументами, чем численным превосходством: для меня достаточно того, что мое определение хорошего правительства признано правильным. Эта идея точна. И все же мы видим, что ничто не кажется восточным народам более справедливым, чем деспотизм их государей; что у древних и по мнению самих философов рабство было справедливым; что в средние века знать, священники и епископы считали оправданным содержание рабов; что Людовик XIV. думал, что он был прав, когда сказал: "Государство! Государство - это я"; и что Наполеон считал преступлением для государства противодействовать его воле. Таким образом, идея справедливости, применяемая к суверенитету и правительству, не всегда была такой, какой она является сегодня; она продолжала развиваться и формироваться постепенно, пока не достигла своего нынешнего состояния. Но дошла ли она до своей последней фазы? Я думаю, что нет: только, поскольку последнее препятствие, которое необходимо преодолеть, связано с институтом собственности, который мы сохранили в неприкосновенности, чтобы завершить реформу правительства и завершить революцию, именно этот институт мы должны атаковать.

Справедливо ли политическое и гражданское неравенство?

Одни говорят "да", другие "нет". На первый я бы ответил, что, когда люди отменили все привилегии рождения и касты, они сделали это, по всей вероятности, потому, что это было в их интересах; почему же тогда они предпочитают привилегии состояния больше, чем привилегии ранга и расы? Потому что, говорят они, политическое неравенство является результатом собственности, а без собственности общество невозможно: таким образом, только что поднятый вопрос становится вопросом собственности. Что касается второго, я довольствуюсь следующим замечанием: если вы хотите наслаждаться политическим равенством, отмените собственность; в противном случае, почему вы жалуетесь?

Справедлива ли собственность?

Все без колебаний отвечают: "Да, собственность справедлива". Я говорю "все", потому что до настоящего времени ни один человек, который полностью понял значение его слов, не ответил "нет". Ибо нелегко ответить с пониманием на такой вопрос; только время и опыт могут дать ответ. Теперь этот ответ дан; нам предстоит его понять. Я берусь это доказать.

Мы должны продолжить демонстрацию в следующем порядке:—

I. Мы вообще не оспариваем, мы никого не опровергаем, мы ничего не отрицаем; мы принимаем как обоснованные все аргументы, приводимые в пользу собственности, и ограничиваемся поиском ее принципа, чтобы затем убедиться, верно ли этот принцип выражается в собственности. Фактически, поскольку собственность не может быть защищена ни на каком основании, кроме справедливости, идея или, по крайней мере, намерение справедливости неизбежно должно лежать в основе всех аргументов, приводимых в защиту собственности; и, поскольку, с другой стороны, право собственности осуществляется только в отношении тех

вещей, которые могут быть оценены чувствами, справедливость, так сказать, тайно объективируясь, должна принимать форму алгебраической формулы.

Используя этот метод исследования, мы вскоре увидим, что каждый аргумент, изобретенный в защиту собственности, КАКИМ БЫ ОН НИ БЫЛ, всегда и с необходимостью приводит к равенству, то есть к отрицанию собственности.

Первая часть состоит из двух глав: в одной говорится о профессии, являющейся основой нашего права; в другой - о труде и таланте, рассматриваемых как причины имущественного и социального неравенства.

В первой из этих глав будет доказано, что право занятия ПРЕПЯТСТВУЕТ собственности; во второй - что право труда УНИЧТОЖАЕТ ее.

II. Таким образом, поскольку собственность по необходимости понимается как существующая только в связи с равенством, остается выяснить, почему, вопреки этой логической необходимости, равенства не существует. Это новое исследование также охватывает две главы: в первой, рассматривая факт собственности сам по себе, мы задаемся вопросом, реален ли этот факт, существует ли он, возможно ли это; поскольку это подразумевало бы противоречие, если бы эти две противоположные формы общества, равенство и неравенство, были возможны обе. Затем мы обнаруживаем, достаточно необычно, что собственность действительно может проявляться случайно; но как институт и принцип это математически невозможно. Таким образом, школьная аксиома — *ab actu ad posse valet consecutio*: от фактического к возможному вывод верен — оказывается ложной в том, что касается собственности.

Наконец, в последней главе, призвав на помощь психологию и исследуя природу человека до глубины души, мы раскроем принцип СПРАВЕДЛИВОСТИ — его формулу и характер; мы точно сформулируем органический закон общества; мы объясним происхождение собственности, причины ее возникновения, ее долгую жизнь и приближающуюся смерть; мы окончательно установим ее тождество с грабежом. И после того, как мы показали, что эти три предрассудка — ВЕРХОВНАЯ ВЛАСТЬ ЧЕЛОВЕКА, НЕРАВЕНСТВО УСЛОВИЙ И СОБСТВЕННОСТЬ — суть одно и то же; что их можно принимать друг за друга и они взаимно преобразуемы, — нам не составит труда вывести из них, посредством принципа противоречия, основу правления и права. На этом наши расследования заканчиваются, оставляя за собой право продолжить их в будущих работах.

Важность предмета, привлекающего наше внимание, признается всеми умами.

"Собственность, - говорит М. Хеннекен, - это творческий и консервативный принцип гражданского общества. Собственность является одним из тех базовых институтов, новые теории относительно которого не могут быть представлены слишком рано; ибо об этом нельзя забывать, и публицист и государственный деятель должен знать, что от ответа на вопрос, является ли собственность принципом или результатом общественного порядка, следует ли рассматривать ее как причину или следствие, зависит вся мораль и, следовательно, весь авторитет человеческих институтов".

Эти слова - вызов всем людям надежды и веры; но, хотя дело равенства благородно, никто еще не принял вызов, брошенный защитниками собственности; ни у кого не хватило смелости вступить в борьбу. Ложное знание надменной юриспруденции и абсурдные афоризмы

политической экономии, контролируемой собственностью, озадачили самые благородные умы; это своего рода пароль для самых влиятельных друзей свободы и интересов народа, что РАВЕНСТВО - ХИМЕРА! Так много ложных теорий и бессмысленных аналогий влияют на умы, в остальном проницательные, но которые бессознательно находятся под контролем популярных предрассудков. Равенство развивается с каждым днем — *fit aequalitas*. Солдаты свободы, покинем ли мы наш флаг в час триумфа?

Как защитник равенства, я буду говорить без горечи и без гнева; с независимостью, становящейся философом, с мужеством и твердостью свободного человека. Позвольте мне в этой важной борьбе донести до всех сердец свет, которым я наполнен, и показать успехом моих аргументов, что равенство не может быть побеждено мечом, а может быть только пером!

ГЛАВА II. СОБСТВЕННОСТЬ, РАССМАТРИВАЕМАЯ КАК ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРАВО

СОБСТВЕННОСТЬ, РАССМАТРИВАЕМАЯ КАК ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРАВО.—ЗАНЯТИЕ И ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО КАК ЭФФЕКТИВНЫЕ ОСНОВЫ СОБСТВЕННОСТИ. ОПРЕДЕЛЕНИЯ.

Римское право определяло собственность как право использовать свое имущество и злоупотреблять им в рамках закона — *jus utendi et abutendi re sua, quatenus juris ratio patitur*. Была предпринята попытка оправдать слово "ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ" на том основании, что оно означает не бессмысленное и аморальное оскорбление, а всего лишь абсолютную власть. Тщетное разграничение! изобретен как оправдание собственности и бессилен против безумия обладания, которое он не предотвращает и не подавляет. Владелец может, если захочет, позволить своему урожаю гнить под ногами; засеять свое поле солью; доить своих коров на песке; превратить свой виноградник в пустыню и использовать свой огород как парк: являются ли эти вещи злоупотреблением или нет? В вопросе собственности использование и злоупотребление неизбежно неразличимы.

Согласно Декларации прав, опубликованной в качестве предисловия к Конституции 93-го года, собственность - это "право пользоваться своими благами, доходами и плодами своего труда и промышленности и распоряжаться ими по своему усмотрению".

Кодекс Наполеона, статья 544: "Собственность - это право пользоваться вещами и распоряжаться ими самым абсолютным образом, при условии, что мы не выходим за пределы, установленные законами и нормативными актами".

Эти два определения не отличаются от определения римского права: все они дают собственнику абсолютное право на вещь; а что касается ограничений, налагаемых кодексом, — ПРИ УСЛОВИИ, ЧТО МЫ НЕ ВЫХОДИМ ЗА ПРЕДЕЛЫ, УСТАНОВЛЕННЫЕ ЗАКОНАМИ И

ПОСТАНОВЛЕНИЯМИ, — его целью является не ограничение собственности, а предотвращение вмешательства одного собственника в владения другого. Это подтверждение принципа, а не его ограничение.

Существуют различные виды собственности: 1. Собственность в чистом виде, господствующая и сеньориальная власть над вещью; или, как они это называют, ГОЛАЯ СОБСТВЕННОСТЬ. 2. ВЛАДЕНИЕ. "Владение, - говорит Дюрантон, - это факт, а не право". Тулье: "Собственность - это право, юридическая сила; владение - это факт". Арендатор, фермер, коммандит, узуфруктуарий являются собственниками; владелец, который сдает в аренду, наследник, который должен вступить во владение после смерти узуфруктуария, являются собственниками. Если я позволю себе сравнение: любовник - это собственник, муж - собственник.

Это двойное определение собственности — домен и владение — имеет первостепенное значение; и его необходимо четко понимать, чтобы понять, что за этим последует.

Из различия между владением и собственностью вытекают два вида прав: *jus in re*, право на вещь, право, с помощью которого я могу вернуть приобретенную мной собственность, в чьих бы руках я ее ни нашел; и *jus ad rem*, право НА вещь, которое дает мне право стать собственником. Таким образом, право партнеров на брак в отношении личности друг друга - это *jus in re*; право двоих обрученных - это только *jus ad rem*. В первом случае владение и собственность объединены; второе включает в себя только голую собственность. Что касается меня, который, как рабочий, имеет право на владение продуктами Природы и моего собственного производства, — и который, как пролетарий, не пользуется ни одним из них, — то в силу *jus ad rem* я требую допуска к *jus in re*.

Это различие между *jus in re* и *jus ad rem* лежит в основе известного различия между посессором и петитуром — актуальными категориями юриспруденции, вся совокупность которых включена в их обширные границы. Титул относится ко всему, что относится к собственности; владение - к тому, что относится к владению. При написании этих мемуаров против собственности я предъявляю всемирному обществу исковое заявление: я доказываю, что те, кто не владеет сегодня, являются собственниками с тем же титулом, что и те, кто владеет; но вместо того, чтобы делать из этого вывод, что собственность должна быть общей для всех, я требую, во имя общей безопасности, ее полной отмены. Если я не выиграю свое дело, нам (классу пролетариев и мне) ничего не останется, кроме как перерезать себе глотки: мы больше ничего не можем требовать от международного правосудия; ибо, как гласит процессуальный кодекс (статья 26) в своем энергичном стиле, ИСТЕЦ, КОТОРЫЙ НЕ БЫЛ УДОВЛЕТВОРЕН ИСКОМ, ЛИШАЕТСЯ ПРАВА ПОДАВАТЬ ИСКОВОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ. Если, напротив, я выиграю дело, мы должны тогда возбудить владельческий иск, чтобы мы могли быть восстановлены в пользовании богатством, которого мы лишены из-за собственности. Я надеюсь, что нас не доведут до такой крайности; но эти два действия не могут преследоваться по закону одновременно, поскольку такой ход запрещен одним и тем же процессуальным кодексом.

Прежде чем перейти к сути вопроса, будет нелишним высказать несколько предварительных замечаний.

% 1. Собственность как естественное право.

Декларация прав включила собственность в список естественных и неотъемлемых прав человека, всего их четыре: СВОБОДА, РАВЕНСТВО, СОБСТВЕННОСТЬ, БЕЗОПАСНОСТЬ. Какому

правилу следовали законодатели 93-го года при составлении этого списка? Нет. Они устанавливали принципы точно так же, как обсуждали суверенитет и законы; с общей точки зрения и в соответствии со своим собственным мнением. Они делали все по-своему, вслепую.

Если мы можем верить Туллии: "Абсолютные права могут быть сведены к трем: БЕЗОПАСНОСТЬ, СВОБОДА, СОБСТВЕННОСТЬ". Равенство исключается реннским профессором; почему? Это потому, что СВОБОДА подразумевает это, или потому, что собственность запрещает это? По этому поводу автор "Объяснения гражданского права" хранит молчание: ему даже в голову не приходило, что этот вопрос находится в стадии обсуждения.

Тем не менее, если мы сравним эти три или четыре права друг с другом, мы обнаружим, что собственность не имеет никакого сходства с другими; что для большинства граждан она существует лишь потенциально и как дремлющая способность без применения; что для других, которые ею пользуются, она подвержена определенным сделкам и модификациям, которые не согласуются с идеей естественного права; что на практике правительства, суды и законы ее не уважают; и, наконец, что все, спонтанно и в один голос, считают ее химерической.

Свобода неприкосновенна. Я не могу ни продать, ни отчуждать свою свободу; каждый контракт, каждое условие контракта, имеющее в виду отчуждение или приостановление свободы, недействительно: раб, когда он ступает ногой на почву свободы, в этот момент становится свободным человеком. Когда общество арестовывает злоумышленника и лишает его свободы, это случай законной защиты: тот, кто нарушает общественный договор путем совершения преступления, объявляет себя врагом общества; посягая на свободу других, он вынуждает их отнять его собственную. Свобода - это изначальное состояние человека; отказаться от свободы - значит отказаться от природы человека: как после этого мы могли бы совершать человеческие поступки?

Точно так же равенство перед законом не терпит ни ограничений, ни исключений. Все французы имеют равное право занимать должности: следовательно, при наличии этого равенства состояние и семья во многих случаях не оказывают никакого влияния на выбор. Самый бедный гражданин может добиться судебного решения в отношении человека, занимающего самое высокое положение. Пусть миллионер Ахав построит замок на винограднике Навуфея: суд будет иметь право, в зависимости от обстоятельств, распорядиться о разрушении замка, хотя это обошлось в миллионы, и заставить нарушителя восстановить виноградник в его первоначальном состоянии и возместить ущерб. Закон желает, чтобы вся собственность, приобретенная законным путем, сохранялась в неприкосновенности независимо от ее стоимости и без уважения к личности.

Хартия, это правда, требует осуществления определенных политических прав, определенных условий состояния и дееспособности; но все публицисты знают, что намерением законодателя было не установить привилегию, а обеспечить безопасность. При соблюдении условий, установленных законом, каждый гражданин может быть избирателем, и каждый избиратель имеет на это право. Однажды приобретенное право одинаково для всех; закон не сравнивает ни лиц, ни голоса. Я не спрашиваю сейчас, является ли эта система наилучшей; достаточно того, что, по мнению хартии и в глазах каждого, равенство перед законом является абсолютным и, подобно свободе, не допускает компромиссов.

То же самое и с правом на безопасность. Общество не обещает своим членам никакой промежуточной защиты, никакой мнимой самозащиты; оно связывает себя с ними так же, как они связывают себя с ним. Он не говорит им: "Я защищу вас, при условии, что мне это ничего не будет стоить; я буду защищать вас, если при этом я ничем не рискую". В нем говорится: "Я буду защищать тебя от всех; я спасу и отомщу за тебя или погибну сам".

Вся сила государства находится на службе каждого гражданина; обязательство, которое связывает их вместе, является абсолютным.

Как по-другому обстоит дело с недвижимостью! Ему поклоняются все, но никто его не признает: законы, мораль, обычаи, общественное и частное сознание - все это замышляет его смерть и разорение.

Для покрытия расходов правительства, которому нужно содержать армии, выполнять задачи и платить офицерам, необходимы налоги. Пусть все вносят свой вклад в эти расходы: ничего более справедливого. Но почему богатые должны платить больше, чем бедные? Говорят, это справедливо, потому что у них больше собственности. Признаюсь, такая справедливость выше моего понимания.

Почему уплачиваются налоги? Защищать всех при осуществлении их естественных прав — свободы, равенства, безопасности и собственности; поддерживать порядок в государстве; предоставлять обществу полезные и приятные удобства.

Итак, стоит ли защищать жизнь и свободу богача дороже, чем бедняка? Кто во время нашествия, голода или чумы причиняет больше хлопот — крупный собственник, который спасается от зла без помощи государства, или рабочий, который сидит в своем коттедже, незащищенный от опасности?

Кто больше угрожает общественному порядку - достойный гражданин или ремесленник и подмастерье? Да ведь полиции больше следует опасаться нескольких сотен безработных, чем двухсот тысяч избирателей!

Ценит ли человек с большим достатком национальные праздники, чистые улицы и красивые памятники больше, чем бедняк?

Да ведь он предпочитает свою загородную резиденцию всем народным удовольствиям; а когда он хочет повеселиться сам, он не ждет смазанного шеста!

Верно одно из двух: либо пропорциональный налог обеспечивает большую безопасность более крупным налогоплательщикам, либо это неправильно.

Потому что, если собственность является естественным правом, как провозглашено в Декларации 93-го года, все, что принадлежит мне в силу этого права, так же священно, как и моя личность; это моя кровь, моя жизнь, я сам: всякий, кто прикасается к этому, оскорбляет зеницу ока. Мой доход в сто тысяч франков так же неприкосновенен, как дневное жалованье гризетки в семьдесят пять сантимов; ее мансарда не более священна, чем мои апартаменты. Налог не взимается пропорционально силе, размеру или умению: он также не должен взиматься пропорционально собственности.

Итак, если государство берет у меня больше, пусть оно даст мне больше взамен или перестанет говорить о равенстве прав; ибо в противном случае общество создано не для защиты собственности, а для ее уничтожения. Государство посредством пропорционального налогообложения становится главарем разбойников; государство подает пример систематического грабежа: государство должно предстать перед судом во главе этих отвратительных разбойников, этой отвратительной толпы, которую оно сейчас убивает из мотивов профессиональной ревности.

Но, по их словам, суды и полиция созданы для сдерживания этой толпы; правительство - это компания не совсем для страховки, поскольку оно не страхует, а для мести и репрессий. Премия, взимаемая этой компанией, налог, делится пропорционально имуществу; то есть пропорционально хлопотам, которые каждый объект собственности причиняет мстителем и репрессирующим, выплачиваемым правительством.

Это что угодно, только не абсолютное и неотъемлемое право собственности. При такой системе бедные и богатые не доверяют друг другу и воюют друг с другом. Но что является целью войны? Собственность. Таким образом, эта собственность обязательно сопровождается войной против собственности. Свобода и защищенность богатых не страдают от свободы и защищенности бедных; более того, они взаимно укрепляют и поддерживают друг друга. Напротив, право собственности богатого человека должно постоянно защищаться от стремления бедняка к собственности. Какое противоречие! В Англии действует налог для бедных: они хотят, чтобы я платил этот налог. Но какая связь существует между моим естественным и неотъемлемым правом собственности и голодом, от которого страдают десять миллионов несчастных людей? Когда религия повелевает нам помогать нашим ближним, она говорит от имени милосердия, а не от имени закона. Обязанность благотворительности, налагаемая на меня христианской моралью, не может быть возложена на меня как политический налог в пользу какого-либо человека или богадельни. Я буду подавать милостыню, когда сочту нужным это делать, когда страдания других возбудят во мне то сочувствие, о котором говорят философы и в которое я не верю: я не буду вынужден их раздавать. Никто не обязан делать больше, чем соблюдать этот судебный запрет: ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ СВОИХ СОБСТВЕННЫХ ПРАВ НЕ ПОСЯГАЙТЕ НА ПРАВА ДРУГОГО; судебный запрет, который является точным определением свободы. Теперь мое имущество принадлежит мне; никто не имеет на него прав: я возражаю против того, чтобы поставить третью теологическую добродетель в порядок дня.

Все во Франции требуют конвертации пятипроцентных облигаций. Таким образом, они требуют полной жертвы одного вида собственности. Они имеют право делать это, если этого требует общественная необходимость; но где справедливая компенсация, обещанная хартией? Такого возмещения не только не существует, но даже и невозможно; ибо, если бы возмещение было равно пожертвованному имуществу, обращение было бы бесполезным.

Сегодня государство занимает по отношению к держателям облигаций ту же позицию, что и город Кале, осажденный Эдуардом III, по отношению к своей знати. Английский завоеватель согласился пощадить его жителей при условии, что они передадут ему своих самых выдающихся граждан, чтобы он мог делать с ними все, что ему заблагорассудится. Эсташ и несколько других предложили себя; это было благородно с их стороны, и нашим министрам следовало бы рекомендовать их пример держателям облигаций. Но имел ли город право выдать их? Конечно, нет. Право на безопасность является абсолютным; страна не может требовать,

чтобы кто-либо жертвовал собой. Солдат, стоящий на страже в пределах досягаемости противника, не является исключением из этого правила. Где бы ни стоял на страже гражданин, страна стоит на страже вместе с ним: сегодня очередь одного, завтра другого. Когда опасность и преданность обычны, бегство равносильно отцеубийству. Никто не имеет права убегать от опасности; никто не может служить козлом отпущения. Максима Каиафы — ПРАВИЛЬНО, ЧТО ЧЕЛОВЕК ДОЛЖЕН УМЕРЕТЬ ЗА СВОЮ НАЦИЮ — принадлежит черни и тиранам; это две крайности социальной деградации.

Говорят, что все бессрочные аннуитеты, по сути, подлежат погашению. Эта максима гражданского права, применяемая к государству, хороша для тех, кто желает вернуться к естественному равенству труда и богатства; но с точки зрения собственника и в устах конверсионистов это язык банкротов. Государство является не только заемщиком, оно является страховщиком и хранителем собственности; предоставляя наилучшую безопасность, оно гарантирует самое неприкосновенное владение. Как же тогда она может заставить разжать руки своих кредиторов, которые ей доверяют, а затем поговорить с ними об общественном порядке и сохранности собственности? Государство в такой операции - это не должник, который погашает свой долг; это акционерное общество, которое заманивает своих акционеров в ловушку и там, вопреки своему подлинному обещанию, взыскивает с них двадцать, тридцать или сорок процентов. о процентах с их капитала.

Это еще не все. Государство - это университет граждан, объединенных общим правом в силу общественного акта. Этот закон обеспечивает всем владение их собственностью; одному гарантирует его поле, другому - виноградник, третьему - арендную плату, а держателю облигаций, который мог бы купить недвижимость, но предпочел прибегнуть к помощи казначейства, - его облигации. Государство не может требовать, не предлагая эквивалента, пожертвовать акром поля или уголок виноградника; еще меньше оно может снижать арендную плату: почему оно должно иметь право уменьшать проценты по облигациям? Это право не могло бы справедливо существовать, если бы владелец облигаций не мог инвестировать свои средства в другое место с равной выгодой; но, будучи ограниченным государством, где он может найти место для их инвестирования, поскольку причина конверсии, то есть право занимать с большей выгодой, находится в государстве? Вот почему правительство, основанное на принципе собственности, не может погасить свои ежегодные выплаты без согласия их владельцев.

Деньги, депонированные республикой, являются собственностью, к которой она не имеет права прикасаться, в то время как другие виды собственности уважаются; принуждать к их выкупу - значит нарушать общественный договор и ставить держателей облигаций вне закона.

Весь спор относительно конвертации облигаций в конечном итоге сводится к следующему:—

ВОПРОС. Справедливо ли это для того, чтобы довести до нищеты сорок пять тысяч семей, получающих доход от своих облигаций в сто франков или меньше?

ОТВЕТ. Справедливо ли принуждать семь или восемь миллионов налогоплательщиков платить налог в размере пяти франков, когда они должны платить только три? Во-первых, ясно, что ответ на самом деле не является ответом; но, чтобы сделать ошибку более очевидной, давайте изменим ее следующим образом: справедливо ли подвергать опасности жизни ста тысяч человек, когда мы можем спасти их, сдав врагу сто голов? Читатель, решайся!

Все это прекрасно понимают защитники нынешней системы. И все же, тем не менее, рано или поздно обращение произойдет и собственность будет нарушена, потому что никакой другой путь невозможен; потому что собственность, рассматриваемая как право, но не являющаяся правом, по праву должна погибнуть; потому что сила событий, законы совести и физическая и математическая необходимость должны, в конце концов, разрушить эту иллюзию наших умов.

Подведем итог: свобода — это абсолютное право, потому что для человека она то же самое, что непроницаемость для материи, - непереносимое условие существования; равенство - это абсолютное право, потому что без равенства нет общества; безопасность - это абсолютное право, потому что в глазах каждого человека его собственная свобода и жизнь так же ценны, как и жизнь другого. Эти три права абсолютны, то есть не подлежат ни увеличению, ни уменьшению, потому что в обществе каждый сотрудник получает столько, сколько отдает, — свободу за свободу, равенство за равенство, безопасность за безопасность, тело за тело, душа за душу, в жизни и в смерти.

Но собственность в ее производном смысле и по определениям закона является правом вне общества; ибо ясно, что, если бы богатство каждого было общественным богатством, условия были бы равными для всех, и было бы противоречием утверждать: СОБСТВЕННОСТЬ - ЭТО ПРАВО ЧЕЛОВЕКА РАСПОРЯЖАТЬСЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ ПО СВОЕМУ УСМОТРЕНИЮ. Тогда, если мы объединяемся ради свободы, равенства и безопасности, мы не объединяемся ради собственности; тогда, если собственность является ЕСТЕСТВЕННЫМ правом, это естественное право не СОЦИАЛЬНОЕ, а АНТИСОЦИАЛЬНОЕ. Собственность и общество - совершенно несовместимые институты. Объединить двух собственников так же невозможно, как соединить два магнита их противоположными полюсами. Либо общество должно погибнуть, либо оно должно уничтожить собственность.

Если собственность является естественным, абсолютным, неотчуждаемым правом, то почему во все века было так много спекуляций относительно ее происхождения? — ведь это одна из ее отличительных характеристик. Происхождение естественного права! Боже милостивый! кто когда-либо интересовался происхождением прав на свободу, безопасность или равенство? Они существуют по тому же праву, что и мы; они рождаются вместе с нами, живут и умирают вместе с нами. С собственностью дело обстоит совсем по-другому. По закону собственность может существовать без собственника, как качество без субъекта. Она существует для человека, которого еще нет, и для восьмидесятилетнего старика, которого уже нет. И все же, несмотря на эти замечательные привилегии, от которых веет вечностью и беспредельностью, они так и не выяснили происхождения собственности; доктора по-прежнему расходятся во мнениях. Только в одном пункте они находятся в согласии, а именно в том, что действительность права собственности зависит от подлинности его происхождения. Но эта гармония является их осуждением. Почему они признали это право до того, как был решен вопрос о происхождении?

Определенным классам не нравится расследование мнимых прав собственности и ее невероятной и, возможно, скандальной истории. Они хотят придерживаться этого утверждения: собственность - это факт; что она всегда была и всегда будет. С этого положения ученый Прудон [11](#) начал свой "Трактат о праве узуфрукта", рассматривая происхождение собственности как бесполезный вопрос. Возможно, я бы присоединился к этой доктрине, полагая, что она вдохновлена похвальной любовью к миру, если бы все мои сограждане были в благоприятных обстоятельствах; но нет! Я не буду на это подписываться.

Титулов, на которых они претендуют основывать право собственности, всего два: ПРОФЕССИЯ и ТРУД. Я рассмотрю их последовательно, во всех аспектах и подробно; и я напоминаю читателю, что, к какому бы авторитету мы ни обратились, я, вне всякого сомнения, докажу, что собственность, чтобы быть справедливой и возможной, обязательно должна иметь равные условия.

% 2.Род занятий, как право собственности.

Примечательно, что на тех заседаниях Государственного совета, на которых обсуждался Кодекс, не возникло никаких разногласий относительно происхождения и принципа собственности. Все статьи Тома II, книга 2, касающиеся собственности и права присоединения, были приняты без возражений или поправок. Бонапарту, который по другим вопросам доставлял своим легистам столько хлопот, нечего было сказать о собственности. Не удивляйтесь этому: в глазах этого человека, самого эгоистичного и своенравного человека, который когда-либо жил, собственность была первым из прав, точно так же, как подчинение власти было самой святой из обязанностей.

Право ЗАНЯТИЯ, или ПЕРВОГО ЗАНИМАЮЩЕГО, - это то, что вытекает из фактического, физического, действительного владения вещью. Я занимаю участок земли; предполагается, что я являюсь собственником, пока не будет доказано обратное. Мы знаем, что изначально такое право не может быть законным, если оно не является взаимным; юристы говорят именно об этом.

Cicero compares the earth to a vast theatre: *Quemadmodum theatrum cum commune sit, recte tamen dici potest ejus esse eum locum quem quisque occuparit.*

Этот отрывок - все, что античная философия может сказать о происхождении собственности.

Театр, говорит Цицерон, общий для всех; тем не менее место, которое занимает каждый, называется ЕГО СОБСТВЕННЫМ; то есть это место, которым он ВЛАДЕЕТ, а не ПРИСВАИВАЕТ. Это сравнение уничтожает собственность; более того, оно подразумевает равенство. Могу ли я в театре занимать одновременно одно место в партере, другое в ложах и третье на галерке? Нет, если только у меня нет трех тел, как у Гериона, или я не могу существовать в разных местах одновременно, как рассказывают о маге Аполлонии.

Согласно Цицерону, никто не имеет права на большее, чем ему необходимо: такова истинная интерпретация его знаменитой аксиомы —*suum quidque cujusque sit*, каждому то, что принадлежит ему — аксиома, которая была странно применена. То, что принадлежит каждому, - это не то, чем каждый МОЖЕТ обладать, а то, на что каждый ИМЕЕТ ПРАВО обладать. Итак, на что мы имеем право обладать? То, что требуется для нашего труда и потребления; сравнение Цицероном земли с театром доказывает это. В соответствии с этим, каждый может занимать то место, какое пожелает, может украшать его, если сможет; это допустимо; но он никогда не должен позволять себе переступать границу, отделяющую его от другого. Доктрина Цицерона ведет непосредственно к равенству; ибо, поскольку занятие является чистой терпимостью, если терпимость взаимна (а иначе и быть не может), имущество равноценно.

Гроций бросается в историю; но что это за рассуждение, которое ищет происхождение права, считающегося естественным, где-то еще, кроме Природы? Это метод древних: факт существует,

значит, он необходим, тогда он справедлив, тогда его предпосылки также справедливы. Тем не менее, давайте разберемся в этом.

"Первоначально все вещи были общими и неделимыми; они были собственностью всех". Не будем углубляться. Гроций рассказывает нам, как этот первоначальный коммунизм пришел к концу из-за амбиций и алчности; как за золотым веком последовал век железа и т. Д. Таким образом, эта собственность основывалась сначала на войне и завоеваниях, затем на договорах и соглашениях. Но либо эти договоры и соглашения распределяли богатство поровну, как это делал первоначальный коммунизм (единственный метод распределения, с которым были знакомы варвары, и единственная форма справедливости, которую они могли себе представить; и тогда вопрос о происхождении принимает такую форму: как впоследствии исчезло равенство?), либо эти договоры и соглашения были навязаны сильными слабым, и в этом случае они недействительны; молчаливое согласие потомков не делает их действительными, и мы живем в постоянном состоянии беззакония и мошенничества.

Мы никогда не сможем понять, как равенство условий, существовавшее когда-то, могло впоследствии исчезнуть. Что было причиной такого вырождения? Инстинкты животных неизменны, так же как и различия видов; предполагать изначальное равенство в человеческом обществе — значит косвенно признавать, что нынешнее неравенство является вырождением из природы этого общества, — вещь, которую защитники собственности не могут объяснить. Но я делаю отсюда вывод, что, если Провидение поместило первых людей в условия равенства, это было указанием на его желания, моделью, которую оно хотело, чтобы они реализовали в других формах; точно так же, как религиозное чувство, которое оно посеяло в их сердцах, развивалось и проявлялось различными способами. У человека есть только одна природа, постоянная и неизменяемая: он преследует ее через инстинкт, он отклоняется от нее через размышление, он возвращается к ней через суждение; кто скажет, что мы не возвращаемся сейчас? Согласно Гроцию, человек отказался от равенства; согласно мне, он еще вернется к нему. Как получилось, что он отказался от него? Почему он вернется к нему? Это вопросы для дальнейшего рассмотрения.

Рид пишет следующее:—

"Право собственности не врожденное, а приобретенное. Оно основано не на конституции человека, а на его действиях. Авторы по юриспруденции объяснили его происхождение таким образом, который может удовлетворить каждого здравомыслящего человека.

"Земля дана людям совместно для достижения жизненных целей, по щедрости Небес. Но разделить его и присвоить одну часть произведенного одним, другую — другому — должно быть работой людей, которым даны сила и понимание, с помощью которых каждый человек может приспособиться к себе, НЕ ПРИЧИНЯЯ ВРЕДА НИКОМУ ДРУГОМУ.

"Это общее право каждого человека на то, что производит земля, прежде чем она будет занята и присвоена другими, древние моралисты очень точно сравнивали с правом, которое имел каждый гражданин на публичный театр, где каждый пришедший мог занять свободное место и таким образом приобрести право на него, пока длилось представление; но ни один человек не имел права лишать другого собственности.

"Земля - это великий театр, оборудованный Всемогущим, с совершенной мудростью и благостью, для развлечения и занятости всего человечества. Здесь каждый человек имеет право приспособиться к роли зрителя и сыграть свою роль как актер, но без ущерба для других".

Последствия доктрины Рида.

1. Чтобы часть, которую каждый присваивает, никому не причинила вреда, она должна быть равна частному от общей суммы имущества, подлежащего разделу, деленному на количество тех, кто должен его разделить;

2. Поскольку количество мест по необходимости всегда равно количеству зрителей, ни один зритель не может занимать двух мест, равно как и ни один актер не может играть несколько ролей;

3. Всякий раз, когда зритель входит или выходит, места всех соответственно сужаются или расширяются: ибо, говорит Рид, "ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ НЕ ВРОЖДЕННОЕ, А ПРИОБРЕТЕННОЕ"; следовательно, оно не является абсолютным; следовательно, владение, на котором оно основано, будучи условным фактом, не может наделить это право стабильностью, которой оно само не обладает. Похоже, именно об этом думал эдинбургский профессор, когда он добавил: —

"Право на жизнь подразумевает право на необходимые средства к жизни; и та справедливость, которая запрещает отнимать жизнь у невинного человека, в не меньшей степени запрещает отнимать у него необходимые средства к жизни. Он имеет такое же право защищать одно, как и другое. Препятствовать невинному труду другого человека или лишать его его плодов - это несправедливость того же рода, которая имеет тот же эффект, что заковывание его в кандалы или заключение в тюрьму, и в равной степени является справедливым объектом негодования".

Таким образом, глава шотландской школы, совершенно не принимая во внимание неравенство навыков или рабочей силы, априори утверждает равенство средств труда, оставляя после этого каждому работнику заботу о собственной персоне, следуя вечной аксиоме: КТО ХОРОШО РАБОТАЕТ, ТОМУ ХОРОШО И ЖИТЬ.

Философу Риду не хватает не знания принципа, а смелости довести его до конца. Если право на жизнь равно, то равным является и право на труд, а также право на проживание. Разве не было бы преступлением, если бы некоторые островитяне во имя собственности отталкивали несчастных жертв кораблекрушения, пытающихся добраться до берега? Сама мысль о такой жестокости поражает воображение. Собственник, подобно Робинзону Крузо на своем острове, пикой и мушкетом отгоняет пролетария, выброшенного за борт волной цивилизации и стремящегося закрепиться на скалах собственности. "Дайте мне работу!" - изо всех сил кричит он хозяину. "Не прогоняйте меня, я буду работать на вас любой ценой". "Я не нуждаюсь в ваших услугах", - отвечает владелец, показывая наконечник своей пикой или дуло ружья. "По крайней мере, снизьте мне арендную плату". "Мне нужен мой доход, чтобы жить". "Как я могу вам заплатить, если у меня нет работы?" "Это ваше дело". Тогда несчастный пролетарий отдается на волю волн; или, если он пытается высадиться на берег собственности, собственник прицеливается и убивает его.

Мы только что выслушали спиритуалиста; теперь мы зададим вопрос материалисту, затем эклектику; и, завершив круг философии, перейдем к юриспруденции.

Согласно Дестату де Траси, собственность - это необходимость нашей природы. Было бы глупостью отрицать, что эта необходимость влечет за собой неприятные последствия. Но эти последствия являются необходимым злом, которое не отменяет принципа; так что восстать против собственности из-за злоупотреблений, которые она порождает, так же неразумно, как жаловаться на жизнь из-за того, что она обязательно закончится смертью. Эта жестокая и безжалостная философия обещает, по крайней мере, откровенные и близкие рассуждения. Давайте посмотрим, сдержит ли она свое обещание.

"Мы очень серьезно говорим об условиях собственности ... как будто это наша компетенция - решать, что считать собственностью.... Послушать некоторых философов и законодателей, так может показаться, что в определенный момент, спонтанно и беспричинно, люди начали употреблять слова "ТВОЕ" и "МОЕ"; и что они могли бы или должны были бы обойтись без них. Но ТВОЕ и МОЕ так и не были изобретены".

Вы сами философ, но слишком реалистичны. "ТВОЕ" и "МОЕ" не обязательно относятся к "я", как это происходит, когда я говорю "твоя философия" и "мое равенство"; ибо твоя философия - это то, что ты философствуешь, а мое равенство - это то, что я исповедую равенство. "ТВОЕ" и "МОЕ" чаще всего указывают на родство — на ВАШУ страну, ВАШ приход, ВАШЕГО портного, ВАШУ молочницу; на МОЮ комнату, МОЕ место в театре, МОЮ роту и МОЙ батальон в Национальной гвардии. В первом смысле мы можем иногда говорить "МОЙ труд", "МОЕ умение", "МОЯ добродетель"; но никогда "МОЕ величие"; только в последнем смысле — "МОЕ поле", "МОЙ дом", "МОЙ виноградник", "МОЙ капитал" - точно так же, как клерк банкира говорит "МОЯ касса". Короче говоря, "ТВОЕ" и "МОЕ" - это знаки и выражения личных, но равных прав; применительно к вещам вне нас они указывают на владение, функцию, использование, а не на собственность.

Это кажется невозможным, но, тем не менее, я докажу цитатами, что вся теория нашего автора основана на этой ничтожной двусмысленности.

"До заключения всех заветов люди находятся не совсем во ВРАЖДЕБНОСТИ, как говорит Гоббс, а в состоянии ОТЧУЖДЕНИЯ. В этом государстве неизвестны справедливость и несправедливость; права одного не имеют никакого отношения к правам другого. У всех столько прав, сколько потребностей, и все считают своим долгом удовлетворять эти потребности любыми доступными им средствами".

Признайте это; правда это или ложь, не имеет значения. Дестат де Трейси не может избежать равенства. Согласно этой теории, люди, находясь в состоянии ОТЧУЖДЕНИЯ, не несут никаких обязательств друг перед другом; все они имеют право удовлетворять свои потребности без оглядки на потребности других и, следовательно, право осуществлять свою власть над Природой, каждый в меру своей силы и способностей. Это предполагает величайшее неравенство в богатстве. Неравенство условий, таким образом, является характерной чертой отчуждения или варварства: полная противоположность идее Руссо.

Но давайте посмотрим дальше:—

"Ограничения этих прав и этой обязанности начинаются в момент согласования соглашений, подразумеваемых или явно выраженных. Тогда впервые появляется справедливость и несправедливость, то есть баланс между правами одного и правами другого, которые до того времени были обязательно равными".

Послушайте: ПРАВА БЫЛИ РАВНЫ; это означает, что каждый индивид имел право УДОВЛЕТВОРЯТЬ СВОИ ПОТРЕБНОСТИ НЕЗАВИСИМО ОТ ПОТРЕБНОСТЕЙ ДРУГИХ. Другими словами, что все имели право причинять вред друг другу; что не было другого права, кроме силы и хитрости. Они причиняли вред друг другу не только войной и грабежом, но также узурпацией и присвоением. Теперь, чтобы отменить это равное право на применение силы и хитрости, это равное право творить зло, единственный источник неравенства выгод и увечий, они начали заключать СОГЛАШЕНИЯ, ПОДРАЗУМЕВАЕМЫЕ ИЛИ ЯВНЫЕ, и установили баланс. Тогда эти соглашения и этот баланс были призваны обеспечить всем равный комфорт; тогда, по закону противоречий, если изоляция является принципом неравенства, общество должно обеспечивать равенство. Социальное равновесие — это уравнивание сильных и слабых; ибо, хотя они и не равны, они чужие; они не могут объединяться - они живут как враги. Тогда, если неравенство условий является необходимым злом, то же самое относится и к изоляции, поскольку общество и неравенство несовместимы друг с другом. Тогда, если общество является истинным условием существования человека, то же самое относится и к равенству. Этого вывода не избежать.

Если это так, то как получилось, что с момента установления этого баланса неравенство росло? Как получилось, что справедливость и изоляция всегда сопутствуют друг другу? Дестат де Трейси должен ответить: —

"ПОТРЕБНОСТИ и СРЕДСТВА, ПРАВА и ОБЯЗАННОСТИ являются продуктами воли. Если бы человек ничего не желал, всего этого не существовало бы. Но иметь потребности и средства, права и обязанности - значит ИМЕТЬ что-то, ОБЛАДАТЬ чем-то. Это очень много видов собственности, если использовать это слово в самом общем смысле: это вещи, которые принадлежат нам".

Постыдная двусмысленность, не оправданная необходимостью обобщения! Слово "СВОЙСТВО" имеет два значения: 1. Оно обозначает качество, которое делает вещь такой, какая она есть; атрибут, который ей свойственен и особенно отличает ее. Мы используем его в этом смысле, когда говорим О СВОЙСТВАХ ТРЕУГОЛЬНИКА или ЧИСЕЛ; СВОЙСТВЕ МАГНИТА и т.д. 2. Оно выражает право свободного и разумного существа на абсолютный контроль над вещью. Именно в этом смысле его используют авторы по юриспруденции. Таким образом, во фразе "ЖЕЛЕЗО ПРИОБРЕТАЕТ СВОЙСТВО МАГНИТА" слово "СВОЙСТВО" не передает ту же идею, что и в этой: *я ПРИОБРЕЛ ЭТОТ МАГНИТ КАК СВОЮ СОБСТВЕННОСТЬ*. Говорить бедняку, что у него ЕСТЬ собственность, потому что у него ЕСТЬ руки и ноги, — что голод, от которого он страдает, и его способность спать под открытым небом являются его собственностью, — значит играть словами и добавлять оскорбление к оскорблению.

"Единственной основой идеи собственности является идея личности. Как только собственность вообще рождается, она рождается по необходимости во всей своей полноте. Как только индивид познает СЕБЯ — свою нравственную личность, свои способности к наслаждению, страданию и действию, — он обязательно видит также, что это "Я" является исключительным владельцем тела, в котором оно обитает, его органов, их сил, способностей и т. Д.... Поскольку существует искусственная и условная собственность, должна существовать и естественная собственность; ибо в искусстве ничто не может существовать без своего аналога в Природе".

Мы должны восхищаться честностью и рассудительностью философов! Человек обладает свойствами; то есть, в первом понимании этого термина, способностями. У него есть

собственность; то есть, во втором понимании, право владения. Таким образом, у него есть свойство собственности быть собственником. Как бы мне было стыдно замечать подобную глупость, если бы я здесь руководствовался только авторитетом Дестата де Траси! Но вся человеческая раса с момента возникновения общества и языка, когда впервые зародились метафизика и диалектика, была виновна в этой ребяческой путанице мыслей. Все, что человек мог назвать своим, отождествлялось в его сознании с его личностью. Он считал это своей собственностью, своим богатством; частью себя, членом своего тела, способностью своего ума. Обладание вещами уподоблялось собственности на силы тела и разума; и на этой ложной аналогии было основано право собственности — ПОДРАЖАНИЕ ПРИРОДЕ ИСКУССТВОМ, как изящно выразился Дестют де Траси.

Но почему этот идеолог не понял, что человек не является хозяином даже своих собственных способностей? У человека есть силы, атрибуты, способности; они даны ему Природой, чтобы он мог жить, учиться и любить: он не владеет ими, а только использует их; и он не может использовать их так, чтобы это не согласовывалось с законами Природы. Если бы он обладал абсолютным контролем над своими способностями, он мог бы избежать голода и холода; он мог бы есть без ограничений и проходить сквозь огонь; он мог бы сдвигать горы, проходить сто лиг за минуту, лечить без лекарств и единственной силой своей воли и мог бы сделать себя бессмертным. Он мог бы сказать: "Я хочу производить", и его задачи были бы завершены этими словами; он мог бы сказать: "Я хочу знать", и он бы узнал; "Я люблю", и он бы наслаждался. Что тогда? Человек не хозяин себе, но может быть хозяином своего окружения. Позвольте ему пользоваться богатствами Природы, поскольку он может жить только за счет их использования; но пусть он откажется от своих претензий на титул собственника и помнит, что его называют так лишь метафорически.

Подводя итог: Дестат де Траси объединяет внешние ПРОДУКТЫ природы и искусства, а также СИЛЫ или СПОСОБНОСТИ человека, превращая их в разновидности собственности; и на основе этой двусмысленности он надеется установить, так твердо, что это никогда не сможет быть нарушено, право собственности. Но из этих различных видов собственности некоторые являются ВРОЖДЕННЫМИ, как память, воображение, сила и красота; в то время как другие ПРИОБРЕТАЮТСЯ, как земля, вода и леса. В естественном состоянии или изоляции самые сильные и умелые (то есть те, кто лучше всего наделен врожденными свойствами) имеют наилучшие шансы заполучить приобретенную собственность. Теперь, чтобы предотвратить это вторжение и войну, которая является его результатом, был применен баланс (справедливость) и согласованы соглашения (подразумеваемые или выраженные): это исправить, насколько это возможно, неравенство врожденной собственности равенством приобретенной собственности. До тех пор, пока разделение остается неравным, партнеры остаются врагами; и цель заветов - изменить это положение вещей. Таким образом, мы имеем, с одной стороны, изоляцию, неравенство, вражду, войну, грабеж, убийство; с другой стороны, общество, равенство, братство, мир и любовь. Выбирайте между ними!

Месье Джозеф Дютенс — врач, инженер и геометр, но очень плохой юрист и совсем не философ — является автором "Философии политической экономии", в которой он считал своим долгом ломать копыя во имя собственности. Его рассуждения, по-видимому, заимствованы у Дестута де Траси. Он начинает с определения собственности, достойного Сганареля: "Собственность - это право, по которому вещь принадлежит человеку". В буквальном переводе: Собственность - это право собственности.

После того, как я несколько раз запутался в вопросах воли, свободы и личности; после того, как провел различие между НЕМАТЕРИАЛЬНО-ЕСТЕСТВЕННОЙ собственностью и МАТЕРИАЛЬНО-ЕСТЕСТВЕННОЙ собственностью, различие, аналогичное различию врожденной и приобретенной собственности Дестата де Трейси, — М. Джозеф Дютенс завершает свое выступление этими двумя общими положениями: 1. Собственность является естественным и неотъемлемым правом каждого человека; 2. Имущественное неравенство является необходимым результатом Природы, — эти положения можно преобразовать в более простое: все люди имеют равное право на неравную собственность.

Он упрекает г-на де Сисмонди за то, что тот учил, что земельная собственность не имеет иной основы, кроме закона и условностей; и он сам говорит, говоря об уважении, которое люди испытывают к собственности, что "их здравый смысл открывает им природу ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ДОГОВОРА, заключенного между обществом и собственниками".

Он путает собственность с обладанием, коммунизм с равенством, справедливое с естественным, а естественное с возможным. Теперь он принимает эти разные идеи за эквиваленты; теперь он, кажется, проводит различие между ними, причем настолько, что было бы бесконечно легче опровергнуть его, чем понять. Сначала меня привлекло название работы "Философия политической экономии", но среди неясностей автора я обнаружил лишь самые обычные идеи. По этой причине я не буду говорить о нем.

М. Кузен в своей "Философии морали", стр. 15, учит, что вся мораль, все законы, все права даны человеку с таким предписанием: "СВОБОДНОЕ СУЩЕСТВО, ОСТАВАЙСЯ СВОБОДНЫМ". Bravo! учитель, я хочу остаться свободным, если смогу. Он продолжает: —

"Наш принцип верен; это хорошо, это социально. Не бойтесь доводить его до конца.

"1. Если человеческая личность священна, то священна вся ее природа; и особенно ее внутренние действия, ее чувства, ее мысли, ее добровольные решения. Этим объясняется уважение к философии, религии, искусству, коммерции и ко всем результатам свободы. Я говорю об уважении, а не просто о терпимости; ибо мы не терпим права, мы уважаем их".

Я склоняю голову перед этой философией.

"2. Моя свобода, которая священна, нуждается для своего объективного действия в инструменте, который мы называем телом: тогда тело участвует в святости свободы; тогда оно неприкосновенно. Это основа принципа индивидуальной свободы.

"3. Моя свобода нуждается для своего объективного действия в материале, с которым можно работать; другими словами, в собственности или вещи. Эта вещь или имущество естественным образом участвует в неприкосновенности моей личности. Например, я вступаю во владение предметом, который стал необходимым и полезным во внешнем проявлении моей свободы. Я говорю: "Этот предмет мой, поскольку он не принадлежит никому другому; следовательно, я владею им на законных основаниях". Таким образом, законность владения зависит от двух условий. Во-первых, я владею только как свободное существо. Подавляя свободную деятельность, вы уничтожаете мою способность к труду. Теперь только трудом я могу использовать это свойство или вещь, и только используя его, я обладаю им. Таким образом, свободная деятельность является принципом права собственности. Но это само по себе не узаконивает владение. Все люди свободны; все могут использовать собственность трудом.

Означает ли это, что все люди имеют право на всю собственность? Вовсе нет. Чтобы владеть законно, я должен не только трудиться и производить в качестве свободного существа, но и быть первым, кто займет собственность. Короче говоря, если труд и производство являются принципом права собственности, то факт первого заселения является его неперенным условием.

"4. Я владею законно: тогда я имею право использовать свою собственность так, как считаю нужным. Я также имею право отдать ее. Я также имею право завещать это, потому что, если я решу сделать пожертвование, мое решение будет столь же действительным после моей смерти, как и при моей жизни".

На самом деле, чтобы стать собственником, по мнению М. Кузена, нужно вступить во владение с помощью профессии и труда. Я утверждаю, что необходимо учитывать также фактор времени; ибо если первые жильцы заняли все, что было, то что же делать вновь прибывшим? Что с ними будет, если у них будет инструмент для работы, но не будет материала для обработки? Неужели они должны пожирать друг друга? Ужасная крайность, непредвиденная философским благоразумием; по той причине, что великие гении пренебрегают мелочами.

Обратите также внимание, что г-н Кузен говорит, что ни занятие, ни труд, взятые по отдельности, не могут узаконить право собственности; и что оно рождается только из союза того и другого. Это один из эклектичных поворотов мсье Кузена, которого он больше, чем кто-либо другой, должен стараться избегать. Вместо того чтобы действовать методом анализа, сравнения, исключения и редукции (единственного средства обнаружения истины среди различных форм мышления и причудливых мнений), он смешивает все системы вместе, а затем, объявляя каждую как правильной, так и неверной, восклицает: "Вот вам и истина".

Но, придерживаясь своего обещания, я не буду его опровергать. Я только докажу всеми аргументами, которыми он оправдывает право собственности, принцип равенства, который его убивает. Как я уже сказал, моя единственная цель такова: показать, что в основе всех этих позиций лежит неизбежная главная - РАВЕНСТВО; надеясь впоследствии показать, что принцип собственности искажает сами элементы экономической, моральной и государственной науки, таким образом уводя ее в неправильном направлении.

Ну, разве не верно, с точки зрения М. Кузена, что, если свобода человека священна, она одинаково священна для всех индивидов; что, если собственность нужна для его объективной деятельности, то есть для его жизни, присвоение материала одинаково необходимо для всех; что, если я хочу, чтобы меня уважали в моем праве на присвоение, я должен уважать других в их праве; и, следовательно, что, хотя в сфере бесконечного способность человека к присвоению ограничена только им самим, в сфере конечного эта же самая власть ограничена математическим соотношением между количеством людей и пространством, которое они занимают? Не следует ли из этого, что если один индивид не может помешать другому — своему собрату - присвоить количество материала, равное его собственному, он тем более не может помешать появлению индивидуумов; потому что, в то время как индивидуальность уходит, универсальность сохраняется, и вечные законы не могут быть определены частичным взглядом на их проявления? Не должны ли мы, следовательно, заключить, что всякий раз, когда рождается человек, остальные должны тесниться друг к другу; и, по взаимности обязательств, если новоприбывший впоследствии станет наследником, право наследования не дает ему права накопления, а только право выбора?

Я дошел вслед за месье Кузеном до того, что подражаю его стилю, и мне стыдно за это. Нужны ли нам такие высокопарные термины, такие звучные фразы, чтобы сказать такие простые вещи? Человеку нужно трудиться, чтобы жить; следовательно, ему нужны инструменты для работы и материалы для обработки. Его потребность производить составляет его право производить. Теперь это право ему гарантируют его товарищи, с которыми он заключает соответствующее соглашение. Сто тысяч человек селятся в такой большой стране, как Франция, где нет жителей: каждый мужчина имеет право на 1/100 000 земли. Если число владельцев увеличивается, то вследствие этого доля каждого уменьшается; так что, если число жителей возрастет до тридцати четырех миллионов, каждый будет иметь право только на 1/34 000 000. Теперь так отрегулируйте полицейскую систему и правительство, труд, обмен, наследование и т.д., чтобы средства труда распределялись между всеми поровну и чтобы каждый индивид был свободен; и тогда общество станет совершенным.

Из всех защитников собственности г-н Кузен зашел дальше всех. Он возражал экономистам, что труд не устанавливает права собственности, если ему не предшествует занятие, и против юристов, что гражданское право может определять и применять естественное право, но не может его создать. На самом деле недостаточно сказать: "Право собственности подтверждается наличием собственности; функция гражданского права носит чисто декларативный характер". Сказать это - значит признать, что нет ответа тем, кто ставит под сомнение законность самого факта. Каждое право должно быть оправдано само по себе или каким-либо предшествующим правом; собственность не является исключением. По этой причине г-н Кузен стремился основать его на СВЯТОСТИ человеческой личности и акте, посредством которого воля ассимилирует вещь. "Однажды соприкоснувшись с человеком, - говорит один из учеников месье Кузена, - вещи приобретают от него характер, который преобразует и очеловечивает их". Я признаюсь, со своей стороны, что я не верю в это волшебство и что я не знаю ничего менее святого, чем воля человека. Но эта теория, какой бы хрупкой она ни казалась психологии, а также юриспруденции, тем не менее более философична и глубока, чем те теории, которые основаны на труде или авторитете закона. Итак, мы только что увидели, к чему приводит эта теория, о которой мы говорим, — к равенству, подразумеваемому в терминах ее утверждения.

Но, возможно, философия рассматривает вещи со слишком высокой точки зрения и недостаточно практична; возможно, с возвышенных вершин умозрения люди кажутся метафизику такими ничтожными, что он не может провести различие между ними; возможно, действительно, равенство условий является одним из тех принципов, которые очень верны и возвышенны как обобщения, но которые было бы нелепо и даже опасно пытаться строго применять к обычаям жизни и социальным операциям. Несомненно, это случай, требующий подражания мудрой сдержанности моралистов и юристов, которые предостерегают нас от доведения вещей до крайностей и советуют нам сомневаться в каждом определении; потому что, по их словам, нет ни одного, которое нельзя было бы полностью уничтожить, развивая его катастрофические результаты — *Omnis definitio in jure civili arculosa est: parum est enim ut non subverti possit*. Равенство условий — ужасная догма в ушах собственника, утешительная истина у постели больного бедняка, ужасающая реальность под ножом анатома, - равенство условий, установленное в политической, гражданской и промышленной сферах, является всего лишь заманчивой невозможностью, манящей приманкой, сатанинским заблуждением.

В мои намерения никогда не входило удивлять моего читателя. Я ненавижу, как смерть, человека, который использует уловки в своих словах и поведении. С первой страницы этой книги я выразил свои мысли так ясно и решительно, что все могут увидеть направленность моих мыслей и надежд; и они отдадут мне справедливость, если скажут, что было бы трудно проявить больше откровенности и смелости одновременно. Я без колебаний заявляю, что недалек тот момент, когда эта сдержанность, которой сейчас так восхищаются философы, — эта золотая середина, столь настоятельно рекомендуемая профессорами морали и политологии, — будет рассматриваться как позорная черта беспринципной науки и как печать ее порицания. В законодательстве и морали, так же как и в геометрии, аксиомы абсолютны, определения определены; и все результаты принципа должны быть приняты при условии, что они логически выведены. Прискорбная гордыня! Мы ничего не знаем о своей природе и приписываем ей свои промахи; и в порыве искреннего невежества кричим: "Истина под сомнением, лучшее определение ничего не определяет!" Когда-нибудь мы узнаем, проистекает ли эта удручающая неопределенность юриспруденции из характера проводимых ею исследований или из наших предрассудков; недостаточно ли для объяснения социальных явлений изменить нашу гипотезу, как это сделал Коперник, когда перевернул систему Птолемея.

Но что будет сказано, когда я покажу, а я скоро покажу, что та же самая юриспруденция постоянно пытается основать собственность на равенстве? Что можно на это ответить?

% 3.Гражданское право как основа и санкция собственности.

Потье, похоже, считает, что собственность, как и королевская власть, существует по божественному праву. Он восходит к самому Богу — *ab Jove principium*. Он начинает так: —

"Бог - абсолютный правитель вселенной и всего, что она содержит: *Владычество над землей и ее полнотой, орбис и вселенная как обитатель в ней*. Для человеческой расы он создал землю и всех ее созданий и дал ей власть над ними, подчиненную только его собственной. "Ты поставил Его владычествовать над делами рук твоих; ты все положил под ноги Его", - говорит Псалмопевец. Бог сопровождал этот дар такими словами, обращенными к нашим прародителям после сотворения мира: "Плодитесь, размножайтесь и наполняйте землю"" и т.д.

После этого великолепного вступления кто откажется поверить, что человечество - это огромная семья, живущая в братском союзе и под защитой почтенного отца? Но, небеса! братья - враги? Отцы противоестественны, а дети расточительны?

БОГ ДАЛ ЗЕМЛЮ РОДУ ЧЕЛОВЕЧЕСКОМУ: почему же тогда я ничего не получил? **ОН ПОЛОЖИЛ ВСЕ К МОИМ НОГАМ**, и мне негде преклонить голову! **УМНОЖАЙТЕ**, говорит он нам через своего переводчика Потье. Ах, ученый Потье! это так же легко сделать, как сказать; но вы должны дать птице мох для ее гнезда.

"Когда род человеческий размножился, люди разделили между собой землю и большую часть того, что на ней было; то, что досталось каждому, с тех пор принадлежало исключительно ему. Таково было происхождение права собственности".

Скажем, скорее, о праве собственности. Люди жили в государстве коммунизма; положительное или отрицательное это мало что значит. Тогда не было собственности, даже частного владения. Возникновение и рост собственности, постепенно вынуждающей людей трудиться ради своего пропитания, они согласились либо формально, либо молчаливо, — не имеет значения, с чем

именно, — что работник должен быть единоличным владельцем плодов своего труда; то есть они просто провозгласили тот факт, что после этого никто не сможет жить, не работая. Из этого с необходимостью следовало, что для получения равных продуктов должно быть равенство рабочей силы; и что для получения равенства рабочей силы должно быть равенство возможностей для труда. Тот, кто без труда завладел, силой или стратегией, средствами существования другого человека, уничтожил равенство и поставил себя выше закона или вне его. Тот, кто монополизировал средства производства на основе более развитой промышленности, также уничтожил равенство. Равенство было тогда выражением права, и тот, кто его нарушал, был НЕСПРАВЕДЛИВ.

Таким образом, труд порождает частную собственность; право на вещь — *jus in re*. Но на какую вещь? Очевидно, НА ПРОДУКТ, а не НА ПОЧВУ. Так всегда понимали это арабы; и так, согласно Цезарю и Тациту, раньше считали германцы. "Арабы, - говорит г-н де Сисмонди, - признающие собственность человека на выращенные им стада, не отказывают в урожае тому, кто посеял семена; но они не понимают, почему другой, равный ему, не должен иметь права сажать в свою очередь. Неравенство, проистекающее из мнимого права первого жителя, кажется им не основанным на принципе справедливости; и когда вся земля попадает в руки определенного числа жителей, возникает монополия в их пользу по сравнению с остальной нацией, которой они не желают подчиняться".

Что ж, они поделили землю. Я допускаю, что это приводит к более мощной организации труда; и что этот метод распределения, фиксированный и долговечный, выгоден для производства; но как могло такое разделение дать каждому передаваемое право собственности на вещь, на которую все имели неотъемлемое право владения? С точки зрения юриспруденции, эта метаморфоза от владельца к собственнику юридически невозможна; она подразумевает в юрисдикции судов союз владения и права собственности; и взаимные уступки тех, кто делит землю, являются не чем иным, как торговлей естественными правами. Я признаю, что первоначальные земледельцы, которые были также первоначальными создателями закона, не были столь образованны, как наши законодатели; а если бы и были, они не могли бы поступить хуже: они не предвидели последствий превращения права частного владения в право абсолютной собственности. Но почему те, кто в более поздние времена установил различие между *jus in re* и *jus ad rem*, не применили его к самому принципу собственности?

Позвольте мне обратить внимание авторов по юриспруденции на их собственные принципы.

Право собственности, при условии, что оно может иметь причину, может иметь только одну — *Dominium non potest nisi ex una causa contingere*. Я могу владеть несколькими титулами; я могу стать собственником только одного — *Не из-за множественной причины, по которой никто не должен обладать властью, а из-за множественной причины, по которой никто не обладает силой*. Поле, которое я расчистил, которое я обрабатываю, на котором я построил свой дом, на котором содержу себя, свою семью и свой скот, я могу владеть: 1. Как первоначальный житель; 2. Как чернорабочий; 3. В силу общественного договора, который закрепляет это за мной в качестве моей доли.

Но ни один из этих титулов не дает мне права собственности. Ибо, если я попытаюсь обосновать это занятием, общество может ответить: "Я первоначальный владлец". Если я обращаюсь к своему труду, он скажет: "Только при этом условии вы обладаете". Если я заговорю о соглашениях, он ответит: "Эти соглашения устанавливают только ваше право использования".

Это, однако, единственные названия, которые продвигают владельцы. Они так и не смогли обнаружить никаких других. Действительно, каждое право — это говорит Потье — предполагает производящую причину в личности, которая им пользуется; но в человеке, который живет и умирает, в этом сыне земли, который исчезает подобно тени, по отношению к внешним вещам существуют только права владения, а не какой-либо титул собственности. Почему же тогда общество признало право, наносящее ущерб ему самому, когда нет производящей причины? Почему при соответствующем владении оно также признало собственность? Почему закон санкционировал это злоупотребление властью?

Немецкий помощник отвечает так:—

"Некоторые философы утверждают, что человек, применяя свои силы к природному объекту, — скажем, к полю или дереву, - приобретает право только на улучшения, которые он производит, на форму, которую он придает объекту, но не на сам объект. Бесполезное различие! Если бы форму можно было отделить от объекта, возможно, было бы место для вопросов; но поскольку это почти всегда невозможно, применение человеческих сил к различным частям видимого мира является основой права собственности, первичным источником богатства".

Пустой предлог! Если форма не может быть отделена от объекта, а собственность - от владения, владение должно быть общим; в любом случае общество оставляет за собой право устанавливать условия собственности. Предположим, что присвоенная ферма приносит валовой доход в десять тысяч франков; и, как это случается очень редко, эта ферма не может быть разделена. Предположим далее, что по экономическому расчету ежегодные расходы семьи составляют три тысячи франков: владелец этой фермы должен быть обязан поддерживать свою репутацию хорошего отца семейства, выплачивая обществу десять тысяч франков за вычетом общих затрат на выращивание и трех тысяч франков, необходимых для содержания его семьи. Этот платеж - не арендная плата, это возмещение ущерба.

Тогда что же это за справедливость, которая издаст такие законы, как этот:—

"Принимая во внимание, что, поскольку труд настолько изменяет форму вещи, что форму и субстанцию невозможно разделить, не разрушив саму вещь, либо общество должно быть лишено наследства, либо работник должен потерять плоды своего труда; и

"Принимая во внимание, что в любом другом случае собственность на сырье давала бы право собственности на дополнительные улучшения за вычетом их стоимости; и принимая во внимание, что в данном случае собственность на улучшения должна давать право собственности принципалу;

"Следовательно, право присвоения путем труда никогда не должно допускаться в отношении отдельных лиц, но только в отношении общества".

Таким образом законодатели всегда рассуждают в отношении собственности.

Закон предназначен для защиты взаимных прав людей, то есть прав каждого против каждого и каждого против всех; и, как будто пропорция может существовать менее чем с четырьмя условиями, законодатели всегда игнорируют последнее. Пока человек противостоит человеку, собственность компенсирует собственность, и две силы уравнивают друг друга; как только

человек оказывается изолированным, то есть противопоставленным обществу, которое он сам представляет, виновата юриспруденция: Фемида потеряла одну чашу весов своего равновесия.

Послушайте профессора из Ренна, ученого Тулье:—

"Как это требование, ставшее действительным в результате оккупации, могло стать стабильной и постоянной собственностью, которая могла бы продолжать существовать и которая могла бы быть возвращена после того, как первый владелец отказался от владения?

"Земледелие было естественным следствием умножения рода человеческого, а земледелие, в свою очередь, благоприятствует заселению и требует создания постоянной собственности; ибо кто взял бы на себя труд пахать и сеять, если бы не был уверен, что соберет урожай?"

Чтобы удовлетворить земледельца, было достаточно гарантировать ему владение его урожаем; допустим даже, что он должен был быть защищен в своем праве владения землей до тех пор, пока он оставался ее земледельцем. Это было все, на что он имел право рассчитывать; это было все, чего требовал прогресс цивилизации. Но собственность, собственность! право отчуждения земель, которые никто не занимает и не возделывает, — у кого были полномочия предоставлять это? кто претендовал на это?

"Одного сельского хозяйства было недостаточно для создания постоянной собственности; нужны были позитивные законы и магистраты для их исполнения; одним словом, было необходимо гражданское государство.

"Размножение человеческого рода сделало необходимым земледелие; необходимость обеспечения земледельцу плодов его труда сделала необходимой постоянную собственность, а также законы для ее защиты. Таким образом, мы в долгу перед собственностью за создание гражданского государства".

Да, нашего гражданского государства, каким вы его создали; государства, которое сначала было деспотизмом, затем монархией, затем аристократией, сегодня демократией и всегда тиранией.

"Без уз собственности никогда не было бы возможно подчинить людей благотворному игу закона; а без постоянной собственности земля оставалась бы обширным лесом. Давайте тогда согласимся с наиболее осторожными авторами, что если временная собственность или преимущественное право, возникающее в результате занятия, существовало до создания гражданского общества, то постоянная собственность, какой мы ее знаем сегодня, является делом гражданского права. Гражданское право гласит, что однажды приобретенная собственность может быть утрачена только по вине собственника и что она существует даже после того, как собственник отказался от владения вещью и она попала в руки третьей стороны.

"Таким образом, собственность и владение, которые первоначально смешивались, стали благодаря гражданскому праву двумя различными и независимыми вещами; двумя вещами, которые, выражаясь языком закона, не имеют ничего общего. Из этого мы видим, какие удивительные изменения произошли в собственности и до какой степени природа была изменена гражданскими законами".

Таким образом, закон, устанавливающий собственность, не был выражением психологического факта, развитием естественного закона, применением морального принципа. Он буквально

СОЗДАЛ право за пределами своей собственной провинции. Он реализовал абстракцию, метафору, фикцию; и это без того, чтобы соизволить взглянуть на последствия, без учета недостатков, без выяснения, было ли это правильно или неправильно.

Оно санкционировало эгоизм; оно одобряло чудовищные притязания; оно благосклонно принимало нечестивые обеты, как будто оно могло заполнить бездонную яму и насытить ад! Слепой закон; закон невежественного человека; закон, который не является законом; голос раздора, обмана и крови! Это то, что, постоянно возрождаемое, восстанавливаемое, омолаживаемое, реставрируемое, подкрепляемое силой - как палладиум общества — тревожило совесть людей, затуманивало умы хозяев и вызывало все катастрофы, которые обрушивались на народы.

Это то, что христианство осудило, но что обожествляют его невежественные служители, у которых так же мало желания изучать Природу и человека, как и способности читать свои Священные писания.

Но, действительно, каким руководством руководствовался закон при создании сферы собственности? Каким принципом он руководствовался? Каков был его стандарт?

Вы бы поверили? Это было равенство.

Сельское хозяйство было основой территориального владения и изначальной причиной возникновения собственности. Было бесполезно обеспечивать фермера плодами его труда, если только средства производства не были в то же время закреплены за ним. Чтобы защитить слабых от вторжения сильных, пресечь грабежи и мошенничество, ощущалась необходимость установления между владельцами постоянных разделительных линий, непреодолимых препятствий. С каждым годом народ умножался, а алчность земледельцев возрастала: считалось, что лучше всего обуздать честолюбие, установив границы, которые честолюбие тщетно пыталось бы переступить. Таким образом, земля стала присваиваться из-за потребности в равенстве, которое необходимо для общественной безопасности и мирного владения. Несомненно, разделение никогда не было географически равным; множество прав, некоторые из которых основаны в Природе, но неверно интерпретируются и еще более неверно применяются, наследование, дарение и обмен; другие, такие как привилегии рождения и положения, незаконные порождения невежества и грубой силы, — все действовало, чтобы предотвратить абсолютное равенство. Но, тем не менее, принцип оставался тем же: равенство санкционировало владение; равенство санкционировало собственность.

Земледельцу каждый год требовалось поле для засева; что могло быть удобнее и проще для варваров — вместо ежегодных ссор и потасовок, вместо постоянного перемещения своих домов, мебели и семей с места на место, — чем закрепить за каждым человеком определенное и неотчуждаемое имущество?

Было неправильно, чтобы солдат, вернувшись из похода, обнаружил себя обездоленным из-за услуг, которые он только что оказал своей стране; ему следовало вернуть его имущество. Таким образом, стало обычным удерживать собственность только по намерению — *nudo animo*; ею можно было пожертвовать только с согласия и в результате действий собственника.

Было необходимо, чтобы равенство в разделе сохранялось от поколения к поколению, без нового распределения земли после смерти каждой семьи; поэтому казалось естественным и

справедливым, чтобы дети и родители, в соответствии со степенью родства, которое они имели с умершим, были наследниками своих предков. Отсюда, во-первых, возник феодальный и патриархальный обычай признавать только одного наследника; затем, путем совершенно противоположного применения принципа равенства, было допущено получение всеми детьми доли в имуществе их отца, а совсем недавно и у нас - окончательная отмена права первородства.

Но что общего между этими грубыми очертаниями инстинктивной организации и истинной социальной наукой? Как могли эти люди, которые никогда не имели ни малейшего представления о статистике, оценке стоимости или политической экономии, снабдить нас принципами законодательства?

"Закон, - говорит современный автор по юриспруденции, - это выражение общественной потребности, констатация факта: законодатель не создает его, он декларирует. "Это определение не является точным. Закон - это метод, с помощью которого должны быть удовлетворены общественные потребности; народ не голосует за него, законодатель не выражает его: ученый обнаруживает и формулирует его". Но на самом деле закон, согласно г-ну Ч. Конту, посвятившему его определению половину тома, изначально был только ВЫРАЖЕНИЕМ ПОТРЕБНОСТИ и указанием средств ее удовлетворения; и до сих пор это было не что иное. Законники — с механической точностью, полные упрямства, враги философии, погрязшие в буквализмах — всегда принимали за последнее слово науки то, что было всего лишь безрассудным стремлением людей, которые, безусловно, действовали из лучших побуждений, но не обладали дальновидностью.

Они не предвидели, эти древние основатели сферы собственности, что вечное и абсолютное право удерживать свое имущество — право, которое казалось им справедливым, потому что оно было общим, — включает в себя право передавать, продавать, дарить, приобретать и терять его; что оно, следовательно, ведет ни к чему иному, как к разрушению того равенства, для поддержания которого они его учредили. И хотя им следовало бы это предвидеть, они пренебрегли этим; теперешняя нужда занимала все их внимание, и, как обычно бывает в таких случаях, неудобства поначалу были едва заметны и прошли незамеченными.

Они не предвидели, эти простодушные законодатели, что если собственность может быть сохранена только по намерению — *nudo animo* — она влечет за собой право сдавать в аренду, давать займы под проценты, получать прибыль от обмена, выплачивать аннуитеты и взимать налог с поля, которое сохраняет за собой намерение, в то время как тело занято в другом месте.

Они не предвидели, эти отцы нашей юриспруденции, что, если право наследования - это нечто иное, чем естественный метод сохранения имущественного равенства, семьи вскоре станут жертвами самых пагубных исключений; и общество, пронзенное в самое сердце одним из своих самых священных принципов, придет к гибели в результате богатства и нищеты. [12](#)

При какой бы форме правления мы ни жили, всегда можно сказать, что *смерть жива*; то есть, что наследование и преемственность будут длиться вечно, кто бы ни был признанным наследником. Но Сен-Симонианцы желают, чтобы наследник был назначен магистратом; другие хотят, чтобы он был выбран умершим или чтобы закон предполагал, что он был выбран таким образом: существенный момент заключается в том, чтобы желание Природы было удовлетворено, насколько позволяет закон равенства.

Сегодня реальным распорядителем наследства является случай или прихоть; теперь, в вопросах законодательства, случай и прихоть не могут приниматься в качестве ориентиров. Именно с целью избежать разнообразных потрясений, возникающих в результате случайности, Природа, создав нас равными, предлагает нам принцип наследственности; который служит голосом, которым общество просит нас выбрать из всех наших братьев того, кого мы сочтем наиболее подходящим для завершения нашей незаконченной работы.

Они не предвидели.... Но зачем мне идти дальше?

Последствия достаточно очевидны, и сейчас не время критиковать весь Код.

Таким образом, история собственности у древних народов - это просто вопрос исследования и любопытства. Согласно правовому правилу, факт не подтверждает право. Итак, собственность не является исключением из этого правила: тогда всеобщее признание права собственности не узаконивает право собственности. Человек ошибается относительно устройства общества, природы права и применения справедливости; точно так же, как он ошибался относительно причины возникновения метеоров и движения небесных тел. Его старые мнения нельзя принимать за символы веры. Какое значение для нас имеет то, что индийская раса была разделена на четыре класса; что на берегах Нила и Ганга кровь и положение в прошлом определяли распределение земли; что греки и римляне отдавали собственность под защиту богов; что они сопровождали религиозными церемониями работу по разделу земли и оценке своего имущества? Разнообразие форм привилегий не санкционирует несправедливость. Вера Юпитера, собственника, [13](#) свидетельствует против равенства граждан не больше, чем мистерии Венеры, распутницы, против супружеского целомудрия.

Авторитет рода человеческого не имеет никакого значения в качестве доказательства в пользу права собственности, потому что это право, с необходимостью основанное на равенстве, противоречит его принципу; решения религий, санкционировавших его, не имеют никакого значения, потому что во все века священник подчинялся государю, а боги всегда говорили так, как желали политики; социальные преимущества, приписываемые собственности, не могут быть приведены в ее защиту, потому что все они проистекают из принципа равенства владения.

Что же тогда означает этот дифирамб на собственность?

"Право собственности - важнейший из человеческих институтов"....

Да, поскольку монархия - самая славная.

"Изначальная причина процветания человека на земле".

Потому что справедливость должна была стать его принципом.

"Собственность стала законной целью его честолюбия, надеждой его существования, убежищем для его семьи; одним словом, краеугольным камнем домашнего очага, общества и политического государства".

Обладание само по себе породило все это.

"Вечный принцип", —

Собственность вечна, как и всякое отрицание, —

"Всех социальных и гражданских институтов".

По этой причине все институты и все законы, основанные на собственности, погибнут.

"Это такое же драгоценное благо, как свобода".

Для богатого владельца.

"Фактически, причина возделывания пригодной для жизни земли".

Если бы земледелец перестал быть арендатором, стал бы ли бы за землей хуже ухаживать?

"Гарантия и нравственность труда".

При режиме собственности труд является не условием, а привилегией.

"Применение правосудия".

Что такое справедливость без равенства состояний? Весы с ложными весами.

"Вся мораль..."

Голодный желудок не ведает морали,—

"Весь общественный порядок..."

Конечно, сохранение собственности, —

"Покоятся на праве собственности". 14

Краеугольный камень всего, что есть, камень преткновения всего, что должно быть, - такова собственность.

Подводя итог и делая вывод:—

Оккупация не только ведет к равенству, но И ПРЕПЯТСТВУЕТ собственности. Ибо, поскольку каждый человек, исходя из факта своего существования, имеет право на занятие и, чтобы жить, должен иметь материал для обработки, на котором он может работать; и поскольку, с другой стороны, число занятых постоянно меняется в зависимости от рождаемости и смертности, — отсюда следует, что количество материала, на которое может претендовать каждый работник, изменяется в зависимости от числа занятых; следовательно, это занятие всегда подчинено численности населения. Наконец, поскольку владение по праву никогда не может оставаться фиксированным, фактически невозможно, чтобы оно когда-либо стало собственностью.

Таким образом, каждый жилец обязательно является собственником или узуфруктуарием, что исключает право собственности. Так вот, это право узуфруктуария: он несет ответственность за вверенную ему вещь; он должен использовать ее в соответствии с общей пользой, с целью ее сохранения и развития; у него нет власти преобразовать ее, уменьшить ее или изменить ее природу; он не может так разделить узуфрукт, чтобы другой выполнял работу, пока он получает продукт. Одним словом, узуфруктуарий находится под надзором общества, подчинен условиям труда и закону равенства.

Таким образом, уничтожается римское определение собственности — ПРАВО ПОЛЬЗОВАНИЯ И ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ - безнравственность, порожденная насилием, самая чудовищная претензия, которую когда-либо санкционировали гражданские законы. Человек получает свой узурпукт из рук общества, которое единственное является постоянным владельцем. Личность умирает, общество бессмертно.

Какое глубокое отвращение наполняет мою душу при обсуждении таких простых истин! Сомневаемся ли мы в этих вещах сегодня? Нужно ли будет снова браться за оружие для их торжества? И может ли только сила, при отсутствии разума, внести их в наши законы?

ВСЕ ИМЕЮТ РАВНОЕ ПРАВО НА ЗАСЕЛЕНИЕ.

ПОСКОЛЬКУ ЗАНИМАЕМЫЙ ОБЪЕМ ИЗМЕРЯЕТСЯ НЕ ВОЛЕЙ, А ИЗМЕНЯЮЩИМИСЯ УСЛОВИЯМИ ПРОСТРАНСТВА И КОЛИЧЕСТВА, СОБСТВЕННОСТЬ СУЩЕСТВОВАТЬ НЕ МОЖЕТ.

Этого никогда не выражал ни один кодекс, этого не может допустить ни одна конституция! Это аксиомы, которые отрицает гражданское право и право наций!..

Но я слышу восклицания приверженцев другого строя: "Труд, труд! вот основа собственности!"

Читатель, не обманывайся. Эта новая основа собственности хуже первой, и вскоре мне придется просить у вас прощения за то, что я продемонстрировал вещи яснее и опроверг претензии, более несправедливые, чем все, что мы до сих пор рассматривали.

ГЛАВА III. ТРУД КАК ДЕЙСТВЕННАЯ ПРИЧИНА ВОЗНИКНОВЕНИЯ СФЕРЫ СОБСТВЕННОСТИ.

Почти все современные авторы по юриспруденции, беря пример с экономистов, отказались от теории первоначального владения как слишком опасной и приняли ту, которая рассматривает собственность как порожденную трудом. В этом они заблуждаются; они рассуждают по кругу. Чтобы трудиться, нужно чем-то заниматься, говорит г-н Кузен.

Следовательно, я добавил в свою очередь, что все имеют равное право на занятие, чтобы трудиться, необходимо подчиняться равенству. "Богатые, - восклицает Жан-Жак, - имеют наглость говорить: "Я построил эту стену; я заработал эту землю своим трудом". Кто ставил перед вами задачи? мы можем ответить: "а по какому праву вы требуете от нас оплаты за труд, который мы вам не навязывали?" Вся софистика рухнет в присутствии этого аргумента.

Но сторонники труда не видят, что их система является абсолютным противоречием Кодексу, все статьи и положения которого предполагают, что право собственности основывается на факте первого заселения. Если труд, через проистекающее из него присвоение, сам по себе порождает собственность, то Гражданский кодекс лжет, хартия - ложь, вся наша социальная

система - нарушение права. К этому выводу мы придем в конце обсуждения, которое займет наше внимание в этой и следующей главах, как в отношении права на труд, так и факта собственности. Мы увидим, с одной стороны, наше законодательство, противоречащее самому себе; и, с другой стороны, нашу новую юриспруденцию, противоречащую как своему собственному принципу, так и нашему законодательству.

Я утверждал, что система, основывающаяся на собственности на труде, подразумевает равенство состояний не в меньшей степени, чем система, основывающаяся на занятиях; и читателю должно не терпиться узнать, как я предлагаю вывести этот закон равенства из неравенства навыков и способностей: его любопытство будет немедленно удовлетворено. Но будет уместно, если я на мгновение привлеку его внимание к этой замечательной особенности процесса, а именно к замене труда занятием как принципа собственности; и что я быстро перейду к обзору некоторых предрассудков, к которым привыкли апеллировать собственники, которые были санкционированы законодательством и которые система труда полностью опровергает.

Читатель, ты когда-нибудь присутствовал при допросе преступника? Наблюдал ли ты за его уловками, его поворотами, его увертками, его различиями, его двусмысленностями? Победенный, все его утверждения ниспровергнуты, преследуемый, как лань, неумолимым судьей, преследуемый от гипотезы к гипотезе, — он делает заявление, он исправляет его, отказывается от него, противоречит ему, он исчерпывает все уловки диалектики, более тонкие, более изобретательные в тысячу раз, чем тот, кто изобрел семьдесят две формы силлогизма. Так действует собственник, когда его призывают защищать свое право. Сначала он отказывается отвечать, он восклицает, он угрожает, он бросает вызов; затем, вынужденный принять дискуссию, он вооружается придирками, он окружает себя грозной артиллерией, скрещая огонь, выступая против одного за другим и против всех вместе оккупации, владения, ограничений, соглашений, незапамятных обычаев и всеобщего согласия. Победенный на этой почве, собственник, подобно раненому кабану, набрасывается на своих преследователей. "Я сделал больше, чем просто занял", - кричит он с ужасным волнением. "Я трудился, производил, улучшал, трансформировал, СОЗИДАЛ. Этот дом, эти поля, эти деревья - дело моих рук; я превратил эти заросли ежевики в виноградник, а этот куст - в смоковницу; и сегодня я пожинаю плоды своих трудов. Я обогатил землю своим потом; я заплатил тем людям, которые, если бы у них не было работы, которую я им дал, умерли бы с голоду. Никто не делил со мной хлопоты и расходы; никто не разделит со мной выгоды".

Ты потрудился, владелец! почему тогда ты говоришь о первоначальном заселении? Что, вы не были уверены в своей правоте или надеялись обмануть людей и превратить справедливость в иллюзию? Тогда поспешите ознакомить нас с вашим способом защиты, поскольку решение суда будет окончательным, и вы знаете, что речь идет о возмещении ущерба.

Вы трудились! но что общего между трудом, который заставляет вас выполнять долг, и присвоением вещей, в которых есть общий интерес? Разве вы не знаете, что власть над почвой, как и над воздухом и светом, не может быть утрачена по рецепту врача?

Ты трудился! ты никогда не заставлял трудиться других? Почему же тогда они потеряли, работая на вас, то, что вы приобрели, не работая на них?

Вы потрудились! очень хорошо; но позвольте нам увидеть результаты вашего труда. Мы их посчитаем, взвесим и измерим. Это будет суд Бальтазара; ибо я клянусь уравниловкой,

уравновешенностью и честностью, что если вы каким-либо образом присвоили чужой труд, вы будете восстанавливать его с каждым ударом.

Таким образом, принцип оккупации отброшен; больше не говорится: "Земля принадлежит тому, кто первым вступит во владение". Собственность, загнанная в свой первый окоп, отказывается от своей старой поговорки; справедливость, пристыженная, отказывается от своих принципов, а скорбь опускает повязку на ее пылающие щеки. И только вчера начался этот прогресс в социальной философии: пятьдесят столетий потребовалось для искоренения лжи! За этот прискорбный период сколько узурпаций было санкционировано, сколько нашествий прославлено, сколько завоеваний отпраздновано! Отсутствующие лишены собственности, бедные изгнаны, голодные изгнаны богатством, которое так быстро и смело действует! Зависть и войны, подстрекательство и кровопролитие среди народов! Но отныне, благодаря эпохе и ее духу, следует признать, что земля - это не приз, который можно выиграть в гонке; при отсутствии каких-либо других препятствий для каждого найдется место под солнцем. Каждый может запрячь свою козу в беарн, выгнать свой скот на пастбище, засеять уголок поля и испечь свой хлеб у собственного очага.

Но нет, каждый не может этого делать. Я слышу, как со всех сторон провозглашают: "Слава труду и прилежанию! каждому по его способностям; каждому по его результатам!" И я вижу, как три четверти человеческой расы снова ограблены, а труд немногих становится бичом для труда остальных.

"Проблема решена", - восклицает месье Хеннекен. "Собственностью, дочерью труда, можно пользоваться в настоящее время и в будущем только под защитой законов. Оно берет свое начало в естественном праве; оно черпает свою силу из гражданского права; и из союза этих двух идей, ТРУДА и ЗАЩИТЫ, возникает позитивное законодательство "....

А! ПРОБЛЕМА РЕШЕНА! СОБСТВЕННОСТЬ - ДОЧЬ ТРУДА! Что же тогда представляет собой право присоединения, право наследования, право дарения и т.д., если не право стать собственником путем простого вселения? Каковы ваши законы, касающиеся совершеннолетия, эмансипации, опеки и запрета, если не различных условий, при которых тот, кто уже является работником, приобретает или теряет право владения, то есть собственность?

Поскольку в настоящее время я не могу приступить к подробному обсуждению Кодекса, я ограничусь рассмотрением трех аргументов, к которым чаще всего прибегают в защиту собственности. 1. ПРИСВОЕНИЕ или формирование собственности путем владения; 2. СОГЛАСИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА; 3. ПРЕДПИСАНИЕ. Затем я исследую влияние труда на относительное положение работников и на собственность.

% 1.—Земля не может быть присвоена.

"Казалось бы, земли, пригодные для обработки, следует рассматривать как естественное богатство, поскольку они не созданы человеком, а являются безвозмездным подарком Природы человеку; но поскольку это богатство не является беглым, как воздух и вода, — поскольку поле представляет собой фиксированное и ограниченное пространство, которое определенные люди смогли присвоить, исключая всех других, которые, в свою очередь, согласились на это присвоение, — земля, которая была естественным и безвозмездным подарком, стала общественным богатством, за использование которого мы должны платить". —СКАЖИ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ.

Был ли я неправ, сказав в начале этой главы, что экономисты являются наихудшими авторитетами в вопросах законодательства и философии? Именно ОТЕЦ этого класса людей ясно ставит вопрос: как могут Природные ресурсы, богатство, созданное Провидением, стать частной собственностью? и который отвечает столь грубой двусмысленностью, что мы едва ли знаем, чего не хватает автору, здравого смысла или честности. Какое, спрашивается, отношение имеет неизменная и прочная природа земли к праву присвоения? Я могу понять, что такая ОГРАНИЧЕННАЯ и НЕПОДВИЖНАЯ вещь, как земля, дает больше шансов на присвоение, чем вода или солнечный свет; что легче реализовать право владения почвой, чем атмосферой; но мы не имеем дела с трудностью этой вещи, и Сэй путает право с возможностью. Мы не спрашиваем, почему земля была присвоена в большей степени, чем море и воздух; мы хотим знать, по какому праву человек присвоил богатства, КОТОРЫЕ ОН НЕ СОЗДАВАЛ И КОТОРЫЕ ПРИРОДА ДАЛА ЕМУ БЕЗВОЗМЕЗДНО.

Говорят, значит, не решили вопроса, который он задал. Но если бы он разгадал ее, если бы объяснение, которое он нам дал, было столь же удовлетворительным, сколь и нелогичным, мы бы знали не лучше, чем раньше, кто имеет право требовать плату за использование земли, за это богатство, которое не является делом рук человека. Кто имеет право на аренду земли? Производитель земли, без сомнения. Кто создал землю? Бог. Тогда, собственник, уходи на пенсию!

Но создатель земли не продает ее: он дарит ее; и, отдавая ее, он не уважает людей. Почему же тогда некоторые из его детей считаются законнорожденными, в то время как к другим относятся как к незаконнорожденным? Если равенство долей было изначальным правом, то почему неравенство условий является правом посмертным?

Сэй дает нам понять, что если бы воздух и вода не были ЛЕТУЧИМИ по своей природе, они были бы присвоены. Позвольте мне мимоходом заметить, что это больше, чем гипотеза; это реальность. Люди присваивали воздух и воду, я не скажу, что так часто, как могли, но так часто, как им это было позволено.

Португальцы, открыв путь в Индию через мыс Доброй Надежды, претендовали на исключительное право на этот маршрут; и Гроций, с которым консультировались по этому вопросу голландцы, отказавшиеся признать это право, написал специально для этого случая свой трактат "О свободе морей", чтобы доказать, что море не подлежит присвоению.

Раньше право охотиться и ловить рыбу принадлежало только лордам и собственникам; сегодня оно сдается в аренду правительством и передается в собственность любому, кто может заплатить лицензионный сбор и арендную плату. Регулировать охоту и рыболовство - отличная идея, но сделать их предметом продажи - значит создать монополию на воздух и воду.

Что такое паспорт? Универсальная рекомендация путешественника; свидетельство о безопасности его самого и его имущества. Казначейство, в природе которого портить лучшие вещи, превратило паспорт в средство шпионажа и взимания налога. Разве это не продажа права на передвижение?

Наконец, не допускается ни брать воду из источника, расположенного на чужой территории, без разрешения собственника, потому что по праву присоединения источник принадлежит владельцу земли, если нет других претензий; ни проводить день на своей территории без уплаты налога; ни осматривать двор, сад или огород без согласия собственника; ни

прогуливаться в парке или на огороженной территории против воли владельца: каждому разрешается закрыться и огородиться. Все эти запреты представляют собой множество позитивных запретов не только на землю, но и на воздух и воду. Мы, принадлежащие к классу пролетариев: собственность отлучает нас! *Terra, et aqua, et aere, et igne interdicti sumus*.

Люди не могли бы присвоить самый постоянный из всех элементов, не присвоив трех других; поскольку, согласно французскому и римскому праву, собственность на поверхности влечет за собой собственность от зенита до надира — *Cujus est solum, ejus est usque ad caelum*. Итак, если использование воды, воздуха и огня исключает собственность, то же самое относится и к использованию почвы. Эта цепочка рассуждений, по-видимому, была представлена М. Ч. Контом в его "Трактате о собственности", глава 5.

"Если бы человек был лишен воздуха всего на несколько мгновений, он перестал бы существовать, и частичное лишение причинило бы ему сильные страдания; частичное или полное лишение пищи произвело бы на него такое же воздействие, хотя и менее внезапное; это было бы то же самое, по крайней мере, в определенных климатических условиях! если бы он был лишен всякой одежды и крова.... Тогда для поддержания жизни человеку постоянно нужно присваивать множество различных вещей. Но эти вещи существуют в разных пропорциях. Некоторые из них, такие как свет звезд, атмосфера земли, вода, составляющая моря и океаны, существуют в таких больших количествах, что люди не могут ощутить никакого ощутимого увеличения или уменьшения; каждый может присвоить столько, сколько требуют его потребности, не умаляя удовольствия других, не причиняя им ни малейшего вреда. Вещи такого рода являются, так сказать, общим достоянием рода человеческого; единственная обязанность, налагаемая на каждого человека в этом отношении, заключается в том, чтобы ни в коем случае не ущемлять права других".

Давайте завершим рассуждение М. Ч. Конта. Человек, которому следовало бы запретить ходить по дорогам, отдыхать в полях, укрываться в пещерах, разжигать костры, собирать ягоды, собирать травы и варить их в куске обожженной глины, — такой человек не смог бы жить. Следовательно, земля, подобно воде, воздуху и свету, является основным объектом необходимости, которым каждый имеет право свободно пользоваться, не ущемляя права другого. Почему же тогда земля присвоена? - Любопытен ответ мсье Ч. Конта. Сэй делает вид, что это потому, что она не ЯВЛЯЕТСЯ БЕГЛОЙ; мсье Ч. Конт уверяет нас, что это потому, что она не БЕСКОНЕЧНА. Количество земли ограничено. Тогда, согласно М. Ч. Конту, это должно быть присвоено. Казалось бы, наоборот, ему следовало бы сказать, что тогда это не должно быть присвоено. Потому что, независимо от того, какое количество воздуха или света кто-либо использует, от этого никто не страдает; всегда остается достаточно для всех. С почвой дело обстоит совсем по-другому. Держитесь, кто хочет или кто может, за солнечные лучи, попутный бриз или морские волны; у него есть мое согласие и мое прощение за его дурные намерения. Но пусть хоть один живой человек осмелится сменить свое право территориального владения правом собственности, и я объявлю ему войну и буду вести ее до смерти!

Аргумент М. Ч. Конта опровергает его позицию. "Среди вещей, необходимых для сохранения жизни, - говорит он, - есть такие, которые существуют в таких больших количествах, что они неисчерпаемы; другие, которые существуют в меньших количествах и могут удовлетворить потребности лишь определенного числа людей. Первые называются ОБЩИМИ, вторые - ЧАСТНЫМИ".

Это рассуждение не является строго логичным. Вода, воздух и свет - ОБЫЧНЫЕ вещи не потому, что они НЕИСЧЕРПАЕМЫ, а потому, что они НЕОБХОДИМЫ; и настолько необходимы, что именно по этой причине Природа создала их в количествах, почти бесконечных, для того, чтобы их изобилие могло помешать их присвоению. Точно так же земля необходима для нашего существования — следовательно, это обычная вещь, следовательно, не подлежащая присвоению; но земли гораздо меньше, чем других элементов, поэтому ее использование должно регулироваться не ради выгоды немногих, а в интересах и для безопасности всех.

Одним словом, равенство прав доказывается равенством потребностей. Итак, равенство прав в случае товара, количество которого ограничено, может быть реализовано только при равенстве владения. Аграрный закон лежит в основе аргументов М. Ч. Конта.

С какой бы точки зрения мы ни рассматривали вопрос собственности — при условии, что мы дойдем до сути, — мы достигнем равенства. Я не буду далее настаивать на различии между вещами, которые могут быть присвоены, и вещами, которые не могут быть присвоены. По этому поводу экономисты и юристы говорят нечто худшее, чем бессмыслицу. Гражданский кодекс, после определения собственности, ничего не говорит о возможности присвоения; и если он говорит о вещах, которые есть на РЫНКЕ, он всегда делает это без их перечисления или описания. Однако света не хочется. Есть несколько максим, подобных этим: *Ad reges potestas omnium pertinet, ad singulos proprietas; Omnia rex imperio possidet, единственное господство.* Социальный суверенитет, противопоставленный частной собственности! — разве это не можно назвать пророчеством равенства, республиканским оракулом? Примеры так и сыплются на нас: когда-то имущество церкви, поместья короны, феодалы знати были неотчуждаемы и неотчуждаемо по давности. Если бы вместо отмены этой привилегии Конституционный суд распространил ее на каждого человека; если бы он провозгласил, что право на труд, как и свобода, никогда не может быть утрачено, — в тот момент революция была бы завершена, и мы могли бы теперь посвятить себя совершенствованию в других направлениях.

% 2.—Всеобщее согласие не оправдывает права собственности.

В процитированном выше отрывке из Сэя неясно, имеет ли автор в виду основывать право собственности на стационарном характере почвы или на согласии, которое, по его мнению, все люди дали на это присвоение. Его формулировка такова, что это может означать любую из этих вещей или обе сразу; что дает нам право предположить, что автор намеревался сказать: "Право собственности, первоначально возникшее в результате осуществления воли, стабильность почвы позволили применить его к земле, и с тех пор всеобщее согласие санкционировало это применение".

Как бы то ни было, могут ли мужчины узаконить собственность по взаимному согласию? Я говорю, нет. Такой контракт, хотя и составленный Гроцием, Монтескье и Ж.-Ж. Руссо, хотя и подписанный всем человечеством, был бы недействителен в глазах правосудия, и акт по приведению его в исполнение был бы незаконным. Человек может отказаться от труда не больше, чем от свободы. Итак, признать право территориальной собственности - значит отказаться от труда, поскольку это означает отказаться от средств труда; это значит торговать естественным правом и лишать себя мужественности.

Но я хотел бы, чтобы это согласие, о котором так много говорится, было дано, молчаливо или формально. Каков был бы результат? Очевидно, что уступки были бы взаимными; ни от одного

права нельзя было бы отказаться без получения эквивалента в обмене. Таким образом, мы снова возвращаемся к равенству — необходимому требованию присвоения; так что, после того как мы оправдали собственность всеобщим согласием, то есть равенством, мы вынуждены оправдывать неравенство условий собственностью. Мы никогда не выпутаемся из этой дилеммы. Действительно, если, согласно общественному договору, условием собственности является равенство, то в тот момент, когда равенство перестает существовать, договор нарушается и вся собственность становится узурпацией. Таким образом, мы ничего не выигрываем от этого мнимого согласия человечества.

% 3.—Предписание не дает права собственности на собственность.

Право собственности было источником зла на земле, первым звеном в длинной цепи преступлений и несчастий, которые человечество пережило с момента своего рождения. Иллюзия предписания - это роковое очарование, наложенное на интеллект, смертный приговор, вдыхаемый в совесть, чтобы остановить продвижение человека к истине и укрепить поклонение ошибке.

Кодекс определяет предписание следующим образом: "Процесс обретения и утраты с течением времени". Применяя это определение к идеям и верованиям, мы можем использовать слово "ПРЕДПИСАНИЕ" для обозначения вечного предубеждения в пользу старых суеверий, какова бы ни была их цель; противодействия, часто яростного и кровавого, с которым всегда воспринимался новый свет и которое превращало мудреца в мученика. Не принцип, не открытие, не благородная мысль, но при своем появлении в мир она столкнулась с непреодолимым барьером предвзятых мнений, кажущимся заговором всех старых предрассудков. Предписания против разума, предписания против фактов, предписания против любой неизвестной до сих пор истины — вот итог и суть *statu quo* философии, лозунга консерваторов на протяжении веков.

Когда миру была объявлена евангельская реформа, были предписания в пользу насилия, разврата и эгоизма; когда Галилей, Декарт, Паскаль и их ученики реконструировали философию и науки, были предписания в пользу философии Аристотеля; когда наши отцы 89-го года требовали свободы и равенства, были предписания в пользу тирании и привилегий. "Собственники были всегда и всегда будут": именно этим глубокомысленным высказыванием, последним усилием эгоизма, умирающим в своей последней яме, сторонники социального неравенства надеются отразить атаки своих противников, несомненно полагая, что идеи, как и собственность, могут быть утрачены по давности.

Просвещенные сегодня триумфальным шествием науки, наученные самыми блестящими успехами подвергать сомнению наши собственные мнения, мы с благосклонностью и аплодисментами принимаем наблюдателя Природы, который с помощью тысячи экспериментов, основанных на самом глубоком анализе, добивается нового принципа, закона, доселе не открытого. Мы стараемся не отвергать ни одной идеи, ни одного факта под предлогом того, что в прежние времена жили более способные люди, чем мы, которые не замечали тех же явлений и не улавливали тех же аналогий. Почему мы не сохраняем аналогичного отношения к политическим и философским вопросам? Откуда эта нелепая мания утверждать, что все уже было сказано, что означает, что мы знаем все о науке разума и морали? Почему пословица "НЕТ НИЧЕГО НОВОГО ПОД СОЛНЦЕМ" применима исключительно к метафизическим исследованиям?

Поскольку мы все еще изучаем философию с помощью воображения, а не наблюдения и метода; поскольку воображение и воля повсеместно рассматриваются как судьи вместо аргументов и фактов, — по сей день невозможно отличить шарлатана от философа, ученого от самозванца. Со времен Соломона и Пифагора воображение было истощено в попытках разгадать социальные и психологические законы; были предложены все системы.

Рассматриваемое в этом свете, вероятно, верно, что ВСЕ УЖЕ БЫЛО СКАЗАНО; но не менее верно и то, что ВСЕ ЕЩЕ ПРЕДСТОИТ ДОКАЗАТЬ. В политике (возьмем только эту отрасль философии), в политике каждый при выборе партии руководствуется своей страстью и своими интересами; разум подчинен воле, — нет знания, нет даже тени уверенности. Таким образом, всеобщее невежество порождает всеобщую тиранию; и хотя свобода мысли прописана в хартии, рабство мысли под названием ПРАВЛЕНИЯ БОЛЬШИНСТВА провозглашено хартией.

Чтобы ограничиться гражданским предписанием, о котором говорится в Кодексе, я воздержусь от начала обсуждения этого избитого возражения, выдвинутого владельцами; это было бы слишком утомительно и декламационно. Всем известно, что существуют права, которые не могут быть предписаны; а что касается тех вещей, которые могут быть приобретены по прошествии времени, то никто не игнорирует тот факт, что предписание требует определенных условий, отсутствие одного из которых делает его недействительным. Если верно, например, что владение собственника было ГРАЖДАНСКИМ, ПУБЛИЧНЫМ, МИРНЫМ и НЕПРЕРЫВНЫМ, то тем не менее верно и то, что оно не основано на справедливом титуле; поскольку единственные титулы, которые оно может демонстрировать, — занятие и труд - имеют такое же значение для пролетария, который требует, как и для собственника, который защищает. Кроме того, это владение НЕЧЕСТНО, поскольку оно основано на нарушении права, которое препятствует давности, согласно высказыванию святого Павла — *Nunquam in usucapionibus juris error possessori prodest*. Нарушение права заключается либо в том факте, что владелец владеет как собственник, в то время как он должен владеть только как узуфруктуарий; либо в том факте, что он приобрел вещь, которую никто не имел права передавать или продавать.

Еще одна причина, по которой давность не может быть приведена в пользу собственности (причина, заимствованная из юриспруденции), заключается в том, что право владеть недвижимостью является частью универсального права, которое никогда не было полностью уничтожено даже в самые критические периоды; и пролетарию, чтобы вернуть себе право пользоваться им в полной мере, нужно только доказать, что он всегда пользовался им частично.

Тот, например, кто обладает универсальным правом владеть, дарить, обменивать, одалживать, сдавать в аренду, продавать, преобразовывать или уничтожать вещь, сохраняет целостность этого права единственным актом одалживания, хотя он никогда не демонстрировал свою власть каким-либо другим способом. Подобным же образом мы увидим, что РАВЕНСТВО СОБСТВЕННОСТИ, РАВЕНСТВО ПРАВ, СВОБОДЫ, ВОЛИ, ЛИЧНОСТИ являются столь многими идентичными выражениями одной и той же идеи — ПРАВА НА СОХРАНЕНИЕ и РАЗВИТИЕ; одним словом, права на жизнь, против которого не может быть никаких предписаний до тех пор, пока человеческий род не исчезнет с лица земли.

Наконец, что касается срока давности, то было бы излишним показывать, что право собственности в целом не может быть приобретено путем простого владения в течение десяти, двадцати, ста, тысячи или ста тысяч лет; и что до тех пор, пока существует человеческая голова, способная понимать право собственности и бороться с ним, это право никогда не будет

предписано. Ибо принципы юриспруденции и аксиомы разума отличаются от случайных и условных фактов. Одержимость одного человека может указывать против одержимости другого человека; но точно так же, как обладатель не может предписывать против самого себя, так и разум всегда обладает способностью меняться и преобразовывать. Ошибки прошлого не имеют обязательной силы для будущего. Разум - это всегда одна и та же вечная сила. Институт собственности, порождение невежественного разума, может быть отменен более просвещенным разумом. Следовательно, собственность не может быть установлена по давности. Это настолько определено и верно, что на нем основывается максима о том, что в вопросе давности нарушение права не имеет никакого значения.

Но я бы отказался от своего метода, и читатель имел бы право обвинить меня в шарлатанстве и недобросовестности, если бы мне больше нечего было сказать о рецепте. Во-первых, я показал, что присвоение земли незаконно; и что, если предположить, что оно законно, оно должно сопровождаться равенством собственности. Во-вторых, я показал, что всеобщее согласие ничего не доказывает в пользу собственности; и что, если оно что-либо доказывает, то это доказывает равенство собственности. Мне еще предстоит показать, что предписание, если оно вообще допустимо, предполагает равенство собственности.

Эта демонстрация не будет ни долгой, ни сложной. Мне нужно только привлечь внимание к причинам, по которым был введен рецепт.

"Предписание, - говорит Дюно, - кажется противоречащим естественной справедливости, которая не позволяет никому ни лишать другого его имущества без его ведома и согласия, ни обогащаться за чужой счет. Но поскольку часто может случиться, что при отсутствии срока давности тот, кто честно заработал, будет вытеснен после длительного владения; и даже тот, кто получил вещь от ее законного владельца или кто был законно освобожден от всех обязательств, потеряв свой титул, будет подлежать лишению собственности или подчинению снова, — общественное благо требовало, чтобы был установлен срок, по истечении которого никому не должно быть позволено беспокоить действительных владельцев или восстанавливать права, которыми слишком долго пренебрегали.... Гражданское право, регулируя предписание, стремилось, таким образом, только к совершенствованию естественного права и дополнению права наций; и поскольку оно основано на общественном благе, которое всегда должно рассматриваться выше индивидуального благополучия, — *bono publico usucapio introducta est*, — к нему следует относиться благосклонно при условии выполнения условий, требуемых законом".

Тулъе в своем "Гражданском праве" говорит: "Для того, чтобы вопрос о праве собственности не оставался слишком долго нерешенным и тем самым не наносил ущерба общественному благосостоянию, нарушая покой семей и стабильность общественных отношений, закон установил время, когда все претензии должны быть аннулированы, и владение должно восстановить свою древнюю прерогативу путем ее преобразования в собственность".

Кассиодор говорил о собственности, что это единственная безопасная гавань, в которой можно укрыться от бурь махинаций и штормов алчности — *Hic unus inter humanas pro cellas portus, quem si homines fervida voluntate praeterierint; in undosis semper jurgiis errabunt*.

Таким образом, по мнению авторов, давность является средством сохранения общественного порядка; восстановлением в определенных случаях первоначального способа приобретения

собственности; фикцией гражданского права, которое черпает всю свою силу из необходимости урегулирования разногласий, которые в противном случае никогда бы не прекратились. Ибо, как говорит Гроций, время не властно производить следствия; все происходит во времени, но время ничего не делает. Таким образом, давность, или право приобретения по истечении срока давности, является фикцией закона, принятого в обычном порядке.

Но всякая собственность неизбежно возникает по давности, или, как говорят латиняне, в *пользовании*; то есть в постоянном владении.

Тогда, во-первых, я спрашиваю, каким образом владение может стать собственностью по прошествии времени? Продолжайте владеть так долго, как вы пожелаете, продолжайте годами и столетиями, вы никогда не сможете дать продолжительности — которая сама по себе ничего не создает, ничего не меняет, модифицирует ничто — право превратить узуфруктуария в собственника. Пусть гражданский закон защищает от случайных прохожих честного владельца, занимающего свое положение в течение многих лет, — это только подтверждает право, которое уже соблюдается; и давность, применяемая таким образом, просто означает, что владение, которое продолжалось в течение двадцати, тридцати или ста лет, будет сохранено за занимающим его лицом. Но когда закон заявляет, что по прошествии времени собственник превращается в собственницу, он предполагает, что право может быть создано без причины, его порождающей; это неоправданно изменяет характер субъекта; это издает законы по вопросу, не подлежащему рассмотрению законодательством; это превышает его собственные полномочия. Общественный порядок и частная безопасность требуют только защиты владения. Почему закон создал собственность? Предписание было просто гарантией на будущее; почему закон сделал это вопросом привилегий?

Таким образом, происхождение давности идентично происхождению самой собственности; и поскольку последняя может узаконить себя только тогда, когда сопровождается равенством, давность - это всего лишь еще одна из тысячи форм, которые приняла необходимость поддержания этого драгоценного равенства. И это не пустая индукция, не притянутый за уши вывод. Доказательство написано во всех кодах.

И в самом деле, если бы все нации, благодаря своему инстинкту справедливости и своей консервативной природе, признали полезность и необходимость предписания; и если бы их целью было охранять таким образом интересы владельца, — не могли бы они что-нибудь сделать для отсутствующего гражданина, разлученного со своей семьей и своей страной торговлей, войной или пленом и не имеющего возможности воспользоваться своим правом владения? Нет. Кроме того, в то же время, когда в законы была введена давность, было признано, что собственность сохраняется только благодаря намерению, — *nudo animo*. Итак, если собственность сохраняется только благодаря намерению, если она может быть утрачена только в результате действий собственника, какая может быть польза от предписания? Как закон смеет предполагать, что собственник, который сохраняет только намеренно, намеревался отказаться от того, что он разрешил предписать? Какой срок может служить основанием для такого предположения; и по какому праву закон наказывает отсутствие владельца лишением его имущества? Что тогда? мы обнаружили, что всего лишь мгновение назад рецепт и свойство были идентичны; и теперь мы обнаруживаем, что они взаимно разрушительны!

Гроций, осознавший эту трудность, ответил так необычно, что его слова заслуживают того, чтобы их процитировать: *Благо человеку, способному не путаться под ногами, если оно действительно животное, причина смерти, человек, изменившийся, вечен, как грешок версари, и ничто не может спасти его от гибели.*

"Где же человек, - говорит он, - с такой нехристианской душой, чтобы из-за пустяка увековечивать чужие владения, что неизбежно произошло бы, если бы он не согласился отказаться от своего права?" Клянусь Вечным! Я тот человек. Хотя миллион собственников должны гореть за это в аду, я возлагаю вину на них за то, что они лишили меня моей доли благ этого мира. На это убедительное соображение Гроций возражает, что лучше отказаться от оспариваемого права, чем обращаться в суд, нарушать мир наций и разжигать пламя гражданской войны. Я принимаю, если вы хотите, этот аргумент при условии, что вы возместите мне ущерб. Но если в этом возмещении мне будет отказано, какое мне, пролетарию, дело до спокойствия и защищенности богатых? ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПОРЯДОК меня волнует так же мало, как безопасность владельца. Я прошу оставить мне жизнь рабочего, иначе я умру воином.

Куда бы мы ни повернулись, мы придем к выводу, что предписание противоречит собственности; или, скорее, что предписание и собственность - это две формы одного и того же принципа, но две формы, которые служат для исправления друг друга; и древняя и современная юриспруденция не допустили ни малейшей из своих ошибок, пытаясь их примирить. В самом деле, если мы увидим в институте собственности только желание обеспечить каждому индивиду его долю земли и его право на труд; в различии между голой собственностью и владением — только убежище для отсутствующих, сирот и всех, кто не знает или не может отстаивать свои права; в предписании - только средство либо защиты от несправедливых притязаний и посягательств, либо урегулирования разногласий, вызванных удалением владельцев, - мы узнаем в этих различных формах человеческой справедливости спонтанные усилия разума прийти на помощь социальному инстинкту; мы увидим в предписаниях только средство защиты от несправедливых притязаний и посягательств. эта защита всех прав, чувство равенства, постоянная тенденция к выравниванию. И, заглядывая глубже, мы обнаружим в самом преувеличении этих принципов подтверждение нашей доктрины; потому что, если равенство условий и всеобщее объединение не будут вскоре реализованы, это произойдет из-за препятствия, воздвигнутого на время на пути здравого смысла людей глупостью законодателей и судей; а также из-за того факта, что, в то время как общество в его первоначальном состоянии было озарено проблеском истины, ранние рассуждения его лидеров не могли принести ничего, кроме тьмы.

После первых пактов, после первых проектов законов и конституций, которые были выражением первичных потребностей человека, обязанностью законодателя было исправлять ошибки законодательства; дополнять то, что было несовершенным; согласовывать с помощью превосходных определений те вещи, которые казались противоречащими друг другу. Вместо этого они остановились на буквальном значении законов, довольствуясь подчиненной ролью комментаторов и схолиастов. Принимая вдохновения человеческого разума, в то время неизбежно слабого и ошибочного, за аксиомы вечной и неоспоримой истины, — находящиеся под влиянием общественного мнения, поработанные популярной религией, — они неизменно исходили из принципа (следуя в этом отношении примеру теологов), что безошибочно истинно то, что признавалось всеми людьми, во всех местах и во все времена — *quod ab omnibus, quod ubique, quod semper*; как будто общее, но спонтанное мнение было чем-то большим, чем

указанием от правды. Давайте не будем обманываться: мнение всех наций может служить подтверждением восприятия факта, смутного смысла закона; оно ничему не может научить нас ни о факте, ни о законе. Согласие человечества - это указание Природы, а не, как говорит Цицерон, закон Природы. Под указанием скрыта истина, в которую может поверить вера, но которую может познать только мысль. Таков был постоянный прогресс человеческого разума в отношении физических явлений и творений гения: как может быть иначе с фактами совести и правилами человеческого поведения?

% 4. —Труд — Этот труд не обладает врожденной способностью присваивать природные богатства.

Мы покажем с помощью максим политической экономии и права, то есть с помощью властей, признаваемых собственностью, —

1. Труд не обладает врожденной способностью присваивать природные богатства.
2. Что, если мы признаем, что труд обладает этой способностью, мы непосредственно приходим к равенству собственности, каким бы ни был вид труда, каким бы скудным ни был продукт или неравными ни были способности работников.
3. Что, согласно закону справедливости, труд УНИЧТОЖАЕТ собственность.

Следуя примеру наших оппонентов и чтобы не оставлять препятствий на пути, давайте рассмотрим вопрос в самом ярком свете.

Мсье Ч. Конт говорит в своем "Трактате о собственности":

"Франция, рассматриваемая как нация, имеет территорию, которая является ее собственной".

Франция, как индивидуальность, обладает территорией, которую она возделывает; это не ее собственность. Нации связаны друг с другом так же, как отдельные люди: они простолюдины и рабочие; называть их собственниками - это злоупотребление языком. Право использования и злоупотребления принадлежит нациям не больше, чем людям; и придет время, когда война, ведущаяся с целью обуздать нацию в ее злоупотреблениях землей, будет рассматриваться как священная война.

Таким образом, мсье Ч. Конт, который берется объяснить, как возникает собственность, и который начинает с предположения, что нация является собственником, впадает в ошибку, известную как УКЛОНЕНИЕ ОТ ОТВЕТА; ошибку, которая сводит на нет всю его аргументацию.

Если читатель считает, что ставить под сомнение право нации на собственность на территории, которой она владеет, слишком далеко от логики, я просто напомним ему о том факте, что во все века результатом фиктивного права национальной собственности были претензии на сюзеренитет, дань, монархические привилегии, принудительный труд, квоты на людей и деньги, поставки товаров и т.д.; Что в конечном итоге заканчивалось отказами платить налоги, восстаниями, войнами и депопуляцией.

"По этой территории разбросаны обширные участки земли, которые не были преобразованы в индивидуальную собственность. Эти земли, состоящие в основном из лесов, принадлежат

всему населению, и правительство, которое получает доходы, использует или должно использовать их в интересах всех".

СЛЕДУЕТ ИСПОЛЬЗОВАТЬ - это хорошо сказано: таким образом можно избежать лжи.

"Пусть они будут выставлены на продажу..."

Почему выставлены на продажу? Кто имеет право их продавать? Даже если бы нация была собственником, может ли сегодняшнее поколение лишить собственности поколение завтрашнее? Нация в своей функции узуфруктуария владеет ими; правительство управляет ими, надзирает за ними и защищает их. Если бы оно также предоставило земли, оно могло бы предоставить только их в пользование; оно не имеет права продавать их или передавать каким-либо образом. Не являясь собственником, как он может передавать собственность?

"Предположим, какой-нибудь трудолюбивый человек покупает участок, например, большое болото. Это не было бы узурпацией, поскольку общественность получила бы точную стоимость из рук правительства и после продажи была бы такой же богатой, как и раньше".

Как нелепо! Что! потому что расточительный, неосмотрительный, некомпетентный чиновник продает имущество государства, в то время как я, подопечный государства, — я, у которого нет ни совещательного голоса в Государственных советах, — хотя мне и не позволено возражать против продажи, эта продажа правильная и законная! Стражи нации растрачивают ее имущество, и ему нет возмещения! Вы говорите мне, что я получил из рук правительства свою долю выручки от продажи, но, во-первых, я не хотел продавать; а если бы и захотел, то не смог бы продать. Я не имел права. И потом, я не вижу, чтобы продажа принесла мне пользу. Мои опекуны нарядили несколько солдат, отремонтировали старую крепость, воздвигли в своей гордости какой-то дорогостоящий, но никчемный памятник, — затем они взорвали несколько фейерверков и установили смазанный маслом шест! Что все это значит по сравнению с моей потерей?

Покупатель устанавливает границы, ограждает себя и говорит: "Это мое; каждый сам по себе, каждый за себя". Итак, вот участок земли, на который отныне никто не имеет права ступить, кроме владельца и его друзей; который не может принести пользы никому, кроме владельца и его слуг. Пусть эти продажи множатся, и вскоре людям, которые не смогли и не захотели продавать и которые не получили ничего из выручки от продажи, нигде будет отдохнуть, нигде укрыться, нигде возделывать землю. Они умрут от голода у дверей владельца, на границе собственности, которая принадлежала им по праву рождения; и владелец, наблюдая за их смертью, воскликнет: "Так погибают бездельники и бродяги!"

Чтобы примирить нас с узурпацией прав собственности, мсье Ч. Конт предполагает, что на момент продажи земли представляли небольшую ценность.

"Важность этих узурпаций не следует преувеличивать: их следует измерять количеством людей, которых будет содержать оккупированная земля, и средствами, которые она им предоставит.

"Очевидно, например, что если участок земли, который сегодня стоит тысячу франков, стоил всего пять сантимов, когда его узурпировали, то на самом деле мы теряем стоимость только в пять сантимов. Квадратной лиги земли едва ли хватило бы, чтобы прокормить попавшего в беду дикаря; сегодня она обеспечивает средствами к существованию тысячу человек. Девятьсот

девятью частями этой земли являются законной собственностью владельцев; только одна тысячная часть ее стоимости была узурпирована".

Однажды на исповеди крестьянин признался, что уничтожил документ, объявлявший его должником на сумму в триста франков. Отец-исповедник сказал: "Вы должны вернуть эти триста франков". "Нет, - ответил крестьянин, - я верну пенни, чтобы заплатить за газету".

Логика мсье Ч. Конта напоминает честность этого крестьянина. Почва имеет не только неотъемлемую и фактическую ценность, она также имеет потенциальную ценность — ценность будущего, — которая зависит от нашей способности сделать ее ценной и использовать в нашей работе. Уничтожьте переводной вексель, простую расписку, аннуитетный договор — как бумагу вы не уничтожаете почти никакой ценности вообще; но с помощью этой бумаги вы уничтожаете свой титул, и, теряя свой титул, вы лишаете себя своего имущества. Уничтожайте землю или, что то же самое, продавайте ее — вы не только передаете один, два или несколько урожаев, но и уничтожаете все продукты, которые вы могли бы получить из нее; вы, ваши дети и дети ваших детей.

Когда г-н Ч. Конт, апостол собственности и восхвалитель труда, предполагает отчуждение почвы со стороны правительства, мы не должны думать, что он делает это без причины и бесцельности; это необходимая часть его позиции. Поскольку он отвергал теорию найма и, более того, знал, что труд не может составлять права при отсутствии предварительного разрешения на занятие, он был вынужден связать это разрешение с властью правительства, что означает, что собственность основана на суверенитете народа; другими словами, на всеобщем согласии. Эту теорию мы уже рассматривали.

Говорить, что собственность - дочь труда, а затем давать труду материал для самореализации, значит, если я не ошибаюсь, ходить по кругу. Из этого возникнут противоречия.

"Участок земли определенного размера производит пищу, достаточную для того, чтобы прокормить человека на один день. Если владелец, благодаря своему труду, находит какой-то способ заставить его производить достаточно продукции на два дня, он удваивает его стоимость. Эта новая ценность - его работа, его творение: она ни у кого не отнята; это его собственность".

Я утверждаю, что владельцу платят за его труды и усердие удвоенным урожаем, но он не приобретает никаких прав на землю. "Позвольте рабочему пользоваться плодами своего труда". Очень хорошо; но я не понимаю, что собственность на продукты влечет за собой собственность на сырье. Делает ли мастерство рыбака, который на том же побережье может поймать больше рыбы, чем его собрат, его владельцем рыболовных угодий? Может ли опытность охотника когда-либо рассматриваться как право собственности на охотничий лес? Аналогия прекрасна — трудолюбивый земледелец находит награду за свое трудолюбие в изобилии и превосходстве своего урожая. Если он улучшил почву, у него есть право собственника на предпочтение. Никогда, ни при каких обстоятельствах ему не может быть позволено претендовать на право собственности на землю, которую он возделывает, на основании его мастерства земледельца.

Чтобы превратить владение в собственность, необходимо что-то помимо труда, без чего человек перестал бы быть собственником, как только он перестал бы быть рабочим. Итак, закон основывает собственность на незапамятном, бесспорном владении, то есть на давности. Труд - это всего лишь ощутимый признак, физический акт, посредством которого проявляется

занятие. Итак, если земледелец остается собственником после того, как он перестал трудиться и производить; если его владение, сначала признаваемое, затем терпимое, в конце концов становится неотчуждаемым, — это происходит с разрешения гражданского закона и в силу принципа владения. Это настолько верно, что нет ни купчей, ни договора аренды фермы, ни аннуитета, но подразумевает это. Я приведу только один пример.

Как мы измеряем стоимость земли? По ее продукту. Если участок земли приносит тысячу франков, мы говорим, что это пять процентов. Он стоит двадцать тысяч франков под четыре процента. двадцать пять тысяч франков и т. Д.; Другими словами, это означает, что через двадцать или двадцать пять лет покупатель полностью вернет сумму, первоначально уплаченную за землю. Если, таким образом, по прошествии определенного промежутка времени цена участка земли была полностью восстановлена, почему покупатель продолжает оставаться собственником? Из-за права владения, при отсутствии которого любая продажа была бы выкупом.

Таким образом, теория присвоения трудом противоречит Кодексу; и когда сторонники этой теории претендуют на объяснение законов таким образом, они противоречат самим себе.

"Если людям удастся удобрять землю, до сих пор непродуктивную или даже приносящую смерть, как некоторые болота, они создают тем самым собственность во всей ее полноте".

Что хорошего в том, чтобы преувеличивать выражение и играть с двусмысленностями, как будто мы ожидаем изменить реальность таким образом? ОНИ СОЗДАЮТ СОБСТВЕННОСТЬ ВО ВСЕЙ ЕЕ ПОЛНОТЕ. Вы имеете в виду, что они создают производительный потенциал, которого раньше не существовало; но этот потенциал не может быть создан без материала, поддерживающего его. Вещество почвы остается тем же самым; меняются только ее качества и модификации. Человек создал все - все, за исключением самого материала. Теперь я утверждаю, что этим материалом он может обладать и использовать только при условии постоянного труда, предоставляя на время ему право собственности на вещи, которые он произвел.

Итак, это первый решенный вопрос: собственность на продукт, если мы даем так много, не влечет за собой собственности на средства производства; мне кажется, это не нуждается в дальнейших доказательствах. Нет разницы между солдатом, владеющим своим оружием, каменщиком, владеющим материалами, вверенными его заботе, рыбаком, владеющим водой, охотником, владеющим полями и лесами, и земледельцем, владеющим землей: все, если вы так говорите, являются собственниками своих продуктов — ни один не является собственником средств производства. Право на продукт является исключительным — *jus in re*; право на средства является общим — *jus ad rem*.

% 5.—Что Труд ведет к равенству Собственности.

Признайте, однако, что труд дает право собственности на материал.

Почему этот принцип не является универсальным? Почему польза от этого мнимого закона ограничивается немногими и отрицается для массы рабочих? Один философ, утверждавший, что все животные некогда выросли из земли, согретой солнечными лучами, почти как грибы, на вопрос, почему земля больше не дает таких урожаев, ответил: "Потому что она старая и утратила свое плодородие". Неужели труд, некогда столь плодородный, также стал бесплодным? Почему

арендатор больше не приобретает своим трудом землю, которая раньше была приобретена трудом собственника?

"Потому что, - говорят они, - это уже присвоено". Это не ответ. Ферма дает пятьдесят бушелей с гектара; мастерство и труд арендатора удваивают этот продукт: прирост создается арендатором. Предположим, что владелец, руководствуясь редко встречающимся духом умеренности, не пойдет на то, чтобы поглощать этот продукт за счет повышения арендной платы, но позволит земледельцу наслаждаться результатами своего труда; даже тогда справедливость не будет удовлетворена. Арендатор, улучшив землю, придал собственности новую ценность; следовательно, он имеет право на часть собственности. Если ферма первоначально стоила сто тысяч франков и если трудом арендатора ее стоимость возросла до ста пятидесяти тысяч франков, арендатор, создавший эту добавочную стоимость, является законным владельцем одной трети фермы. М. Ч. Конт не мог бы объявить это учение ложным, ибо именно он сказал:

"Люди, увеличивающие плодородие земли, не менее полезны своим братьям, чем если бы они создавали новые земли".

Почему же тогда это правило не применимо к человеку, который улучшает землю, так же как и к тому, кто ее расчищает? Труд первого делает землю стоящей единицу; труд второго делает ее стоящей две: оба создают равные ценности. Почему бы не предоставить обоим равную собственность? Я бросаю вызов любому, кто опровергнет этот аргумент, не возвращаясь снова к праву первого проживания.

"Но, - скажут, - даже если бы ваше желание было удовлетворено, собственность не была бы распределена намного более равномерно, чем сейчас. Стоимость земли не растет вечно; через два-три сезона она достигает своего максимального плодородия. То, что привносится сельскохозяйственным искусством, является результатом скорее прогресса науки и распространения знаний, чем мастерства земледельца. Следовательно, добавление нескольких рабочих к массе собственников не было бы аргументом против собственности".

Эта дискуссия действительно оказалась бы почти бесполезной, если бы наши усилия увенчались простым расширением земельных привилегий и промышленной монополии; освобождением лишь нескольких сотен рабочих из миллионов пролетариев. Но это также неверное представление о нашем реальном мышлении, которое лишь доказывает общее отсутствие интеллекта и логики.

Если работник, увеличивающий стоимость вещи, имеет право собственности на нее, то тот, кто поддерживает эту стоимость, приобретает такое же право. Ибо что такое содержание? Это непрерывное дополнение, непрерывное созидание. Что значит культивировать? Это делается для того, чтобы каждый год возвращать почве ее ценность; это делается для того, чтобы, ежегодно обновляя почву, предотвращать уменьшение или разрушение ценности участка земли. Итак, допуская, что собственность рациональна и законна, — допуская, что арендная плата справедлива, — я говорю, что тот, кто возделывает землю, приобретает собственность с таким же правом собственности, как и тот, кто убирает или улучшает ее; и что каждый раз, когда арендатор платит арендную плату, он получает часть собственности на вверенную его попечению землю, знаменатель которой равен доле уплаченной арендной платы. Пока вы не

признаете этого, вы впадаете в абсолютизм и тиранию; вы признаете классовые привилегии; вы одобряете рабство.

Тот, кто трудится, становится собственником — это неизбежный вывод из общепризнанных принципов политической экономии и юриспруденции. И когда я говорю "собственник", я не имею в виду просто (как это делают наши лицемерные экономисты) владельца своего пособия, своего жалования, своей заработной платы, — я имею в виду владельца стоимости, которую он создает и от которой получает прибыль только хозяин.

Поскольку все это относится к теории заработной платы и распределения продуктов — и поскольку этот вопрос никогда не был прояснен даже частично, — я прошу разрешения настаивать на этом: это обсуждение не будет бесполезным для рассматриваемой работы. Многие люди говорят о допущении рабочих к участию в продуктах и прибылях; но в их сознании это участие является чистой воды благожелательностью: они никогда не показывали — возможно, никогда и не подозревали, — что это естественное, необходимое право, присущее труду и неотделимое от функции производителя, даже в самых низших формах его труда.

Вот мое предположение: РАБОЧИЙ СОХРАНЯЕТ, ДАЖЕ ПОСЛЕ ТОГО, КАК ОН ПОЛУЧИЛ СВОЮ ЗАРАБОТНУЮ ПЛАТУ, ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ НА ВЕЩЬ, КОТОРУЮ ОН ПРОИЗВЕЛ.

Я снова цитирую М. Ч. Конта:—

"Некоторые рабочие заняты осушением болот, вырубкой деревьев и хвороста, — одним словом, очисткой почвы. Они увеличивают стоимость, они увеличивают количество собственности; им платят за добавленную стоимость в виде продуктов питания и ежедневной заработной платы: затем она становится собственностью капиталиста".

Цена недостаточна: труд рабочих создал стоимость; теперь эта стоимость является их собственностью. Но они не продали и не обменяли это; а ты, капиталист, ты этого не заработал. То, что у вас должно быть частичное право на целое в обмен на материалы, которые вы предоставили, и провизию, которую вы предоставили, совершенно справедливо. Вы внесли свой вклад в производство, вы должны разделить удовольствие. Но ваше право не отменяет права рабочих, которые, вопреки вам, были вашими коллегами в производстве. Почему вы говорите о заработной плате? Деньги, которыми вы выплачиваете заработную плату рабочим, вознаграждают их лишь за несколько лет вечного владения, которое они вам оставили. Заработная плата - это затраты на ежедневное содержание и освежение рабочего. Вы ошибаетесь, называя это ценой продажи. Рабочий ничего не продавал; он не знает ни своего права, ни размеров уступки, которую он вам сделал, ни значения контракта, который вы якобы заключили с ним. С его стороны - полное невежество; с вашей - ошибка и неожиданность, если не сказать обман.

Давайте проясним это на другом, более ярком примере.

Никто не знает о трудностях, с которыми приходится сталкиваться при преобразовании неводеланных земель в пахотные и плодородные. Эти трудности настолько велики, что обычно изолированный человек погибает прежде, чем ему удастся привести почву в состояние, обеспечивающее ему даже самую скудную жизнь. Для этого необходимы объединенные усилия общества и все ресурсы промышленности. М. Ч. Конт приводит по этому вопросу

многочисленные и достоверные факты, не задумываясь о том, что он собирает свидетельства против своей собственной системы.

Предположим, что колония из двадцати или тридцати семей обосновывается в дикой местности, покрытой подлеском и лесами, и из которой по соглашению туземцы соглашаются уйти. Каждая из этих семей обладает умеренным, но достаточным капиталом такого характера, какой был бы склонен выбрать колонист, — животными, семенами, орудиями труда, а также небольшим количеством денег и еды. Разделив землю, каждый устраивается как можно удобнее и начинает расчищать отведенный ему участок. Но после нескольких недель усталости, какой они никогда прежде не знали, непостижимых страданий, разорительного и почти бесполезного труда, наши колонисты начинают жаловаться на свое ремесло; их положение кажется им тяжелым; они проклинают свое печальное существование.

Внезапно один из самых сообразительных из них убивает свинью, запекает часть мяса и, решив пожертвовать остальной провизией, отправляется на поиски своих товарищей по несчастью. "Друзья, - начинает он очень доброжелательным тоном, - скольких хлопот вам стоит немного поработать и жить неуютно! Две недели труда довели вас до крайности!... Давайте заключим соглашение, от которого вы все выиграете. Я предлагаю вам провизию и вино: вы будете получать их в изобилии каждый день; мы будем работать вместе, и, черт возьми! друзья мои, мы будем счастливы и довольные!"

Возможно ли, чтобы пустой желудок устоял перед таким приглашением? Самые голодные из них следуют за коварным искушителем. Они идут на работу; очарование общества, соперничество, радость и взаимопомощь удваивают их силы; видно, что работа продвигается вперед. Поя и смеясь, они покоряют Природу. За короткое время почва полностью меняется; взрыленная земля ждет только появления семян. Сделав это, владелец платит своим работникам, которые, уходя, возвращают ему свою благодарность и скорбят о том, что счастливые дни, которые они провели с ним, закончились.

Другие следуют этому примеру, всегда с тем же успехом. Затем, установив эти, остальные расходятся - каждый возвращается к своей добыче. Но, добывая пищу, нужно жить. Пока они расчищали землю для своих соседей, они не расчистили ее для себя. Время посева и сбора урожая за один год уже прошло. Они рассчитали, что, предоставляя свой труд взаймы, они не могли не выиграть, поскольку сберегли бы свои собственные запасы; и, живя лучше, получили бы еще больше денег. Ложный расчет! они создали для другого средства, с помощью которых можно производить, и ничего не создали для себя. Трудности, связанные с добычей, остаются прежними; их одежда изнашивается, их провизия заканчивается; вскоре их кошелек пустеет в пользу человека, на которого они работали и который один может обеспечить их необходимыми продуктами, поскольку он один в состоянии их производить. Затем, когда бедный добытчик исчерпывает свои ресурсы, человек с провизией (подобно волку из басни, который издалека чует свою жертву) снова выходит вперед. Одному он предлагает снова наниматься на работу изо дня в день; у другого он предлагает купить по выгодной цене участок его плохой земли, который ему не приносит и никогда не сможет принести никакой пользы: то есть он использует труд одного человека для обработки поля другого для своей собственной выгоды. Таким образом, по прошествии двадцати лет из тридцати человек, изначально равных по богатству, пять или шесть стали владельцами всего округа, в то время как остальные были филантропически лишены собственности!

В наш век буржуазной морали, в котором я имел честь родиться, моральное чувство настолько принижено, что я нисколько не удивился бы, если бы многие достойные собственники спросили меня, что я вижу в этом несправедливого и незаконного? Униженное существо! оцинкованный труп! как я могу рассчитывать убедить тебя, если ты не можешь распознать ограбление, когда я тебе его показываю? Человек мягкими и вкрадчивыми словами раскрывает секрет взимания налогов с других, чтобы он мог утвердиться; затем, однажды обогатившись благодаря их совместным усилиям, он отказывается на тех самых условиях, которые он сам продиктовал, повышать благосостояние тех, кто сколотил для него состояние: и вы спрашиваете, насколько такое поведение мошенническое! Под предлогом того, что он заплатил своим работникам, что он им больше ничего не должен, что он ничего не выигрывает, отдавая себя на службу другим, в то время как его собственные занятия требуют его внимания, — я говорю, он отказывается помогать другим в обретении опоры, как ему помогли обрести свою собственную; и когда в бессилии своей изоляции эти бедные рабочие вынуждены продавать свое первородство, он — этот неблагодарный собственник, этот плутоватый выскочка — готов внести последний штрих в их лишения и разорение. И ты думаешь, что просто так? Береги себя!

Я читаю на вашем испуганном лице укор нечистой совести гораздо яснее, чем невинное изумление невольным невежеством.

"Капиталист, - говорят они, - заплатил рабочим их ДНЕВНУЮ ЗАРАБОТНУЮ ПЛАТУ". Чтобы быть точным, нужно сказать, что капиталист выплачивал дневную заработную плату во столько раз больше, во сколько он нанимал рабочих каждый день, а это совсем не одно и то же. Ибо он ничего не заплатил за ту огромную силу, которая проистекает из союза и гармонии работников, а также из схождения и одновременности их усилий. Двести гренадеров установили у его основания луксорский обелиск за несколько часов; неужели вы думаете, что один человек мог бы выполнить ту же задачу за двести дней? Тем не менее, по бухгалтерским книгам капиталиста размер выплачиваемой заработной платы был бы тем же самым. Что ж, пустыню нужно подготовить к возделыванию, построить дом, запустить фабрику — все это обелиски, которые нужно воздвигнуть, горы, которые нужно сдвинуть. Самое маленькое состояние, самое незначительное заведение, приведение в движение самой низшей индустрии требуют сочетания стольких различных видов труда и навыков, что один человек вряд ли смог бы выполнить их все. Удивительно, что экономисты никогда не обращали внимания на этот факт. Итак, установите баланс между доходами капиталиста и его платежами.

Рабочему нужна заработная плата, которая позволяла бы ему жить, пока он работает; ибо, пока он не потребляет, он не может производить. Тот, кто нанимает человека, обязан содержать его или получать заработную плату, достаточную для обеспечения того же. Это первое, что необходимо сделать на любом производстве. На данный момент я признаю, что в этом отношении капиталист выполнил свой долг.

Необходимо, чтобы рабочий находил в своем производстве, в дополнение к своей нынешней поддержке, гарантию своей будущей поддержки; в противном случае источник производства иссяк бы, и его производительная способность истощилась бы: другими словами, выполненный труд должен постоянно порождать новую рабочую силу — таков всеобщий закон воспроизводства. Таким образом, владелец фермы находит: 1. В своем урожае средства не только для содержания себя и своей семьи, но и для поддержания и приумножения своего капитала, для прокормления своего скота - одним словом, средства для нового труда и

непрерывного воспроизводства; 2. В своей собственности на производительный объект - постоянную основу для возделывания и труда.

Но тот, кто предоставляет свои услуги, — какова его основа совершенствования?

Предполагаемая потребность владельца в нем и необоснованное предположение, что он хочет нанять его. Точно так же, как простолюдин когда-то владел своей землей благодаря щедрости и снисхождению лорда, так и сегодня рабочий удерживает свой труд благодаря снисхождению и потребностям хозяина и собственницы: это то, что называется владением на основании ненадежного титула. Но это ненадежное состояние является несправедливостью, поскольку оно подразумевает неравенство в придачу. Заработная плата рабочего лишь незначительно превышает его текущие расходы и не гарантирует ему заработка на завтра, в то время как капиталист находит в произведенном рабочим орудии труда залог независимости и безопасности на будущее.

Итак, эта воспроизводящая закваска — этот вечный зародыш жизни, эта подготовка земли и изготовление орудий производства — составляет долг капиталиста производителю, который он никогда не выплачивает; и именно это мошенническое отрицание является причиной бедности рабочего, роскоши праздности и неравенства условий. Это, прежде всего, то, что было так уместно названо эксплуатацией человека человеком.

Необходимо сделать одну из трех вещей. Либо рабочему должна быть предоставлена часть продукта в дополнение к его заработной плате; либо работодатель должен предоставить рабочему эквивалентную производительную услугу; либо же он должен взять на себя обязательство использовать его вечно. Разделение продукта, взаимность услуг или гарантия непрерывного труда — ни от одного из этих путей капиталист не может уклониться. Но очевидно, что он не может удовлетворить второму и третьему из этих условий — он не может ни поставить себя на службу тысячам рабочих, которые прямо или косвенно помогли ему утвердиться, ни использовать их всех навсегда. Таким образом, у него не остается другого выхода, кроме как разделить имущество. Но если собственность будет разделена, все условия будут равными — больше не будет крупных капиталистов или собственников.

Следовательно, когда М. Ч. Конт, развивая свою гипотезу, показывает нам, что его капиталист приобретает один за другим продукты труда своих служащих, он все глубже и глубже увязает в трясине; и, поскольку его аргументация не меняется, наш ответ, конечно, остается тем же.

"Другие рабочие заняты в строительстве: одни добывают камень, другие перевозят его, третьи обтесывают, третьи устанавливают на место. Каждый из них придает определенную ценность материалу, который проходит через его руки; и эта ценность, продукт его труда, является его собственностью. Он продает его, как только создает, владельцу здания, который платит ему за это едой и зарплатой".

Разделяй и властвуй — разделяй, и ты будешь повелевать; разделяй, и ты разбогатеешь; разделяй, и ты обманешь людей, ты затуманишь их разум, ты будешь насмехаться над правосудием! Если отделить рабочих друг от друга, возможно, ежедневная заработная плата каждого из них превышает стоимость продукта каждого отдельного человека; но рассматриваемый вопрос не в этом. Отряду в тысячу человек, работавшему двадцать дней, платили столько же, сколько платили бы за работу в течение пятидесяти пяти лет; но этот отряд в тысячу человек за двадцать дней сделал то, чего не смог бы достичь один человек, хотя бы он

трудился миллион веков. Справедлив ли обмен? Еще раз, нет; когда вы оплатили все индивидуальные силы, коллективная сила все еще остается оплаченной.

Следовательно, всегда остается право коллективной собственности, которое вы не приобрели и которым вы пользуетесь несправедливо.

Допустим, что двадцатидневной заработной платы достаточно, чтобы прокормить, разместить и одеть это множество в течение двадцати дней: выброшенные с работы по истечении этого срока, что с ними станет, если они с той же скоростью, с какой они создают, передадут свои творения владельцам, которые вскоре их продадут? В то время как собственник, твердо стоящий на своем положении (благодаря помощи всех работников), живет в безопасности и не боится недостатка в труде или хлебе, единственная зависимость рабочего - от благосклонности этого самого собственника, которому он продал и отдал свою свободу. Если, таким образом, собственник, прикрываясь своим комфортом и своими правами, отказывается нанимать рабочего, то как он может жить? Он вспахал прекрасное поле и не может его засеять; он построил элегантный и просторный дом и не может в нем жить; он произвел все и не может наслаждаться ничем.

Труд ведет нас к равенству. Каждый шаг, который мы делаем, приближает нас к нему; и если бы рабочие обладали равной силой, усердием и прилежанием, очевидно, что их благосостояние также было бы равным. В самом деле, если, как утверждается — и как мы признали, — рабочий является собственником создаваемой им стоимости, то отсюда следует:

1. То, что рабочий приобретает за счет праздного собственника;
2. Что все производство обязательно является коллективным, рабочий имеет право на долю продукции и прибыли, соизмеримую с его трудом;
3. Что весь накопленный капитал является общественной собственностью, и никто не может быть его исключительным владельцем.

Эти выводы неизбежны; одного этого было бы достаточно, чтобы произвести революцию во всей нашей экономической системе и изменить наши институты и наши законы. Почему те самые люди, которые заложили этот принцип, теперь отказываются им руководствоваться? Почему Сэй, графы, Хеннекены и другие — после того, как они сказали, что собственность рождается трудом, — стремятся закрепить ее занятием и предписанием?

Но давайте оставим этих софистов с их противоречиями и слепотой. Здравый смысл народа воздаст должное их двусмысленности. Давайте поспешим просветить его и указать ему истинный путь. Равенство приближается; между ним и нами уже лежит лишь небольшое расстояние: завтра даже это расстояние будет пройдено.

% 6.—Что в обществе все зарплаты равны.

Когда сен—симонианцы, фурьеристы и вообще все, кто в наши дни связан с социальной экономией и реформами, пишут на своем знамени:

"КАЖДОМУ ПО ЕГО СПОСОБНОСТЯМ, КАЖДОЙ СПОСОБНОСТИ ПО ЕЕ РЕЗУЛЬТАТАМ" (Сен-Симон);

"КАЖДОМУ В СООТВЕТСТВИИ С ЕГО КАПИТАЛОМ, ТРУДОМ И УМЕНИЕМ" (Фурье), —

они имеют в виду — хотя и не говорят об этом так многословно, — что продукты Природы, добытые трудом и промышленностью, являются наградой, пальмой первенства, короной, предлагаемой всем видам превосходства. Они рассматривают страну как огромную арену, на которой разыгрываются призы — правда, уже не копьями и мечами, силой и предательством, а приобретенным богатством, знаниями, талантом и самой добродетелью. Одним словом, они означают — и все с ними согласны, — что наибольшие способности дают право на наибольшее вознаграждение; и, используя меркантильную фразеологию, достоинством которой, по крайней мере, является прямота, — что заработная плата должна определяться способностями и их результатами.

Ученики этих двух самозванных реформаторов не могут отрицать, что такова их мысль; ибо, поступая так, они противоречили бы своим официальным интерпретациям и разрушили бы единство своих систем. Более того, такого отрицания с их стороны опасаться не стоит. Обе секты славятся тем, что выдвигают в качестве принципа неравенство условий, исходя из Природы, которая, по их словам, предусмотрела неравенство способностей. Они хвастаются только одним, а именно тем, что их политическая система настолько совершенна, что социальное неравенство всегда соответствует естественному неравенству. Они не больше утруждают себя выяснением того, возможно ли неравенство условий — я имею в виду заработную плату — чем установлением меры производительности.[*]

* В системе Сен-Симона сен-симоновский священник определяет способности каждого в силу его папской непогрешимости, подражая Римской церкви: в системе Фурье звания и заслуги определяются голосованием, подражая конституционному режиму.

Очевидно, что великий человек является объектом насмешек для читателя; он не собирался раскрывать свой секрет.

"Каждому по его способностям, каждому по его результатам".

"Каждому в соответствии с его капиталом, трудом и умением".

Со времени смерти Сен-Симона и Фурье ни один из их многочисленных учеников не попытался представить публике научную демонстрацию этой великой максимы; и я бы поставил сто к одному, что ни один фурьерист даже не подозревает, что этот двухформный афоризм допускает две интерпретации.

"Каждому по его способностям, каждому по его результатам".

"Каждому в соответствии с его капиталом, трудом и умением".

Это утверждение, взятое, как говорится, *в очевидном смысле* — в том смысле, который ему обычно приписывают, — ложно, абсурдно, несправедливо, противоречиво, враждебно свободе, дружелюбно к тирании, антисоциально и, к несчастью, было сформулировано под явным влиянием идеи собственности.

И, во-первых, КАПИТАЛ должен быть вычеркнут из списка элементов, дающих право на вознаграждение. Фурьеристы — насколько я смог узнать из нескольких их брошюр — отрицают

право владения и не признают никакой основы собственности, кроме труда. Исходя из подобной предпосылки, они увидели бы — если бы поразмыслили над этим вопросом, — что капитал является источником производства для своего владельца только в силу права владения, и что это производство, следовательно, незаконно. Действительно, если труд является единственной основой собственности, я перестаю быть владельцем своего поля, как только получаю за него ренту от другого. Это мы показали без всяких придилок. То же самое происходит со всем капиталом; так что вложить капитал в предприятие - значит, по решению закона, обменять его на эквивалентную сумму в продуктах. Я не буду снова вступать в это бесполезное теперь обсуждение, поскольку предлагаю в следующей главе исчерпать тему ПРОИЗВОДСТВА С ПОМОЩЬЮ КАПИТАЛА.

Таким образом, капитал может быть обменян, но не может быть источником дохода.

Остаются ТРУД и НАВЫКИ, или, как выражается Сен-Симон, РЕЗУЛЬТАТЫ и СПОСОБНОСТИ. Я рассмотрю их последовательно.

Должна ли заработная плата определяться трудом? Другими словами, справедливо ли, что тот, кто делает больше всех, должен получать больше всех? Я прошу читателя обратить самое пристальное внимание на этот момент.

Чтобы решить проблему одним махом, нам нужно только задать себе следующий вопрос: "Труд - это УСЛОВИЕ или БОРЬБА?" Ответ кажется очевидным.

Бог сказал человеку: "В поте лица твоего будешь есть хлеб", то есть ты сам будешь добывать себе хлеб: с большей или меньшей легкостью, в зависимости от твоего умения направлять и объединять свои усилия, ты будешь трудиться. Бог не сказал: "Ты будешь ссориться с ближним твоим из-за хлеба твоего", но: "Ты будешь трудиться бок о бок с ближним твоим, и вы будете жить вместе в гармонии". Давайте развим значение этого закона, крайняя простота которого делает его подверженным неправильному толкованию.

В процессе труда необходимо замечать и различать две вещи: АССОЦИАЦИЮ и ДОСТУПНЫЙ МАТЕРИАЛ.

Поскольку работники связаны, они равны; и утверждение, что одному следует платить больше, чем другому, включает в себе противоречие. Ибо, поскольку продукт одного рабочего может быть оплачен только продуктом другого рабочего, если два продукта неравны, остаток - или разница между большим и меньшим — не будет приобретен обществом; и, следовательно, отсутствие обмена не повлияет на равенство заработной платы. Это, правда, приведет к естественному неравенству в пользу более сильного работника, но не к социальному неравенству; никто не пострадает из-за его силы и производительной энергии. Одним словом, общество обменивает только равные продукты, то есть не вознаграждает никакой труд, кроме того, который выполняется для его блага; следовательно, оно платит всем работникам одинаково: к тому, что они производят вне ее сферы, она имеет не больше отношения, чем к разнице в их голосах и волосах.

Я, кажется, утверждаю принцип неравенства: истина заключается в обратном. Общее количество труда, которое может быть выполнено для общества (то есть труда, подлежащего обмену), будучи в пределах данного пространства настолько большим, насколько многочисленнее работники и чем меньше задача, возложенная на каждого, — отсюда следует,

что естественное неравенство нейтрализует себя по мере расширения ассоциации и увеличения количества произведенных таким образом потребляемых ценностей. Так что в обществе единственной вещью, которая могла бы вернуть неравенство труда, было бы право владения — право собственности.

Теперь предположим, что эта ежедневная общественная задача состоит во вспашке, рыхлении или жатве на площади в два квадратных десятиметра и что среднее время, необходимое для ее выполнения, составляет семь часов: один рабочий закончит ее за шесть часов, другому потребуется восемь; большинство, однако, будет работать семь. Но при условии, что каждый выполняет требуемое от него количество труда, независимо от времени, которое он использует, они имеют право на равную заработную плату.

Имеет ли право рабочий, способный выполнить свою работу за шесть часов, на основании превосходства в силе и активности присваивать себе работу менее искусного работника и таким образом отнимать у него труд и хлеб? Кто осмеливается утверждать подобное? Тот, кто закончит раньше других, может отдохнуть, если захочет; он может посвятить себя полезным упражнениям и трудам для поддержания своей силы, культуры своего ума и удовольствия от своей жизни. Это он может делать, не причиняя никому вреда, но пусть он ограничится услугами, которые касаются исключительно его. Энергия, гений, трудолюбие и все личные преимущества, которые проистекают из них, являются работой Природы и, в известной степени, отдельного человека; общество воздает им должное уважение, которого они заслуживают; но заработная плата, которую оно им выплачивает, измеряется не их силой, а их производством. Теперь продукт каждого ограничен правом всех.

Если бы почва была бесконечной по протяженности, а количество доступного материала неисчерпаемым, даже тогда мы не смогли бы принять эту максиму — КАЖДОМУ ПО ТРУДУ. И почему? Потому что общество, повторяю, каким бы ни было количество его подданных, вынуждено платить им всем одинаковую заработную плату, поскольку она платит им только их собственными продуктами. Только, согласно только что выдвинутой гипотезе, поскольку сильному нельзя помешать использовать все свои преимущества, неудобства естественного неравенства вновь проявились бы в самом сердце социального равенства. Но земля, учитывая производительную силу ее обитателей и их способность к размножению, очень ограничена; кроме того, огромное разнообразие продуктов и чрезвычайное разделение труда облегчают выполнение социальной задачи. Теперь, благодаря этому ограничению производимых вещей и легкости их производства, вступает в силу закон абсолютного равенства.

Да, жизнь - это борьба. Но эта борьба ведется не между человеком и человеком, а между человеком и Природой; и долг каждого - принять в ней свое участие. Если в борьбе сильные приходят на помощь слабым, их доброта заслуживает похвалы и любви; но их помощь должна приниматься как бесплатный дар, а не навязываться силой или предлагаться за определенную цену. У всех впереди одна и та же карьера, не слишком длинная и не слишком трудная; тот, кто ее завершит, найдет свою награду в конце: необязательно достигать ее первым.

В типографиях, где чернорабочие обычно работают по заданию, наборщик получает столько-то за тысячу набранных букв; печатник столько-то за тысячу отпечатанных листов. Здесь, как и везде, наблюдается неравенство в талантах и навыках. Когда нет перспективы скучных времен (поскольку книгопечатание и верстка, как и все другие профессии, иногда заходят в тупик), каждый волен работать изо всех сил и напрягать свои способности до предела: тот, кто делает

больше, получает больше; тот, кто делает меньше, получает еще меньше. Когда бизнес идет на спад, наборщики и печатники делят свой труд; всех монополистов ненавидят не больше, чем грабителей или предателей.

В действиях этих печатников есть философия, до которой никогда не доходили ни экономисты, ни юристы. Если бы наши законодатели ввели в свои кодексы принцип распределительной справедливости, который управляет типографиями; если бы они учитывали народные инстинкты - не ради рабского подражания, а для того, чтобы реформировать и обобщить их, — задолго до этого свобода и равенство были бы установлены на незыблемой основе, и мы не спорили бы сейчас о праве собственности и необходимости социальных различий.

Было подсчитано, что если бы труд распределялся поровну между всем числом трудоспособных людей, средний рабочий день каждого человека во Франции не превышал бы пяти часов. Если это так, то как мы можем говорить о неравенстве работников? Именно ТРУД Роберта Макэра вызывает неравенство.

Принцип "КАЖДОМУ ПО ТРУДУ", интерпретируемый как означающий, ЧТО ТОТ, КТО БОЛЬШЕ ВСЕХ РАБОТАЕТ, БОЛЬШЕ ВСЕХ И ПОЛУЧАЕТ, основан, следовательно, на двух очевидных ошибках: первая - ошибка в экономике, заключающаяся в том, что в общественном труде задачи обязательно должны быть неравными; другая - ошибка в физике, заключающаяся в том, что нет предела количеству производимых вещей.

"Но, - скажут, - предположим, есть люди, которые хотят выполнить только половину своей задачи?"... Это очень смущает? Вероятно, они довольны половиной своей зарплаты. Им платят в соответствии с выполненным трудом, на что они могут жаловаться? и какой вред они причинили бы другим? В этом смысле справедливо применять принцип "КАЖДОМУ ПО ЕГО РЕЗУЛЬТАТАМ". Это сам закон равенства.

Далее, здесь могут возникнуть многочисленные трудности, связанные с полицейской системой и организацией промышленности. Я отвечу им всем одной фразой — что все они должны быть решены по принципу равенства. Таким образом, кто-то может заметить: "Вот задача, которую нельзя отложить без ущерба для производства. Должно ли общество страдать от небрежности немногих? и не отважится ли она — из уважения к праву на труд — собственными руками изготовить продукт, в котором ей отказывают? В таком случае, кому будет принадлежать зарплата?"

Обществу; которой будет позволено выполнять работу либо самой, либо через своих представителей, но всегда таким образом, чтобы общее равенство никогда не нарушалось и чтобы только бездельник был наказан за свое безделье. Кроме того, если общество не может применять чрезмерную суровость к своим ленивым членам, оно имеет право в целях самообороны защититься от злоупотреблений.

Но каждой отрасли нужны — добавляют они - лидеры, инструкторы, суперинтенданты и т.д. Будут ли они задействованы в выполнении общей задачи? Нет; поскольку их задача - руководить, инструктировать и надзирать. Но они должны быть выбраны из числа рабочих самими рабочими и должны соответствовать условиям отбора. То же самое происходит со всеми государственными функциями, будь то административные или инструкторские.

Тогда первой статьей всеобщей конституции будет:—

"Ограниченное количество доступного материала доказывает необходимость разделения труда между всем количеством рабочих. Данная всем способность выполнять социальную задачу, то есть равную задачу, и невозможность заплатить одному рабочему за исключением продукции другого, оправдывают равенство заработной платы".

% 7. —Что неравенство Сил является необходимым условием равенства Состояний.

На это возражают, и это возражение составляет вторую часть сен—симоновских и третью часть фурьеристских "максим", —

"Что все виды труда не могут выполняться с одинаковой легкостью. Некоторые требуют большого превосходства в мастерстве и интеллекте; и на этом превосходстве основана цена. Художник, ученый, поэт, государственный деятель почитаются только за свое превосходство; и это превосходство уничтожает всякое сходство между ними и другими людьми: в присутствии этих вершин науки и гения закон равенства исчезает. Итак, если равенство не является абсолютным, то равенства нет. От поэта мы восходим к романисту; от скульптора к резчику по камню; от архитектора к каменщику; от химика к повару и т.д. Способности классифицируются и подразделяются на отряды, роды и разновидности. Крайности таланта соединены промежуточными талантами. Человечество - это обширная иерархия, в которой индивид оценивает себя путем сравнения и устанавливает свою цену исходя из ценности, которую общество придает его продукту".

Это возражение всегда казалось непреодолимым. Оно является камнем преткновения как для экономистов, так и для защитников равенства. Это привело первых к вопиющим ошибкам, а вторых заставило произносить невероятные банальности. Грахх Бабеф хотел, чтобы всякое превосходство СТРОГО ПОДАВЛЯЛОСЬ и даже ПРЕСЛЕДОВАЛОСЬ КАК СОЦИАЛЬНОЕ БЕДСТВИЕ. Чтобы построить свое коммунистическое здание, он низвел всех граждан до самого низкого положения. Известно, что невежественные эклектики возражали против неравенства знаний, и я не удивлюсь, если кто-нибудь все же восстанет против неравенства добродетелей. Аристотель был изгнан, Сократ выпил цикуту, Эпаминонд был привлечен к ответственности за то, что доказал превосходство в уме и добродетели над некоторыми распутными и глупыми демагогами. Подобные безумства будут повторяться до тех пор, пока неравенство состояний оправдывает население, ослепленное и угнетаемое богатыми, в страхе прихода к власти новых тиранов.

Ничто не кажется более неестественным, чем то, что мы рассматриваем слишком пристально, и часто ничто не кажется менее похожим на правду, чем сама правда. С другой стороны, согласно Ж.-Ж. Руссо, "требуется много философии, чтобы позволить нам однажды увидеть то, что мы видим каждый день"; и, согласно д'Аламберу, "обычные истины жизни производят на людей лишь небольшое впечатление, если к ним специально не привлекать их внимание". Скажем, основатель школы экономистов, у которого я заимствую эти две цитаты, мог бы извлечь из них пользу; но тот, кто смеется над слепым, должен носить очки, а тот, кто замечает его, близорук.

Странно! то, что напугало так много умов, в конце концов, не является возражением против равенства — это само условие, при котором равенство существует! ...

Естественное неравенство - условие равенства состояний!... Какой парадокс!... Я повторяю свое утверждение, чтобы никто не подумал, что я допустил ошибку — неравенство сил является неизменным условием равенства состояний.

В обществе необходимо учитывать две вещи — ФУНКЦИИ и ОТНОШЕНИЯ.

I. ФУНКЦИИ. Предполагается, что каждый рабочий способен выполнять возложенную на него задачу; или, используя распространенное выражение, "каждый рабочий должен знать свое дело". Рабочий, равный своей работе, — существует уравнение между функционером и функцией.

В обществе функции неодинаковы; следовательно, должны быть разные способности. Далее, определенные функции требуют большего интеллекта и сил; кроме того, есть люди превосходящего ума и таланта. Для выполнения работы обязательно привлекается рабочий: из потребности рождается идея, а идею создает производитель. Мы знаем только то, чего жаждут наши чувства и чего требует наш интеллект; у нас нет острого желания того, чего мы не можем постичь, и чем больше наша способность к постижению, тем больше наши производственные возможности.

Таким образом, функции, возникающие из потребностей, потребности - из желаний, а желания - из спонтанного восприятия и воображения, может также производить тот же интеллект, который воображает; следовательно, ни один труд не превосходит работника. Одним словом, если функция вызывает функционера, то это потому, что функционер существует раньше функции.

Давайте восхитимся бережливостью Природы. Что касается этих различных потребностей, которые она дала нам и которые изолированный человек не может удовлетворить без посторонней помощи, Природа даровала расе силу, в которой индивидууму отказано. Это порождает принцип РАЗДЕЛЕНИЯ ТРУДА, основанный на СПЕЦИАЛИЗАЦИИ ПРОФЕССИЙ.

Удовлетворение некоторых потребностей требует от человека постоянного созидания; в то время как другие могут быть удовлетворены трудом одного человека для миллионов людей на протяжении тысяч веков. Например, потребность в одежде и пище требует постоянного воспроизводства; в то время как знание об устройстве Вселенной может быть приобретено навсегда двумя или тремя высокоодаренными людьми. Постоянное течение рек поддерживает нашу торговлю и приводит в действие наши механизмы; но солнце, единственное посреди космоса, дает свет всему миру. Природа, которая могла бы создать Платона и Вергилия, Ньютона и Кювье, как она создает земледельцев и пастухов, не считает нужным этого делать; она предпочитает соразмерять редкость гениальности с продолжительностью ее творчества и уравновешивать количество способностей компетентностью каждого из них.

Я не спрашиваю здесь, проистекает ли дистанция, отделяющая одного человека от другого с точки зрения таланта и интеллекта, из плачевного состояния цивилизации или то, что сейчас называется НЕРАВЕНСТВОМ ВЛАСТЕЙ, было бы в идеальном обществе чем-то большим, чем РАЗНООБРАЗИЕ ВЛАСТЕЙ. Я придерживаюсь наихудшего взгляда на этот вопрос; и, чтобы меня не обвинили в уклонении от трудностей, я признаю все неравенства, которых только можно пожелать. 16

Некоторые философы, увлеченные идеей выравнивания, утверждают, что все умы равны и что все различия являются результатом образования. Признаюсь, я не верю в эту доктрину, которая, даже если бы она была истинной, привела бы к результату, прямо противоположному желаемому. Ибо, если способности равны, какой бы ни была степень их силы (поскольку никого нельзя принудить), существуют функции, которые считаются грубыми, низкими и унижающими

достоинство, которые заслуживают более высокой оплаты, — результат, не менее противоречащий равенству, чем принципу, СОГЛАСНО КОТОРОМУ КАЖДАЯ СПОСОБНОСТЬ СООТВЕТСТВУЕТ СВОИМ РЕЗУЛЬТАТАМ. Напротив, дайте мне общество, в котором каждый вид таланта находится в надлежащем количественном соотношении с потребностями общества и которое требует от каждого производителя только того, что требует от него производить его особая функция; и, ни в малейшей степени не нарушая иерархии функций, я выведу равенство состояний.

Это мое второе замечание.

II. ОТНОШЕНИЯ. Рассматривая элемент труда, я показал, что в одном и том же классе производственных услуг, когда способностью выполнять социальную задачу обладают все, никакое неравенство вознаграждения не может быть основано на неравенстве индивидуальных способностей. Однако справедливо будет сказать, что определенные способности кажутся совершенно неспособными оказывать определенные услуги; так что, если бы человеческая промышленность была полностью ограничена одним классом продуктов, возникло бы множество видов инвалидности и, следовательно, величайшее социальное неравенство. Но все видят, без каких-либо намеков с моей стороны, что разнообразие отраслей позволяет избежать этой трудности; это настолько ясно, что я не буду останавливаться на этом обсуждении. Таким образом, нам остается только доказать, что функции равны друг другу; точно так же, как рабочие, выполняющие одну и ту же функцию, равны друг другу.

Собственность превращает человека в евнуха, а затем упрекает его в том, что он не что иное, как сухое дерево, гниющее дерево.

Вас удивляет, что я отказываю в гениальности, в знаниях, в мужестве, — словом, во всех достоинствах, которыми восхищается мир, — в почтении к достоинствам, в различиях власти и богатства? Это не я отказываюсь от этого: это экономика, это справедливость, это свобода. Свобода! впервые за все время обсуждения я обращаюсь к ней. Пусть она встанет на свою защиту и добьется своей победы.

Каждая транзакция, заканчивающаяся обменом продуктами или услугами, может быть квалифицирована как КОММЕРЧЕСКАЯ ОПЕРАЦИЯ.

Тот, кто говорит о торговле, говорит об обмене равными ценностями; ибо, если ценности не равны, и пострадавшая сторона осознает это, он не согласится на обмен, и никакой торговли не будет.

Коммерция существует только среди свободных людей. Сделки между другими людьми могут совершаться с помощью насилия или мошенничества, но коммерции нет.

Свободный человек - это тот, кто наслаждается использованием своего разума и своих способностей; кто не ослеплен страстью, не стеснен угнетением и не введен в заблуждение ошибочными мнениями.

Итак, при каждом обмене существует моральное обязательство, которое ни одна из договаривающихся сторон не должна получать за счет другой; это означает, что, чтобы быть законной и истинной, торговля должна быть освобождена от всякого неравенства. Это первое

условие торговли. Второе условие заключается в том, чтобы она была добровольной, то есть стороны действовали свободно и открыто.

Таким образом, я определяю торговлю или обмен как общественный акт.

Негр, который продает свою жену за нож, своих детей за несколько осколков стекла и, наконец, самого себя за бутылку бренди, не свободен. Торговец человеческим мясом, с которым он ведет переговоры, не является его партнером; он его враг.

Цивилизованный рабочий, который печет буханку, чтобы съесть ломоть хлеба, который строит дворец, чтобы спать в конюшне, который ткет богатые ткани, чтобы одеваться в лохмотья, который производит все, чтобы обойтись без всего, — несвободен. Его работодатель, не становящийся его партнером в обмене заработной платой или услугами, который происходит между ними, является его врагом.

Солдат, который служит своей стране из страха, а не из любви, несвободен; его товарищи и офицеры, министры или органы военной юстиции - все они его враги.

Крестьянин, который нанимает землю, фабрикант, который берет займы капитал, налогоплательщик, который платит пошлины, патентные и лицензионные сборы, личные налоги и налоги на собственность и т.д., и депутат, который голосует за них, — все они действуют неразумно и не свободно. Их враги - собственники, капиталисты, правительство.

Дайте людям свободу, просветите их умы, чтобы они могли знать значение своих контрактов, и вы увидите самое совершенное равенство в обменах независимо от превосходства таланта и знаний; и вы признаете, что в коммерческих делах, то есть в сфере общества, слово превосходство лишено смысла.

Пусть Гомер споет свои стихи. Я слушаю этого возвышенного гения, по сравнению с которым я, простой пастух, скромный фермер, ничто. Что, в самом деле, — если сравнивать продукт с продуктом, — представляют собой мои сыры и бобы в присутствии его "Илиады"? Но если Гомер желает отнять у меня все, чем я владею, и сделать меня своим рабом в обмен на свою неподражаемую поэму, я откажусь от удовольствия слушать его песни и уволю его. Я могу обойтись без его "Илиады" и дожждаться, если необходимо, "Энеиды".

Гомер не может прожить и двадцати четырех часов без моей продукции. Тогда пусть он примет то небольшое, что я могу предложить; и тогда его муза сможет наставлять, ободрять и утешать меня.

- Что? ты говоришь, что таково должно быть состояние того, кто поет о богах и людях?

Милостыня, с унижением и страданиями, которые она приносит с собой! — какая варварская щедрость!"... Не горячись, умоляю тебя. Собственность делает из поэта либо Креза, либо нищего; только равенство знает, как почитать и восхвалять его. В чем его обязанность?

Регулировать права певца и обязанности слушателя. Теперь обратите внимание на этот момент, который очень важен для решения этого вопроса: оба свободны: один для продажи, другой для покупки. Отныне их соответствующие претензии ни к чему не приводят; и оценка, справедливая или несправедливая, которую они ставят, одна - его стихам, другая - его щедрости, не может иметь никакого влияния на условия контракта. Заключая наши сделки, мы больше не должны взвешивать таланты; мы должны рассматривать только продукты.

Чтобы бард Ахилла мог получить причитающуюся ему награду, он должен сначала добиться того, чтобы его искали: после этого обмен его стихов на гонорар любого рода, будучи свободным актом, должен быть в то же время справедливым актом; то есть гонорар поэта должен быть равен его произведению. Итак, какова ценность этого продукта?

Давайте предположим, во-первых, что эта "Илиада" — это произведение шеф-повара, которое должно быть справедливо вознаграждено, — действительно бесценна, что мы не знаем, как ее оценить. Если публика, которая свободна покупать его, откажется это сделать, ясно, что, поскольку стихотворение не подлежит обмену, его внутренняя ценность не уменьшится; но то, что его меновая стоимость или его производственная полезность будут сведены к нулю, вообще ничего не будет значить. Тогда мы должны определить размер заработной платы, подлежащей выплате, между бесконечностью, с одной стороны, и нулем, с другой, на равном расстоянии от каждого из них, поскольку все права и свободы заслуживают равного уважения; другими словами, фиксировать нужно не внутреннюю, а относительную стоимость продаваемой вещи. Вопрос становится проще: какова эта относительная ценность? На какую награду поэма, подобная "Илиаде", дает право ее автору?

Первой задачей политической экономии, после установления ее определений, было решение этой проблемы; теперь же она не только не решена, но и объявлена неразрешимой. Согласно экономистам, относительная или меновая стоимость вещей не может быть определена абсолютно; она обязательно меняется.

"Ценность вещи, — говорит Сэй, — это положительная величина, но только на данный момент. Его природа постоянно меняется, переходя от одной точки к другой. Ничто не может исправить его абсолютно, потому что оно основано на потребностях и средствах производства, которые меняются каждый момент. Эти колебания усложняют экономические явления и часто делают их очень трудными для наблюдения и решения. Я не знаю средства от этого; не в наших силах изменить природу вещей".

В другом месте Сэй говорит и повторяет, что ценность основана на полезности, а полезность полностью зависит от наших потребностей, прихотей, обычаев и т.д. Ценность столь же изменчива, как и мнение. Итак, поскольку политическая экономия является наукой о ценностях, об их производстве, распределении, обмене и потреблении, — если меновая стоимость не может быть абсолютно определена, как возможна политическая экономия? Как она может быть наукой? Как могут два экономиста смотреть друг другу в лицо без смеха? Как они смеют оскорблять метафизиков и психологов? Что! этот дурак Декарт вообразил, что философии нужна незыблемая основа — *aliquid inconcussum*, — на которой можно было бы построить здание науки, и он был достаточно прост, чтобы найти ее! И Гермес экономии, Как говорит Трисмегист, посвятивший полтома развитию этого торжественного текста, *политическая экономия - это наука*, имеет смелость сразу после этого заявить, что эта наука не может определить свой объект, — что равносильно утверждению, что у нее нет принципа или основания! Следовательно, он не знает, как говорят выдающиеся люди, природы науки; или, скорее, он ничего не знает о предмете, который он обсуждает.

Пример Сэя принес свои плоды. Политическая экономия в том виде, в каком она существует в настоящее время, напоминает онтологию: обсуждая следствия и причины, она ничего не знает, ничего не объясняет, ничего не решает. Идеи, удостоенные названия экономических законов, представляют собой не что иное, как несколько незначительных обобщений, которым

экономисты думали придать видимость глубины, облакая их в высокопарные слова. Что же касается попыток, предпринимавшихся экономистами для решения социальных проблем, то все, что о них можно сказать, это то, что, если в их рассуждениях иногда появляется проблеск смысла, они немедленно скатываются обратно в абсурд. В течение двадцати пяти лет политическая экономия, подобно густому туману, тяготела над Францией, сковывая усилия разума и устанавливая границы свободе.

Имеет ли каждое творение промышленности продажную, абсолютную, неизменную и, следовательно, законную и истинную ценность? — Да.

Можно ли обменять каждый продукт человека на какой-либо другой продукт человека? — Опять да.

Сколько гвоздей стоит пара туфель?

Если мы сможем решить эту ужасающую проблему, у нас будет ключ к социальной системе, которую человечество искало шесть тысяч лет. Столкнувшись с этой проблемой, экономист в замешательстве отшатывается; крестьянин, не умеющий ни читать, ни писать, без колебаний отвечает: "Столько, сколько можно произвести за то же время и с теми же затратами".

Таким образом, абсолютная ценность вещи - это ее стоимость во времени и расходах. Сколько стоит бриллиант, который требует только труда по его поднятию? — Ничего; это не изделие человека. Сколько это будет стоить после резки и монтажа? — Время и затраты, которых это стоило рабочему. Почему же тогда это продается по такой высокой цене? — Потому что мужчины несвободны. Общество должно регулировать обмен и распределение самых редких вещей, как оно регулирует обмен и распределение самых обычных, таким образом, чтобы каждый мог разделить с ним наслаждение. Что же тогда представляет собой та ценность, которая основана на мнении? — Заблуждение, несправедливость и грабеж.

Следуя этому правилу, легко согласовать каждое тело. Если среднее значение, которое мы ищем, между бесконечной ценностью и отсутствием ценности вообще, выражается в случае каждого продукта количеством времени и затрат, которых стоил продукт, то стихотворение, которое стоило его автору тридцати лет труда и десяти тысяч франков затрат на путешествия, книги и т. Д., Должно быть оплачено обычной заработной платой, получаемой рабочим в течение тридцати лет, ПЛЮС десять тысяч франков возмещения понесенных расходов. Предположим, что вся сумма равна пятидесяти тысячам франков; если общество, получающее выгоду от постановки, включает миллион человек, моя доля долга составляет пять сантимов.

Это наводит на несколько замечаний.

1. Один и тот же продукт в разное время и в разных местах может стоить большего или меньшего времени и затрат; с этой точки зрения верно, что ценность - величина переменная. Но это различие не относится к экономистам, которые включают в свой список причин изменения ценностей не только средства производства, но и вкус, прихоть, моду и общественное мнение. Короче говоря, истинная стоимость вещи неизменна в своем алгебраическом выражении, хотя она может варьироваться в денежном выражении.

2. Цена каждого продукта, пользующегося спросом, должна быть его стоимостью во времени и затратах — ни больше, ни меньше: каждый продукт, не пользующийся спросом, является потерей для производителя — коммерческой бесполезностью.

3. Незнание принципа оценки и трудность его применения во многих обстоятельствах являются источником коммерческого мошенничества и одной из наиболее мощных причин неравенства состояний.

4. Для поощрения определенных отраслей и оплаты определенных продуктов необходимо общество, размер которого соответствует редкости талантов, дороговизне продуктов и разнообразию искусств и наук. Если, например, общество из пятидесяти фермеров может содержать школьного учителя, то сапожнику требуется сто, кузнецу - сто пятьдесят, портному - двести и т. Д. Если число фермеров возрастает до тысячи, десяти тысяч, ста тысяч и т. Д. С той же скоростью, с какой увеличивается их число, количество должностных лиц, которые требуются раньше всего, должно увеличиваться в той же пропорции; так что высшие функции становятся возможными только в самых могущественных обществах. ¹⁷ В этом особенность способностей; характер гения, печать его славы, не может возникнуть и развиваться сам по себе, кроме как в лоне великой нации. Но это физиологическое условие, необходимое для существования гения, ничего не добавляет к его социальным правам; более того, задержка с его появлением доказывает, что в экономических и гражданских делах самый высокий интеллект должен подчиняться равенству имущества; равенству, которое предшествует ему и венец которого он составляет.

Это тяжело для нашей гордости, но это неумолимая истина. И здесь психология приходит на помощь социальной экономии, давая нам понять, что талант и материальное вознаграждение не имеют общей меры; что в этом отношении положение всех производителей одинаково; следовательно, всякое сравнение между ними и всякое различие в состояниях невозможно.

На самом деле, любая работа, вышедшая из—под рук человека, - по сравнению с сырьем, из которого она сделана, — бесценна. В этом отношении расстояние между парой деревянных башмаков и стволом грецкого ореха так же велико, как между статуей Скопаса и глыбой мрамора. Гений простейшего механика оказывает такое же влияние на материалы, которые он использует, как ум Ньютона на инертные сферы, расстояния, объемы и обороты которых он вычисляет. Ты просишь за талант и гениальность соответствующей степени почестей и наград. Определи для меня ценность таланта резчика по дереву, и я определю ценность таланта Гомера. Если что-то и может вознаградить интеллект, так это сам интеллект. Именно это и происходит, когда различные классы производителей отдают друг другу взаимную дань восхищения и похвалы. Но если они предполагают обмен продуктами с целью удовлетворения взаимных потребностей, этот обмен должен осуществляться в соответствии с системой экономики, которая безразлична к соображениям таланта и гениальности и законы которой выводятся не из смутного и бессмысленного восхищения, а из справедливого баланса между ДЕБЕТОМ и кредитом; короче говоря, из коммерческих счетов.

Теперь, чтобы никто не мог вообразить, что свобода покупки и продажи является единственной основой равенства заработной платы и что единственная защита общества от превосходства талантов заключается в определенной силе инерции, которая не имеет ничего общего с правом, я продолжу объяснять, почему все способности имеют право на одинаковое вознаграждение и почему соответствующая разница в заработной плате была бы

несправедливостью. Я докажу, что обязанность опускаться до социального уровня присуща таланту; и на самом превосходстве гения я основываю равенство состояний. Я только что привел отрицательный аргумент в пользу одинаковогоощущения всех способностей; теперь я приведу прямой и положительный аргумент.

Послушайте, во-первых, экономиста: всегда приятно видеть, как он рассуждает и как понимает справедливость. Более того, без него, без его забавных промахов и замечательных аргументов мы бы ничему не научились. Равенство, столь ненавистное экономистам, всем обязано политической экономии.

"Когда родители врача [в тексте говорится о юристе, что не очень удачный пример] потратили на его образование сорок тысяч франков, эту сумму можно рассматривать как огромный капитал, вложенный в его голову. Поэтому допустимо считать, что она приносит годовой доход в размере четырех тысяч франков. Если врач зарабатывает тридцать тысяч, то за счет личных талантов, данных ему природой, остается доход в размере двадцати шести тысяч франков. Таким образом, это природный капитал, если мы предположим, что он составляет десять процентов. в виде процента составляет двести шестьдесят тысяч франков, а капитал, предоставленный ему родителями для покрытия расходов на его образование, составляет сорок тысяч франков. Соединение этих двух видов капитала составляет его состояние". — Скажите: "Полный курс обучения" и т. Д.

Сэй делит состояние врача на две части: одна состоит из капитала, который пошел на оплату его образования, другая представляет его личные таланты. Это разделение справедливо; оно соответствует природе вещей; оно общепризнанно; оно служит главной предпосылкой того великого аргумента, который устанавливает неравенство способностей. Я принимаю эту предпосылку безоговорочно; давайте посмотрим на последствия.

1. Скажем, врач ПОЛУЧАЕТ в долг сорок тысяч франков - расходы на его образование. Эту сумму следует занести в дебетовую часть счета. Ибо, хотя эти расходы были понесены ради него, они были понесены не им самим. Затем, вместо того чтобы присваивать эти сорок тысяч франков, врач должен добавить их к цене своего препарата и возместить их тем, кто имеет на них право. Обратите внимание, далее, что Сэй говорит о ДОХОДЕ, а не о ВОЗМЕЩЕНИИ; рассуждая о ложном принципе производительности капитала. Расходы на обучение таланта - это долг, взятый на себя этим талантом. С самого факта своего существования он становится должником на сумму, равную затратам на его производство. Это настолько верно и просто, что, если образование какого-либо одного ребенка в семье обошлось вдвое или втрое дороже, чем образование его братьев, последние имеют право на пропорциональную сумму имущества до его раздела. В случае с опекуном, когда управление имуществом осуществляется от имени несовершеннолетних, с этим проблем не возникает.

2. То, что я только что сказал об обязательстве таланта по возмещению расходов на свое образование, не смущает экономиста. Талантливый человек, говорит он, получая наследство от своей семьи, получает, среди прочего, право на сорок тысяч франков, на которые обходится его образование, и, следовательно, он становится их владельцем. Но это значит отказаться от права на талант и вернуться к праву владения; что снова поднимает все вопросы, заданные в главе II. Что такое право владения? что такое наследование? Является ли право наследования правом накопления или только правом выбора? как отец врача получил свое состояние? был ли он собственником или только узуфруктуарием? Если он был богат, пусть отчитывается за свое

богатство; если он был беден, как он мог понести такие большие расходы? Если он получал помощь, какое право имел он использовать эту помощь в ущерб своим благодетелям и т. Д.?

3. "Благодаря личным талантам, данным ему природой, остается доход в двадцать шесть тысяч франков". (Скажем, как указано выше.) Исходя из этой посылки, Сэй приходит к выводу, что талант нашего врача эквивалентен капиталу в двести шестьдесят тысяч франков. Этот искусный вычислитель ошибочно принимает следствие за принцип. Талант должен измеряться не выигрышем, а скорее выигрышем от таланта; ибо может случиться, что, несмотря на свои заслуги, данный врач вообще ничего не выиграет, и в этом случае необходимо будет сделать вывод, что его талант или состояние равны нулю? К такому результату, однако, привели бы рассуждения Сэя; результат, который явно абсурден.

Теперь невозможно оценить в деньгах какой бы то ни было талант вообще, поскольку талант и деньги не имеют общего измерения. На каком правдоподобном основании можно утверждать, что врачу следует платить в два, три или в сто раз больше, чем крестьянину? Неизбежная трудность, которая никогда не решалась иначе, как с помощью алчности, необходимости и угнетения. Право на талант должно определяться не таким образом. Но как это можно определить?

4. Во-первых, я говорю, что к врачу следует относиться с таким же благосклонностью, как и к любому другому производителю, что его нельзя ставить ниже уровня других. Я не перестану это доказывать. Но я добавляю, что и он не должен подниматься выше этого уровня, потому что его талант - коллективная собственность, за которую он не платил и за которую он всегда в долгу.

Точно так же, как создание каждого орудия производства является результатом коллективной силы, так и талант и знания человека являются продуктом универсального разума и общих знаний, медленно накапливаемых рядом мастеров и с помощью многих низших отраслей промышленности. Когда врач оплатил своих учителей, свои книги, свои дипломы и все другие статьи своих расходов на образование, он заплатил за свой талант не больше, чем капиталист платит за свой дом и землю, когда он выплачивает зарплату своим служащим. Талантливый человек внес свой вклад в создание полезного инструмента. Таким образом, он имеет долю в его владении; он не является его владельцем. В нем бок о бок существуют свободный работник и накопленный социальный капитал. Как рабочий, он обязан использовать инструмент, руководить машиной; а именно, его способности. Как капитал, он не является хозяином самому себе; он использует себя не для собственной выгоды, а для выгоды других.

Даже если бы талант не находил в своем собственном совершенстве награды за жертвы, которых он стоит, все равно было бы легче найти причины для снижения его вознаграждения, чем для поднятия его выше обычного уровня. Каждый производитель получает образование; каждый работник — это талант, способность, то есть часть коллективной собственности. Но не все таланты стоят одинаково дорого. Требуется совсем немного учителей, совсем немного лет и совсем немного учебы, чтобы стать фермером или механиком: усилия по воспроизводству и — если я осмелюсь использовать такой язык — период социального созревания пропорциональны высоте способностей. Но в то время как врач, поэт, художник и ученый производят очень мало, и то медленно, продукция фермера гораздо менее ненадежна и не требует столь длительного времени. Какими бы ни были способности человека, — когда эти способности однажды созданы, - они ему не принадлежат. Подобно материалу, созданному

трудолюбивой рукой, он обладал способностью СТАНОВИТЬСЯ, и общество придало ему БЫТИЕ. Скажет ли ваза горшечнику: "Я есть то, что я есть, и я тебе ничего не должен"?

Художник, ученый и поэт находят справедливое вознаграждение в разрешении, которое общество дает им посвятить себя исключительно науке и искусству: так что в действительности они трудятся не для себя, а для общества, которое создает их и не требует от них никаких других обязанностей. Общество может, если потребуется, обойтись без прозы и стихов, музыки и живописи, а также знания о движении луны и звезд; но оно не может прожить ни одного дня без пищи и крова.

Несомненно, человек живет не хлебом единым; он также должен (согласно Евангелию) ЖИТЬ СЛОВОМ БОЖЬИМ; то есть он должен любить добро и творить его, знать прекрасное и восхищаться им, изучать чудеса Природы. Но для того, чтобы развивать свой ум, он должен сначала позаботиться о своем теле, — последняя обязанность столь же необходима, сколь первая благородна. Если очаровывать и наставлять мужчин - это славно, то и кормить их - тоже почетно. Итак, когда общество, верное принципу разделения труда, доверяет производство искусства или науки одному из своих членов, позволяя ему отказаться от обычного труда, оно обязано возместить ему все, что мешает ему производить промышленным путем; но оно не должно ему ничего больше. Если он потребует большего, общество должно, отказавшись от его услуг, уничтожить его притязания. Вынужденный, таким образом, ради того, чтобы жить, посвятить себя труду, противному его природе, гениальный человек почувствовал бы свою слабость и прожил бы самую отвратительную из жизней.

Рассказывают об одном знаменитом певце, который потребовал от императрицы России (Екатерины II) двадцать тысяч рублей за свои услуги: "Это больше, чем я даю своим фельдмаршалам", - сказала Екатерина. "Вашему величеству, - ответил тот, - остается только сделать из своих фельдмаршалов певцов".

Если Франция (более могущественная, чем Екатерина II) скажет мадемуазель Рашель: "Вы должны играть за сто луидоров или же пряхсть хлопок"; месье Дюпре: "Вы должны петь за две тысячи четыреста франков или же работать на винограднике", — думаете ли вы, что актриса Рашель и певец Дюпре покинули бы сцену? Если бы они это сделали, то первыми раскаялись бы в этом.

Говорят, мадемуазель Рашель получает от "Комеди Франсез" шестьдесят тысяч франков ежегодно. Для такого таланта, как у нее, это небольшой гонорар. Почему не сто тысяч франков, двести тысяч франков? Почему! не гражданский лист? Какая подлость! Действительно ли мы виноваты в том, что ссоримся с такой художницей, как мадемуазель Рашель?

В ответ говорится, что менеджеры театра не могут дать больше, не понеся убытков; что они признают выдающийся талант своей молодой сотрудницы; но что, устанавливая ей жалованье, они были вынуждены также учитывать поступления и расходы труппы.

Это справедливо, но это только подтверждает то, что я сказал; а именно, что талант художника может быть безграничным, но его корыстные притязания неизбежно ограничены — с одной стороны, его полезностью обществу, которое его вознаграждает; с другой стороны, ресурсами этого общества: другими словами, требование продавца уравнивается правом покупателя.

Говорят, мадемуазель Рашель приносит в казну Французского театра более шестидесяти тысяч франков. Я признаю это; но тогда я виню театр. От кого Французский театр берет эти деньги? От нескольких любопытных людей, которые совершенно свободны. Да; но рабочие, арендаторы, арендаторши, те, кто берет займы, закладывая свое имущество, с кого эти любопытные люди взыскивают все, что они платят театру, — свободны ли они? И когда большая часть их продукции потребляется другими участниками спектакля, вы уверяете меня, что их семьи не испытывают нужды? До тех пор, пока французский народ, размышляя о зарплатах, выплачиваемых всем художникам, ученым и общественным деятелям, прямо не выразит своего желания и суждения по этому поводу, зарплата мадемуазель Рашель и всех ее коллег-художников будет обязательным налогом, взимаемым с помощью насилия, чтобы вознаградить гордыню и поддержать либертинизм.

Именно потому, что мы несвободны и недостаточно просвещены, мы позволяем обманывать себя в наших сделках; что рабочий платит пошлыны, налагаемые престижем власти и эгоизмом таланта на любопытство праздных людей, и что нас постоянно возмущает это чудовищное неравенство, которое поощряется и приветствуется общественным мнением.

Вся нация, и только нация, платит своим авторам, своим ученым, своим художникам, своим чиновникам, через какие бы руки ни проходила их зарплата. На каком основании оно должно им платить? На основе равенства. Я доказал это, оценив ценность таланта. Я подтверждаю это в следующей главе, доказав невозможность всякого социального неравенства.

Что мы показали на данный момент? Вещи настолько простые, что на самом деле кажутся глупыми:—

Что, как путешественник не присваивает маршрут, по которому он проходит, так и фермер не присваивает поле, которое он засекает;

Что, если, тем не менее, в силу своей трудолюбивости рабочий может присвоить материал, который он использует, каждый предприниматель материала становится на том же основании собственником;

Что весь капитал, материальный или умственный, являясь результатом коллективного труда, является, следовательно, коллективной собственностью;

Что сильный не имеет права посягать на труд слабого, а хитрый - пользоваться доверчивостью простаков;

Наконец, что никого нельзя заставить покупать то, чего он не хочет, и тем более платить за то, чего он не покупал; и, следовательно, что меновая стоимость продукта, измеряемая не мнением покупателя или продавца, а количеством времени и затрат, которых это стоило, собственность каждого всегда остается неизменной.

Разве это не очень простые истины? Что ж, какими бы простыми они тебе ни казались, читатель, ты еще увидишь другие, которые превосходят их скучностью и простотой. Ибо наш курс противоположен тому, который применяют геометры: у них чем дальше они продвигаются, тем сложнее становятся их проблемы; мы, напротив, начав с самых запутанных положений, закончим аксиомами.

Но я должен завершить эту главу изложением одной из тех поразительных истин, о которых никогда не мечтали ни юристы, ни экономисты.

% 8.—Что, с точки зрения Справедливости, Труд уничтожает Собственность.

Это утверждение является логическим результатом двух предыдущих разделов, которые мы только что резюмировали.

Изолированный человек может удовлетворить лишь очень малую часть своих потребностей; вся его сила заключается в объединении и разумном сочетании всеобщих усилий. Разделение и кооперация труда увеличивают количество и разнообразие продуктов; индивидуальность функций улучшает их качество.

Таким образом, нет человека, который не питался бы продуктами нескольких тысяч различных отраслей промышленности; нет рабочего, который не получал бы от общества в целом то, что он потребляет, а вместе с этим и способность к воспроизводству. Кто, в самом деле, осмелится утверждать: "Я произвожу своими собственными усилиями все, что потребляю; мне не нужна ничья помощь"? Фермер, которого ранние экономисты считали единственным реальным производителем, — фермер, получивший жилье, мебель, одежду, питание и помощь каменщика, плотника, портного, мельника, пекаря, мясника, бакалейщика, кузнеца и т. Д., — Фермер, спрашиваю я, может ли он похвастаться тем, что производит своими собственными усилиями, без посторонней помощи?

Различные предметы потребления предоставляются каждому всеми; следовательно, производство каждого включает в себя производство всех. Один продукт не может существовать без другого; изолированная отрасль невозможна. Каким был бы урожай фермера, если бы другие не производили для него амбары, повозки, плуги, одежду и т. Д.? Где был бы ученый без издателя; печатник без наборщика и машиниста; а они, в свою очередь, без множества других отраслей промышленности?... Давайте не будем расширять этот список — его так легко расширить, — чтобы нас не обвинили в произнесении банальностей. Все отрасли промышленности объединены взаимными отношениями в единую группу; все производства служат друг другу как средство и цель; все разновидности талантов представляют собой всего лишь серию изменений от низших к высшим.

Итак, этот бесспорный факт всеобщего участия в каждом виде продукта делает все индивидуальные производства общими; так что каждый продукт, выходящий из рук производителя, заранее закладывается обществом. Сам производитель имеет право только на ту часть своего продукта, которая выражается дробью, знаменатель которой равен числу индивидов, из которых состоит общество. Верно, что взамен этот же производитель имеет долю во всех продуктах других, так что он имеет право на всех, точно так же, как все имеют право на него; но разве не ясно, что эта взаимность ипотечных кредитов, отнюдь не разрешающая собственность, уничтожает даже владение? Рабочий даже не является владельцем своего продукта; едва он закончил его, как общество предъявляет на него права.

"Но, — ответят, - даже если это так - даже если продукт не принадлежит производителю, — все равно общество дает каждому рабочему эквивалент его продукта; и этот эквивалент, эта заработная плата, это вознаграждение, это пособие становятся его собственностью. Вы отрицаете, что эта собственность является законной? И если рабочий, вместо того чтобы

потреблять всю свою заработную плату, предпочитает экономить, — кто посмеет подвергнуть сомнению его право на это?"

Рабочий даже не является собственником цены своего труда и не может полностью контролировать ее распределение. Давайте не будем ослеплены ложной справедливостью. То, что дается рабочему в обмен на его продукт, дается ему не в качестве награды за прошлый труд, а для обеспечения будущего труда. Мы потребляем прежде, чем производим. Работник может сказать в конце дня: "Я оплатил вчерашние расходы; завтра я оплачу сегодняшние". В каждый момент своей жизни член общества находится в долгу; он умирает с неоплаченным долгом: — как он может накапливать?

Они говорят об экономии — это хобби собственника. При системе равенства любая экономия, которая не направлена на последующее воспроизводство или наслаждение, невозможна — почему? Потому что спасенная вещь, поскольку она не может быть обращена в капитал, не имеет цели и не имеет КОНЕЧНОЙ ПРИЧИНЫ. Это будет объяснено более полно в следующей главе.

В заключение:—

Рабочий по отношению к обществу является должником, который по необходимости умирает неплатежеспособным. Собственник является неверным опекуном, который отрицает получение залога, переданного на его попечение, и желает, чтобы ему платили за его опекунство вплоть до последнего дня.

Чтобы только что изложенные принципы не показались некоторым читателям чересчур метафизичными, я воспроизведу их в более конкретной форме, понятной самым тупым мозгам и чреватой наиболее важными последствиями.

До сих пор я рассматривал собственность как силу ИСКЛЮЧЕНИЯ; в дальнейшем я буду рассматривать ее как силу ВТОРЖЕНИЯ.

ГЛАВА IV. ЭТО СВОЙСТВО НЕВОЗМОЖНО.

Последнее средство собственников — неопровержимый аргумент, убедительность которого их успокаивает, — заключается в том, что, по их мнению, равенство условий невозможно.

"Равенство условий - это химера", — кричат они с видом знатока. "Распределите богатство поровну сегодня - завтра этого равенства не будет".

К этому избитому возражению, которое они повторяют повсюду с самой удивительной уверенностью, они никогда не упускают случая добавить следующий комментарий, как своего рода ВОСХВАЛЕНИЕ ОТЦА: "Если бы все люди были равны, никто бы не работал". Этот гимн исполняется с вариациями.

"Если бы все были хозяевами, никто бы не подчинялся".

"Если бы никто не был богатым, кто бы нанимал бедных?"

И: "Если бы никто не был беден, кто бы работал на богатых?"

Но давайте покончим с оскорблениями — в нашем распоряжении есть аргументы получше.

Если я докажу, что собственность сама по себе невозможна - что именно собственность является противоречием, химерой, утопией; и если я докажу это уже не с помощью метафизики и юриспруденции, а с помощью цифр, уравнений и вычислений, — представьте себе испуг изумленного собственника! А ты, читатель, что ты думаешь об этой реплике?

Числа управляют миром — *mundum regunt numeri*. Эта пословица применима как к моральному и политическому, так и к звездному и молекулярному миру. Элементы правосудия идентичны элементам алгебры; законодательство и государственное управление - это просто искусство классификации и уравнивания властей; вся юриспруденция подпадает под правила арифметики. Эта и следующая главы послужат для того, чтобы заложить основы этого экстраординарного учения. Тогда взору читателя откроется грандиозный и новый путь; тогда мы начнем видеть в числовых соотношениях синтетическое единство философии и наук; и, преисполненные восхищения и энтузиазма перед этой глубокой и величественной простотой Природы, мы воскликнем вместе с апостолом: "Да, Вечный сотворил все по числу, весу и мере!" Мы поймем не только то, что равенство условий возможно, но и то, что все остальное невозможно; что эта кажущаяся невозможность, которую мы приписываем этому, проистекает из того факта, что мы всегда думаем об этом в связи либо с режимом собственности, либо с коммунистическим режимом — политическими системами, одинаково несовместимыми с природой человека. Наконец, мы увидим, что равенство постоянно реализуется без нашего ведома, даже в тот самый момент, когда мы объявляем его неспособным к реализации; что приближается время, когда без каких-либо усилий или даже желания с нашей стороны мы установим его повсеместно; что с ним, в нем и посредством него должен проявиться естественный и истинный политический порядок.

Говоря о слепоте и упрямстве страстей, было сказано, что, если бы человек мог что-то выиграть, отрицая истины арифметики, он нашел бы какое-нибудь средство поколебать их достоверность: вот возможность провести этот любопытный эксперимент. Я нападаю на собственность, но уже не с помощью ее собственных максим, а с помощью арифметики. Пусть владельцы подготовятся к проверке моих цифр; ибо, если, к несчастью для них, цифры окажутся точными, владельцы пропали.

Доказывая невозможность собственности, я завершаю доказательство ее несправедливости. Фактически,—

То, что СПРАВЕДЛИВО, должно быть ПОЛЕЗНЫМ;

То, что полезно, должно быть ПРАВДОЙ;

То, что истинно, должно быть ВОЗМОЖНЫМ;

Следовательно, все, что невозможно, неистинно, бесполезно, несправедливо. Тогда — априори — мы можем судить о справедливости любой вещи по ее возможности; так что, если бы вещь была абсолютно невозможной, она была бы абсолютно несправедливой.

СВОЙСТВО ФИЗИЧЕСКИ И МАТЕМАТИЧЕСКИ НЕВОЗМОЖНО. ДЕМОНСТРАЦИЯ.

АКСИОМА. Собственность — это Право приумножения, на которое претендует Собственник в отношении любой вещи, которую он признал своей собственностью.

Это утверждение является чисто аксиомой, потому что,—

1. Это не определение, поскольку оно не выражает всего, что включено в право собственности — право продажи, обмена, дарения; право преобразовывать, изменять, потреблять, уничтожать, использовать и злоупотреблять и т.д. Все эти права представляют собой так много различных прав собственности, которые мы можем рассматривать отдельно, но которыми мы здесь пренебрегаем, что можем посвятить все наше внимание этому единственному — праву приумножения.
2. Это общепризнано. Никто не может отрицать это, не отрицая фактов, не будучи немедленно опровергнутым всеобщим обычаем.
3. Это самоочевидно, поскольку собственность всегда сопровождается (либо фактически, либо потенциально) фактом, который выражает эта аксиома; и через этот факт, главным образом, собственность проявляется, утверждается и самоутверждается.
4. Наконец, его отрицание влечет за собой противоречие. Право на приумножение действительно является неотъемлемым правом, настолько важной частью собственности, что при его отсутствии собственность является недействительной.

НАБЛЮДЕНИЯ. Прирост получает разные названия в зависимости от того, чем он достигается: если землей, то АРЕНДНОЙ ПЛАТОЙ ФЕРМЫ; если домами и мебелью, то АРЕНДНОЙ ПЛАТОЙ; если пожизненными инвестициями, то ДОХОДОМ; если деньгами, то ПРОЦЕНТАМИ; если обменом, ПРЕИМУЩЕСТВОМ, ВЫГОДОЙ, ПРОФИТОМ (три вещи, которые не следует путать с заработной платой или законной ценой труда).

Увеличение — своего рода королевская привилегия, материальное и потребляемое уважение — причитается владельцу в силу его номинального и метафизического присутствия. На вещи поставлена его печать; этого достаточно, чтобы никто другой не смог занять ее без ЕГО разрешения.

Это разрешение на использование своих вещей владелец может, если пожелает, предоставить добровольно. Обычно он продает их. Эта продажа на самом деле является мошенничеством и вымогательством; но благодаря юридической фикции права собственности, та же самая продажа, сурово караемая, неизвестно почему, в других случаях, является источником прибыли и ценности для собственника.

Сумма, требуемая владельцем в качестве оплаты за это разрешение, выражается в денежном выражении в виде дивидендов, которые предполагаемый продукт приносит по своей природе. Таким образом, по праву приумножения собственник жнет, а не пашет; собирает, а не пашет; потребляет, а не производит; наслаждается, а не трудится. Боги собственности сильно отличаются от идолов псалмопевца: у первых были руки, но они ничего не чувствовали; у вторых, напротив, *manus habent et palpabunt*. Право на увеличение предоставляется очень таинственным и сверхъестественным образом. Вступление в должность владельца сопровождается ужасными церемониями древнего посвящения. Сначала происходит

ОСВЯЩЕНИЕ предмета; освящение, которое доводит до сведения всех, что они должны принести соответствующую жертву владельцу, когда пожелают, с полученного и подписанного им разрешения использовать его предмет.

Во—вторых, следует АНАФЕМА, которая запрещает — за исключением вышеуказанных условий - всем лицам прикасаться к предмету, даже в отсутствие владельца; и объявляет каждого нарушителя собственности кощунственным, позорным, податливым светской власти и заслуживающим передачи ей в руки.

Наконец, ПОСВЯЩЕНИЕ, которое позволяет владельцу или святому покровителю — богу, избранному присматривать за предметом, — мысленно пребывать в нем, подобно божеству в своем святилище. Посредством этого посвящения сущность предмета, так сказать, преобразуется в личность владельца, который считается всегда присутствующим в его форме.

В точности такова доктрина авторов по юриспруденции. "Собственность, - говорит Тулье, - это МОРАЛЬНОЕ КАЧЕСТВО, присущее вещи; ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ УЗЫ, которые привязывают ее к владельцу и которые могут быть разорваны только его действием". Локк скромно сомневался, может ли Бог наделить материю РАЗУМОМ. Тулье утверждает, что собственник делает ее НРАВСТВЕННОЙ. Насколько ему не хватает того, чтобы быть Богом? Это ни в коем случае не преувеличение.

СОБСТВЕННОСТЬ - ЭТО ПРАВО НА УВЕЛИЧЕНИЕ; то есть способность производить без труда. Итак, производить без труда - значит создавать что-то из ничего; короче говоря, создавать. Конечно, сделать это не сложнее, чем морализировать материю. Таким образом, юристы правы, применяя к собственникам этот отрывок из Священного Писания —*Ego dixi: Разные оценки и сыновья Превосходны во всем*, — "Я сказал, что вы боги; и все вы дети Всевышнего".

СОБСТВЕННОСТЬ - ЭТО ПРАВО НА УВЕЛИЧЕНИЕ. Для нас эта аксиома должна быть подобна имени зверя в Апокалипсисе, — имени, в котором скрыто полное объяснение всей тайны этого зверя. Было известно, что тот, кто разгадает тайну этого имени, получит знание всего пророчества и преуспее в овладении зверем. Что ж! самым тщательным толкованием нашей аксиомы мы убьем сфинкса собственности.

Исходя из этого в высшей степени характерного факта — ПРАВА НА ПРИРАЩЕНИЕ, — мы проследим за старым змеем по всем его кольцам; мы подсчитаем смертоносные переплетения этого ужасного тэйни, чья голова с тысячью присосок всегда скрыта от меча его самых жестоких врагов, хотя и оставляет им огромные куски своего тела. Требуется нечто большее, чем мужество, чтобы победить этого монстра. Было написано, что он не должен умереть, пока с ним не сразится пролетарий, вооруженный волшебной палочкой.

СЛЕДСТВИЯ.-1. ВЕЛИЧИНА УВЕЛИЧЕНИЯ ПРОПОРЦИОНАЛЬНА УВЕЛИЧЕННОЙ ВЕЩИ. Какой бы ни была норма процента, повысится ли она до трех, пяти или десяти процентов или упадет до половины, одной четвертой, одной десятой, — это не имеет значения; закон увеличения остается тем же самым. Закон таков:—

Весь капитал, денежную стоимость которого можно оценить, можно рассматривать как член арифметического ряда, прогрессирующий в отношении ста, а доход, приносимый этим капиталом, как соответствующий член другого арифметического ряда, прогрессирующий в отношении, равном норме процента. Таким образом, капитал в пятьсот франков является пятым

членом арифметической прогрессии, отношение которой равно ста, а доход от него равен трем процентам. будет обозначаться пятым членом арифметической прогрессии, отношение которой равно трем:—

100 . 200 . 300 . 400 . 500.

3 . 6 . 9 . 12 . 15.

Знакомство с такого рода ЛОГАРИФМАМИ, таблицы которых, рассчитанные в очень высокой степени, имеются у владельцев, даст нам ключ к решению самых запутанных проблем и заставит нас испытать ряд сюрпризов.

Согласно этой ЛОГАРИФМИЧЕСКОЙ теории права на увеличение, часть собственности вместе с ее доходом может быть определена как ЧИСЛО, ЛОГАРИФМ КОТОРОГО РАВЕН СУММЕ ЕГО ЕДИНИЦ, ДЕЛЕННОЙ НА СТО, И УМНОЖЕННОЙ НА НОРМУ ПРОЦЕНТА. Например, дом, оцененный в сто тысяч франков и сданный в аренду под пять процентов, приносит доход в размере пяти тысяч франков в соответствии с формулой $100\ 000 \times 5/100 =$ пять тысяч. И наоборот, участок земли, приносящий при двух с половиной процентах дохода три тысячи франков, по этой другой формуле стоит сто двадцать тысяч франков; $3000 \times 100/2\ 1/2 =$ сто двадцать тысяч.

В первом случае коэффициент прогрессии, отмечающий увеличение процента, равен пяти; во втором - двум с половиной.

НАБЛЮДЕНИЕ.—Формы увеличения, известные как арендная плата за ферму, доход и проценты, выплачиваются ежегодно; арендная плата выплачивается за неделю, месяц или год; прибыль выплачивается в момент обмена. Таким образом, величина увеличения пропорциональна как увеличенной вещи, так и времени, в течение которого она увеличивается; другими словами, ростовщичество растет подобно раковой опухоли — *foenus serpit sicut cancer*.

2. ПРИБАВКА, ВЫПЛАЧИВАЕМАЯ СОБСТВЕННИКУ ЖИЛЬЦОМ, ЯВЛЯЕТСЯ ДЛЯ ПОСЛЕДНЕГО ПОЛНЫМ УБЫТКОМ. Ибо, если бы собственник был должен в обмен на получаемую им прибавку что—то большее, чем разрешение, которое он предоставляет, его право собственности не было бы совершенным - он не обладал бы *jure optimo, jure perfecto*; то есть он не был бы в действительности собственником. Тогда все, что переходит из рук арендатора в руки собственника во имя увеличения прибыли и в качестве платы за разрешение занимать, является постоянной выгодой для последнего и безвозвратной потерей и уничтожением для первого; которому ничто из этого не вернется, кроме как в форме подарка, милостыни, заработной платы, уплаченной за его услуги, или цены товара, который он поставил. Одним словом, доходность гибнет, когда речь заходит о заемщике; или, используя более энергичную латинскую фразу, — *res perit solventi*.

3. ПРАВО НА ПРИУМНОЖЕНИЕ УГНЕТАЕТ КАК СОБСТВЕННИКА, ТАК И ПОСТОРОННЕГО.

Владелец вещи, как ее собственник, взимает с себя как с ее владельца налог за пользование своей собственностью, равный тому, который он получил бы от третьей стороны; таким образом, капитал приносит проценты в руках капиталиста, а также в руках заемщика и командитиста. Если, действительно, вместо того, чтобы соглашаться на арендную плату в пятьсот франков за свою квартиру, я предпочитаю занимать ее и наслаждаться ею, то ясно, что я стану сам себе должником по арендной плате, равной той, в которой я сам себе отказываю.

Этот принцип повсеместно применяется в бизнесе, и экономисты считают его аксиомой. Фабриканты, также имеющие преимущество в том, что они являются владельцами своего оборотного капитала, хотя они никому не обязаны процентами, при расчете своей прибыли вычитают из них не только свои текущие расходы и заработную плату своих работников, но и проценты со своего капитала. По той же причине ростовщики оставляют в своем собственном владении как можно меньше денег; ибо, поскольку весь капитал неизбежно приносит проценты, если эти проценты никем не выплачиваются, они исходят из капитала, который в такой степени уменьшается. Таким образом, благодаря праву увеличения капитал съедает сам себя. Несомненно, именно эту идею Папиниус намеревался передать фразой, столь же элегантной, сколь и убедительной — *Foenus mordet solidam*. Я прошу прощения за то, что так часто использую латынь при обсуждении этого предмета; это дань уважения, которую я отдаю самой ростовщической нации, когда-либо существовавшей.

ПЕРВОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ.

Собственность невозможна, потому что она требует Чего-то Даром.

Обсуждение этого положения затрагивает ту же почву, что и вопрос о происхождении сельскохозяйственной ренты, который так много обсуждается экономистами. Когда я читаю труды большей части этих людей, я не могу избавиться от чувства презрения, смешанного с гневом, ввиду этой массы бессмыслицы, в которой отвратительное соперничает с абсурдным. Это было бы повторением истории о слоне на Луне, если бы не ужасные последствия. Искать рациональное и законное происхождение того, что есть и всегда должно быть только грабежом, вымогательством и мародерством, — это, должно быть, верх безумия собственника; последняя степень помрачения рассудка, в которую извращенный эгоизм может ввергнуть разум, в остальном здравомыслящий.

"Фермер, - говорит Сэй, - это производитель пшеницы, который среди других инструментов, служащих ему для модификации материала, из которого он делает пшеницу, использует одно большое орудие, которое мы называем полем. Если он не является владельцем поля, если он всего лишь арендатор, он платит владельцу за продуктивное обслуживание этого инструмента. Арендатору возмещает расходы покупатель, последнему - другой покупатель до тех пор, пока продукт не попадет к потребителю; который выплачивает первый платеж плюс все остальные, благодаря которым продукт, наконец, попал в его руки".

Давайте оставим в стороне последующие платежи, посредством которых продукт доходит до потребителя, и пока обратим внимание только на первый из всех — арендную плату, выплачиваемую собственнику арендатором. На каком основании, спрашиваем мы, собственник имеет право на эту арендную плату?

Согласно Рикардо, Мак-Каллоху и Миллю, сельскохозяйственная рента, собственно говоря, представляет собой просто ПРЕВЫШЕНИЕ ПРОДУКТА НАИБОЛЕЕ ПЛОДОРОДНОЙ ЗЕМЛИ НАД ПРОДУКТОМ ЗЕМЕЛЬ БОЛЕЕ НИЗКОГО КАЧЕСТВА; так что сельскохозяйственная рента не требуется для первой до тех пор, пока рост населения не сделает необходимым возделывание последней.

Трудно усмотреть в этом какой-либо смысл. Как право на землю может основываться на различии в качестве земли? Как разнообразие почвы может породить принцип законодательства и политики? Это рассуждение либо настолько тонкое, либо настолько глупое,

что чем больше я думаю об этом, тем больше прихожу в замешательство. Предположим два участка земли равной площади; один, А, способен прокормить десять тысяч жителей; другой, В, способен прокормить только девять тысяч: когда вследствие увеличения их численности жители А будут вынуждены обрабатывать В, землевладельцы А будут требовать со своих арендаторов в А арендную плату, пропорциональную разнице между десятью и девятью. Так говорят, я думаю, Рикардо, Маккалох и Милль. Но если А содержит столько жителей, сколько может вместить, — то есть, если у жителей А, согласно нашей гипотезе, земли едва хватает, чтобы прокормиться, — как они могут платить арендную плату за ферму?

Если бы они не пошли дальше утверждения, что разница в площади земли ВЫЗВАЛА сельскохозяйственную ренту, а не ВЫЗВАЛА ее ВОЗНИКНОВЕНИЕ, это наблюдение преподавало бы нам ценный урок, а именно, что сельскохозяйственная рента выросла из стремления к равенству. Действительно, если все люди имеют равное право на владение хорошей землей, никто не может быть принужден обрабатывать плохую землю без компенсации. Арендная плата за ферму — согласно Рикардо, Маккалоху и Миллу — тогда была бы компенсацией за потери и лишения. Эта система практического равенства, без сомнения, плоха; но она возникла из благих намерений. Какой аргумент могут выдвинуть Рикардо, Мак-Каллох и Милль в пользу собственности? Их теория оборачивается против них самих и душит их.

Мальтус думает, что сельскохозяйственная рента имеет свой источник в способности земли производить больше, чем необходимо для удовлетворения потребностей людей, которые ее обрабатывают. Я бы спросил Мальтуса, почему успешный труд должен давать право праздному на часть продукции?

Но достойный Мальтус ошибается в отношении этого факта. Да; земля способна производить больше, чем необходимо тем, кто ее возделывает, если под ЗЕМЛЕДЕЛЬЦАМИ понимать только арендаторов. Портной также шьет больше одежды, чем носит, а краснодеревщик - больше мебели, чем использует. Но поскольку различные профессии подразумевают и поддерживают друг друга, не только фермер, но и представители всех искусств и профессий — даже врач и школьный учитель — являются и должны рассматриваться как ВОЗДЕЛЫВАЮЩИЕ ЗЕМЛЮ. Мальтус основывает сельскохозяйственную ренту на принципе торговли. Итак, основным законом торговли является эквивалентность обмениваемых продуктов, и любая вещь, которая нарушает эту эквивалентность, нарушает закон. В оценке есть ошибка, которую необходимо исправить.

Бьюкенен — комментатор Смита - рассматривал сельскохозяйственную ренту как результат монополии и утверждал, что продуктивен только труд. Следовательно, он думал, что без этой монополии продукты подорожали бы; и он не находил никаких оснований для взимания арендной платы с фермы, кроме как в гражданском праве. Это мнение вытекает из того, что делает гражданское право основой собственности. Но почему гражданское право, которое должно быть письменным выражением справедливости, санкционировало эту монополию? Тот, кто говорит "монополия", неизбежно исключает справедливость. Итак, сказать, что арендная плата за ферму является монополией, санкционированной законом, значит сказать, что несправедливость основана на справедливости, а это противоречие в терминах.

Сэй отвечает Бьюкенену, что собственник не является монополистом, потому что монополист "это тот, кто не увеличивает полезность товаров, проходящих через его руки".

Насколько собственник повышает полезность продукции своего арендатора? Пахал ли он, сеял, жал, косил, веял, пропалывал? Это процессы, с помощью которых арендатор и его сотрудники повышают полезность материала, который они потребляют в целях воспроизводства.

Землевладелец увеличивает полезность продуктов посредством своего орудия труда, земли. Это орудие получает в одном состоянии и возвращает в другом материалы, из которых состоит пшеница. Воздействие земли - это химический процесс, который настолько изменяет материал, что умножает его, разрушая. Таким образом, почва является производителем полезности; и когда она [почва?] запрашивает у своего владельца плату в виде прибыли или арендной платы за ферму, она в то же время дает что-то потребителю в обмен на сумму, которую потребитель ей платит. Это дает ему произведенную полезность; и именно производство этой полезности дает нам право называть землю производительной, так же как и труд".

Давайте проясним этот вопрос.

Кузнец, который изготавливает для фермера сельскохозяйственные орудия, колесник, который делает ему телегу, каменщик, который строит его амбар, плотник, плетельщик корзин и т. Д., - Все они вносят свой вклад в сельскохозяйственное производство с помощью инструментов, которые они предоставляют, — являются производителями полезности; следовательно, они имеют право на часть продукции.

"Несомненно, - говорит Сэй, - но земля также является орудием труда, за обслуживание которого нужно платить..."

Я признаю, что земля - это орудие труда; но кто его сделал? Сделал ли собственник? Придал ли он — благодаря действенной силе права собственности, благодаря этому МОРАЛЬНОМУ КАЧЕСТВУ, привитому почве, — ей силу и плодородие? Именно в этом заключается монополия собственника; в том факте, что, хотя он и не производил орудие труда, он требует платы за его использование. Когда Создатель явится сам и потребует арендной платы за ферму, мы обсудим этот вопрос с ним; или даже когда собственник - его предполагаемый представитель — предъявит свою доверенность.

"Я признаю, что служба владельца, - добавляет Сэй, - легка".

Это чистосердечное признание.

"Но мы не можем игнорировать это. Без собственности один фермер боролся бы с другим за владение полем без собственника, и поле оставалось бы невозделанным...."

Тогда задача собственника - примирить фермеров, ограбив их. О логика! О справедливость! О изумительная мудрость экономистов! Владелец, если они правы, подобен Перрен-Дандену, который, когда двое путешественников пригласили его разрешить спор об устрице, открыл ее, проглотил и сказал им:

"Суд присуждает каждому из вас по оболочке".

Можно ли сказать что-нибудь худшее о собственности?

Скажут, скажите нам, почему те же самые фермеры, которые, если бы не было собственников, боролись бы друг с другом за обладание землей, не борются сегодня с собственниками за это

обладание? Очевидно, потому, что они считают себя законными владельцами, и потому, что их уважение даже к воображаемому праву превышает их алчность. В главе II я доказал, что владения достаточно без собственности для поддержания общественного порядка. Будет ли тогда труднее примирить собственников без хозяев, чем арендаторов, контролируемых собственниками? Будут ли рабочие, которые уважают — во многом в ущерб себе — мнимые права бездельников, нарушать естественные права производителя? Что! если бы земледelec утратил свое право на землю, как только перестал ею пользоваться, стал бы он более алчным? И станет ли невозможность требовать увеличения заработной платы, облагать налогом чужой труд источником ссор и судебных исков? Экономисты используют единственную логику. Но мы еще не закончили. Признайте, что собственник является законным хозяином земли.

"Земля - это орудие производства", - говорят они. Это правда. Но когда, заменяя существительное прилагательным, они изменяют фразу, таким образом, "Земля - это производительный инструмент", они совершают грубую ошибку.

Согласно Кенэ и ранним экономистам, все производство осуществляется за счет земли. Смит, Рикардо и де Траси, напротив, говорят, что труд является единственным средством производства. Сэй и большинство его последователей учат, что производительны И земля, И труд, И капитал. Последние составляют эклектическую школу политической экономии. Правда в том, что НИ земля, НИ труд, НИ капитал не являются производительными. Производство является результатом взаимодействия этих трех одинаково необходимых элементов, которые, взятые по отдельности, одинаково стерильны.

Политическая экономия, действительно, рассматривает производство, распределение и потребление богатства или ценностей. Но каких ценностей? О ценностях, произведенных человеческим трудом; то есть об изменениях, произведенных человеком в материи, чтобы он мог использовать ее для своих собственных нужд, а вовсе не о спонтанных продуктах природы. Труд человека заключается в простом возложении рук. Когда он взял на себя этот труд, он произвел ценность. До тех пор соль моря, вода из источников, трава на полях и деревья в лесах будут для него так, как если бы их не было. Море без рыбака и его удочки не дает рыбы. Лес без дровосека и его топора не дает ни топлива, ни древесины. Луг без косилки не дает ни сена, ни пожнивных остатков. Природа - это огромная масса материала, подлежащего обработке и преобразованию в продукты; но Природа ничего не производит для себя: в экономическом смысле ее продукты по отношению к человеку еще не являются продуктами.

Капитал, инструменты и механизмы также непроизводительны. Молот и наковальня без кузнеца и железа не куят. Мельница без мельника и зерна не мелет и т. Д. Соберите инструменты и сырье; положите плуг и немного семян на плодородную почву; зайдите в кузницу, разожгите огонь и закройте лавку — вы ничего не произведете. Следующее замечание было сделано экономистом, обладавшим большим здравым смыслом, чем большинство его коллег: "Сэй наделяет капитал активной частью, неоправданной по своей природе; предоставленный самому себе, он является праздным инструментом". (Дж. Дроз: Политическая экономия.)

Наконец, труд и капитал вместе, к сожалению, в сочетании, ничего не производят. Вспашите песчаную пустыню, взбейте воду рек, пропустите шрифт через сито, — вы не получите ни пшеницы, ни рыбы, ни книг. Ваши хлопоты будут такими же бесплодными, как и огромный труд армии Ксеркса, который, как говорит Геродот, со своими тремя миллионами солдат в течение

двадцати четырех часов осаждал Геллеспонт в наказание за то, что сломал и разбросал понтонный мост, перекинутый через него великим царем.

Орудия труда и капитал, земля и рабочая сила, рассматриваемые индивидуально и абстрактно, в буквальном смысле не являются производительными. Собственник, требующий вознаграждения за использование орудия труда или производительной силы своей земли, принимает как должное то, что в корне неверно, а именно то, что капитал производит своими собственными усилиями, — и, получая плату за этот воображаемый продукт, он буквально получает что-то даром.

ВОЗРАЖЕНИЕ. — Но если кузнец, колесный мастер, короче говоря, все производители имеют право на продукцию в обмен на орудия труда, которые они поставляют; и если земля является орудием производства, — почему это орудие не дает права своему владельцу, независимо от того, является ли его требование реальным или мнимым, на часть продукции; как в случае с производителями плугов и повозок?

ОТВЕТ. — Здесь мы касаемся сути вопроса, тайны собственности, которую мы должны прояснить, если хотим хоть что-то понять в странных последствиях права приумножения.

Тот, кто изготавливает или ремонтирует орудия труда фермера, получает цену ОДИН РАЗ, либо в момент поставки, либо несколькими платежами; и когда эта цена однажды уплачена производителю, поставленные им орудия труда ему больше не принадлежат. Он никогда не требует двойной оплаты за один и тот же инструмент или за одну и ту же работу по ремонту. Если он ежегодно участвует в производстве продукции фермера, это объясняется тем фактом, что он ежегодно производит что-то для фермера.

Собственник, напротив, не отдает своего орудия труда; ему вечно платят за него, он вечно хранит его.

Фактически арендная плата, получаемая владельцем, не предназначена для покрытия расходов по содержанию и ремонту орудия труда; эти расходы возлагаются на заемщика и не касаются владельца, за исключением случаев, когда он заинтересован в сохранности изделия. Если он берет на себя ремонт, он заботится о том, чтобы деньги, которые он тратит на эти цели, были возвращены.

Эта рента не представляет продукта орудия, поскольку само орудие ничего не производит; мы только что доказали это и докажем еще яснее на основании его следствий.

Наконец, эта рента не представляет участия собственника в производстве, поскольку это участие могло бы заключаться, подобно участию кузнеца и колесника, только в передаче всего или части своего орудия труда, и в этом случае он перестал бы быть его владельцем, что противоречило бы идее собственности.

Тогда между владельцем и его арендатором нет обмена ни ценностями, ни услугами; тогда, как гласит наша аксиома, арендная плата за ферму является реальным увеличением — вымогательством, основанным исключительно на мошенничестве и насилии, с одной стороны, и слабости и невежестве — с другой. ПРОДУКТЫ, говорят экономисты, ПОКУПАЮТСЯ ТОЛЬКО ПРОДУКТАМИ. Эта максима осуждает собственность. Собственник, не производящий ни своим трудом, ни своими орудиями труда и получающий продукты ни за что в обмен, является либо

паразитом, либо вором. Тогда, если собственность может существовать только как право, собственность невозможна.

ВЫВОДЫ. -1. Республиканская конституция 1793 года, которая определяла собственность как "право пользоваться плодами своего труда", была грубо ошибочной. В нем следовало бы сказать: "Собственность — это право пользоваться чужими благами и распоряжаться ими по своему усмотрению - плодами чужой промышленности и труда".

2. Каждый владелец земель, домов, мебели, машин, инструментов, денег и т. Д., Который дает вещь взаймы по цене, превышающей стоимость ремонта (ремонт оплачивается кредитором и представляет собой продукты, которые он обменивает на другие продукты), виновен в мошенничестве и вымогательстве. Короче говоря, вся полученная арендная плата (номинально в качестве возмещения ущерба, но на самом деле в качестве оплаты кредита) является актом собственности, грабежом.

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ. —Налог, который нация-победительница взимает с покоренной нации, является подлинной сельскохозяйственной рентой. Сеньориальные права, отмененные революцией 1789 года, — десятина, смертная казнь, принудительный труд и т. Д. — Были различными формами прав собственности; и те, кто под титулами дворян, сеньоров, пребендариев и т. Д. Пользовались этими правами, были ни больше, ни меньше как собственниками. Защищать собственность сегодня - значит осуждать Революцию.

ВТОРОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ.

Собственность невозможна, потому что там, где она существует, Производство обходится дороже, чем оно того стоит.

Предыдущее предложение было законодательным по своей природе; это предложение экономичное. Оно служит доказательством того, что собственность, возникающая в результате насилия, приводит к расточительству.

"Производство, - говорит Сэй, - это обмен в больших масштабах. Чтобы сделать обмен продуктивным, ценность всего объема услуг должна быть уравновешена стоимостью продукта. Если это условие не соблюдается, обмен становится неравноправным; производитель отдает больше, чем получает".

Итак, поскольку ценность с необходимостью основана на полезности, из этого следует, что всякий бесполезный продукт с необходимостью не имеет ценности, что он не может быть обменян; и, следовательно, что он не может быть предоставлен в качестве оплаты за производственные услуги.

Тогда, хотя производство может равняться потреблению, оно никогда не может превысить его; ибо нет реального производства, кроме как там, где есть производство полезности, и нет никакой полезности, кроме как там, где есть возможность потребления. Таким образом, та часть каждого продукта, которая из—за чрезмерного изобилия становится неисчислимой, становится бесполезной, не имеющей ценности, не подлежащей обмену, - следовательно, непригодной для передачи в оплату за какую бы то ни было вещь, и больше не является продуктом.

С другой стороны, потребление, чтобы быть законным — быть истинным потреблением, - должно воспроизводить полезность; ибо, если оно непроизводительно, продукты, которые оно

уничтожает, являются аннулированными ценностями — вещами, произведенными в убыток; такое положение вещей, при котором стоимость продуктов обесценивается. Человек обладает способностью разрушать, но потребляет он только то, что воспроизводит. При правильной системе экономики существует уравнение между производством и потреблением.

Эти пункты устанавливали, предположим, сообщество из тысячи семей, замкнутое на территории заданной окружности и лишенное внешних сношений. Пусть это сообщество представляет человеческую расу, которая, разбросанная по лицу земли, действительно изолирована. Фактически, разница между сообществом и человеческой расой заключается только в числовом выражении, поэтому экономические результаты будут абсолютно одинаковыми в каждом конкретном случае.

Предположим, что эти тысячи семей, посвятивших себя исключительно выращиванию пшеницы, обязаны выплачивать ста отдельным лицам, выбранным из общей массы, годовой доход в размере десяти процентов на свой продукт. Ясно, что в таком случае право на увеличение эквивалентно налогу, заранее взимаемому с общественного производства. Какая польза от этого налога?

Она не может взиматься для снабжения общины провизией, ибо между ней и арендной платой за ферму нет ничего общего; равно как и для оплаты услуг и продуктов, — ибо собственники, трудящиеся наравне с другими, трудились только для себя. Наконец, этот налог бесполезен для его получателей, которые, собрав достаточно пшеницы для собственного потребления и не имея возможности в обществе без торговли и мануфактур приобретать что-либо еще в обмен на нее, тем самым теряют преимущество своего дохода.

В таком обществе одна десятая продукта непотребляема, одна десятая труда остается неоплаченной - производство обходится дороже, чем оно того стоит.

Теперь превратите триста наших производителей пшеницы в ремесленников всех мастей: сто садовников и виноградарей, шестьдесят сапожников и портных, пятьдесят плотников и кузнецов, восемьдесят представителей различных профессий и, чтобы ни в чем не было недостатка, семь школьных учителей, одного мэра, одного судью и одного священника; каждая отрасль обеспечивает все сообщество своим особым продуктом. Теперь, когда общий объем производства равен одной тысяче, потребление каждого рабочего равно единице, а именно: пшеницы, мяса и крупяных изделий - 0,7; вина и овощей - 0,1; обуви и одежды - 0,06; изделий из железа и мебели - 0,05; всякой всячины - 0,08; инструкций - 0,007; администрации - 0,002; массы - 0,001, итого 1.

Но община должна получать доход в размере десяти процентов; и не имеет большого значения, платят ли его одни фермеры или за это отвечают все работники, — результат один и тот же. Фермер повышает цену на свою продукцию пропорционально своей доле долга; другие работники следуют его примеру. Затем, после некоторых колебаний, устанавливается равновесие, и все платят почти одинаковую сумму дохода. Было бы серьезной ошибкой предполагать, что в стране никто, кроме фермеров, не платит арендную плату за ферму - ее платит вся нация.

Тогда я говорю, что этим десятипроцентным налогом. потребление каждого работника сокращается следующим образом: пшеница - на 0,63; вино и овощи - на 0,09; одежда и обувь -

на 0,054; мебель и изделия из железа - на 0,045; прочие продукты - на 0,072; обучение - на 0,0063; администрация - на 0,0018; масса - на 0,0009. Итого 0.9.

Рабочий произвел 1; он потребляет только 0,9. Таким образом, он теряет десятую часть цены своего труда; его продукция по-прежнему обходится дороже, чем она того стоит. С другой стороны, десятая часть, получаемая собственниками, является не меньшей тратой; ибо, будучи самими рабочими, они, как и другие, обладают девятью десятыми своего продукта, необходимыми для жизни: они ни в чем не нуждаются. Почему они должны желать удвоения своей доли хлеба, вина, мяса, одежды, крова и т. Д., Если они не могут ни потреблять, ни обменивать их? Тогда арендная плата с фермы для них, как и для остальных работников, является пустой тратой времени и гибнет в их руках. Расширьте гипотезу, увеличьте количество и разнообразие продуктов, и вы все равно получите тот же результат.

До сих пор мы рассматривали собственника как участвующего в производстве не только (как говорит Сэй) посредством использования своего инструмента, но эффективным образом и трудом своих рук. Теперь легко увидеть, что при таких обстоятельствах собственность никогда не будет существовать. Что происходит?

Владелец — по сути, либидозное животное, лишенное добродетели или стыда — не удовлетворен упорядоченной и дисциплинированной жизнью. Он любит собственность, потому что она позволяет ему на досуге делать то, что ему заблагорассудится и когда ему заблагорассудится. Получив средства к жизни, он предается тривиальности и праздности; он наслаждается, он растрчивает свое время впустую, он отправляется на поиски диковинок и новых ощущений. Собственность — чтобы наслаждаться самой собой — должна отказаться от обычной жизни и заняться роскошными занятиями и нечистыми удовольствиями.

Вместо того чтобы отказаться от арендной платы за ферму, которая гибнет в их руках, и таким образом облегчить труд общества, наши сто собственников предпочитают отдыхать. Вследствие этого изъятия — абсолютное производство сокращается на сто процентов, в то время как потребление остается прежним, — производство и потребление, по-видимому, уравниваются. Но, во-первых, поскольку собственники больше не трудятся, их потребление, согласно экономическим принципам, непроизводительно; следовательно, прежнее состояние общества, когда труд ста человек не вознаграждался никакими продуктами, заменяется таким, при котором продукты ста человек потребляются без труда. Дефицит всегда один и тот же, в какой бы колонке счета он ни был выражен. Либо максимы политической экономии ложны, либо собственность, противоречащая им, невозможна.

Экономисты— рассматривающие всякое непроизводительное потребление как зло, как грабеж человеческого рода, никогда не перестают призывать собственников к умеренности, труду и экономии; они проповедуют им необходимость приносить пользу самим себе, вознаграждать производство за то, что они от него получают; они осыпают самыми страшными проклятиями роскошь и лень. Конечно, очень красивая мораль; жаль, что в ней отсутствует здравый смысл. Собственнику, который трудится, или, как говорят экономисты, КОТОРЫЙ ДЕЛАЕТ СЕБЯ ПОЛЕЗНЫМ, платят за этот труд и полезность; является ли он, следовательно, менее праздным в том, что касается собственности, которой он не пользуется и от которой он получает доход? Его состояние, что бы он ни делал, является непродуктивным и ПРЕСТУПНЫМ; он не может перестать расточать и разрушать, не переставая быть собственником.

Но это лишь наименьшее из зол, порождаемых собственностью.

Обществу приходится содержать несколько праздных людей, независимо от того, есть они или нет. В нем всегда будут слепые, увечные, безумные и идиоты. Это может легко поддержать нескольких ленивцев. На этом этапе невозможное сгущается и усложняется.

ТРЕТЬЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ.

Собственность невозможна, потому что при данном капитале Производство пропорционально труду, а не собственности.

Выплачивать арендную плату за ферму в размере ста долларов по ставке десять процентов. продукта должно быть тысяча штук; чтобы продукта могло быть тысяча штук, необходима сила в тысячу рабочих. Из этого следует, что, предоставив отпуск, как мы только что сделали, нашим ста работникам-собственникам, все из которых имели равное право вести образ жизни состоятельных людей, мы поставили себя в положение, когда мы не в состоянии выплачивать их доходы. Фактически, производительная мощность, которая сначала составляла тысячу, теперь составляет всего девятьсот, производство также сокращается до девятист, одна десятая из которых составляет девяносто. Таким образом, либо десять собственников из ста не могут быть уплачены, — при условии, что остальные девяносто получают всю сумму арендной платы за свою ферму, — либо все должны согласиться на снижение арендной платы на десять процентов. Ибо работник, который ни в чем не испытывал недостатка, который производил, как и в прошлом, не должен страдать от ухода собственника. Последний должен отвечать за последствия своего собственного безделья. Но, тогда, собственник становится беднее именно по той причине, что он хочет наслаждаться; пользуясь своим правом, он теряет его; так что собственность, кажется, уменьшается и исчезает пропорционально тому, как мы пытаемся завладеть ею, — чем больше мы за ней гонимся, тем больше она ускользает от нашей хватки. Что же это за право, которым управляют числовые соотношения и которое может разрушить арифметический расчет?

Рабочий-собственник получал, во-первых, как чернорабочий 0,9 в виде заработной платы; во-вторых, как собственник, 1 в виде арендной платы за ферму. Он сказал себе: "Арендной платы с моей фермы достаточно; у меня и без моего труда всего достаточно". И таким образом получается, что доход, на который он рассчитывал, уменьшается на одну десятую, — он при этом даже не подозревает о причине этого уменьшения. Принимая участие в производстве, он сам был создателем этой десятой части, которая исчезла; и хотя он думал, что работает только для себя, он невольно понес убытки при обмене своих продуктов, в результате чего был вынужден выплачивать себе десятую часть своей собственной арендной платы за ферму. Как и все остальные, он произвел 1, а получил всего 0,9

Если бы вместо девятист рабочих было всего пятьст, вся сумма арендной платы за ферму сократилась бы до пятидесяти; если бы их было всего сто, она упала бы до десяти. Таким образом, мы можем выдвинуть следующую аксиому в качестве закона экономики собственности: РОСТ ДОЛЖЕН УМЕНЬШАТЬСЯ ПО МЕРЕ УВЕЛИЧЕНИЯ ЧИСЛА БЕЗДЕЛЬНИКОВ.

Этот первый результат приведет нас к другому, еще более удивительному. Его эффект заключается в том, чтобы одним ударом избавить нас от всех зол собственности, не упраздняя ее, не причиняя вреда собственникам, и с помощью крайне консервативного процесса.

Мы только что доказали, что если арендная плата в общине с тысячей работников равна ста, то арендная плата с девятьюстами будет равна девяноста, с восемьюстами - восьмидесяти, со ста - десяти и т. Д. Таким образом, в общине, где был только один работник, арендная плата за ферму составляла бы всего 0,1; независимо от того, насколько велики размеры и стоимость присвоенной земли. Следовательно, При ДАННОМ ЗЕМЕЛЬНОМ КАПИТАЛЕ ПРОИЗВОДСТВО ПРОПОРЦИОНАЛЬНО ТРУДУ, А НЕ СОБСТВЕННОСТИ.

Руководствуясь этим принципом, давайте попробуем установить максимальное увеличение всего имущества, каким бы оно ни было.

Что такое, по сути, аренда фермы? Это договор, по которому собственник передает арендатору во владение свою землю в обмен на часть того, что она дает ему, собственнику. Если вследствие увеличения численности своего домашнего хозяйства арендатор станет в десять раз сильнее собственника, он будет производить в десять раз больше. Будет ли прав собственник в таком случае в десятикратном повышении арендной платы за ферму? Его право не в том, что чем больше вы производите, тем больше я требую. Дело в том, что чем больше я жертвую, тем большего требую. Увеличение домашнего хозяйства арендатора, число рабочих рук, находящихся в его распоряжении, ресурсы его промышленности — все это служит увеличению производства, но не имеет никакого отношения к собственнику. Его притязания должны измеряться его собственными производительными возможностями, а не возможностями других. Собственность - это право на приумножение, а не подушный налог. Как может человек, едва способный самостоятельно обработать даже несколько акров земли, требовать от общества на основании использования им десяти тысяч акров своей собственности в десять тысяч раз больше, чем он не в состоянии произвести с одного акра? Почему цена кредита должна определяться умением и силой заемщика, а не полезностью, которой жертвует собственник? Таким образом, мы должны признать этот второй экономический закон: ПРИРОСТ ИЗМЕРЯЕТСЯ ДОЛЕЙ ПРОДУКЦИИ СОБСТВЕННИКА.

Итак, что это за постановка? Другими словами, чем, по справедливому утверждению, пожертвовал хозяин участка земли, предоставив его в аренду арендатору?

Поскольку производительная способность собственника, как и у любого работника, едина, продукт, которым он жертвует, отдавая свою землю, также един. Таким образом, если скорость увеличения составляет десять процентов, то максимальное увеличение составляет 0,1.

Но мы видели, что всякий раз, когда собственник прекращает производство, количество продукции уменьшается на 1. Тогда прибавка, которая начисляется ему, будучи равной 0,1, пока он остается среди рабочих, будет равна после его ухода, по закону уменьшения арендной платы за ферму, 0,09. Таким образом, мы приходим к следующей окончательной формуле: МАКСИМАЛЬНЫЙ ДОХОД СОБСТВЕННИКА РАВЕН КВАДРАТНОМУ КОРНЮ ИЗ ПРОДУКТА ОДНОГО РАБОТНИКА (для выражения этого продукта согласовывается некоторое число). УМЕНЬШЕНИЕ, КОТОРОМУ ПОДВЕРГАЕТСЯ ЭТОТ ДОХОД, ЕСЛИ СОБСТВЕННИК БЕЗДЕЙСТВУЕТ, РАВНО ДРОБИ, ЧИСЛИТЕЛЬ КОТОРОЙ РАВЕН 1, А ЗНАМЕНАТЕЛЬ - ЧИСЛУ, ВЫРАЖАЮЩЕМУ ПРОДУКТ.

Таким образом, максимальный доход праздного собственника или того, кто работает сам по себе вне общины, составлял десять процентов. при средней производительности в тысячу франков на одного рабочего это составило бы девяносто франков. Итак, если во Франции

имеется миллион собственников с доходом в тысячу франков каждый, которые они потребляют непроизводительно, вместо тысячи миллионов, выплачиваемых им ежегодно, то они по строгой справедливости и по самому точному расчету имеют право только на девяносто миллионов.

Это своего рода сокращение - снять девятьсот десять миллионов долларов с бремени, которое так тяжело ложится на трудящийся класс! Тем не менее, отчет не завершен, и работник по-прежнему не осведомлен о полном объеме своих прав.

Что такое право на увеличение, когда оно ограничено справедливыми рамками? Признание права владения. Но поскольку все имеют равное право на занятие, каждый человек имеет одинаковый титул собственника. Каждый человек имеет право на доход, равный части его продукта. Таким образом, если работник обязан по праву собственности выплачивать арендную плату собственнику, собственник обязан по тому же праву выплачивать такую же сумму арендной платы рабочему; и, поскольку их права уравнивают друг друга, разница между ними равна нулю.

Scholium.—Если арендная плата за ферму составляет лишь часть предполагаемого продукта собственника, независимо от объема и стоимости собственности, то то же самое верно и в случае большого числа мелких и самостоятельных собственников. Ибо, хотя один человек может пользоваться собственностью каждого в отдельности, он не может пользоваться собственностью всех одновременно.

Подводя итог. Право на увеличение, которое может существовать только в очень узких пределах, определенных законами производства, уничтожается правом владения. Теперь, без права увеличения, нет собственности. Тогда собственность невозможна.

ЧЕТВЕРТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ.

Собственность невозможна, потому что это убийство.

Если бы право на прирост могло быть подчинено законам разума и справедливости, оно было бы сведено к возмещению ущерба или награде, МАКСИМАЛЬНЫЙ размер которой никогда не мог бы превышать для отдельного работника определенной доли того, что он способен произвести. Это мы только что показали. Но почему право на приумножение — давайте не побоимся назвать это настоящим именем, правом на грабеж — должно управляться разумом, с которым оно не имеет ничего общего? Собственник не довольствуется увеличением, предписанным ему здравым смыслом и природой вещей: он требует в десять, в сто, в тысячу, в миллион раз больше. Его собственным трудом его собственность давала бы ему продукт, равный только единице; и он требует от общества больше не права, пропорционального его производительной способности, а налога с души. Он взимает налоги со своих товарищей пропорционально их силе, численности и трудолюбию. У фермера рождается сын. "Хорошо!" - говорит владелец. "Еще один шанс на повышение!" В результате какого процесса сельскохозяйственная рента была таким образом превращена в подушный налог? Почему наши юристы и теологи, при всей их проницательности, не смогли остановить распространение права на приумножение?

Собственник, оценив по своей собственной производственной мощности количество рабочих, которых сможет вместить его собственность, делит ее на столько частей и говорит: "Каждая из них принесет мне доход". Чтобы увеличить свой доход, ему нужно всего лишь разделить свое

имущество. Вместо того чтобы считать проценты, причитающиеся ему за его труд, он считает их на свой капитал; и благодаря этой замене та же самая собственность, которая в руках своего владельца способна приносить только один доход, стоит для него десять, сто, тысячу, миллион. Следовательно, ему остается только быть готовым зарегистрировать имена обратившихся к нему работников — его задача состоит в составлении договоров аренды и квитанций.

Не удовлетворенный легкостью своих обязанностей, собственник не намерен нести даже дефицит, возникающий в результате его безделья; он перекладывает его на плечи производителя, от которого всегда требует одного и того же вознаграждения. Когда арендная плата за участок земли однажды повышается до наивысшей точки, собственник никогда не снижает ее; высокие цены, нехватка рабочей силы, неблагоприятные условия сезона, даже сам мор не оказывают на него никакого влияния - почему он должен страдать от тяжелых времен, если он не работает?

Здесь начинается новая серия явлений.

Сэй, который рассуждает с поразительной ясностью всякий раз, когда он нападает на налогообложение, но который слеп к тому факту, что собственник, так же как и сборщик налогов, крадет у арендатора, причем таким же образом, говорит в своем втором письме Мальтусу:

"Если сборщик налогов и те, кто его нанимает, потребляют одну шестую часть продукции, они тем самым вынуждают производителей кормить, одевать и обеспечивать себя за счет пяти шестых того, что они производят. Они признают это, но в то же время говорят, что каждый может жить на пять шестых того, что он производит.

Я признаю это, если они настаивают на этом; но я спрашиваю, верят ли они, что производитель жил бы так же хорошо, если бы они потребовали от него одну шестую, две шестых или одну треть своей продукции? Нет; но он все равно был бы жив. Тогда я спрашиваю, был бы он все еще жив, если бы у него отняли две трети ... затем три четверти? Но я не слышу ответа.

Если бы учитель французских экономистов был менее ослеплен своими собственническими предрассудками, он увидел бы, что арендная плата за ферму имеет точно такой же эффект.

Возьмем крестьянскую семью, состоящую из шести человек — отца, матери и четырех детей, — живущую в деревне и обрабатывающую небольшой участок земли. Предположим, что тяжелым трудом им удастся, как говорится, сводить концы с концами; что, поселившись, обогрившись, одевшись и накормив себя, они свободны от долгов, но ничего не накопили. Проводя годы вместе, они умудряются жить. Если год удачный, отец выпивает немного больше вина, дочери покупают себе платье, сыновья - шляпу; они едят немного сыра и, иногда, немного мяса. Я говорю, что эти люди находятся на пути к краху.

Ибо, согласно третьему следствию из нашей аксиомы, они сами себе должны проценты со своего собственного капитала. Оценивая этот капитал всего в восемь тысяч франков под два с половиной процента, приходится ежегодно выплачивать проценты в размере двухсот франков. Итак, если эти двести франков, вместо того чтобы быть вычтенными из валового продукта для сбережения и капитализации, будут израсходованы, в семейных активах образуется ежегодный дефицит в двести франков; так что по истечении сорока лет эти добрые люди, сами того не подозревая, проедят свое имущество и станут банкротами!

Этот результат кажется нелепым — это печальная реальность.

Наступает призыв на военную службу. Что такое призыв на военную службу? Акт собственности, осуществляемый правительством над семьями без предупреждения — грабеж людей и денег. Крестьяне не любят расставаться со своими сыновьями, и в этом я не считаю их неправыми. Двадцатилетнему молодому человеку трудно чего-либо добиться от жизни в казарме; если только он не развращен, он ненавидит ее. О нравственности солдата обычно можно судить по его ненависти к мундиру. Несчастные негодяи или никчемные негодяи — таков состав французской армии. Этого не должно было быть, но это так. Спросите сто тысяч человек, и ни один не опровергнет мое утверждение.

Наш крестьянин, выкупая двух своих призванных в армию сыновей, тратит четыре тысячи франков, которые он занимает для этой цели; проценты с них в размере пяти процентов составляют двести франков; сумма, равная указанной выше. Если до сих пор производство семьи, постоянно уравниваемое ее потреблением, составляло тысячу двести франков, или двести франков на человека, то для выплаты этого процента либо шесть рабочих должны производить столько же, сколько семь, либо потреблять всего пять.

Сократить потребление они не могут — как они могут сократить потребность? Производить больше невозможно; они не могут работать ни усерднее, ни дольше. Должны ли они выбрать среднее блюдо и съесть пять с половиной, а произвести шесть с половиной? Вскоре они обнаружили бы, что с желудком компромисса нет — что дальше определенной степени воздержания выйти невозможно — что строгую потребность можно лишь немного ограничить без ущерба для здоровья; а что касается увеличения производства, — наступает буря, засуха, эпизоотия, и все надежды фермера рушатся. Короче говоря, арендная плата выплачиваться не будет, проценты будут накапливаться, ферма будет конфискована, а владелец изгнан.

Таким образом, семья, которая жила в достатке, воздерживаясь от осуществления права собственности, впадает в нищету, как только осуществление этого права становится необходимостью. Собственность требует от земледельца двойной силы: расширять свою землю и удобрять ее простым приказом. Пока человек просто владеет землей, он находит в ней средства к существованию; как только он претендует на право собственности, ему этого уже недостаточно. Поскольку он способен производить только то, что потребляет, плод его труда является для него вознаграждением за его беспокойство — для инструмента ничего не остается.

Требуется платить за то, чего он не может произвести, — таково состояние арендатора после того, как собственник отошел от общественного производства, чтобы спекулировать на труде других с помощью новых методов.

Давайте теперь вернемся к нашей первой гипотезе.

Девятьсот рабочих, уверенных в том, что их будущий объем производства будет равен прошлому, весьма удивлены, когда, заплатив арендную плату за ферму, обнаруживают, что они беднее на одну десятую по сравнению с предыдущим годом. Фактически, эта десятая часть, которая раньше производилась и оплачивалась собственником-рабочим, который затем принимал участие в производстве и оплачивал часть общественных расходов, теперь не была произведена и была оплачена. Затем он, должно быть, был взят из потребления производителем. Чтобы погасить этот необъяснимый дефицит, рабочий берет займы, уверенный в своем намерении и способности вернуть долг, — уверенность, которая

поколеблена на следующий год новым займом Плюс процентами по первому. У кого он берет займы? У владельца. Собственник ссужает свой излишек рабочему; и этот излишек, который он должен вернуть, становится для него — будучи ссужен под проценты — новым источником прибыли. Тогда долги растут бесконечно; собственник делает авансы производителю, который никогда их не возвращает; и последний, постоянно ограбленный и постоянно занимающий займы у грабителей, кончает банкротством, лишенный всего, что у него было.

Предположим, что собственник, которому нужно, чтобы его арендатор приносил ему доход— затем освобождает его от долгов. Таким образом, он совершит очень великодушный поступок, который обеспечит ему рекомендацию в молитвах викария; в то время как бедный арендатор, ошеломленный этой безграничной благотворительностью и наученный своим катехизисом молиться за своих благодетелей, пообещает удвоить свою энергию и перенести новые трудности, чтобы вернуть свой долг столь доброму хозяину.

На этот раз он принимает меры предосторожности; он повышает цены на зерно. Производитель делает то же самое со своей продукцией. Наступает реакция, и после некоторого колебания арендная плата за ферму, которую арендатор намеревался переложить на плечи производителя, становится почти сбалансированной. Так что, поздравляя себя со своим успехом, он снова обнаруживает себя обнищавшим, но в несколько меньшей степени, чем раньше. Поскольку рост был всеобщим, собственник страдает вместе с остальными, так что рабочие, вместо того чтобы стать беднее на одну десятую, теряют только девять сотых. Но всегда это долг, который требует ссуды, выплаты процентов, экономии и поста. Поститесь ради девятисотых, которые не должны быть выплачены, и они выплачены; поститесь ради погашения долгов; поститесь, чтобы выплатить проценты по ним. Пусть неурожай, и голодание превратится в голодную смерть. Они говорят: "НЕОБХОДИМО БОЛЬШЕ РАБОТАТЬ". Это, очевидно, означает, что НЕОБХОДИМО БОЛЬШЕ ПРОИЗВОДИТЬ. При каких условиях осуществляется производство? Путем совместного действия труда, капитала и земли. Что касается рабочей силы, арендатор обязуется ее предоставить; но капитал формируется только за счет экономии. Теперь, если бы арендатор мог накопить какую-либо вещь, он бы заплатил свои долги. Но если допустить, что у него достаточно капитала, какая ему была бы польза, если бы площадь земли, которую он обрабатывает, всегда оставалась неизменной? Ему нужно расширить свою ферму.

Скажут ли, наконец,, что он должен работать усерднее и с большей пользой? Но при нашей оценке арендной платы за ферму мы исходили из максимально возможного среднего уровня производства. Если бы она не была самой высокой, собственник увеличил бы арендную плату за ферму. Разве не таким образом крупные землевладельцы постепенно повышали свою ренту, по мере того как они определяли по мере увеличения населения и развития промышленности, сколько общество может произвести на их собственность? Владелец - чужак для общества; но, подобно стервятнику, его глаза устремлены на свою жертву, он держит себя готовым наброситься на нее и растерзать.

Факты, на которые мы обратили внимание, в сообществе из тысячи человек воспроизводятся в больших масштабах в каждой стране и везде, где живут люди, но с бесконечными вариациями и в бесчисленных формах, описывать которые в мои намерения не входит.

Короче говоря, собственность — после того, как она ограбила работника путем ростовщичества, — медленно убивает его голодной смертью. Итак, без грабежа и убийства

собственность не может существовать; с грабежом и убийством она вскоре умирает из-за отсутствия поддержки. Следовательно, это невозможно.

ПЯТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ.

Собственность невозможна, потому что, если она существует, Общество пожирает само себя.

Когда задница слишком сильно нагружена, она ложится; мужчина всегда движется дальше. На этом неукротимом мужестве владелец, хорошо зная, что оно существует, основывает свои надежды на спекуляцию. Свободный рабочий производит десять; для меня, думает собственник, он произведет двенадцать.

Действительно, прежде чем согласиться на конфискацию своих полей, прежде чем распрощаться с отцовским кровом, крестьянин, историю которого мы только что рассказали, делает отчаянное усилие; он арендует новую землю; он засеет еще треть; и, забирая половину этого нового продукта себе, он соберет дополнительную шестую часть и тем самым заплатит арендную плату. Какое зло! Чтобы увеличить производство на одну шестую, фермер должен увеличить свой труд не на одну шестую, а на две шестых. Такой ценой он платит арендную плату за ферму, которой в глазах Бога он не должен.

Примеру арендатора следует производитель. Первый обрабатывает больше земли и разоряет своих соседей; второй снижает цену на свои товары и стремится монополизировать их производство и продажу, а также сокрушить своих конкурентов. Чтобы удовлетворить собственность, рабочий должен сначала производить сверх своих потребностей. Затем он должен производить сверх своих сил; ибо из-за ухода рабочих, которые становятся собственниками, одно всегда вытекает из другого. Но чтобы производить сверх своих сил и потребностей, он должен вторгнуться в производство другого человека и, следовательно, уменьшить число производителей. Таким образом, собственник, сократив производство, выйдя за его пределы, уменьшает его еще больше, поощряя монополию труда. Давайте подсчитаем это.

Дефицит рабочего после уплаты арендной платы составляет, как мы видели, одну десятую, и он пытается увеличить свое производство на эту сумму. Он не видит иного способа достичь этого, кроме как увеличив свой труд: это он и делает. Недовольство собственников, не получивших полной суммы своей ренты; выгодные предложения и обещания, сделанные им другими фермерами, которых они считают более прилежными, более трудолюбивыми и надежными; тайные заговоры и интриги — все это порождает движение за перераспределение труда и устранение известного числа производителей. Из девятисот девяносто будут выброшены, чтобы производство остальных могло быть увеличено на одну десятую. Но увеличится ли общий продукт? Ни в малейшей степени: восемьсот десять рабочих будут производить столько же, сколько девятьсот, в то время как для достижения своей цели они должны были бы производить столько же, сколько тысяча. Теперь, когда доказано, что сельскохозяйственная рента пропорциональна земельному капиталу, а не труду, и что она никогда не уменьшается, долги должны продолжаться, как и в прошлом, в то время как труд увеличился. Таким образом, мы имеем общество, которое постоянно уничтожает само себя и которое уничтожило бы само себя, если бы периодические сбои, банкротства, политические и экономические катастрофы не восстанавливали равновесие и не отвлекали внимание от реальных причин всеобщего бедствия.

За монополией на землю и капитал следуют экономические процессы, которые также приводят к увольнению рабочих. Поскольку проценты постоянно ложатся бременем на плечи фермера и фабриканта, они восклицают, каждый говоря сам за себя: "У меня были бы средства для уплаты арендной платы и процентов, если бы мне не приходилось платить стольким рабочим". Затем эти замечательные изобретения, предназначенные для обеспечения легкого и быстрого выполнения труда, превращаются в адские машины, которые убивают рабочих тысячами.

"Несколько лет назад графиня Страффорд выселила из своего поместья пятнадцать тысяч человек, которые, будучи арендаторами, увеличили его стоимость. Этот акт частного управления был повторен в 1820 году другим крупным шотландским владельцем в отношении шестисот арендаторов и их семей". — Тиссо: о самоубийстве и восстании.

Автор, которого я цитирую и который написал красноречивые слова о революционном духе, царящем в современном обществе, не говорит, одобрил бы он восстание этих изгнанников. Что касается меня, то я смело признаю, что в моих глазах это было бы первым из прав и святейшим из обязанностей; и все, чего я желаю сегодня, - это чтобы мое исповедание веры было понято.

Общество пожирает само себя, -1. Насильственными и периодическими жертвами рабочих: это мы только что видели и увидим снова; 2. Прекращением потребления производителя, вызванным собственностью. Сначала эти два способа самоубийства действуют одновременно; но вскоре второй придает дополнительную силу первому, голод соединяется с ростовщичеством, делая рабочую силу одновременно и более необходимой, и более дефицитной.

Согласно принципам торговли и политической экономии, чтобы промышленное предприятие могло быть успешным, его продукт должен обеспечивать, -1. Проценты на вложенный капитал; 2. Средства для сохранения этого капитала; 3. Заработная плата всех служащих и подрядчиков. Кроме того, необходимо получить как можно большую прибыль.

Финансовая пронциательность и ненасытность собственности достойны восхищения. Каждое другое название, которое принимает увеличение, дает владельцу возможность его получить, -1. В форме процента; 2. В форме прибыли. Ибо, говорится в нем, часть дохода, получаемого от мануфактур, состоит из процентов на вложенный капитал. Если сто тысяч франков было вложено в промышленное предприятие, а через год от него было получено пять тысяч франков в дополнение к расходам, то прибыли не было, а были только проценты на капитал. Так вот, собственник - это не тот человек, который будет трудиться даром. Подобно льву из басни, ему платят по всем статьям, так что после того, как ему оказали услугу, у его товарищей ничего не остается.

*Ego primam tollo, nominor quia leo.
Secundam quia sum fortis tribuctis mihi.
Tum quia plus valeo, me sequetur tertia.
Malo adficietur, si quis quartam tetigerit.*

Я не знаю ничего прекраснее этой басни.

"Я подрядчик. Я беру первую долю.
Я рабочий, я беру второе.
Я капиталист, я беру третье.
Я владелец, я беру все целиком".

В четырех строках Федр обобщил все формы собственности.

Я говорю, что этот интерес, тем более эта прибыль, невозможны.

Что такое работники по отношению друг к другу? Так много членов крупного индустриального общества, за каждым из которых закреплена определенная доля общего производства, в силу принципа разделения труда и функций. Предположим, во-первых, что это общество состоит всего из трех индивидов — скотовода, кожевника и сапожника. Таким образом, социальная индустрия - это производство обуви. Если бы я спросил, какой должна быть доля каждого производителя в общественном продукте, первый же школьник, которого я встретил бы, ответил бы, что, согласно правилам торговли и ассоциации, она должна составлять одну треть. Но в наши обязанности здесь не входит уравнивать права работников, традиционно связанных: мы должны доказать, что независимо от того, связаны они или нет, трое наших работников обязаны действовать так, как если бы они были связаны; что, хотя бы они того или нет, они связаны силой вещей, математической необходимостью.

При изготовлении обуви требуются три процесса— выращивание крупного рогатого скота, выделка шкур, а также кройка и шитье. Если шкура при выходе из конюшни фермера стоит одну, то при выходе из ямы кожевника она стоит две, а при выходе из лавки сапожника - три. Каждый рабочий произвел часть полезности; так что, суммируя все эти части вместе, мы получаем стоимость изделия. Таким образом, чтобы получить какое бы то ни было количество этого товара, каждый производитель должен заплатить, во-первых, за свой собственный труд, а во-вторых, за труд других производителей. Таким образом, чтобы получить столько обуви, сколько можно изготовить из десяти шкур, фермер отдаст тридцать необработанных шкур, а кожевник - двадцать дубленых. Ибо обувь, сделанная из десяти кож, стоит тридцати необработанных кож из-за дополнительного труда, затраченного на них; точно так же, как двадцать выделанных кож стоят тридцати необработанных кож из-за труда кожевника. Но если сапожник потребует тридцать три доллара за продукт фермера или двадцать два доллара за продукт кожевника за десять за свой собственный, обмена не будет; ибо, если бы он был, фермер и кожевник, заплатив сапожнику десять долларов за его труд, должны были бы заплатить одиннадцать за то, что они сами продали за десять, что, конечно, было бы невозможно. 18

Что ж, это именно то, что происходит всякий раз, когда поступает вознаграждение любого рода; будь то доход, арендная плата за ферму, проценты или прибыль. В небольшом сообществе, о котором мы говорим, если сапожник — чтобы приобрести инструменты, приобрести запас кожи и содержать себя до тех пор, пока он не получит что—то от своих инвестиций, - занимает деньги под проценты, ясно, что для выплаты этих процентов ему придется получать прибыль от кожевника и фермера. Но поскольку эта прибыль невозможна без использования мошенничества, проценты снова лягут на плечи несчастного сапожника и разорят его.

Я представил себе случай неестественной простоты. Нет такого человеческого общества, в котором не существовало бы более трех профессий. Самое нецивилизованное общество поддерживает множество отраслей промышленности; сегодня число производственных функций (я имею в виду под промышленными функциями все полезные функции) превышает, возможно, тысячу. Как бы многочисленны ни были профессии, экономический закон остается тем же самым: ЧТОБЫ ПРОИЗВОДИТЕЛЬ МОГ ЖИТЬ, ЕГО ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА ДОЛЖНА ВЫКУПАТЬ ЕГО ПРОДУКТ.

Экономисты не могут не знать об этом элементарном принципе их мнимой науки: почему же тогда они так упорно защищают собственность, и неравенство заработной платы, и законность ростовщичества, и честность прибыли, — все это противоречит экономическому закону и делает обмен невозможным? Подрядчик платит сто тысяч франков за сырье, пятьдесят тысяч франков заработной платы, а затем рассчитывает получить продукт в двести тысяч франков, то есть рассчитывает получить прибыль от материала и труда своих наемных работников; но если рабочие и поставщик материала не могут на свою совокупную заработную плату выкупить то, что они произвели для подрядчика, как они могут жить? Я развью свой вопрос. Здесь становятся необходимыми подробности.

Если рабочий получает за свой труд в среднем три франка в день, его работодатель (чтобы получить что-либо сверх своей заработной платы, хотя бы проценты со своего капитала) должен продать дневной труд своего работника в форме товара более чем за три франка. Следовательно, рабочий не может выкупить то, что он произвел для своего хозяина. Так обстоит дело со всеми профессиями вообще. Портной, шляпник, столяр, кузнец, кожевник, каменщик, ювелир, печатник, клерк и т.д., даже фермер и виноградарь, не могут выкупать свои изделия; поскольку, производя для мастера, который в той или иной форме получает прибыль, они вынуждены платить за свой собственный труд больше, чем получают за него.

Во Франции двадцать миллионов рабочих, занятых во всех отраслях науки, искусства и промышленности, производят все, что полезно человеку. Их годовая заработная плата оценивается в двадцать тысяч миллионов; но вследствие права собственности и разнообразных форм увеличения, премий, десятин, процентов, штрафов, прибыли, арендной платы за фермы, за дома, доходов, вознаграждений любого характера и описания, их продукция оценивается владельцами и работодателями в двадцать пять тысяч миллионов. Что это означает? Что рабочие, которые вынуждены выкупать эти продукты, чтобы выжить, должны либо платить пять долларов за то, что они произвели за четыре, либо поститься один день из пяти.

Если во Франции найдется экономист, способный доказать, что этот расчет ложен, я вызываю его на допрос; и я обещаю взять назад все, что я неправомерно и злобно высказывал в своих нападках на собственность.

Давайте теперь посмотрим на результаты этой прибыли.

Если бы заработная плата рабочих была одинаковой во всех сферах деятельности, дефицит, вызванный налогом собственника, ощущался бы одинаково повсюду; но и причина зла была бы настолько очевидной, что ее вскоре обнаружили бы и пресекли. Но, поскольку существует такое же неравенство в заработной плате (от мусорщика до государственного министра), как и в собственности, грабеж постоянно переходит от более сильных к более слабым; так что, поскольку рабочий обнаруживает, что его трудности возрастают по мере того, как он опускается

по социальной лестнице, низший класс людей буквально раздевается догола и съедается заживо другими.

Работающие люди не могут купить ни ткань, которую они ткут, ни мебель, которую они производят, ни металл, который они куят, ни драгоценные камни, которые они ограняют, ни гравюры, которые они выгравировывают. Они не могут добыть ни пшеницы, которую они сажают, ни вина, которое они выращивают, ни мяса животных, которых они разводят. Им не разрешается ни жить в домах, которые они строят, ни посещать спектакли, которые они поддерживают своим трудом, ни наслаждаться отдыхом, которого требует их тело. И почему? Потому что право на увеличение не позволяет продавать эти вещи по себестоимости, а это все, что рабочие могут позволить себе заплатить. На вывесках тех великолепных складов, которыми он в своей бедности восхищается, рабочий читает крупными буквами: "Это твоя работа, и ты ее не получишь". *Так вос не вобис!*

Каждый фабрикант, который нанимает тысячу рабочих и ежедневно получает от них по одному су с каждого, постепенно доводит их до состояния нищеты. Каждый человек, получающий прибыль, вступил в сговор с голодом. Но у целого народа нет даже этого труда, с помощью которого собственность морит его голодом. И почему? Потому что недостаточная заработная плата вынуждает рабочих монополизировать рабочую силу; и потому что, прежде чем быть уничтоженными дефицитом, они уничтожают друг друга в результате конкуренции. Давайте больше не будем настаивать на этой истине.

Если заработная плата рабочего не позволяет приобрести его продукт, из этого следует, что продукт производится не для производителя. Для кого же тогда он предназначен? Для более богатого потребителя, то есть лишь для части общества. Но когда трудится все общество, оно производит для всего общества. Таким образом, если потребляет только часть общества, рано или поздно часть общества будет бездействовать. Итак, безделье - это смерть как для рабочего, так и для собственника.

Такой вывод неизбежен.

Самое удручающее зрелище, которое только можно вообразить, - это вид производителей, сопротивляющихся и борющихся против этой математической необходимости, этой силы цифр, к которой их ослепляют предрассудки.

Если сто тысяч типографий могут обеспечить достаточным количеством материалов для чтения тридцать четыре миллиона человек и если цены на книги настолько высоки, что только треть из этого числа может позволить себе их купить, то ясно, что эти сто тысяч типографий произведут в три раза больше, чем смогут продать книготорговцы. Чтобы продукция рабочих никогда не превышала потребностей потребителей, рабочие должны либо отдыхать два дня из трех, либо, разделившись на три группы, сменять друг друга три раза в неделю, месяц или квартал; то есть в течение двух третей своей жизни они не должны жить. Но промышленность, находящаяся под влиянием собственности, развивается не с такой регулярностью. Компания стремится произвести много продукции за короткое время, потому что чем больше количество продукции и чем короче время производства, тем меньше стоимость каждого продукта. Как только начинает ощущаться спрос, фабрики заполняются, и все идет на работу. Тогда бизнес оживляется, и радуются как правители, так и управляемые. Но чем больше они работают сегодня, тем более праздными они будут в будущем; чем больше они смеются, тем больше они

будут плакать. При господстве собственности цветы промышленности вплетаются только в похоронные венки. Рабочий сам роет себе могилу.

Если фабрика останавливается, производителю приходится выплачивать проценты на свой капитал так же, как и раньше. В этом случае он, естественно, пытается продолжить производство, сокращая расходы. Затем происходит снижение заработной платы; внедрение машин; использование женщин и детей для выполнения работы мужчин; плохие работники и отвратительная работа. Они все еще производят, потому что снижение издержек создает большой рынок; но они производят недолго, потому что, поскольку дешевизна обусловлена количеством и быстротой производства, производительная сила более чем когда-либо имеет тенденцию опережать потребление. Именно тогда, когда рабочие, заработной платы которых едва хватает, чтобы поддерживать их изо дня в день, оказываются без работы, последствия принципа собственности становятся наиболее ужасающими. Они не смогли сэкономить, они не сделали никаких сбережений, они не накопили никакого капитала, чтобы прокормиться еще хотя бы один день. Сегодня фабрика закрыта. Завтра люди умрут с голоду на улицах. Послезавтра они либо умрут в больнице, либо будут есть в тюрьме.

И все же приходят новые несчастья, усложняющие эту ужасную ситуацию. Вследствие прекращения предпринимательской деятельности и чрезвычайной дешевизны товаров фабрикант оказывается неспособным выплачивать проценты на свой заемный капитал, после чего его перепуганные кредиторы спешат изъять свои средства. Производство приостанавливается, и рабочая сила заходит в тупик. Тогда люди с удивлением видят, что капитал оставляет торговлю и устремляется на Фондовую биржу; и я однажды слышал, как г-н Бланки горько сетовал на слепое невежество капиталистов. Причина этого движения капитала очень проста; но именно по этой причине экономист не может ее понять или, скорее, не должен объяснять. Причина кроется исключительно в КОНКУРЕНЦИИ.

Под конкуренцией я подразумеваю не только соперничество между двумя сторонами, занятыми в одном и том же бизнесе, но и общие и одновременные усилия всех видов бизнеса опередить друг друга. Это усилие сегодня настолько сильно, что цена товара едва покрывает издержки производства и распределения; так что, поскольку заработная плата всех рабочих уменьшается, у капиталистов ничего не остается, даже процентов.

Следовательно, первопричиной коммерческого и промышленного застоя являются проценты на капитал — те проценты, которые древние единодушно клеймили именем ростовщичества всякий раз, когда они выплачивались за пользование деньгами, но которые они не осмеливались осуждать в форме арендной платы за дом, ферму или прибыль: как будто природа одалживаемой вещи могла когда-либо оправдать взимание платы за ссуду, то есть грабежа.

Частота и интенсивность коммерческих кризисов будут пропорциональны увеличению, получаемому капиталистом, — учитывая первый, мы всегда можем определить два других; и наоборот. Вы хотите знать, какой регулятор действует в обществе? Определите размер активного капитала, то есть капитала, на который начисляются проценты, и законную ставку этих процентов. Ход событий будет представлять собой серию переворотов, количество и жестокость которых будут пропорциональны активности капитала.

В 1839 году число неудач только в Париже составило тысячу шестьдесят четыре. Эта пропорция сохранялась в первые месяцы 1840 года; и, когда я пишу эти строки, кризис еще не закончился.

Далее говорится, что количество домов, прекративших свою деятельность, превышает количество объявленных банкротств. По этому потоку мы можем судить о силе всасывания водяного смерча.

Разрушение общества то незаметно и постоянно, то носит периодический и насильственный характер; оно зависит от того, какой курс принимает собственность. В стране, где собственность распределена довольно равномерно, и где ведется мало бизнеса, — права и притязания каждого уравниваются правами и притязаниями других, — сила вторжения уничтожена. Там — можно с уверенностью сказать — собственности не существует, поскольку право на приумножение почти вообще не осуществляется. Положение рабочих — в том, что касается безопасности жизни — почти такое же, как если бы между ними царило абсолютное равенство. Они лишены всех преимуществ полного и свободного объединения, но их существованию это нисколько не угрожает. За исключением нескольких изолированных жертв права собственности — этого несчастья, первопричину которого никто не осознает, — общество, по-видимому, спокойно покоемся в лоне такого рода равенства. Но будьте осторожны; он балансирует на острие меча: при малейшем ударе он упадет и встретит смерть!

Обычно водоворот собственности локализуется сам по себе. С одной стороны, сельскохозяйственная рента прекращается в известном пункте; с другой стороны, вследствие конкуренции и перепроизводства цена промышленных товаров не повышается, так что положение крестьянина меняется лишь незначительно и зависит главным образом от времени года. Таким образом, пожирающее действие собственности сказывается главным образом на бизнесе. Мы обычно говорим о КОММЕРЧЕСКИХ КРИЗИСАХ, а не О СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ КРИЗИСАХ; потому что, в то время как фермера медленно съедает право на увеличение, производителя проглатывают за один глоток. Это приводит к прекращению бизнеса, крушению состояний и бездеятельности трудящихся, которые умирают один за другим на дорогах, в больницах, тюрьмах и на галерах.

Подводя итог этому предложению:—

Собственность продает продукты рабочему дороже, чем платит ему за них; следовательно, это невозможно.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ПЯТОМУ ПРЕДЛОЖЕНИЮ.

I. Некоторые реформаторы и даже большинство публицистов, которые, хотя и не принадлежат ни к какой определенной школе, заняты разработкой средств для улучшения участи более бедного и многочисленного класса, в наши дни придают большое значение лучшей организации труда. Особенно последователи Фурье не перестают кричать: "ВПЕРЕД, К ФАЛАНГЕ!", на одном дыхании выступая против глупости и абсурдности других сект.

Они состоят из полудюжины несравненных гениев, которые открыли, что ПЯТЬ И ЧЕТЫРЕ СОСТАВЛЯЮТ ДЕВЯТЬ; УБЕРИТЕ ДВА, И ОСТАНЕТСЯ ДЕВЯТЬ, — и которые оплакивают слепоту Франции, которая отказывается верить в эту поразительную арифметику. [*]

* Говорят, что Фурье, которому приходилось умножать целое число на дробь, никогда не удавалось получить произведение, намного превышающее множимую. Он утверждал, что в соответствии с его системой гармонии ртуть затвердевает при температуре выше нуля. С таким же успехом он мог бы сказать, что гармониканцы изготовят горящий лед. Однажды я спросил умного фаланстерца, что он думает о такой физике. "Я не знаю, - ответил он, - но я верю". И все же тот же самый человек не верил в доктрину Реального Присутствия.

Фактически, фурьеристы провозглашают себя, с одной стороны, защитниками собственности, права на приумножение, которое они сформулировали таким образом: КАЖДОМУ В СООТВЕТСТВИИ С ЕГО КАПИТАЛОМ, ЕГО ТРУДОМ И ЕГО УМЕНИЕМ. С другой стороны, они хотят, чтобы рабочий получил возможность пользоваться всеми богатствами общества, то есть, сокращая выражение, безраздельно пользоваться своим собственным продуктом. Разве это не то же самое, что сказать рабочему: "Трудись, и ты будешь получать три франка в день; ты будешь жить на пятьдесят пять су; остальное ты будешь отдавать хозяину, и таким образом ты будешь потреблять три франка"?

Если приведенная речь не является точным воплощением системы Шарля Фурье, я подпишусь под всей фаланстерской глупостью пером, обмакнутым в мою собственную кровь.

Какой смысл реформировать промышленность и сельское хозяйство - да и какой смысл вообще в труде, — если собственность сохраняется, а труд никогда не может покрыть ее расходы? Без отмены собственности организация труда является ни много ни мало, как иллюзией. Если бы производство увеличилось вчетверо — что мне вовсе не кажется невозможным, — это означало бы потерю труда: если бы дополнительный продукт не потреблялся, он не представлял бы ценности, и собственник отказался бы получать его в виде процентов; если бы он был потреблен, все недостатки собственности проявились бы снова. Следует признать, что теория пассивного влечения серьезно ошибается в данном конкретном случае и что Фурье, когда он пытался гармонизировать СТРАСТЬ к собственности, — дурную страсть, что бы он ни говорил об обратном, — заблокировал колеса своей собственной колесницы.

Абсурдность фаланстеристской экономики настолько вопиюща, что многие люди подозревают Фурье, несмотря на все уважение, оказываемое им собственникам, в том, что он был тайным врагом собственности. Это мнение могло бы быть подкреплено правдоподобными аргументами, но все же оно не мое. Шарлатанство было слишком важной ролью для такого человека, а искренность - слишком незначительной. Я бы предпочел считать Фурье невежественным (что общепринято), чем неискренним. Что касается его учеников, то, прежде чем они смогут сформулировать какое—либо собственное мнение, они должны заявить раз и навсегда, недвусмысленно и без каких-либо мысленных оговорок, намерены ли они сохранить собственность или нет, и что они подразумевают под своим знаменитым девизом "Каждому по его капиталу, труду и умению".

II. Но какой-нибудь наполовину обращенный собственник заметит: "Разве не было бы возможно, подавив банк, доходы, арендную плату за фермы, дома, ростовщичество всех видов и, наконец, саму собственность, соразмерить продукты с производственными мощностями? Это была идея Сен-Симона; это также идея Фурье; это желание человеческой совести; и ни один порядочный человек не осмелился бы утверждать, что государственный министр должен жить не лучше крестьянина".

О Мидас! у тебя длинные уши! Что! неужели ты никогда не поймешь, что неравенство в заработной плате и право на повышение - это одно и то же? Конечно, Сен—Симон, Фурье и их соответствующая паства совершили серьезную ошибку, пытаясь объединить, во—первых, неравенство и коммунизм; во-вторых, неравенство и собственность; но вы, человек цифр, человек экономии, - вы, знающий наизусть свои ЛОГАРИФМИЧЕСКИЕ таблицы, - как вы можете допустить такую глупую ошибку?

Разве сама политическая экономия не учит вас, что продукт человека, каковы бы ни были его индивидуальные способности, никогда не стоит больше, чем его труд, и что труд человека стоит не больше, чем его потребление? Вы напоминаете мне того великого создателя конституции, бедного Пиньейру-Феррейру, Сийеса девятнадцатого века, который, разделив граждан нации на двенадцать классов — или, если хотите, на двенадцать разрядов, — назначил одним жалование в сто тысяч франков каждому, другим - восемьдесят тысяч; затем двадцать пять тысяч, пятнадцать тысяч, десять тысяч и т. Д., Вплоть до тысячи пятисот и тысячи франков, минимального содержания гражданина. Пиньейру любил различия и мог представить себе государство без великих сановников не больше, чем армию без майоров-барабанщиков; и поскольку он также любил, или думал, что любит, свободу, равенство и братство, он объединил добро и зло нашего старого общества в эклектичной философии, которую воплотил в конституции. Превосходный Пиньейру! Свобода вплоть до пассивного подчинения, братство вплоть до идентичности языка, равенство даже на скамье присяжных и на гильотине — таков был его идеал республики. Недооцененный гений, которого нынешнее столетие было недостойно, но за которого отомстит будущее!

Послушай, владелец. Неравенство талантов существует на самом деле; по праву это недопустимо, это проходит даром, об этом не думают. Один Ньютон за столетие равен тридцати миллионам людей; психолог восхищается редкостью такого прекрасного гения, законодатель видит только редкость функции. Итак, редкость функций не дает чиновнику никаких привилегий; и на это есть несколько причин, все в равной степени веских.

1. Гениальная редкость, по замыслу Создателя, не была мотивом, заставляющим общество падать на колени перед человеком выдающихся талантов, но провиденциальным средством для выполнения всех функций с наибольшей выгодой для всех.

2. Талант - это создание общества, а не дар Природы; это накопленный капитал, получатель которого является лишь хранителем. Без общества, без образования и мощной помощи, которую оно предоставляет, самая утонченная натура была бы ниже самых обычных способностей в том самом отношении, в котором она должна блистать. Чем обширнее знания человека, чем пышнее его воображение, чем разностороннее его талант, — тем дороже обходилось его образование, тем замечательнее и многочисленнее были его учителя и образцы для подражания, и тем больше его долг. Фермер производит с того момента, как он покидает свою колыбель, и до тех пор, пока не сойдет в могилу: плоды искусства и науки появляются поздно и редко; часто дерево умирает до того, как созревают плоды. Общество, возвращая таланты, приносит себя в жертву надежде.

3. Способности не имеют общего стандарта сравнения: при равных условиях развития неравенство талантов является просто особенностью талантов.

4. Неравенство заработной платы, как и право на повышение, экономически невозможно. Возьмем наиболее благоприятный случай, когда каждый рабочий произвел свой максимальный объем продукции; чтобы могло быть справедливое распределение продуктов, доля каждого должна быть равна частному от общего объема производства, деленному на количество рабочих. После этого, что остается для выплаты более высокой заработной платы? Абсолютно ничего.

Будет ли сказано, что все работники должны облагаться налогом? Но тогда их потребление не будет соответствовать их производству, их заработная плата не будет оплачивать их производительные услуги, они не смогут выкупить свой продукт, и мы снова столкнемся со всеми бедствиями собственности. Я не говорю о несправедливости по отношению к обманутому рабочему, о соперничестве, о возбужденных амбициях и жгучей ненависти — все это может быть важными соображениями, но они не попадают в суть дела.

С одной стороны, поскольку задача каждого работника коротка и легка, а средства для ее успешного выполнения равны во всех случаях, как могут существовать крупные и мелкие производители? С другой стороны, поскольку все функции равны, либо из-за фактического равенства талантов и способностей, либо из-за социального сотрудничества, как может чиновник требовать зарплату, пропорциональную ценности его гения?

Но что я могу сказать? При равенстве заработная плата всегда пропорциональна талантам. Каково экономическое значение заработной платы? Репродуктивное потребление работника. Сам акт, посредством которого рабочий производит, составляет, таким образом, это потребление, в точности равное его производству, о котором мы говорим. Когда астроном производит наблюдения, поэт - стихи или ученый-эксперименты, они потребляют инструменты, книги, путешествия и т. Д.; Теперь, если общество обеспечивает это потребление, чего еще может требовать астроном, ученый или поэт? Таким образом, мы должны заключить, что в равенстве, и только в равенстве, изречение Сен—Симона — КАЖДОМУ ПО ЕГО СПОСОБНОСТЯМ, КАЖДОЙ СПОСОБНОСТИ ПО ЕЕ РЕЗУЛЬТАТАМ - находит свое полное применение.

III. Великое зло — ужасное и вездесущее зло, — возникающее из-за собственности, заключается в том, что, пока собственность существует, население, каким бы сокращенным оно ни было, является и всегда должно быть избыточным. Во все века раздавались жалобы на избыток населения; во все века собственность стеснялась присутствия пауперизма, не понимая, что оно его вызывает. Далее, нет ничего более любопытного, чем разнообразие планов, предлагаемых для его уничтожения. Их жестокость сравнима только с их абсурдностью.

У древних была практика бросать своих детей. Массовое истребление рабов, гражданские и иностранные войны также оказали им помощь. В Риме (где собственность господствовала безраздельно) эти три средства применялись так эффективно и так долго, что в конце концов империя оказалась без жителей. Когда пришли варвары, там никого не было; поля больше не возделывались; на улицах итальянских городов росла трава.

В Китае с незапамятных времен только из-за голода решалась задача уничтожения бедных. У людей, живущих почти исключительно на рисе, если несчастный случай приводит к неурожаю, за несколько дней голод убивает жителей мириадами; и китайский историк записывает в "анналах империи", что в такой-то год такого-то императора двадцать, тридцать, пятьдесят, сто

тысяч жителей умерли от голода. Затем они хоронят мертвых и возобновляют производство детей до тех пор, пока очередной голод не приведет к тому же результату. Похоже, такова была конфуцианская экономика во все века.

Я заимствую следующие факты у современного экономиста: —

"С четырнадцатого и пятнадцатого веков пауперизм преследовал Англию. В то время нищие наказывались по закону". Тем не менее, население ее было и на четверть меньше, чем сегодня.

Эдвард запрещает раздавать милостыню под страхом тюремного заключения.... Законы 1547 и 1656 годов предусматривают аналогичное наказание в случае повторного правонарушения. Елизавета приказывает, чтобы каждый приход содержал своих собственных бедняков. Но что такое бедняк? Карл II. постановляет, что БЕССПОРНОЕ проживание в течение сорока дней является поселением в приходе; но, в случае спора, вновь прибывший вынужден уехать. Джеймс II вносит изменения в это решение, которое снова модифицируется Уильямом. В разгар судебных процессов, отчетов и изменений растет пауперизм, рабочий человек чахнет и умирает.

"Налог на бедных в 1774 году превысил сорок миллионов франков; в 1783-4-5 годах он составлял в среднем пятьдесят три миллиона; в 1813 году - более ста восьмидесяти семи миллионов пятист тысяч франков; в 1816 году - двести пятьдесят миллионов; в 1817 году он оценивается в триста семнадцать миллионов.

"В 1821 году число нищих, внесенных в приходские списки, оценивалось в четыре миллиона, что составляло почти треть населения.

ФРАНЦИЯ. В 1544 году Франциск I. устанавливает обязательный налог в пользу бедных. В 1566 и 1586 годах тот же принцип применялся ко всему королевству.

"При Людовике XIV сорок тысяч нищих наводнили столицу [столько же, сколько и сегодня]. Нищенство сурово наказывалось. В 1740 году парижский парламент восстанавливает в пределах своей юрисдикции обязательную оценку.

"Учредительное собрание, напуганное масштабами зла и трудностью его излечения, устанавливает *статус-кво*.

"Конвенция провозглашает помощь бедным НАЦИОНАЛЬНЫМ ДОЛГОМ. Ее закон остается неисполненным.

"Наполеон тоже хочет исправить зло: его идея - тюремное заключение. "Таким образом, - сказал он, - я защищу богатых от назойливости нищих и избавлю их от отвратительного зрелища крайней нищеты". "О удивительный человек!

Из этих фактов, которые я мог бы умножить еще больше, следует сделать два вывода: первый, что пауперизм не зависит от численности населения; второй, что все попытки, предпринятые до сих пор для его искоренения, оказались безуспешными.

Католицизм основывает больницы и монастыри и предписывает благотворительность; то есть он поощряет нищенство. Такова степень ее проникательности, озвученная ее священниками.

Светская власть христианских народов теперь взимает налоги с богатых, теперь изгоняет и заключает в тюрьму бедных; это, с одной стороны, нарушение права собственности, а с другой - гражданская смерть и убийство.

Современные экономисты, полагающие, что пауперизм вызван исключительно избытком населения, посвятили себя разработке чеков. Некоторые хотят запретить бедным вступать в брак; таким образом, осудив религиозное безбрачие, они предлагают обязательное безбрачие, которое неизбежно превратится в распущенное безбрачие.

Другие не одобряют этот метод, который они считают слишком жестоким и который, по их словам, лишает бедняка ЕДИНСТВЕННОГО УДОВОЛЬСТВИЯ, КОТОРОЕ ОН ЗНАЕТ В ЭТОМ МИРЕ. Они просто рекомендовали бы ему быть БЛАГОРАЗУМНЫМ. Этого мнения придерживаются Мальтус, Сисмонди, Сэй, Дро, Дюшатель и др. Но если бедные хотят быть БЛАГОРАЗУМНЫМИ, то богатые должны подавать им пример. Почему брачный возраст последних должен быть установлен в восемнадцать лет, в то время как брачный возраст первых отложен до тридцати?

Опять же, им не мешало бы четко объяснить, что они подразумевают под этим супружеским благоразумием, которое они так настоятельно рекомендуют работникам; ибо здесь двусмысленность особенно опасна, и я подозреваю, что экономисты не совсем поняты.

"Некоторые полупросвещенные священнослужители встревожены, когда слышат советы о благоразумии в браке; они боятся, что божественное предписание - ВОЗРАСТАТЬ И РАЗМНОЖАТЬСЯ — будет отменено. Чтобы быть логичным, они должны предавать анафеме холостяков". (Дж. Дроз: Политическая экономия.)

Г-н Дроз слишком честный человек и слишком слабый теолог, чтобы понять, почему эти казуисты так встревожены; и это целомудренное невежество - лучшее свидетельство чистоты его сердца. Религия никогда не поощряла ранние браки; и вид БЛАГОРАЗУМИЯ, который она осуждает, описан в этой латинской фразе из Санчеса: *An licet ob metum liberorum semen extra vas ejicere?*

Дестату де Трейси, похоже, не нравится благоразумие ни в той, ни в другой форме. Он говорит: "Признаюсь, я не больше разделяю желание моралистов уменьшить и ограничить наши удовольствия, чем желание политиков увеличить нашу способность к деторождению и ускорить размножение". Следовательно, он верит, что мы должны любить и вступать в брак, когда и как нам заблагорассудится. Любовь и брак приводят к повсеместным страданиям, но наш философ не обращает на это внимания. Верный догме о необходимости зла, во зле он ищет решение всех проблем. Он добавляет: "Умножение людей продолжается во всех классах общества, избыточные представители высших классов поддерживаются низшими классами, а представители последних уничтожаются нищетой". У этой философии мало признанных приверженцев, но она обладает перед всеми другими неоспоримым преимуществом демонстрации на практике. Не так давно Франция услышала, как это отстаивалось в Палате депутатов в ходе обсуждения избирательной реформы, — БЕДНОСТЬ БУДЕТ СУЩЕСТВОВАТЬ ВСЕГДА. Это политический афоризм, с помощью которого государственный министр растер в порошок аргументы месье Араго. БЕДНОСТЬ БУДЕТ СУЩЕСТВОВАТЬ ВСЕГДА! Да, пока существует собственность.

Фурьеристы — ИЗОБРЕТАТЕЛИ стольких замечательных приспособлений - в этой области не могли опровергнуть свой характер. Они изобрели четыре метода контроля прироста населения по желанию.

1. ЖЕНСКАЯ ЭНЕРГИЯ. В этом пункте им противоречит опыт, ибо, хотя у сильных женщин может быть меньше шансов забеременеть, тем не менее они рожают самых здоровых детей, так что преимущество материнства на их стороне.
2. КОМПЛЕКСНОЕ УПРАЖНЕНИЕ, или равное развитие всех физических сил. Если это развитие равное, то как уменьшается способность к воспроизводству?
3. ГАСТРОНОМИЧЕСКИЙ РЕЖИМ, или, проще говоря, философия желудка. Фурьеристы говорят, что изобилие жирной пищи делает женщин бесплодными; точно так же, как избыток сока, подчеркивая красоту цветов, разрушает их репродуктивную способность. Но аналогия ложная. Цветы становятся стерильными, когда тычинки — или мужские органы — превращаются в лепестки, в чем можно убедиться, осматривая розу; и когда из-за чрезмерной влажности пыльца теряет свою оплодотворяющую способность. Затем, — чтобы гастрономический режим мог дать требуемые для него результаты, — необходимо не только откормить самок, но и сделать самцов импотентами.
4. ФАНЕРОГАМНАЯ МОРАЛЬ, или публичное сожительство. Я не знаю, почему фаланстерцы используют греческие слова для передачи идей, которые можно так ясно выразить по-французски. Этот метод, как и предыдущий, скопирован с цивилизованных обычаев. Сам Фурье в качестве доказательства приводит пример проституток. Сейчас мы еще не располагаем определенными знаниями о фактах, которые он приводит. Так утверждает Парент Дюшателе в своей работе о "Проституции".

Из всей информации, которую мне удалось собрать, я нахожу, что все средства от пауперизма и плодовитости, одобренные универсальной практикой, философией, политической экономией и новейшими реформаторами, можно свести к следующему списку: мастурбация, онанизм, [19](#) содомия, трибадия, полиандрия, [20](#) проституция, кастрация, воздержание, аборты и детоубийство. [21](#)

Поскольку все эти методы оказались неадекватными, остается запрет.

К сожалению, запретительные меры, хотя и сокращают число бедных, увеличивают их долю. Если процент, взимаемый собственником с продукта, равен только одной двадцатой части продукта (по закону он равен одной двадцатой части капитала), то из этого следует, что двадцать рабочих производят только для девятнадцати; потому что среди них есть один, называемый собственником, который съедает долю двоих. Предположим, что двадцатый работник — бедняк — убит: производство в следующем году уменьшится на одну двадцатую; следовательно, девятнадцатому придется уступить свою долю и погибнуть. Ибо, поскольку собственнику должна выплачиваться не одна двадцатая продукта девятнадцати лет, а одна двадцатая продукта двадцати лет (см. Третье предложение), каждый оставшийся в живых рабочий должен пожертвовать одной двадцатой ПЛЮС одной четырехсотой своего продукта; другими словами, один человек из девятнадцати должен быть убит. Следовательно, пока существует собственность, чем больше бедных людей мы убиваем, тем пропорционально больше их рождается.

Мальтус, который так ясно доказал, что население увеличивается в геометрической прогрессии, в то время как производство увеличивается только в арифметической прогрессии, не заметил этой ОБНИЩАЮЩЕЙ силы собственности. Если бы он заметил это, то понял бы, что, прежде чем пытаться остановить воспроизводство, право на прирост должно быть отменено; потому что везде, где это право терпимо, всегда слишком много жителей, независимо от размеров или плодородия почвы.

Возможно, меня спросят, как бы я поддерживал баланс между населением и производством, поскольку рано или поздно эта проблема должна быть решена. Читатель простит меня, если я не приведу здесь свой метод. Ибо, по моему мнению, бесполезно что-либо говорить, пока мы это не докажем. Теперь, чтобы полностью объяснить мой метод, потребовалось бы не что иное, как формальный трактат. Это вещь настолько простая и такая обширная, такая обычная и такая экстраординарная, такая истинная и так неправильно понимаемая, такая священная и такая мирская, что называть ее, не развивая и не доказывая, значило бы только вызывать презрение и недоверие. Давайте делать все по порядку. Давайте установим равенство, и это средство скоро появится; ибо истины следуют друг за другом, точно так же, как преступления и заблуждения.

ШЕСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ.

Собственность невозможна, потому что она - Мать тирании.

Что такое правительство? Правительство - это общественная экономика, высшая административная власть над общественными работами и национальным достоянием.

Итак, нация подобна огромному обществу, в котором все граждане являются акционерами. Каждый из них имеет совещательный голос в собрании; и, если доли равны, в его распоряжении один голос. Но при режиме собственности существует большое неравенство между долями акционеров; следовательно, один может иметь несколько сотен голосов, в то время как другой - только один. Если, например, я получаю доход в один миллион; то есть, если я являюсь владельцем состояния в тридцать или сорок миллионов, хорошо инвестированных, и если это состояние составляет $1/30000$ национального капитала, — ясно, что государственное управление моей собственностью составляло бы $1/30000$ обязанностей правительства; и, если бы население страны составляло тридцать четыре миллиона человек, у меня было бы столько голосов, сколько у тысячи ста тридцати трех простых акционеров.

Таким образом, когда господин Араго требует избирательного права для всех членов Национальной гвардии, он совершенно прав; поскольку каждый гражданин зарегистрирован по крайней мере в одной национальной акции, что дает ему право на один голос. Но выдающийся оратор должен в то же время требовать, чтобы каждый выборщик имел столько голосов, сколько у него акций; как это имеет место в коммерческих ассоциациях. Ибо поступать иначе - значит притворяться, что нация имеет право распоряжаться собственностью отдельных лиц, не консультируясь с ними, что противоречит праву собственности. В стране, где существует собственность, равенство избирательных прав является нарушением собственности.

Итак, если суверенитет каждого гражданина должен быть пропорционален его собственности, то из этого следует, что мелкие акционеры находятся во власти более крупных; которые, как только захотят, сделают первых рабами, женятся на них по своему желанию, забирают у них жен, кастрируют их сыновей, занимаются проституцией их дочерей, бросают стариков акулам

— и, наконец, будут вынуждены обслуживать самих себя таким же образом, если только они не предпочтут обложить себя налогами для содержания своих слуг. В таком состоянии находится Великобритания сегодня. Джон Буль, мало заботящийся о свободе, равенстве или достоинстве, предпочитает служить и просить милостыню. Но ты, милый Жак?

Собственность несовместима с политическим и гражданским равенством; тогда собственность невозможна.

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ. -1. Когда Генеральные штаты 1789 года удвоили голоса третьего сословия, собственность была грубо нарушена. Дворянству и духовенству принадлежало три четверти территории Франции; они должны были контролировать три четверти голосов в национальном представительстве. Говорят, что удвоение голосов третьего сословия было справедливым, поскольку народ платил почти все налоги. Этот аргумент был бы здравым, если бы не по чему было голосовать, кроме налогов. Но в то время речь шла о реформировании правительства и конституции; следовательно, удвоение голосов третьего сословия было узурпацией и посягательством на собственность.

2. Если нынешние представители радикальной оппозиции придут к власти, они проведут реформу, согласно которой каждая Национальная гвардия должна быть избирателем, а каждый избиратель, имеющий право занимать должность, — посягательством на собственность.

Они снизили бы процентную ставку по государственным фондам — это атака на собственность.

В интересах общества они приняли бы законы, регулирующие экспорт крупного рогатого скота и пшеницы, что является посягательством на собственность.

Они изменили бы исчисление налогов — посягательство на собственность.

Они будут обучать людей безвозмездно — заговор против собственности.

Они организовали бы труд; то есть они гарантировали бы труд рабочему и выделили бы ему долю в прибыли — отмена собственности.

Теперь те же самые радикалы являются ревностными защитниками собственности — радикальное доказательство того, что они не ведают, что творят и чего желают.

3. Поскольку собственность является главной причиной привилегий и деспотизма, форма республиканской присяги должна быть изменена. Вместо "Я клянусь в ненависти к королевской власти", отныне новый член тайного общества должен говорить: "Я клянусь в ненависти к собственности".

СЕДЬМОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ.

Собственность невозможна, потому что, потребляя свои Доходы, она их теряет; накапливая, она сводит их к нулю; а используя их как капитал, она обращает их против производства.

I. Если мы, как и экономисты, рассматриваем рабочего как живую машину, мы должны рассматривать выплачиваемую ему заработную плату как сумму, необходимую для поддержания этой машины в рабочем состоянии. Руководитель производственного предприятия — нанимающий рабочих за три, пять, десять и пятнадцать франков в день и

берущий двадцать франков за свой надзор, не рассматривает свои выплаты как убытки, потому что он знает, что они вернутся к нему в виде продуктов. Следовательно, ПОТРЕБЛЕНИЕ РАБОЧЕЙ СИЛЫ и РЕПРОДУКТИВНОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ идентичны.

Кто такой собственник? Он - машина, которая не работает; или которая работает для собственного удовольствия и только тогда, когда считает нужным, ничего не производит.

Что значит потреблять как собственник? Это значит потреблять, не работая, потреблять, не воспроизводя. Ибо, еще раз, то, что собственник потребляет как работник, возвращается к нему; он не отдает свой труд в обмен на свою собственность, поскольку, если бы он это сделал, он тем самым перестал бы быть собственником. Потребляя как рабочий, собственник выигрывает или, по крайней мере, не теряет, поскольку он восстанавливает то, что потребляет; потребляя как собственник, он обедняет себя. Таким образом, чтобы наслаждаться собственностью, необходимо уничтожить ее; чтобы быть настоящим собственником, нужно перестать быть собственником.

Рабочий, потребляющий свою заработную плату, - это машина, которая разрушает и воспроизводит; собственник, потребляющий свой доход, — это бездонная пропасть, песок, который мы поливаем, камень, который мы сеем. Это настолько верно, что собственник, не желающий и не знающий, как производить, и понимающий, что по мере того, как он использует свою собственность, он разрушает ее навсегда, принял меры предосторожности, чтобы заставить кого-то производить вместо него. Это то, что политическая экономия, говоря от имени вечной справедливости, называет ПРОИЗВОДСТВОМ С ПОМОЩЬЮ СВОЕГО КАПИТАЛА, ПРОИЗВОДСТВОМ С ПОМОЩЬЮ СВОИХ ОРУДИЙ ТРУДА. И это то, что следовало бы назвать ПРОИЗВОДСТВОМ РАБА — ПРОИЗВОДСТВОМ КАК ВОРА И КАК ТИРАНА. Он, собственник, производит!... Грабитель тоже мог бы сказать: "Я добываю".

Потребление собственника было названо роскошью в противовес ПОЛЕЗНОМУ потреблению. Из того, что только что было сказано, мы видим, что большая роскошь может преобладать в небогатой стране, что бедность даже увеличивается вместе с роскошью, и наоборот. Экономисты (по крайней мере, им следует отдать должное) вызвали такой ужас перед роскошью, что сегодня очень большое число собственников — если не сказать почти все, — стыдясь своей праздности, трудятся, экономят и капитализируют. Они прыгнули со сковородки в огонь.

Я не могу повторять это слишком часто: собственник, который думает заслужить свой доход трудом и который получает заработную плату за свой труд, является чиновником, которому платят дважды; это единственная разница между праздным собственником и трудящимся собственником. Своим трудом собственник производит только свою заработную плату, а не свой доход. И поскольку его состояние позволяет ему заниматься самыми прибыльными занятиями, можно сказать, что труд собственника больше вредит обществу, чем помогает ему. Что бы ни делал собственник, потребление его дохода является фактической потерей, которую его оплачиваемые функции не возмещают и не оправдывают; и которая уничтожила бы собственность, если бы она постоянно не пополнялась за счет внешнего производства.

II. Затем владелец, который потребляет, уничтожает продукт: он поступает гораздо хуже, если откладывает его. Вещи, которые он откладывает, переходят в другой мир; больше от них ничего не видно, даже *caput mortuum* — дыма. Если бы у нас было какое-нибудь транспортное

средство, на котором можно было бы отправиться на Луну, и если бы владельцам внезапно пришло в голову перевезти туда свои сбережения, то по истечении определенного времени наша терракотовая планета была бы перенесена ими на свой спутник!

Собственник, запасаящий продукты, не позволит ни другим наслаждаться ими, ни наслаждается ими сам; для него нет ни владения, ни собственности. Подобно скряге, он размышляет о своих сокровищах: он ими не пользуется. Он может любоваться ими; он может лежать с ними; он может спать с ними в объятиях: все это очень хорошо, но монеты не порождают монет. Нет реальной собственности без наслаждения; нет наслаждения без потребления; нет потребления без потери собственности — такова непреклонная необходимость, перед которой Божий суд вынуждает собственника подчиниться. Проклятие собственности!

III. Собственник, который вместо того, чтобы потреблять свой доход, использует его как капитал, обращает его против производства и тем самым лишает его возможности осуществлять свое право. Ибо чем больше он увеличивает сумму процентов, подлежащих уплате по нему, тем больше он вынужден уменьшать заработную плату. Итак, чем больше он уменьшает заработную плату, то есть чем меньше он затрачивает на обслуживание и ремонт машин, тем больше он уменьшает количество труда; а с количеством труда уменьшается количество продукта, а с количеством продукта - и сам источник его дохода. Это наглядно показано на следующем примере:—

Возьмем поместье, состоящее из пахотных земель, лугов и виноградников, с жилищами владельца и арендатора и стоящее вместе с сельскохозяйственными орудиями сто тысяч франков при норме прироста в три процента. Если вместо того, чтобы потреблять свой доход, собственник употребляет его не на расширение, а на украшение своего поместья, может ли он ежегодно требовать от своего арендатора дополнительно девяносто франков в счет трех тысяч франков, которые он таким образом добавил к своему капиталу? Конечно, нет, ибо при таких условиях арендатор, хотя и производящий не больше, чем раньше, вскоре был бы вынужден трудиться даром, — что я хочу сказать? на самом деле понести убытки, чтобы сохранить свой договор аренды.

На самом деле доход может увеличиваться только по мере увеличения плодородия почвы: бесполезно строить стены из мрамора и работать золотыми плугами. Но поскольку невозможно вечно приобретать, присоединять поместье к поместью, ПРОДОЛЖАТЬ ВЛАДЕТЬ, как говорили латиняне; и поскольку, кроме того, у собственника всегда есть средства для капитализации, — отсюда следует, что осуществление его права в конце концов становится невозможным.

Что ж, несмотря на эту невозможность, собственность капитализируется, и при капитализации увеличивается ее доход; и, не останавливаясь на частных случаях, которые происходят в торговле, производственных операциях и банковском деле, я приведу более серьезный факт, который непосредственно затрагивает всех граждан. Я имею в виду бессрочное увеличение бюджета.

Налоги растут с каждым годом. Было бы трудно сказать, в каком департаменте правительства увеличиваются расходы; ибо кто может похвастаться какими-либо знаниями о бюджете? По этому вопросу самые способные финансисты постоянно расходятся во мнениях. Что следует думать, спрашиваю я, о науке управления, когда ее профессора не могут понять цифры друг

друга? Каковы бы ни были непосредственные причины такого роста бюджета, несомненно, что налоги растут такими темпами, которые приводят всех в отчаяние. Все это видят, все это признают; но, похоже, никто не понимает первопричины.[*] Теперь я говорю, что иначе и быть не может, что это необходимо и неизбежно.

* "Финансовое положение английского правительства было рассмотрено в Палате лордов во время заседания 23 января. Оно не внушает оптимизма. В течение нескольких лет расходы превышали поступления, и министр мог восстановить баланс только за счет ежегодных займов, возобновляемых. Совокупный дефицит за 1838 и 1839 годы составляет сорок семь миллионов пятьсот тысяч франков. Ожидается, что в 1840 году превышение расходов над поступлениями составит двадцать два миллиона пятьсот тысяч франков. Внимание к этим цифрам привлек лорд Рипон. Лорд Мельбурн ответил: "Благородный граф, к несчастью, был прав, заявив, что государственные расходы постоянно растут, и я должен согласиться с ним, что нет места для надежды на то, что их можно уменьшить или покрыть каким—либо образом ". - National: 26 января 1840 г.

Нация является арендатором богатого собственника, называемого ПРАВИТЕЛЬСТВОМ, которому она платит за использование земли арендную плату, называемую налогом. Всякий раз, когда правительство развязывает войну, проигрывает или выигрывает сражение, меняет снаряжение своей армии, возводит монету, роет канал, открывает дорогу или строит железную дорогу, оно занимает деньги, на которые налогоплательщики платят проценты; то есть правительство, не увеличивая своей производственной мощности, увеличивает свой активный капитал, - одним словом, капитализирует по примеру собственника, о котором я только что говорил.

Теперь, когда государственный заем однажды заключен и проценты по нему оговорены, бюджет не может быть сокращен. Ибо для достижения этого либо капиталисты должны отказаться от своих процентов, что повлекло бы за собой отказ от собственности; либо правительство должно обанкротиться, что было бы мошенническим отрицанием политического принципа; либо оно должно выплатить долг, что потребовало бы еще одного займа; либо оно должно сократить расходы, что невозможно, поскольку заем был заключен по той единственной причине, что обычных поступлений было недостаточно; либо деньги, расходуемые правительством, должны быть воспроизведенными, что требует увеличения производственных мощностей, — условие, исключаемое нашей гипотезой; или, наконец, налогоплательщики должны подчиниться закону. новый налог, для того чтобы погасить долг, - вещь невозможная. Ибо, если бы этот новый налог взимался со всех граждан одинаково, половина или даже больше граждан были бы не в состоянии платить его; если бы богатым пришлось нести весь налог целиком, это было бы принудительным сбором, вторжением в собственность. Длительный финансовый опыт показал, что метод займов, хотя и чрезвычайно опасен, гораздо надежнее, удобнее и дешевле любого другого метода; следовательно, правительство занимает, то есть продолжает капитализировать, и увеличивает бюджет.

Тогда бюджет, вместо того чтобы постоянно сокращаться, должен обязательно и постоянно увеличиваться. Удивительно, что экономисты, при всей их учености, не смогли осознать факт, столь простой и очевидный. Если они его осознали, почему они не осудили его?

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ.—В настоящее время ощущается большой интерес к финансовой операции, которая, как ожидается, приведет к сокращению бюджета. Предлагается изменить нынешний уровень увеличения на пять процентов. Оставляя в стороне политико-правовой вопрос, чтобы заняться только финансовым вопросом, — не правда ли, что, когда пять процентов. изменяется на четыре процента., затем необходимо будет, по тем же причинам, изменить четыре на три; затем три на два, затем два на один и, наконец, полностью исключить увеличение? Но это означало бы наступление равенства условий и отмену собственности. Теперь мне кажется, что разумная нация должна добровольно пойти навстречу неизбежной революции на полпути, вместо того чтобы позволять тащить себя за колесницей непреклонной необходимости.

ВОСЬМОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ.

Собственность невозможна, потому что ее способность к накоплению бесконечна и применяется только в конечных количествах.

Если бы люди, живущие в условиях равенства, предоставили одному из них исключительное право собственности; и этот единоличный собственник ссудил бы человечеству сто франков под сложные проценты, выплачиваемые его потомкам через двадцать четыре поколения, - по истечении шестисот лет эта сумма в сто франков под пять процентов составила бы 107 854 010 777 600 франков; в две тысячи шестьсот девяносто шесть с одной третью раз больше капитала Франции (предположим, что ее капитал равен 40 000 000 000), или более чем в двадцать раз больше капитала Франции. ценность земного шара!

Предположим, что некий человек во времена правления Людовика Святого занял сто франков и отказался — он и его наследники после него - вернуть их. Даже если бы было известно, что упомянутые наследники не были законными владельцами и что предписание всегда прерывалось в нужный момент, тем не менее, по нашим законам последний наследник был бы обязан вернуть сто франков с процентами и проценты на проценты; что в целом составило бы, как мы видели, почти сто восемь тысяч миллиардов.

С каждым днем благосостояние среди нас растет гораздо быстрее, чем сейчас. В предыдущем примере предполагалось, что процент равен одной двадцатой части капитала, - часто он равен одной десятой, одной пятой, половине капитала, а иногда и самому капиталу.

Фурьеристы — непримиримые враги равенства, сторонников которого они считают АКУЛАМИ, — намерены путем увеличения производства в четыре раза удовлетворить все потребности капитала, труда и квалификации. Но если бы производство было умножено в четыре, десять или даже сто раз, собственность вскоре поглотила бы, благодаря своей способности к накоплению и эффектам ее капитализации, и продукты, и капитал, и землю, и даже рабочих. Следует ли запретить фаланстерам капитализировать и давать займы под проценты? Тогда позвольте им объяснить, что они понимают под собственностью.

Я не буду продолжать эти расчеты. Они допускают бесконечные вариации, настаивать на которых с моей стороны было бы ребячеством. Я только спрашиваю, по какому стандарту судьи, призванные выносить решение по иску о владении, устанавливают проценты? И, развивая вопрос, я спрашиваю: —

Взвесил ли законодатель, вводя в Республике принцип собственности, все последствия? Знал ли он закон возможного? Если он знал это, то почему этого нет в Коде? Почему собственнику предоставлена такая свобода действий в накоплении собственности и начислении процентов, судье — в признании и закреплении сферы собственности, государству - в его власти постоянно взимать новые налоги? В какой момент нация вправе отказаться от бюджета, арендатор - от арендной платы за ферму, а производитель - от процентов со своего капитала? Насколько бездельник может использовать рабочего в своих интересах? Где начинается право на отчуждение и где оно заканчивается? Когда производитель может сказать собственнику: "Я тебе больше ничего не должен"? Когда собственность удовлетворена? Когда он должен прекратить воровать?

Если законодатель действительно знал закон возможного и пренебрег им, что следует думать о его справедливости? Если он этого не знал, что следует думать о его мудрости? Злой или глупый, как мы можем признать его авторитет?

Если наши уставы и кодексы основаны на абсурдной гипотезе, чему тогда учат в юридических школах? Чему равно решение Апелляционного суда? О чем обсуждают наши палаты? Что такое ПОЛИТИКА? Каково наше определение ГОСУДАРСТВЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ? В чем смысл ЮРИСПРУДЕНЦИИ? Не лучше ли нам сказать "ЮРИСДИКЦИЯ"?

Если все наши институты основаны на ошибке в расчетах, не следует ли из этого, что в этих институтах так много обмана? И если вся социальная структура построена на этой абсолютной невозможности собственности, разве не правда, что правительство, при котором мы живем, является химерой, а наше нынешнее общество - утопией?

ДЕВЯТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ.

Собственность невозможна, потому что она бессильна против Собственности.

I. Согласно третьему следствию из нашей аксиомы, процент говорит как против собственника, так и против постороннего. Этот экономический принцип общепризнан. На первый взгляд, нет ничего проще; и в то же время нет ничего более абсурдного, более противоречивого в терминах или более абсолютно невозможного.

Говорят, что производитель сам оплачивает аренду своего дома и капитала. ОН ПЛАТИТ САМ; то есть ему платит публика, которая покупает его продукцию. В самом деле, предположим, что фабрикант, который, по-видимому, получает эту прибыль от своей собственности, желает также получать ее от своих товаров, может ли он тогда заплатить себе один франк за то, что стоило ему девяносто сантимов, и заработать деньги на этой операции? Нет: такая транзакция перевела бы деньги торговца из его правой руки в левую, но без какой-либо прибыли вообще.

Итак, то, что верно для отдельного человека, торгующего с самим собой, верно и для всего делового мира. Сформируйте цепочку из десяти, пятнадцати, двадцати производителей; сколько угодно. Если производитель А получает прибыль от производителя В. Убытки В, согласно экономическим принципам, должны быть восполнены С, убытки С - D; и так далее до Z.

Но кем Z будет оплачен ущерб, причиненный ему прибылью, начисленной А в начале? ПОТРЕБИТЕЛЕМ, говорится в ответах. Презренная двусмысленность! Является ли этот потребитель кем-либо иным, кроме А, В, С, D и с. или Z? Кем будет выплачен Z? Если ему платит

А, никто не получает прибыли; следовательно, нет собственности. Если, напротив, Z сам несет это бремя, он перестает быть членом общества, поскольку оно отказывает ему в праве собственности и прибыли, которое оно предоставляет другим партнерам.

Таким образом, поскольку нация, как и все человечество, представляет собой обширное промышленное объединение, которое не может действовать вне себя, ясно, что ни один человек не может обогатиться сам, не обнищав другого. Ибо для того, чтобы право собственности, право на увеличение, могло быть соблюдено в случае с А, в нем должно быть отказано Z; таким образом, мы видим, как равенство прав, отделенное от равенства условий, может быть истиной. Беззаконие политической экономии в этом отношении вопиюще. "Когда я, производитель, покупаю труд рабочего, я не включаю его заработную плату в чистый продукт моего предприятия; напротив, я вычитаю ее. Но рабочий включает их в свой чистый продукт...."(Скажем, Политическая экономия.)

Это означает, что все, что получает рабочий, является ЧИСТЫМ ПРОДУКТОМ; но ЧИСТЫМ ПРОДУКТОМ является только та часть прибыли производителя, которая остается после вычета его заработной платы. Но почему право на прибыль принадлежит только производителю? Почему рабочему отказано в этом праве, которое, в сущности, является правом собственности как таковой? С точки зрения экономической науки, рабочий - это капитал. Итак, весь капитал, помимо затрат на его содержание и ремонт, должен приносить проценты. Собственник заботится о том, чтобы получить этот процент как для своего капитала, так и для себя. Почему рабочему запрещено взимать такой же процент со своего капитала, которым является он сам?

Таким образом, собственность есть неравенство прав; ибо, если бы это не было неравенством прав, это было бы равенство благ, другими словами, ее бы не существовало. Итак, хартия гарантирует всем равенство прав. Тогда, согласно хартии, собственность невозможна.

II. Имеет ли А, владелец поместья, право в силу факта своего владения вступить во владение полем, принадлежащим Б. его соседу? "Нет, - отвечают собственники, - но какое это имеет отношение к праву собственности?" Я покажу вам это с помощью ряда аналогичных положений.

Имеет ли С, шляпник, право заставить D, своего соседа и тоже шляпника, закрыть свою лавку и прекратить свой бизнес? Ни в малейшей степени в мире.

Но С хочет получить прибыль в размере одного франка с каждой шляпы, в то время как D довольствуется пятьюдесятью сантимами. Очевидно, что умеренность D наносит ущерб экстравагантным заявлениям С. Имеет ли последний право препятствовать продажам D? Конечно, нет.

Поскольку D волен продавать свои шляпы на пятьдесят сантимов дешевле, чем С, если пожелает, С, в свою очередь, волен снизить свою цену на один франк. Теперь D беден, в то время как С богат; так что по истечении двух-трех лет D разоряется из-за этой невыносимой конкуренции, и С полностью контролирует рынок. Может ли собственник D получить какое-либо возмещение от собственника С? Может ли он подать против него иск о возврате своего бизнеса и собственности? Нет, потому что D мог бы сделать то же самое, будь он богаче из них двоих.

На том же основании крупный собственник А может сказать мелкому собственнику Б: "Продай мне свое поле, иначе ты не продашь свою пшеницу", — и это не причинив ему ни малейшего вреда и не дав ему повода для жалобы. Так что А может сожрать В, если захочет, по той самой

причине, что А сильнее В. Следовательно, не право собственности позволяет А и С грабить В и D, а право могущества. По праву собственности ни два соседа А и В, ни два торговца С и D не могли причинить друг другу вреда. Они не могли ни лишиться собственности, ни уничтожить друг друга, ни получить выгоду друг за счет друга. Сила вторжения заключается в превосходстве сил.

Но именно превосходство в силе также позволяет производителю снижать заработную плату своим работникам, а богатому торговцу и состоятельному владельцу продавать свою продукцию по той цене, по которой им заблагорассудится. Производитель говорит рабочему: "Вы так же свободны идти куда-либо со своими услугами, как я могу их получать. Я предлагаю вам так много". Торговец говорит покупателю: "Бери или не бери; ты хозяин своих денег, как я своего товара. Я хочу так много". Кто уступит? Более слабый.

Следовательно, без силы собственность бессильна против собственности, поскольку без силы она не имеет силы увеличиваться; следовательно, без силы собственность недействительна.

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ. — Борьба между колониальными и местными производителями сахара дает нам яркий пример такой невозможности собственности. Предоставьте эти две отрасли промышленности самим себе, и местный производитель будет разорен колонистом. Чтобы сохранить свеклу, тростник должен быть обложен налогом: чтобы защитить собственность одной, необходимо нанести ущерб собственности другой. Наиболее примечательной чертой этого бизнеса является как раз то, на что уделяется меньше всего внимания, а именно то, что так или иначе собственность должна быть нарушена. Вводите для каждой отрасли пропорциональный налог, чтобы сохранить баланс на рынке, и вы устанавливаете МАКСИМАЛЬНУЮ ЦЕНУ - вы нападаете на собственность двумя способами. С одной стороны, ваш налог нарушает свободу торговли; с другой, он не признает равенства собственников. Возмещая убытки за свеклу, вы посягаете на собственность налогоплательщика. Выращивайте два сорта сахара за счет нации, точно так же, как выращиваются разные сорта табака, — вы уничтожаете один вид собственности. Этот последний путь был бы проще и лучше, но для того, чтобы побудить народы принять его, требуется такое сотрудничество способных умов и великодушных сердец, о котором в настоящее время не может быть и речи.

Конкуренция, иногда называемая свободой торговли, — одним словом, собственность в обмен, — будет долгое время основой нашего коммерческого законодательства; которое, с экономической точки зрения, охватывает все гражданские законы и все правительства. Итак, что такое соревнование? Поединок на закрытом поле, где оружие является проверкой правоты.

"Кто лжец - обвиняемый или обвинительница?" - говорили наши варварские предки. "Пусть они сами сражаются, - ответил еще более жестокий судья. - кто сильнее, тот и прав".

Кто из нас двоих будет продавать специи нашему соседу? "Пусть каждый выставит их на продажу, - кричит экономист. - чем сообразительнее или хитрее, тем честнее человек и лучше торговец".

Таков в точности дух Кодекса Наполеона.

ДЕСЯТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ.

Собственность невозможна, потому что это отрицание равенства.

Развитие этого предложения будет продолжением предыдущих.

1. Принцип экономической справедливости ЗАКЛЮЧАЕТСЯ В том, что ПРОДУКТЫ ПОКУПАЮТСЯ ТОЛЬКО ПРОДУКТАМИ. Собственность, способная к защите только на том основании, что она производит полезность, поскольку она ничего не производит, навеки осуждена.

2. Экономический закон ГЛАСИТ, что ТРУД ДОЛЖЕН БЫТЬ СБАЛАНСИРОВАН По ПРОДУКТУ. Это факт, что при наличии собственности производство обходится дороже, чем оно того стоит.

3. Еще один экономический закон: ПРИ ВЫДЕЛЕНИИ КАПИТАЛА ПРОИЗВОДСТВО ИЗМЕРЯЕТСЯ НЕ КОЛИЧЕСТВОМ КАПИТАЛА, А ПРОИЗВОДСТВЕННЫМИ МОЩНОСТЯМИ. Собственность, требующая, чтобы доход всегда был пропорционален капиталу независимо от труда, не признает этого отношения равенства между следствием и причиной.

4 и 5. Подобно насекомому, прядущему свой шелк, рабочий никогда не производит его только для себя. Собственность, требующая двойного продукта и неспособная его получить, грабит рабочего и убивает его.

6. Природа дала каждому человеку только один разум, одно сердце, одну волю. Собственность, предоставляющая одному индивиду множество голосов, предполагает, что он обладает множеством умов.

7. Любое потребление, которое не воспроизводит полезность, является разрушением. Собственность, будь то потребление, накопление или капитализация, порождает БЕСПОЛЕЗНОСТЬ — причину бесплодия и смерти.

8. Удовлетворение естественного права всегда приводит к уравнению; другими словами, право на вещь обязательно уравнивается владением этой вещью. Таким образом, между правом на свободу и состоянием свободного человека существует баланс, уравнение; между правом быть отцом и отцовством - уравнение; между правом на безопасность и социальную гарантию - уравнение. Но между правом на увеличение и получением этого увеличения никогда не существует равенства; ибо каждое новое увеличение влечет за собой право на другое, последнее - на третье, и так далее до бесконечности. Собственность, которая никогда не может достичь своей цели, является правом, противоречащим Природе и разуму.

9. Наконец, собственность не существует сама по себе. Для ее жизни и действия необходима посторонняя причина — СИЛА или МОШЕННИЧЕСТВО. Другими словами, собственность не равна собственности: это отрицание, заблуждение — НИЧТО.

ГЛАВА V. ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ИДЕИ СПРАВЕДЛИВОСТИ

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ИДЕИ СПРАВЕДЛИВОСТИ И НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРИНЦИПА ПРАВЛЕНИЯ И СПРАВЕДЛИВОСТИ.

Собственность невозможна; равенства не существует. Мы ненавидим первое и все же желаем обладать им; второе управляет всеми нашими мыслями, но мы не знаем, как его достичь. Кто объяснит этот глубокий антагонизм между нашей совестью и нашей волей? Кто укажет на причины этого пагубного заблуждения, ставшего самым священным принципом справедливости и общества?

Я достаточно смел, чтобы взяться за эту задачу, и надеюсь на успех.

Но прежде чем объяснять, почему человек нарушил справедливость, необходимо определить, что такое справедливость.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

% 1.О нравственном чувстве Человека и животных.

Философы часто пытались определить грань, отделяющую разум человека от разума животных; и, согласно своему обычаю, они высказывали много глупостей, прежде чем решились на единственный возможный для них путь — наблюдение. Неприязательный ученый — который, возможно, и не гордился своей философией — мог положить конец нескончаемому спору простым различием; но одним из тех ярких различий, которые стоят больше, чем системы. Фредерик Кювье отделил ИНСТИНКТ от ИНТЕЛЛЕКТА.

Но пока никто не предложил такого вопроса:—

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ РАЗНИЦА Между МОРАЛЬНЫМ ЧУВСТВОМ ЧЕЛОВЕКА И ЧУВСТВОМ ЖИВОТНОГО
РАЗНИЦЕЙ В НАТУРЕ Или ТОЛЬКО В СТЕПЕНИ?

Если бы до сих пор кто-нибудь осмелился отстаивать последнюю альтернативу, его аргументы показались бы скандальными, богохульными и оскорбительными для морали и религии. Церковный и светский суды осудили бы его в один голос. И обратите внимание на стиль, в котором они заклеили бы аморальный парадокс! "Совесть, — воскликнули бы они, — совесть, главная слава человека, была дана исключительно ему; понятие о справедливости и несправедливости, о достоинствах и недостатках является его благородной привилегией; только человеку — господу творения — принадлежит возвышенная сила сопротивляться своим мирским наклонностям, выбирать между добром и злом и все больше и больше уподобляться Богу через свободу и справедливость.... Нет; святой образ добродетели был начертан только в сердце человека". Слова, полные чувства, но лишенные смысла.

Человек — разумное и социальное животное, — сказал Аристотель. Это определение стоит больше, чем все, что было дано с тех пор. Я не исключаю даже знаменитое определение месье де Бональда: "ЧЕЛОВЕК — ЭТО ИНТЕЛЛЕКТ, ОБСЛУЖИВАЕМЫЙ ОРГАНАМИ", — определение, имеющее двойную ошибку: оно объясняет известное неизвестным, то есть живое существо интеллектом, и пренебрегает основным качеством человека — животностью.

Таким образом, человек - это животное, живущее в обществе. Общество означает совокупность отношений; короче говоря, систему. Итак, все системы существуют только при определенных условиях. Каковы же тогда условия, ЗАКОНЫ человеческого общества?

Каковы ПРАВА людей друг по отношению к другу; что такое СПРАВЕДЛИВОСТЬ?

Ничего не значит сказать философам различных школ: "Это божественный инстинкт, бессмертный и небесный голос, руководство, данное нам Природой, свет, открывающийся каждому человеку при появлении на свет, закон, запечатленный в наших сердцах; это голос совести, веление разума, вдохновение чувств, склонность к чувствованию; это любовь к себе и других; это просвещенный эгоизм; или же это врожденная идея, повелительный приказ прикладного разума, который имеет свой источник в концепциях чистого разума". ; это страстное влечение" и т. д., и тому подобное. Это может быть настолько же верно, насколько и кажется прекрасным; но это совершенно бессмысленно. Хотя нам следовало бы растянуть эту литанию на десять страниц (она была отфильтрована через тысячу томов), мы не приблизились бы к решению вопроса.

"Справедливость - это общественная польза", - говорит Аристотель. Это правда, но это тавтология. "Принцип, согласно которому общественное благо должно быть целью законодателя", — говорит М. Ч. Конт в своем "Трактате о законодательстве", — "не может быть ниспровергнут. Но законодательство продвигается своим объявлением и демонстрацией не дальше, чем медицина, когда говорят, что лечить больных - дело врачей".

Давайте изберем другой путь. СПРАВЕДЛИВОСТЬ - это совокупность принципов, управляющих обществом. Справедливость в человеке - это уважение и соблюдение этих принципов. Вершить правосудие - значит повиноваться социальному инстинкту; совершить акт правосудия - значит совершить социальный поступок. Если, таким образом, мы понаблюдаем за поведением людей друг по отношению к другу при различных обстоятельствах, нам будет легко отличить присутствие общества от отсутствия; из результата мы можем индуктивно вывести закон.

Давайте начнем с самых простых и наименее сомнительных случаев.

Мать, которая защищает своего сына, рискуя жизнью, и жертвует всем ради его поддержки, находится с ним в обществе - она хорошая мать. Та, напротив, кто бросает своего ребенка, неверна социальному инстинкту, одной из многих черт которого является материнская любовь; она неестественная мать.

Если я бросаюсь в воду, чтобы спасти утопающего, я его брат, его соратник; если вместо того, чтобы помочь ему, я топлю его, я его враг, его убийца.

Тот, кто подает милостыню, относится к бедняку как к своему товарищу; правда, не полностью, а только в отношении суммы, которой он делится с ним. Тот, кто силой или хитростью захватывает то, что не является продуктом его труда, разрушает свой социальный характер — он разбойник.

Самарянин, который помогает путнику, лежащему на обочине, перевязывает его раны, утешает его и снабжает деньгами, тем самым объявляет себя его сообщником — его соседом; священник, который проходит по другой стороне, остается непричастным и является его врагом.

Во всех этих случаях человеком движет внутреннее влечение к ближнему, тайная симпатия, которая заставляет его любить, поздравлять и соболезновать; так что, чтобы противостоять этому влечению, его воля должна бороться со своей природой.

Но в этих отношениях нет решительной разницы между человеком и животными. У них, пока слабость их детенышей вызывает привязанность к их матерям, — одним словом, связывает их со своими матерями, — последние защищают первых, рискуя своей жизнью, с мужеством, которое напоминает нам о наших героях, умирающих за свою страну. Определенные виды объединяются для охоты, ищут друг друга, зовут друг друга (поэт сказал бы "приглашают друг друга"), чтобы поделиться своей добычей; в случае опасности они помогают, защищают и предупреждают друг друга. Слоны знают, как помочь своему товарищу выбраться из канавы, в которую тот упал. Коровы образуют круг рогами наружу, а телята в центре, чтобы отражать нападения волков. Лошади и свиньи, услышав крик отчаяния от кого-то из своих, бросаются к тому месту, откуда он доносится. Какие описания я мог бы дать их бракам, нежности мужчин к женщинам и верности их любви! Добавим, однако, — чтобы быть совершенно справедливыми, — что эти трогательные демонстрации общества, братства и любви к ближнему не мешают животным ссориться, драться и возмутительно оскорблять друг друга, добывая средства к существованию и демонстрируя свою галантность; сходство между ними и нами совершенное.

Социальный инстинкт у человека и животного существует в большей или меньшей степени — его природа одинакова. Человек больше нуждается в общении и больше использует его; животное, по-видимому, лучше переносит изоляцию. У человека социальные потребности более настоятельны и сложны; у животного они кажутся менее интенсивными, менее разнообразными, о них меньше сожалеют. Одним словом, общество в случае человека нацелено на сохранение расы и индивидуума; в случае животных его целью является более исключительно сохранение расы.

До сих пор мы не встречали ни одного заявления, которое человек мог бы предъявить только себе. Социальный инстинкт и моральное чувство он разделяет с животными; и когда он думает стать богоподобным с помощью нескольких актов милосердия, справедливости и преданности, он не понимает, что, действуя таким образом, он просто повинует инстинкту, полностью животному по своей природе. Насколько мы добры, любвеобильны, нежны, справедливы, настолько же мы страстны, жадны, похотливы и мстительны; то есть мы подобны зверям. Наши высшие добродетели проявляются, в конечном счете, как слепые, импульсивные инстинкты. Какие темы для канонизации и апофеоза!

Однако есть разница между нами, двурукими двуногими, и другими живыми существами — в чем она?

Изучающий философию поспешил бы ответить: "Это различие заключается в том факте, что мы осознаем свою социальную способность, в то время как животные не осознают свою — в том факте, что, в то время как мы размышляем и рассуждаем о действии нашего социального инстинкта, животные ничего подобного не делают".

Я пойду дальше. Именно благодаря нашим рефлексивным и рассуждающим способностям, которыми мы, по-видимому, исключительно наделены, мы знаем, что вредно, сначала для других, а затем и для самих себя, сопротивляться социальному инстинкту, который управляет нами и который мы называем СПРАВЕДЛИВОСТЬЮ. Именно наш разум учит нас, что

эгоистичный человек, грабитель, убийца — одним словом, предатель общества — грешит против Природы и виновен по отношению к другим и самому себе, когда он умышленно поступает дурно. Наконец, именно наши социальные чувства, с одной стороны, и наш разум - с другой, заставляют нас думать, что такие существа, как мы, должны брать на себя ответственность за свои поступки. Таков принцип раскаяния, мести и уголовного правосудия.

Но это доказывает только интеллектуальное различие между животными и человеком, а вовсе не эмоциональное; ибо, хотя мы рассуждаем о наших отношениях с братьями, мы точно так же рассуждаем о наших самых тривиальных действиях, таких как питье, еда, выбор жены или жилища. Мы рассуждаем о вещах земных и небесных; нет ничего, к чему не были бы применимы наши способности рассуждения. Итак, точно так же, как знание внешних явлений, которое мы приобретаем, не оказывает влияния на их причины и законы, так и размышление, освещая наш инстинкт, просвещает нас относительно нашей чувствующей природы, но не изменяет ее характера; оно говорит нам, какова наша мораль, но не изменяет и не видоизменяет ее. Наше недовольство собой после того, как мы поступили неправильно, негодование, которое мы испытываем при виде несправедливости, идея заслуженного наказания и должного вознаграждения - это результат размышления, а не непосредственного проявления инстинкта и эмоций. Наше понимание (я не говорю исключительное понимание, поскольку животные также понимают, что они поступили неправильно, и возмущаются, когда на кого-то из них нападают, но), наше бесконечно высокое понимание наших социальных обязанностей, наше знание добра и зла не устанавливает, с точки зрения морали, никакого существенного различия между человеком и животными.

% 2.—О первой и второй степенях общительности.

Я настаиваю на факте, на который я только что указал, как на один из важнейших фактов антропологии.

Симпатическое влечение, которое заставляет нас общаться, в силу своей слепой, неуправляемой природы всегда управляется временным импульсом, без учета высших прав, без различия заслуг или приоритета. Незаконнорожденная собака равнодушно следует за всеми, кто ее зовет; грудной ребенок считает каждого мужчину своим отцом, а каждую женщину - своей кормилицей; каждое живое существо, лишенное общества животных своего вида, ищет общения в своем одиночестве. Эта фундаментальная характеристика социального инстинкта делает невыносимой и даже ненавистной дружбу легкомысленных личностей, склонных сходить с ума от каждого нового лица, сговорчивых ко всему, хорошему или плохому, и готовых пожертвовать ради мимолетной связи самыми старыми и благородными привязанностями. Вина таких существ кроется не в сердце, а в суждении. Общительность в этой степени - это своего рода магнетизм, пробуждаемый в нас созерцанием существа, подобного нам самим, но который никогда не выходит за пределы человека, который это чувствует; это может быть взаимностью, но не сообщением. Любовь, благожелательность, жалость, сочувствие — называйте это как хотите, в этом нет ничего, что заслуживало бы уважения, ничего, что возвышало бы человека над животным.

Вторая степень общительности - это справедливость, которую можно определить как ПРИЗНАНИЕ РАВЕНСТВА МЕЖДУ ЛИЧНОСТЬЮ ДРУГОГО ЧЕЛОВЕКА И НАШЕЙ СОБСТВЕННОЙ. Чувство справедливости мы разделяем с животными; мы одни можем составить о нем точное представление; но наше представление, как уже было сказано, не меняет его природы. Вскоре

мы увидим, как человек поднимается до третьей степени общительности, которой животные достичь не способны. Но сначала я должен доказать с помощью метафизики, что ОБЩЕСТВО, СПРАВЕДЛИВОСТЬ и РАВЕНСТВО — это три эквивалентных термина, три выражения, означающие одно и то же, взаимное превращение которых всегда допустимо.

Если среди суматохи кораблекрушения, спасшись в лодке с кое-какими припасами, я увижу человека, борющегося с волнами, обязан ли я прийти ему на помощь? Да, мне грозит наказание в виде признания виновным в убийстве и государственной измене обществу.

Но обязан ли я также делиться с ним своими припасами?

Чтобы решить этот вопрос, мы должны изменить фразеологию. Если общество обязывает судно, обязывает ли оно также и положения? Несомненно. Обязанность партнера абсолютна. Занятие человека следует за его социальной природой и подчинено ей; владение может стать исключительным только тогда, когда разрешение занимать предоставляется всем одинаково. То, что в данном случае заслоняет наш долг, — это наша способность предвидения, которая, заставляя нас бояться возможной опасности, толкает нас к узурпации власти и делает нас грабителями и убийцами. Животные учитывают инстинктивный долг не больше, чем неудобства, возникающие у тех, кто им пользуется; было бы странно, если бы интеллект человека — самого общительного из животных — заставил его нарушить закон.

Тот предаёт общество, кто пытается использовать его только в своих интересах; лучше бы Бог лишил нас благоразумия, если оно должно служить орудием нашего эгоизма.

"Что? — скажете вы. — Неужели я должен делиться своим хлебом, хлебом, который я заработал и который принадлежит мне, с незнакомцем, которого я не знаю; которого я, возможно, никогда больше не увижу и который, возможно, вознаградит меня неблагодарностью?" Если бы мы вместе зарабатывали этот хлеб, если бы этот человек что-то сделал, чтобы получить его, он мог бы потребовать свою долю, поскольку его сотрудничество давало бы ему право на это; но как бы то ни было, какие права он имеет на меня? Мы не производили вместе — мы не будем есть вместе".

Ошибочность этого аргумента заключается в ложном предположении, что каждый производитель не обязательно связан со всеми другими производителями.

Когда два или более человека регулярно организуют общество, — когда контракты согласованы, составлены и подписаны, — нет никаких трудностей с будущим. Всем известно, что когда двое мужчин объединяются, например, для того, чтобы порыбачить, если один из них не ловит рыбу, он тем не менее имеет меньшее право на рыбу, пойманную его партнером. Если два торговца образуют товарищество, то, пока длится товарищество, прибыль и убытки делятся между ними; поскольку каждый производит не для себя, а для общества: когда наступает время распределения, учитывается не производитель, а партнер. Вот почему раб, которому плантатор дает солому и рис, и цивилизованный рабочий, которому капиталист платит зарплату, которая всегда слишком мала, — не будучи связанными со своими работодателями, хотя и производя вместе с ними, — не учитываются при разделе продукта. Таким образом, лошадь, которая тянет наши кареты, и вол, который тянет наши повозки, производят вместе с нами, но не связаны с нами; мы берем их продукт, но не делимся им с ними. Животные и работники, которых мы нанимаем, относятся к нам так же. Что бы мы ни делали для них, мы делаем это не из чувства справедливости, а из чистой доброжелательности. [22](#)

Но возможно ли, что не все мы связаны? Давайте вспомним то, что было сказано в последних двух главах, а именно, что, хотя мы и не хотим, чтобы с нами общались, сила вещей, необходимость потребления, законы производства и математический принцип обмена объединяют нас. Из этого правила есть только одно исключение — исключение собственника, который, производя по своему праву увеличения, ни с кем не связан и, следовательно, ни с кем не обязан делиться своим продуктом; точно так же, как никто другой не обязан делиться с ним. За исключением собственника, мы работаем друг на друга; мы ничего не можем сделать сами, без помощи других, и мы постоянно обмениваемся друг с другом продуктами и услугами. Если это не социальные действия, то что же это такое?

Итак, ни о коммерческой, ни о промышленной, ни о сельскохозяйственной ассоциации не может быть и речи в отсутствие равенства; равенство является ее неперенным условием. Так что во всех вопросах, касающихся этой ассоциации, нарушать общество - значит нарушать справедливость и равенство. Примените этот принцип к человечеству в целом.

После всего сказанного я предполагаю, что читатель обладает достаточной проницательностью, чтобы обойтись без моей помощи.

Согласно этому принципу, человек, который вступает во владение полем и говорит: "Это поле мое", не будет несправедливым до тех пор, пока все остальные имеют равное право владения; не будет он несправедливым и в том случае, если, желая сменить свое местоположение, он обменяет это поле на равноценное. Но если, ставя другого на свое место, он говорит ему: "Работай на меня, пока я отдыхаю", - тогда он становится несправедливым, неассоциированным, НЕРАВНОПРАВНЫМ. Он собственник.

В свою очередь, к лентяю или повесе, который, не выполняя никакой социальной задачи, пользуется, как и другие, а часто и больше других, продуктами общества, следует относиться как к вору и паразиту. Ради самих себя мы обязаны ничего ему не давать, но, поскольку он должен жить, поместить его под надзор и заставить работать.

Общительность - это влечение, которое живые существа испытывают друг к другу. Справедливость - это то же самое влечение, сопровождаемое мыслью и знанием. Но под каким общим понятием, в какой категории понимания понимается справедливость? В категории равных величин. Отсюда древнее определение справедливости — *Justum aequale est*, *несправедливость неравноправная*. Что же тогда значит осуществлять правосудие? Это значит наделять каждого равным богатством при условии равного труда. Это значит действовать социально. Наш эгоизм может выражать недовольство; от очевидности и необходимости никуда не деться.

Что такое право владения? Это естественный метод раздела земли путем уменьшения доли каждого работника по мере появления новых работников. Это право исчезает, если этого требуют общественные интересы, которые, будучи социальными интересами, являются также интересами жильца.

Что такое право на труд? Это право на получение своей доли богатства путем выполнения требуемых условий. Это право общества, право на равенство.

Справедливость, являющаяся продуктом сочетания идеи и инстинкта, проявляется в человеке, как только он становится способным чувствовать и формировать идеи. Следовательно, это

рассматривалось как врожденное и оригинальное чувство; но это мнение логически и хронологически неверно. Но справедливость, по своему составу гибридная — если я могу использовать этот термин, — справедливость, рожденная из сочетания эмоций и интеллекта, кажется мне одним из сильнейших доказательств единства и простоты эго; организм не более способен производить такую смесь сам по себе, чем объединенные чувства слуха и зрения образуют бинарное чувство, наполовину слуховое, наполовину визуальное.

Эта двойная природа справедливости дает нам окончательную основу для всех демонстраций в главах II, III и IV. С одной стороны, идея СПРАВЕДЛИВОСТИ идентична идее общества, а общество обязательно подразумевает равенство, равенство должно лежать в основе всех софизмов, изобретаемых в защиту собственности; ибо, поскольку собственность может быть защищена только как справедливый и социальный институт, а собственность есть неравенство, чтобы доказать, что собственность находится в гармонии с обществом, необходимо показать, что несправедливость есть справедливость, а неравенство есть равенство, а это противоречие в терминах. С другой стороны, поскольку идея равенства — второй элемент справедливости — имеет свой источник в математических пропорциях вещей; и поскольку собственность, или неравномерное распределение богатства между работниками, разрушает необходимый баланс между трудом, производством и потреблением, — собственность должна быть невозможна.

Таким образом, все люди связаны; все имеют право на одинаковое правосудие; все равны. Следует ли из этого, что предпочтение любви и дружбы несправедливо?

Это требует объяснения. Я уже предположил случай, когда человек в опасности, и я в состоянии помочь ему. Теперь я полагаю, что ко мне обратились одновременно двое мужчин, подвергшихся опасности.

Разве мне не позволено — даже не приказано — первой броситься на помощь тому, кто связан со мной узами крови, дружбы, знакомства или уважения, рискуя оставить другого погибать? ДА. И почему? Потому что внутри универсального общества для каждого из нас существует столько же особых обществ, сколько и индивидуумов; и мы обязаны, в силу самого принципа общительности, выполнять обязательства, которые они налагают на нас, в соответствии с близостью наших отношений с ними. Следовательно, мы должны отдавать предпочтение нашим отцу, матери, детям, друзьям, родственникам и т.д. перед всеми остальными. Но в чем состоит это предпочтение?

Судье предстоит решить дело, в котором одна из сторон является его другом, а другая - врагом. Должен ли он в этом случае предпочесть своего БЛИЗКОГО ПАРТНЕРА своему ДАЛЬНЕМУ ПАРТНЕРУ и решить дело в пользу своего друга, несмотря на доказательства обратного? Нет: ибо, если бы он одобрил несправедливость своего друга, он стал бы его сообщником в нарушении общественного договора; он составил бы с ним своего рода заговор против общественного организма. Предпочтение следует отдавать только в личных вопросах, таких как любовь, уважение, доверие или близость, когда все это не может быть рассмотрено сразу. Таким образом, в случае пожара отец скорее спасет своего ребенка, чем подумает о ребенке своего соседа; но поскольку признание права не является необязательным вопросом для судьи, он не вправе отдавать предпочтение одному человеку в ущерб другому.

Теория этих особых обществ, которые формируются, так сказать, концентрически каждым из нас внутри основного сообщества, дает ключ ко всем проблемам, возникающим из

противостояния и конфликта различных разновидностей социального долга, — проблемам, на которых основаны древние трагедии.

Правосудие, практикуемое среди животных, в определенной степени отрицательно. За исключением защиты своего потомства, охоты и грабежа группами, объединения для общей обороны, а иногда и для индивидуальной помощи, это состоит скорее в предотвращении, чем в действии. Больное животное, которое не может подняться с земли, или неосторожное животное, упавшее в пропасть, не получает ни лекарств, ни питания. Если он не может ни вылечиться сам, ни избавиться от своей болезни, его жизнь в опасности: в тюрьме о нем не позаботятся ни в постели, ни накормят.

Их пренебрежение к своим собратьям проистекает как из слабости их интеллекта, так и из нехватки ресурсов. Тем не менее, животным неизвестны степени близости, распространенные среди людей. У них есть дружба по привычке и по выбору; дружба по-соседски и дружба родительская. По сравнению с нами они обладают слабой памятью, вялыми чувствами и почти лишены интеллекта; но идентичность этих способностей до некоторой степени сохраняется, и наше превосходство в этом отношении полностью проистекает из нашего понимания.

Именно сила нашей памяти и пронизательность суждений позволяют нам умножать и комбинировать действия, к которым побуждает нас наш социальный инстинкт, и которые учат нас, как сделать их более эффективными и как распределить их справедливо. Животные, живущие в обществе, практикуют справедливость, но не знают о ее природе и не рассуждают о ней; они повинуются своему инстинкту без размышлений или философии. Они не знают, как соединить общественное чувство с идеей равенства, которой у них нет; эта идея абстрактна. Мы, напротив, отталкиваясь от принципа, что общество подразумевает равенство, можем, благодаря нашей способности рассуждать, понимать и соглашаться друг с другом при установлении наших прав; мы даже в значительной степени использовали наше суждение. Но во всем этом наша совесть играет небольшую роль, что подтверждается тем фактом, что идея ПРАВА, проблеск которой мы улавливаем у некоторых животных, которые ближе других подходят к нашему уровню интеллекта, кажется, растет от низкого уровня, на котором она находится у дикарей, до высокой высоты, которой она достигает у Платона или Франклина. Если мы проследим за развитием морального чувства у отдельных людей и прогрессом законов у наций, мы убедимся, что идеи справедливости и совершенства законодательства всегда пропорциональны интеллекту. Таким образом, понятие справедливости, которое некоторые философы считали простым, на самом деле является сложным. Оно проистекает из социального инстинкта, с одной стороны, и идеи равенства - с другой; точно так же, как понятие вины возникает из чувства, что справедливость была нарушена, и из идеи свободы воли.

В заключение отметим, что инстинкт не изменяется от знакомства с его природой; и общественные явления, которые мы до сих пор наблюдали, встречаются как среди животных, так и среди людей. Мы знаем, что такое справедливость; другими словами, общительность, рассматриваемая с точки зрения равенства. Мы не встретили ничего, что отделяло бы нас от животных.

% 3.—Третьей степени Общительности.

Читатель, возможно, не забыл, что было сказано в третьей главе о разделении труда и специализации талантов. Общая сумма талантов и способностей расы всегда одна и та же, и их природа всегда схожа. Все мы рождаемся поэтами, математиками, философами, художниками, ремесленниками или фермерами, но не рождаемся одинаково одаренными; и между одним человеком и другим в обществе или между одной способностью и другим в одном и том же индивидууме существует бесконечная разница. Эта разница в уровне развития одних и тех же способностей, это преобладание талантов в определенных направлениях является, как мы уже говорили, самой основой нашего общества. Интеллект и природная гениальность распределены Природой так экономно и в то же время так щедро, что в обществе нет опасности ни избытка, ни нехватки особых талантов; и что каждый работник, посвящая себя своей функции, всегда может достичь уровня мастерства, необходимого для того, чтобы он мог извлекать пользу из трудов и открытий своих товарищей. Благодаря этой простой и мудрой предосторожности Природы рабочий не изолирован от своей задачи. Он общается со своими собратьями через разум, прежде чем соединиться с ними сердцем; так что у него любовь рождается из разума.

Это не так с сообществами животных. У каждого вида способности всех особей - хотя и очень ограниченные — равны по количеству и (когда они не являются результатом инстинкта) по интенсивности. Каждый из них делает так же хорошо, как и все остальные, то, что делают все остальные: добывает себе пищу, избегает врагов, роет норы в земле, строит гнездо и т. Д. Ни одно животное, будучи свободным и здоровым, не ожидает и не нуждается в помощи своего соседа, который, в свою очередь, столь же независим.

Ассоциированные животные живут бок о бок без какого-либо интеллектуального общения или интимной коммуникации - все делают одно и то же, им нечему учиться или запоминать; они видят, чувствуют и вступают в контакт друг с другом, но никогда не проникают друг в друга. Человек постоянно обменивается идеями и чувствами, продуктами и услугами. Ему необходимо каждое открытие и действие в обществе. Но из этого огромного количества продуктов и идей то, что каждый должен произвести и приобрести для себя, - всего лишь атом на солнце. Человек не был бы человеком, если бы не общество, а общество поддерживается равновесием и гармонией составляющих его сил.

Общество у животных ПРОСТОЕ; у человека оно СЛОЖНОЕ. Человек связан с человеком тем же инстинктом, который связывает животное с животным; но человек связан иначе, чем животное, и именно это различие в общении составляет различие в морали.

Я доказал, — возможно, слишком пространно, — как духом законов, рассматривающих собственность как основу общества, так и политической экономией, что неравенство условий не оправдывается ни приоритетом рода занятий, ни превосходством таланта, обслуживания, трудолюбия и способностей. Но, хотя равенство условий является необходимым следствием естественного права, свободы, законов производства, возможностей физической природы и принципа самого общества, это не мешает общественному чувству переступать границы ДОЛГА и КРЕДИТА. Сферы благожелательности и любви простираются далеко за ее пределы; и когда экономия установила свой баланс, разум начинает извлекать пользу из своей собственной справедливости, а сердце расширяется в безграничности своей привязанности.

Тогда социальные настроения приобретают новый характер, который варьируется у разных людей. У сильных это становится удовольствием от щедрости; у равных - искренней и сердечной дружбой; у слабых - удовольствием от восхищения и благодарности.

Человек, превосходящий других по силе, мастерству или мужеству, знает, что всем, чем он является, он обязан обществу, без которого он не смог бы существовать. Он знает, что, обращаясь с ним точно так же, как с низшим из своих членов, общество полностью выполняет свой долг по отношению к нему. Но он не недооценивает своих способностей; он не менее осознает свою силу и величие; и именно это добровольное почтение, которое он оказывает человечеству, это признание, что он всего лишь инструмент Природы, который единственный достоин славы и поклонения, — именно, я говорю, это одновременное признание сердца и разума, это подлинное преклонение перед Великим Существом отличает и возвышает человека и возносит его на такую степень общественной морали, которой животное бессильно достичь. Геракл, уничтожающий чудовищ и карающий разбойников ради безопасности Греции, Орфей, обучающий грубых и необузданных пеласгов, — ни один из них не назначает цену за свои услуги, — здесь мы видим благороднейшие творения поэзии, самое возвышенное выражение справедливости и добродетели.

Радость самопожертвования невыразима.

Если бы мне пришлось сравнить человеческое общество со старинными греческими трагедиями, я бы сказал, что фаланга благородных умов и возвышенных душ танцует строфу, а смиренная толпа - антистрофу. Обремененные болезненными и неприятными задачами, но ставшие всемогущими из-за их количества и гармоничного распределения своих функций, последние выполняют то, что планируют другие. Ведомые ими, они ничем им не обязаны; однако они почитают их и расточают им похвалы и одобрение.

Благодарность наполняет людей обожанием и энтузиазмом.

Но равенство радует мое сердце. Благожелательность вырождается в тиранию, а восхищение - в раболепие. Дружба - дочь равенства. О друзья мои! пусть я буду жить среди вас без соперничества и без славы; пусть равенство сведет нас вместе, а судьба распределит нам наши места. Пусть я умру, так и не узнав, кому из вас я обязан наибольшим уважением!

Дружба драгоценна для сердец детей человеческих.

Щедрость, благодарность (я имею в виду здесь только ту благодарность, которая рождается из восхищения высшей силой) и дружба - это три различных оттенка единого чувства, которое я назову *equite*, или **СОЦИАЛЬНОЙ ПРОПОРЦИОНАЛЬНОСТЬЮ**. ²³ Равенство не меняет справедливости: но, всегда принимая равенство за основу, оно усиливает уважение и тем самым формирует в человеке третью степень общительности. Равенство делает одновременно нашим долгом и удовольствием помогать слабым, которые в нас нуждаются, и делать их равными себе; платить сильным справедливую дань благодарности и почета, не поработав себя им; ценить наших соседей, друзей и равных за то, что мы получаем от них, даже по праву обмена. *Equite* - это общительность, возведенная в идеал разумом и справедливостью; наиболее распространенным ее проявлением является **УЧИВОСТЬ**, или **ВЕЖЛИВОСТЬ**, которая у некоторых народов одним словом отражает почти все социальные обязанности.

Это справедливое распределение общественного сочувствия и всеобщей любви.

Это чувство неизвестно животным, которые любят друг друга, цепляются друг за друга и демонстрируют свои предпочтения, но которые не могут понять уважения и неспособны к великодушию, восхищению или вежливости.

Это чувство не проистекает из разума, который рассчитывает и уравнивает, но не любит; который видит, но не чувствует. Как справедливость является продуктом социального инстинкта и рефлексии в сочетании, так и равенство является продуктом справедливости и вкуса в сочетании, то есть нашей способности судить и идеализировать.

Этот продукт — третья и последняя степень человеческой общительности — определяется нашим сложным способом объединения, при котором неравенство или, скорее, расхождение способностей и специализация функций, сами по себе стремящиеся изолировать работников, требуют более активной общительности.

Вот почему отвратительна сила, которая угнетает, одновременно защищая; почему глупое невежество, которое одинаково смотрит на чудеса искусства и продукты самой грубой промышленности, вызывает невыразимое презрение; почему гордая посредственность, которая гордится тем, что говорит: "Я вам заплатил — я вам ничего не должен", особенно отвратительна.

ОБЩИТЕЛЬНОСТЬ, СПРАВЕДЛИВОСТЬ, РАВНОПРАВИЕ — таково точное определение инстинктивной способности, которая приводит нас к общению с нашими собратьями и физическое проявление которой выражается формулой: **РАВЕНСТВО В ПРИРОДНЫХ БОГАТСТВАХ И ПРОДУКТАХ ТРУДА.**

Эти три степени общительности поддерживают и подразумевают друг друга.

Равенство не может существовать без справедливости; общество без справедливости - это социализм. Если, чтобы вознаградить талант, я беру у одного, чтобы отдать другому, несправедливо лишая первого, я не оцениваю его талант должным образом; если в обществе я награждаю больше себя, чем своего партнера, мы на самом деле не связаны. Справедливость — это общительность, проявляющаяся в разделении материальных благ, поддающихся весу и мере; *equité* - это справедливость, сопровождаемая восхищением и уважением, то есть вещами, которые невозможно измерить.

Из этого можно сделать несколько выводов.

1. Хотя мы вольны проявлять наше уважение к одному больше, чем к другому, и во всех возможных степенях, все же мы не должны давать никому больше, чем его доля от общего богатства; потому что долг справедливости, возложенный на нас перед долгом *equité*, всегда должен иметь приоритет над ним. Женщина, почитаемая древними, которая, будучи вынуждена тираном выбирать между смертью своего брата и смертью своего мужа, пожертвовала последним на том основании, что могла найти другого мужа, но не другого брата, — эта женщина, говоря я, повинувшись своему чувству справедливости, не оправдала себя и совершила дурной поступок, потому что супружеская связь более близка, чем братская, и потому что жизнь нашего ближнего не является нашей собственностью.

По тому же принципу неравенство заработной платы не может быть допущено законом на основании неравенства талантов; потому что справедливое распределение богатства является функцией экономии, а не энтузиазма.

Наконец, что касается пожертвований, завещаний и наследования, общество, заботящееся как о личных привязанностях, так и о своих собственных правах, никогда не должно позволять любви и пристрастию разрушать справедливость. И хотя приятно думать, что сын, который долгое время был связан со своим отцом в бизнесе, более, чем кто-либо другой, способен продолжить его; и что гражданин, которого смерть застает врасплох посреди выполнения его задачи, лучше всего подходит, вследствие его естественного вкуса к своему занятию, для назначения своего преемника; и хотя наследнику должно быть предоставлено право выбора в случае получения более чем одного наследства, — тем не менее, общество не может допустить никакой концентрации капитала и промышленности в интересах одного человека, никакой монополии на труд, никаких посягательств. [24](#)

Предположим, что некоторая добыча, взятая у врага, равная двенадцати трофеям, должна быть разделена между Ахиллом и Аяксом. Если бы два человека были равны, их соответствующие доли были бы арифметически равны: у Ахилла было бы шесть, у Аякса - шесть. И если бы мы выполнили это арифметическое равенство, Терсит имел бы право на столько же, сколько и Ахилл, что было бы в высшей степени несправедливо. Чтобы избежать этой несправедливости, следует оценить ценность людей и соответственно разделить добычу. Предположим, что ценность Ахилла вдвое выше, чем у Аякса: доля первого равна восьми, второго - четырем. Нет никакого арифметического равенства, но есть пропорциональное равенство. Именно это сравнение достоинств, *rationum*, Аристотель называет распределительной справедливостью. Это геометрическая пропорция". —Тулье: Французское законодательство в соответствии с Кодексом.

Связаны ли Ахилл и Аякс или нет? Решите это, и вы решите весь вопрос. Если Ахилл и Аякс, вместо того чтобы быть связанными, сами находятся на службе у Агамемнона, который им платит, то нет никаких возражений против метода Аристотеля. Рабовладелец, который контролирует своих рабов, может выдавать двойную порцию бренди тому, кто выполняет двойную работу. Это закон деспотизма; право на рабство.

Но если Ахилл и Аякс связаны, они равны. Какое значение имеет то, что сила Ахилла равна четырем, в то время как у Аякса всего два? Последний всегда может ответить, что он свободен; что если у Ахилла сила в четыре человека, то пятеро могут убить его; наконец, что, оказывая личную услугу, он подвергается такому же большому риску, как и Ахиллес. Тот же аргумент применим и к Терситу. Если он не в состоянии сражаться, пусть будет поваром, поставщиком или дворецким. Если он ни на что не годен, положите его в больницу. Ни в коем случае не причиняйте ему вреда и не навязывайте ему законы.

Человек должен жить в одном из двух состояний: либо в обществе, либо вне его. В обществе условия обязательно равны, за исключением степени уважения, которую может получить каждый. Вне общества человек - это сырье, капитализированный инструмент и часто неудобный и бесполезный предмет мебели.

2. Равенство, справедливость и общество могут существовать только между особями одного и того же вида. Они не являются частью отношений различных рас друг к другу, например,

отношений волка к козе, козы к человеку, человека к Богу, а тем более Бога к человеку. Приписывание справедливости, равноправия и любви Высшему Существу является чистым антропоморфизмом; и прилагательные "справедливый", "милосердный", "жалкий" и подобные им должны быть исключены из наших литаний. Бога можно считать справедливым, равноправным и добрым только по отношению к другому Богу. Итак, у Бога нет партнера; следовательно, он не может испытывать социальных привязанностей, таких как доброта, равноправие и справедливость. Говорят ли, что пастух справедлив к своим овцам и своим собакам? Нет: и если бы он счел нужным состричь столько же шерсти с шестимесячного ягненка, сколько с двухлетнего барана; или, если бы он потребовал столько же работы от молодой собаки, сколько от старой, — они сказали бы, что он не несправедлив, а глуп. Между человеком и животным нет общества, хотя может быть привязанность. Человек любит животных как ВЕЩИ, — как РАЗУМНЫЕ СУЩЕСТВА, если хотите, - но не как ЛИЧНОСТЕЙ. Философия, устранив из идеи Бога страсти, приписываемые ему суеверием, будет вынуждена затем устранить и те добродетели, которыми награждает его наше либеральное благочестие. 25

Права женщины и ее отношения с мужчиной еще предстоит определить. Брачное законодательство, как и гражданское законодательство, предстоит урегулировать в будущем.

Если бы Бог спустился на землю и поселился среди нас, мы не смогли бы любить его, если бы он не стал таким, как мы; и не могли бы давать ему что-либо, если бы он что-то не производил; и не слушали бы его, если бы он не доказал, что мы ошибаемся; и не поклонялись бы ему, если бы он не проявил свою силу. Все законы нашей природы, эмоциональные, экономические и интеллектуальные, помешали бы нам относиться к нему так, как мы относимся к нашим ближним, то есть в соответствии с разумом, справедливостью и equite.

Из этого я делаю вывод, что, если бы Бог захотел когда-либо вступить в непосредственное общение с человеком, он должен был бы стать человеком.

Итак, если короли являются образами Бога и исполнителями его воли, они не могут получить от нас любовь, богатство, послушание и славу, если только они не согласятся трудиться и общаться с нами — производить столько, сколько потребляют, рассуждать со своими подданными и совершать чудесные поступки. Более того, если, как некоторые утверждают, короли являются государственными служащими, любовь, которой они заслуживают, измеряется их личным дружелюбием; наша обязанность повиноваться им - мудростью их приказов; а их гражданский список - общим объемом общественного производства, деленным на количество граждан.

Таким образом, юриспруденция, политическая экономия и психология сходятся в признании закона равенства. Право и долг, должное вознаграждение за талант и труд, вспышки любви и энтузиазма — все это заранее регламентируется неизменным стандартом; все зависит от количества и сбалансированности. Равенство условий - это закон общества, и всеобщая солидарность заключается в ратификации этого закона.

Равенство условий никогда не было реализовано из-за наших страстей и нашего невежества; но наше противодействие этому закону сделало его еще более необходимым. История является вечным свидетельством этого факта, и ход событий показывает нам это. Общество развивается от уравнивания к уравниванию. В глазах экономиста революции империй кажутся то сокращением алгебраических величин, которые не поддаются дедуцированию; то открытием неизвестных

величин, вызванных неизбежным влиянием времени. Цифры - это провидение истории. Несомненно, в человеческом прогрессе есть и другие элементы; но среди множества скрытых причин, которые волнуют нации, нет ни одной более мощной, постоянной и менее темной, чем периодические выступления пролетариата против собственности. Собственность, действующая путем исключения и посягательства, в то время как население увеличивалось, была жизненным принципом и окончательной причиной всех революций. Религиозные и захватнические войны, когда они не приводили к истреблению рас, были лишь случайными беспорядками, которые вскоре устранялись математическим ходом жизни наций. Падение и гибель обществ происходят из-за силы накопления, которой обладает собственность.

В средние века возьмем Флоренцию — республику торговцев и маклеров, всегда арендуемую ее хорошо известными группировками, гвельфами и гибеллинами, которые, в конце концов, были всего лишь народом и собственниками, борющимися друг с другом, - Флоренцию, управляемую банкирами и, в конце концов, придавленную тяжестью своих долгов; [26](#) в древние времена возьмем Рим, с самого рождения страдавший от ростовщичества, тем не менее процветавший до тех пор, пока известный мир снабжал своих ужасных пролетариев РАБОЧЕЙ СИЛОЙ, запятнанной кровью в результате гражданской войны на каждом шагу покоя и умирающий от истощения народ, потерявший вместе с былой энергией последнюю искру нравственного чувства; Карфаген, торговый и финансовый город, постоянно разделяемый внутренней конкуренцией; Тир, Сидон, Иерусалим, Ниневия, Вавилон, разоренные, в свою очередь, коммерческим соперничеством и, как мы теперь выражаемся, рыночной паникой, — разве эти знаменитые примеры не показывают достаточно ясно, какая участь ожидает современные нации, если народ, если Франция внезапным взрывом своего мощного голоса не провозгласит громоподобным тоном отмену режима о собственности?

На этом моя задача должна закончиться. Я доказал правоту бедных; я показал узурпацию богатых. Я требую справедливости; приводить приговор в исполнение - не мое дело. Если кто—то возразит - чтобы продлить на несколько лет незаконную привилегию — что недостаточно продемонстрировать равенство, что необходимо также организовать его и, прежде всего, установить мирным путем, я мог бы ответить: благополучие угнетенных важнее официального спокойствия. Равенство условий - это естественный закон, на котором основаны общественная экономика и юриспруденция. Право на труд и принцип равного распределения богатства не могут уступить место заботам власти. Не дело пролетария примирять противоречия кодексов и тем более страдать из-за ошибок правительства. Напротив, гражданская и административная власть обязана перестроиться на основе политического равенства. Зло, когда оно известно, должно быть осуждено и уничтожено. Законодатель не может ссылаться на невежество в качестве оправдания вопиющего беззакония. Возмещение ущерба не должно откладываться. Правосудие, правосудие! признание права! восстановление пролетариата! — когда эти результаты будут достигнуты, тогда, судьи и консулы, вы сможете заняться своей полицией и создать правительство для Республики!

В остальном, я не думаю, что хоть один из моих читателей обвинит меня в том, что я знаю, как разрушать, но не знаю, как созидать. Демонстрируя принцип равенства, я заложил фундамент социальной структуры, я сделал больше. Я привел пример истинного метода решения политических и законодательных проблем. Признаюсь, что о самой науке я знаю не больше, чем о ее принципах; и в настоящее время я не знаю никого, кто мог бы похвастаться более глубоким проникновением. Многие люди кричат: "Придите ко мне, и я научу вас истине!" Эти

люди ошибочно принимают за истину свое заветное мнение и горячую убежденность, которые обычно являются чем угодно, только не истиной. Наука об обществе — как и все науки о человеке — всегда будет неполной. Глубина и разнообразие вопросов, которые она охватывает, бесконечны. Мы едва знаем азбуку этой науки, о чем свидетельствует тот факт, что мы еще не вышли из периода систем и не перестали ставить авторитет большинства на место фактов. Некое филологическое общество решало лингвистические вопросы большинством голосов. Наши парламентские дебаты — будь их результаты менее пагубными — были бы еще более нелепыми. Задача настоящего публициста в наш век — заткнуть рты шарлатанам и шарлатанкам и научить публику требовать демонстраций, вместо того чтобы довольствоваться символами и программами. Прежде чем говорить о самой науке, необходимо установить ее объект и раскрыть ее метод и принцип. Необходимо очистить почву от обременяющих ее предрассудков. Такова миссия девятнадцатого века.

Со своей стороны, я поклялся в верности своей работе по разрушению, и я не перестану искать истину среди руин и мусора. Мне неприятно видеть, что дело сделано наполовину; и все поверят без всякой моей уверенности, что, осмелившись поднять руку на Святой Ковчег, я не успокоюсь, сняв крышку. Тайны святилища беззакония должны быть раскрыты, скрижали старого союза разбиты, а все предметы древней веры брошены в кучу свиньям. Нам дана хартия — резюме политической науки, памятник двадцати законодательным органам. Написан кодекс — гордость завоевателя и краткое изложение древней мудрости. Что ж! в этой хартии и настоящем кодексе ни одна статья не должна стоять одна над другой! Пришло время мудрым выбрать свой курс и подготовиться к реконструкции.

Но, поскольку уничтоженная ошибка обязательно подразумевает противоположную истину, я не закончу этот трактат, не решив первую проблему политической науки, которая привлекает внимание всех умов.

КОГДА СОБСТВЕННОСТЬ БУДЕТ ОТМЕНЕНА, КАКОЙ БУДЕТ ФОРМА ОБЩЕСТВА! БУДЕТ ЛИ ЭТО КОММУНИЗМ?

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

% 1.—О причинах наших ошибок. Происхождение собственности.

Истинная форма человеческого общества не может быть определена до тех пор, пока не будет решен следующий вопрос:—

Собственность не является нашим естественным состоянием, как же она закрепилась? Почему социальный инстинкт, столь надежный у животных, дал сбой в случае человека? Почему человек, рожденный для общества, до сих пор не связан с ним?

Я сказал, что человеческое общество СЛОЖНО по своей природе. Хотя это выражение неточно, факт, к которому оно относится, тем не менее, верен; а именно, классификация талантов и

способностей. Но кто не видит, что эти таланты и способности, вследствие их бесконечного разнообразия, порождают бесконечное разнообразие воли и что характер, склонности и — если я осмелюсь употребить это выражение — форма "я" неизбежно изменяются; так что в порядке свободы, как и в порядке интеллекта, существует столько же типов, сколько индивидов, столько же характеров, сколько голов, чьи вкусы, фантазии и склонности, модифицируемые разнородными идеями, неизбежно должны вступать в конфликт? Человек по своей природе и своим инстинктам предопределен к обществу; но его личность, постоянно меняющаяся, враждебна ему.

В сообществах животных все члены делают в точности одно и то же. Ими руководит один и тот же гений; ими движет одна и та же воля. Общество животных - это совокупность атомов, круглых, крючковатых, кубических или треугольных, но всегда совершенно идентичных. Эти личности не различаются, и мы могли бы сказать, что ими всеми управляет единое эго. Труд, который выполняют животные, будь то в одиночку или в обществе, является точным воспроизведением их характера. Точно так же, как пчелиный рой состоит из отдельных пчел, сходных по природе и равных по ценности, так и соты состоят из отдельных ячеек, постоянно и неизменно повторяющихся.

Но интеллект человека, приспособленный к его социальному предназначению и его личным потребностям, имеет совершенно иной состав и поэтому порождает удивительное разнообразие человеческих волей. У пчелы воля постоянна и единообразна, потому что инстинкт, который руководит ею, неизменен и составляет всю жизнь и природу животного. У человека разный талант и непостоянный ум; следовательно, его воля многообразна и расплывчата. Он ищет общества, но не любит стеснения и монотонности; он подражатель, но увлечен собственными идеями и страстно влюблен в свои работы.

Если бы, подобно пчелам, каждый человек рождался с талантом, совершенными знаниями определенного рода и, одним словом, с врожденным знакомством с функциями, которые он должен выполнять, но был лишен способности размышлять и рассуждать, общество организовалось бы само. Мы должны были бы видеть, как один человек пашет поле, другой строит дома; этот куёт металлы, тот кроит одежду; и еще одни хранят продукты и следят за их распределением. Каждый, не спрашивая о цели своего труда и не беспокоясь о масштабах своей задачи, выполнял приказы, приносил свой товар, получал жалованье, а затем некоторое время отдыхал, не ведя при этом никаких счетов, никому не завидуя и довольствуясь дистрибьютором, который никогда ни к кому не был несправедлив. Короли будут править, но не будут царствовать; ибо царствовать - значит быть *собственником a l'engrais*, как сказал Бонапарт: и, не имея возможности отдавать приказы, поскольку все были бы на своих постах, они служили бы скорее объединяющими центрами, чем авторитетами или советниками. Это было бы состояние упорядоченного коммунизма, но не общество, в которое вступают сознательно и свободно.

Но человек приобретает навык только путем наблюдения и эксперимента. Следовательно, он размышляет, поскольку наблюдать и экспериментировать - значит размышлять; он рассуждает, поскольку не может не рассуждать. Размышляя, он впадает в заблуждение; рассуждая, он совершает ошибки и, считая себя правым, упорствует в них. Он предан своему мнению; он уважает себя и презирает других. Следовательно, он изолирует себя, ибо он не мог бы подчиниться большинству, не отказавшись от своей воли и своего разума, то есть не отрекшись

от самого себя, что невозможно. И эта изоляция, этот интеллектуальный эгоизм, эта индивидуальность мнений сохраняются до тех пор, пока истина не будет продемонстрирована ему наблюдением и опытом. Последняя иллюстрация сделает эти факты еще более ясными.

Если бы к слепым, но сходящимся и гармоничным инстинктам пчелиного роя внезапно добавились рефлексия и рассудительность, маленькое общество не смогло бы долго существовать. Во-первых, пчелы не преминули бы опробовать какой-нибудь новый промышленный процесс; например, сделать свои ячейки круглыми или квадратными. Будут опробованы всевозможные системы и изобретения, пока многолетний опыт, подкрепленный геометрией, не покажет им, что шестиугольная форма является наилучшей. Тогда начнутся восстания. Трутням было бы приказано самим обеспечивать себя, а королевам - трудиться; среди работников распространилась бы зависть; вспыхнули бы разногласия; вскоре каждый захотел бы производить продукцию самостоятельно; и, в конце концов, улей был бы заброшен, а пчелы погибли. Зло было бы внесено в производящую мед республику силой отражения - той самой способностью, которая должна составлять ее славу.

Таким образом, моральное зло, или, в данном случае, беспорядок в обществе, естественным образом объясняется нашей способностью к рефлексии. Матерью бедности, преступности, восстаний и войн было неравенство условий; оно было дочерью собственности, порожденной эгоизмом, порожденной частным мнением, которое произошло по прямой линии от самодержавия разума. Человек в своем младенчестве не преступник и не варвар, а невежественный и неопытный. Наделенный властными инстинктами, которые находятся под контролем его способности рассуждать, он сначала мало размышляет и рассуждает неточно; затем, извлекая выгоду из своих ошибок, он исправляет свои идеи и совершенствует свой разум. Во-первых, это дикарь, жертвующий всем своим имуществом ради безделушки, а затем раскаивающийся и плачущий; это Исаав, продающий свое первородство за похлебку, а затем желающий расторгнуть сделку; это цивилизованный рабочий, работающий в условиях отсутствия безопасности, и постоянно требующий повышения своей заработной платы, при этом ни он, ни его работодатель не понимают, что при отсутствии равенства любая заработная плата, какой бы большой она ни была, всегда недостаточна. Тогда это Навуфей, умирающий, защищая свое наследство; Катон, вырывающий себе внутренности, чтобы не попасть в рабство; Сократ, пьющий роковую чашу в защиту свободы мысли; это третье сословие 89-го года, возвращающее себе свободу: скоро это будет народ, требующий равенства заработной платы и равного раздела средств производства.

Человек рождается социальным существом, то есть он стремится к равенству и справедливости во всех своих отношениях, но любит независимость и похвалу. Трудность одновременного удовлетворения этих различных желаний является основной причиной деспотизма воли и вытекающего из него присвоения. С другой стороны, человеку всегда нужен рынок сбыта для своих продуктов; не имея возможности сравнивать ценности различных видов, он довольствуется приблизительными суждениями в соответствии со своей страстью и прихотью; и он занимается нечестной торговлей, которая всегда приводит к богатству или бедности. Таким образом, величайшее зло, от которого страдает человек, проистекает из неправильного использования его социальной природы, той самой справедливости, которой он так гордится и которую применяет с таким прискорбным невежеством.

Практика отправления правосудия - это наука, которая, будучи однажды открыта и распространена, рано или поздно положит конец социальному беспорядку, обучив нас нашим правам и обязанностям.

Это постепенное и болезненное воспитание наших инстинктов, это медленное и незаметное преобразование наших спонтанных восприятий в осознанное знание не происходит среди животных, чьи инстинкты остаются неизменными и никогда не становятся просветленными.

"Согласно Фредерику Кювье, который так четко провел различие между инстинктом и интеллектом у животных, "инстинкт - это естественная и врожденная способность, подобная чувству, раздражительности или интеллекту. Волк и лиса, которые распознают ловушки, в которые они попали, и избегают их; собака и лошадь, которые понимают значение нескольких наших слов и которые повинуются нам, — тем самым демонстрируют *разум*. Собака, которая прячет остатки своего обеда, пчела, которая сооружает свою ячейку, птица, которая вьет свое гнездо, действуют только из *инстинкта*. Даже у человека есть инстинкты: это особый инстинкт, который побуждает новорожденного ребенка сосать. Но в человеке почти все достигается разумом; а разум дополняет инстинкт. Обратное верно для животных: их инстинкт дан им как дополнение к их интеллекту". —Флуранс: Аналитическое резюме наблюдений Ф. Кювье.

"Мы можем составить четкое представление об инстинкте, только признав, что животные имеют в своем *сенсориуме* образы или врожденные и постоянные ощущения, которые влияют на их действия таким же образом, как обычные и случайные ощущения. Это своего рода сон, или видение, которое всегда преследует их, и во всем, что касается инстинкта, их можно рассматривать как сомнамбул". Кювье: Введение в животный мир.

Поскольку интеллект и инстинкт являются общими, то, хотя и в разной степени, для животных и человека, какова отличительная черта последнего? Согласно Ф. Кювье, это РЕФЛЕКСИЯ Или СПОСОБНОСТЬ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО РАССМАТРИВАТЬ НАШИ СОБСТВЕННЫЕ МОДИФИКАЦИИ ПУТЕМ ОБЗОРА САМИХ СЕБЯ. Этому не хватает ясности и требуется объяснение.

Если мы наделяем животных разумом, мы должны также наделить их, в некоторой степени, рефлексией; ибо первое не может существовать без второго, как доказал сам Ф. Кювье на многочисленных примерах. Но обратите внимание, что опытный наблюдатель определяет вид рефлексии, который отличает нас от животных, как СПОСОБНОСТЬ РАССМАТРИВАТЬ НАШИ СОБСТВЕННЫЕ МОДИФИКАЦИИ. Я попытаюсь истолковать это, развивая в меру своих возможностей лаконизм философа-натуралиста.

Интеллект, приобретенный животными, никогда не изменяет операций, которые они выполняют инстинктивно: он дан им только как средство защиты от неожиданных случайностей, которые могли бы нарушить эти операции. У человека, напротив, инстинктивное действие постоянно превращается в преднамеренное. Таким образом, человек социален благодаря инстинкту и с каждым днем становится социальным благодаря размышлениям и выбору. Сначала он формировал свои слова инстинктивно; [*] он был поэтом по вдохновению: сегодня он превращает грамматику в науку, а поэзию - в искусство. Его концепция Бога и будущей жизни спонтанна и инстинктивна, и его выражения этой концепции были, поочередно, чудовищными, эксцентричными, прекрасными, утешительными и ужасными. Все эти различные верования, над которыми насмехалось легкомысленное безбожие восемнадцатого века, являются

способами выражения религиозных чувств. Когда-нибудь человек объяснит себе характер Бога, в которого он верит, и природу того другого мира, к которому стремится его душа.

* "Проблема происхождения языка решается с помощью различия, проведенного Фредериком Кювье между инстинктом и интеллектом. Язык - это не преднамеренное, произвольное или общепринятое средство; он также не сообщен и не открыт нам Богом. Язык - это инстинктивное и непреднамеренное творение человека, как улей - пчелиный. В этом смысле можно сказать, что язык не является работой человека, поскольку это не работа его ума. Далее, механизм языка кажется более удивительным и изобретательным, когда он не рассматривается как результат рефлексии. Этот факт является одним из самых любопытных и неоспоримых, которые когда-либо наблюдала филология. Посмотрите, среди других работ, латинское эссе Ф. Г. Бергмана (Страсбург, 1839), в котором ученый автор объясняет, как фонетический зародыш рождается из ощущения; как язык проходит три последовательные стадии развития; почему человек, наделенный от рождения инстинктивной способностью создавать язык, теряет эту способность по мере развития своего разума; и что изучение языков — это настоящая естественная история, фактически наука. Сегодня во Франции есть несколько первоклассных филологов, наделенных редкими талантами и глубокой философской проницательностью, - скромных ученых, развивающих науку почти без ведома публики; посвящающих себя занятиям, на которые смотрят с презрением, и, кажется, избегающих аплодисментов в той же степени, в какой их ищут другие".

Все, что он делает инстинктивно, человек презирает; или, если он восхищается этим, то как работой Природы, а не как своей собственной. Это объясняет неясность, которая окружает имена первых изобретателей; это объясняет также наше безразличие к религиозным вопросам и насмешки над религиозными обычаями. Человек ценит только продукты размышления и разума. Самые замечательные проявления инстинкта, по его мнению, являются лишь удачей, посланной БОГОМ; он бережет название "ОТКРЫТИЕ" — я чуть было не сказал "творение" - для проявлений интеллекта. Инстинкт - источник страсти и энтузиазма; именно интеллект является причиной преступлений и добродетели.

Развивая свой интеллект, человек использует не только свои собственные наблюдения, но и наблюдения других людей. Он ведет отчет о своем опыте и сохраняет летопись, так что раса, так же как и отдельный человек, становится все более и более разумной. Животные не передают свои знания; то, что накапливает каждый индивид, умирает вместе с ним.

Таким образом, недостаточно сказать, что мы отличаемся от животных рефлексией, если только мы не подразумеваем под этим ПОСТОЯННУЮ ТЕНДЕНЦИЮ НАШЕГО ИНСТИНКТА СТАНОВИТЬСЯ РАЗУМОМ. Пока человеком управляет инстинкт, он не осознает своих действий. Он никогда бы не обманывал себя и никогда не был бы обеспокоен ошибками, злом и беспорядком, если бы, подобно животным, инстинкт был его единственным проводником. Но Творец наделил нас рефлексией для того, чтобы наш инстинкт мог стать разумом; и поскольку это рефлексия и возникающее в результате знание проходят различные стадии, случается, что вначале рефлексия противостоит нашему инстинкту, а не направляется им. следовательно, наша сила мысли заставляет нас действовать вопреки нашей природе и нашей цели; что, обманывая самих себя, мы совершаем зло и страдаем от него, пока инстинкт, указывающий нам на добро, и рефлексия, которая заставляет нас наткнуться на зло, не заменяются наукой о добре и зле, которая неизменно заставляет нас искать одно и избегать другого.

Таким образом, зло - или ошибка и ее последствия — является первенцем союза двух противоположных способностей, инстинкта и размышления; добро, или истина, неизбежно должно быть вторым ребенком. Или, если снова воспользоваться этой фигурой, зло является продуктом кровосмешения между враждебными силами; добро рано или поздно станет законным порождением их святого и таинственного союза.

Свойство, порожденное способностью рассуждать, скрывается за сравнениями. Но точно так же, как рефлексия и разум следуют за спонтанностью, наблюдение - за ощущением, а опыт - за инстинктом, так и собственность следует за коммунизмом. Коммунизм — или ассоциация в простой форме — является необходимой целью и изначальным стремлением социальной природы, спонтанным движением, посредством которого она проявляется и утверждается. Это первая фаза человеческой цивилизации. В этом состоянии общества, которое юристы называли НЕГАТИВНЫМ КОММУНИЗМОМ, человек приближается к человеку и делится с ним плодами поля, молоком и мясом животных. Мало—помалу этот коммунизм - негативный до тех пор, пока человек не производит, — имеет тенденцию становиться позитивным и органичным благодаря развитию труда и промышленности. Но именно тогда суверенитет мысли и ужасающая способность рассуждать логически или нелогично учат человека тому, что, если равенство является непереносимым условием общества, коммунизм - это первый вид рабства. Чтобы выразить эту идею гегелевской формулой, я скажу:

Коммунизм - первое выражение социальной природы — является первым термином общественного развития, — ТЕЗИС; собственность, обратная коммунизму, является вторым термином, — АНТИТЕЗИС. Когда мы обнаружим третий член, СИНТЕЗ, мы получим требуемое решение. Теперь этот синтез обязательно является результатом исправления тезиса антитезисом. Поэтому необходимо путем окончательного изучения их характеристик устранить те черты, которые враждебны общительности. Объединение двух остатков даст нам истинную форму человеческого общения.

% 2. Характеристики коммунизма и собственности.

I. Я не должен скрывать тот факт, что собственность и коммунизм всегда считались единственно возможными формами общества. Этой прискорбной ошибкой была жизнь собственности. Недостатки коммунизма настолько очевидны, что его критикам никогда не требовалось много красноречия, чтобы вызвать у людей полное отвращение к нему. Непоправимость несправедливости, которую он вызывает, насилие, которое он наносит привлекательности и отталкиванию, железное ярмо, которому он налагает на волю, моральная пытка, которой он подвергает совесть, изнуряющее воздействие, которое он оказывает на общество; и, подводя итог всему этому, благочестивое и глупое единообразие, которое он навязывает свободной, активной, рассуждающей, непокорной личности человека, потрясли здравый смысл и осудили коммунизм бесповоротным декретом.

Авторитетные источники и примеры, приведенные в его пользу, опровергают это. Коммунистическая республика Платона предполагала рабство; республика Ликурга нанимала илотов, чьей обязанностью было производить продукцию для своих хозяев, что позволяло последним посвящать себя исключительно атлетическим видам спорта и войне. Даже Ж. Ж. Руссо, смешивающий коммунизм и равенство, где—то сказал, что без рабства, по его мнению, равенство условий невозможно. Общины ранней Церкви просуществовали не первое столетие и вскоре выродились в монастыри. Все путешественники говорят, что в монастырях

парагвайских иезуитов положение чернокожих такое же жалкое, как положение рабов; и это факт, что добрые Отцы были вынуждены окружить себя рвами и стенами, чтобы не дать своим новообращенным сбежать. Последователи Бабефа, руководимые возвышенным ужасом перед собственностью, а не какой—либо определенной верой, были разорены преувеличением своих принципов; сен-симонианцы, сваливавшие в одну кучу коммунизм и неравенство, ушли, как на маскараде. Величайшая опасность, которой сегодня подвергается общество, - это еще одно кораблекрушение на этой скале.

Как ни странно, систематический коммунизм — преднамеренное отрицание собственности — зарождается под прямым влиянием собственнического предрассудка; а собственность является основой всех коммунистических теорий.

Члены сообщества, это правда, не имеют частной собственности; но сообщество является собственником, причем собственником не только товаров, но и людей и их воли. Вследствие этого принципа абсолютной собственности труд, который должен был бы быть всего лишь условием, налагаемым на человека Природой, становится во всех сообществах человеческой заповедью и, следовательно, отвратительным. Пассивное повиновение, несовместимое с рефлексирующей волей, строго соблюдается. Верность правилам, которые всегда несовершенны, какими бы мудрыми они ни казались, не допускает претензий. Жизнь, талант и все человеческие способности являются собственностью государства, которое имеет право использовать их по своему усмотрению для общего блага. Частные ассоциации строго запрещены, несмотря на симпатии и антипатии различных натур, потому что терпеть их означало бы вводить маленькие сообщества внутри большого и, следовательно, частную собственность; сильная работа для слабых, хотя это должно быть предоставлено благожелательности, а не принуждению, совету или предписанию; трудолюбивая работа для ленивых, хотя это несправедливо; умная работа для глупых, хотя это абсурдно; и, наконец, человек, отбрасывая свою личность, свою спонтанность, свой гений и свои привязанности, смиренно уничтожает себя. сам у ног величественной и непреклонной Коммуны!

Коммунизм - это неравенство, но не такое, каким является собственность. Собственность - это эксплуатация слабых сильными. Коммунизм - это эксплуатация сильных слабыми. В собственности неравенство условий является результатом силы, под каким бы названием она ни скрывалась: физической и умственной силы; силы событий, случая, фортуны; силы накопленной собственности и т. Д. При коммунизме неравенство возникает из-за того, что посредственность ставится на один уровень с совершенством. Это разрушительное уравнение противно совести и заставляет мерить жаловаться; ибо, хотя долг сильных - помогать слабым, они предпочитают делать это из великодушия — они никогда не потерпят сравнения. Предоставьте им равные возможности в труде и равную заработную плату, но никогда не позволяйте пробуждать в них ревность из-за взаимного подозрения в неверности при выполнении общей задачи.

Коммунизм - это угнетение и рабство. Человек очень хочет подчиняться закону долга, служить своей стране и делать одолжения своим друзьям; но он хочет трудиться, когда ему заблагорассудится, где ему заблагорассудится, и столько, сколько ему заблагорассудится. Он хочет распоряжаться своим собственным временем, руководствоваться только необходимостью, выбирать себе друзей, развлечения и дисциплину; действовать исходя из суждения, а не по приказу; жертвовать собой из эгоизма, а не из рабской повинности.

Коммунизм, по сути, противостоит свободному проявлению наших способностей, нашим самым благородным желаниям, нашим глубочайшим чувствам. Любой план, который можно было бы разработать для приведения его в соответствие с требованиями индивидуального разума и воли, привел бы только к изменению вещи при сохранении названия. Теперь, если мы честные искатели истины, мы будем избегать споров о словах.

Таким образом, коммунизм нарушает суверенитет совести и равенство: первое, ограничивая спонтанность ума и сердца, а также свободу мысли и действия; второе, ставя труд и лень, мастерство и глупость, и даже порок и добродетель в зависимость от равенства в плане комфорта. В остальном, если собственность невозможна из-за желания накапливать, коммунизм вскоре стал бы таковым из-за желания увиливать.

II. Собственность, в свою очередь, нарушает равенство правами исключения и приумножения, а свободу - деспотизмом. Поскольку первое действие собственности было достаточно развито в последних трех главах, я ограничусь здесь установлением путем окончательного сравнения его совершенной идентичности с грабежом.

Латинскими словами, обозначающими грабителя, являются *мех* и *латро*; первое взято из греческого {GREEK m }, от {GREEK m }, латинского *fero*, я уношу; последнее из {GREEK 'i }, я играю роль разбойника, которое происходит от {GREEK i }, латинского *lateo*, я скрываюсь. У греков также есть {ГРЕЧЕСКИЙ nsg }, от {ГРЕЧЕСКОГО nsg }, I *filch*, коренные согласные которого такие же, как и у {ГРЕЧЕСКОГО 'sg }, I *covering*, I сокрытие. Таким образом, в этих языках понятие грабителя означает человека, который прячет, уносит или отвлекает каким-либо образом вещь, которая ему не принадлежит.

Евреи выразили ту же идею словом *ганнаб*, — разбойник, — от глагола *ганаб*, что означает откладывать, отворачиваться: *ло ти-гноб* (*Десятисловие: Восьмая заповедь*), не кради, то есть не утаивай, ничего не откладывай для себя. Это поступок человека, который, вступая в общество, в которое он соглашается принести все, что у него есть, втайне оставляет себе часть, как это сделал знаменитый ученик Анания.

Этимология французского глагола *voler* еще более значима. *Voler*, или *честная игра в воль* (от латинского *vola*, "ладонь"), означает использовать все уловки в игре в омбре; так что *le voleur*, грабитель, - это капиталист, который забирает все, которому достается львиная доля. Вероятно, этот глагол *voler* возник из профессионального воровского сленга, откуда и вошел в обиход, а следовательно, и во фразеологию закона.

Грабеж совершается различными способами, которые были очень умно различены и классифицированы законодателями в соответствии с их отвратительностью или достоинствами, с тем чтобы одни грабители могли быть удостоены чести, в то время как другие понесли наказание.

Мы грабим, -1. Путем убийства на шоссе; 2. В одиночку или группой; 3. Путем проникновения в здания или карабканья по стенам; 4. Путем абстрагирования; 5. Путем мошеннического банкротства; 6. Путем подделки почерка государственных должностных лиц или частных лиц; 7. Путем изготовления фальшивых денег.

К этому виду относятся все грабители, которые занимаются своей профессией, не прибегая ни к какой другой помощи, кроме силы и открытого мошенничества. Бандиты, разбойники, пираты,

бродяги по суше и морю - этими именами прославлялись древние герои, которые считали свою профессию столь же благородной, сколь и прибыльной. Нимрод, Тесей, Ясон и его аргонавты; Иеффай, Давид, Какус, Ромул, Хлодвиг и все его потомки—Меровинги; Роберт Жискар, Танкред де Отевиль, Бозмонд и большинство нормандских героев - были разбойниками. Героический характер разбойника выражен в этой строке из Горация, относящейся к Ахиллу, —

"Jura neget sibi nata, nihil non arroget armis" [27](#)и в этой фразе из предсмертных слов Иакова (Быт. xlviii.), которые евреи применяют к Давиду, а христиане - к своему Христу: *Manus ejus contra omnes*. В наши дни грабителя — воина древних — преследуют с предельной яростью. Его профессия, выражаясь языком кодекса, влечет за собой позорные и телесные наказания, от тюремного заключения до эшафота. Печальное изменение мнений здесь, ниже!

Мы грабим,-8. Путем обмана; 9. мошенничеством; 10. Злоупотреблением доверием; 11. С помощью игр и лотерей.

Этот второй вид поощрялся законами Ликурга, чтобы оттачивать ум молодежи. Это тот тип, который практиковали Улисс, Солон и Синон; древние и современные евреи, от Иакова до Дейца; а также богемцы, арабы и все дикие племена. При Людовике XIII. и Людовике XIV. жульничество в игре не считалось бесчестным. Сделать это было частью игры, и многие достойные люди без колебаний исправляли каприз Фортуны ловким жонглерством. Даже сегодня, и во всех странах, среди крестьян, торговцев и лавочников считается признаком достоинства ЗНАТЬ, КАК ЗАКЛЮЧИТЬ ВЫГОДНУЮ СДЕЛКУ, то есть обмануть своего человека. Это настолько общепринято, что обманутая сторона не обижается. Известно, с какой неохотой наше правительство решилось на отмену лотерей. Оно чувствовало, что таким образом наносит удар по собственности. Карманник, черная нога и шарлатан особенно широко используют свою ловкость рук, тонкость ума, магическую силу своего красноречия и великую изобретательность. Иногда они предлагают приманку для алчности. Поэтому уголовный кодекс, который предпочитает интеллект мускульной силе, выделил из четырех вышеупомянутых разновидностей вторую категорию, подлежащую только исправительным, а не позорным наказаниям.

Пусть теперь они обвиняют закон в материализме и атеизме.

Мы грабим,-12. Путем ростовщичества.

Этот вид грабежа, столь одиозный и столь сурово караемый с момента опубликования Евангелия, является связующим звеном между запрещенным и разрешенным грабежом. Из-за своей двусмысленной природы она породила множество противоречий в законах и морали — противоречий, которые были очень ловко использованы юристами, финансистами и торговцами. Так, ростовщик, предоставляющий ссуду под десять, двенадцать и пятнадцать процентов, при разоблачении подвергается крупному штрафу; в то время как банкир, получающий такие же проценты (правда, не за ссуду, а путем обмена или дисконтирования, то есть продажи), защищен королевской привилегией. Но различие между банкиром и ростовщиком носит чисто номинальный характер. Подобно ростовщику, который дает займы под залог имущества, реального или движимого, банкир дает займы под деловые бумаги; подобно ростовщику, он берет свои проценты авансом; подобно ростовщику, он может взыскать с заемщика, если имущество будет уничтожено (то есть если вексель не будет

погашен), — обстоятельство, которое делает его ростовщиком, а не продавцом денег. Но банкир предоставляет ссуду только на короткий срок, в то время как ссуда ростовщика может быть рассчитана на один, два, три или более лет. Разница в сроке кредита или форме акта не меняет характера сделки. Что же касается капиталистов, которые вкладывают свои деньги либо в государственные, либо в коммерческие операции под три, четыре и пять процентов, то есть дают в долг под ростовщичество по несколько более низкой ставке, чем банкиры и ростовщичество, — они составляют цвет общества, сливки честности! Умеренность в разбое - верх добродетели! [28](#)

Но что же тогда такое ростовщичество? Нет ничего более забавного, чем видеть, как эти НАСТАВНИКИ НАРОДОВ колеблются между авторитетом Евангелия, о котором, по их словам, НИКОГДА НЕЛЬЗЯ ГОВОРИТЬ ВСУЕ, и авторитетом экономических демонстраций. Ничто, на мой взгляд, не делает Евангелию большей чести, чем это старое неверие его мнимых учителей. Салмасий, приравнявший процент к ренте, был ОПРОВЕРГНУТ Гроцием, Пуфендорфом, Бурламаки, Вольфом и Хейнексиусом; и, что еще более любопытно, Салмасий ПРИЗНАЛ СВОЮ ОШИБКУ. Вместо того чтобы вывести из этой доктрины Салмасия, что любое увеличение незаконно, и перейти прямо к демонстрации евангельского равенства, они пришли к прямо противоположному выводу; а именно, что, поскольку все признают, что рента допустима, если мы допустим, что процент не отличается от ренты, не остается ничего, что можно было бы назвать ростовщичеством, и, следовательно, что заповедь Иисуса Христа является ИЛЛЮЗИЕЙ и ничего не значит, что является нечестивым выводом.

Если бы эти мемуары появились во времена Боссюэ, этот великий богослов доказал БЫ с помощью Священного Писания, отцов церкви, традиций, соборов и пап, что собственность существует по Божественному праву, в то время как ростовщичество - изобретение дьявола; и еретический труд был бы сожжен, а автор заключен в тюрьму.

Мы грабим,-13. Арендуя фермы, дома и арендные договоры всех видов.

Автор "Писем из провинции" развлекал честных христиан семнадцатого века за счет Эскобара, иезуита, и контрактного Мохатры. "Контракт Мохатра", - сказал Эскобар, - "это контракт, по которому товары покупаются по высокой цене и в кредит, чтобы в тот же момент быть снова проданы тому же лицу за наличные и по более низкой цене". Эскобар нашел способ оправдать этот вид ростовщительства. Паскаль и все янсенисты смеялись над ним. Но что сказали бы сатирик Паскаль, ученая Николь и непобедимый Арно, если бы отец Антуан Эскобар де Вальядолид ответил им так: "Аренда - это договор, по которому недвижимость покупается по высокой цене и в кредит, чтобы по истечении определенного времени быть снова проданной тому же лицу по более низкой цене; только для упрощения сделки покупатель довольствуется оплатой разницы между первой продажей и второй. Либо отрицайте идентичность договора аренды и контрактной Мохатры, и тогда я уничтожу вас в одно мгновение; либо, если вы признаете сходство, признайте также обоснованность моей доктрины: в противном случае вы запрещаете и проценты, и арендную плату одним ударом"?

В ответ на этот неопровержимый аргумент иезуита отец Монтальте ударил бы в набат и прокричал бы, что общество в опасности, что иезуиты подрывают самые его основы.

Мы грабим,-14. Коммерцией, когда прибыль торговца превышает его законную зарплату.

Всем известно определение коммерции — ИСКУССТВО ПОКУПАТЬ ЗА ТРИ ФРАНКА ТО, ЧТО СТОИТ ШЕСТЬ, И ПРОДАВАТЬ ЗА ШЕСТЬ ТО, ЧТО СТОИТ ТРИ. Между торговлей, определяемой таким образом, и *американской*, единственная разница заключается в относительной доле обмениваемых ценностей, короче говоря, в размере прибыли.

Мы грабим,-15. Получая прибыль от нашего продукта, принимая синекуры и требуя непомерную заработную плату.

Фермер, который продает потребителю определенное количество зерна и который во время измерения засовывает руку в бушель и достает пригоршню зерен, грабит; профессор, чьи лекции оплачивает государство и который через посредство книготорговца продает их публике во второй раз, грабит; синекурист, который получает огромный продукт в обмен на свое тщеславие, грабит; чиновник, чернорабочий, кем бы он ни был, который производит только одно зерно и получает за это четыре, сто или тысячу, грабит; издатель этой книги и я, ее автор, — мы грабим, взимая за нее вдвое больше, чем она стоит.

вкратце:—

Справедливость, пройдя через состояние негативного коммунизма, названное древними поэтами ЗОЛОТЫМ веком, начинается как право сильнейшего. В обществе, которое пытается самоорганизоваться, неравенство способностей вызывает идею заслуг; *equite* предлагает план соразмерения не только уважения, но и материальных удобств с личными заслугами; и поскольку наивысшим и почти единственным признанным достоинством является физическая сила, сильнейший, например, ГРЕК, и, следовательно, лучший, например, ГРЕК, имеет право на наибольшую долю; и если ему в этом отказывают, он, вполне естественно, забирает ее силой. От этого до принятия права собственности на все вещи всего один шаг.

Такова была справедливость в героическую эпоху, сохранявшаяся, по крайней мере, традицией, у греков и римлян вплоть до последних дней их республик. Платон в "Горгии" вводит персонажа по имени Калликл, который пылко защищает право сильнейшего, которое Сократ, сторонник равенства, серьезно опровергает. О великом Помпее рассказывают, что он легко краснел, и, тем не менее, однажды с его губ сорвались такие слова: "Почему я должен уважать законы, когда у меня в руках оружие?" Это показывает, что он был человеком, в котором моральное чувство и честолюбие боролись за господство и который стремился оправдать свое насилие девизом героя и разбойника.

Из права сильнейшего проистекает эксплуатация человека человеком, или кабала; ростовщичество, или дань, взимаемая завоевателем с побежденных; и вся многочисленная система налогов, повинностей, монархических прерогатив, арендной платы за дома, фермы и т. Д.; Одним словом, собственность.

За силой последовала хитрость, второе проявление справедливости, которое вызывало отвращение у древних героев, которые, не преуспев в этом направлении, сильно проиграли из-за этого. По-прежнему применялась сила, но ментальная, а не физическая. Умение обмануть врага коварными предложениями казалось заслуживающим награды; тем не менее, сильные всегда гордились своей честностью. В те дни клятвы соблюдались и обещания выполнялись скорее по букве, чем по духу: *Uti lingua nuncupassit, ita jus esto*, — "Как сказал язык, так и должно быть правильно", - гласит закон Двенадцати Таблиц. Хитрость, или, скорее, вероломство, было главным элементом политики древнего Рима. Среди других примеров Вико приводит

следующий, также цитируемый Монтескье: Римляне гарантировали карфагенянам сохранение их имущества и их ГОРОДА, намеренно используя слово *civitas*, то есть общество, государство; карфагеняне, напротив, понимали под ним материальный город, урбс, и соответственно начали восстанавливать свои стены. Римляне немедленно напали на них из-за нарушения ими договора, которые, действуя в соответствии со старой героической идеей справедливости, не представляли себе, что, пользуясь двусмысленностью, чтобы заставить своих врагов врасплох, они вели несправедливую войну.

Из хитроумия возникли прибыли мануфактур, торговли и банковского дела, торговые махинации и претензии, которые почитаются прекрасными именами ТАЛАНТА и ГЕНИАЛЬНОСТИ, но которые следует рассматривать как последнюю степень плутовства и обмана; и, наконец, всевозможное социальное неравенство.

В тех формах грабежа, которые запрещены законом, сила и хитрость применяются сами по себе и неприкрыто; в разрешенных формах они скрываются в полезном продукте, который они используют как инструмент для грабежа своей жертвы.

Прямое применение насилия и хитрости было рано и повсеместно осуждено; но ни одна нация до сих пор не избавилась от такого рода грабежа, который осуществляется талантом, трудом и собственностью и который является источником всех дилемм казуистики и бесчисленных противоречий юриспруденции.

Право силы и право хитрости, воспетые рапсодами в поэмах "Илиада" и "Одиссея", вдохновили законодательство греков и римлян, из которого они перешли в нашу мораль и кодексы. Христианство нисколько не изменилось. Евангелие не следует порицать, потому что священники, такие же глупые, как законники, не смогли ни изложить, ни понять его. Невежество соборов и пап во всех вопросах морали равно невежеству рыночной площади и менял; и именно это полное невежество в вопросах права, справедливости и общества убивает Церковь и навсегда дискредитирует ее учение. Неверность Римской церкви и других христианских церквей вопиющая; все они пренебрегли заповедью Иисуса; все допустили ошибки в моральных и доктринальных вопросах; все виновны в преподавании ложных и абсурдных догм, которые ведут прямо к нечестию и убийству. Пусть она попросит прощения у Бога и людей, эта церковь, которая называла себя непогрешимой и которая настолько развратилась в нравственности; пусть ее реформированные сестры смиряются ... и люди, не обманутые, но все еще религиозные и милосердные, начнут думать. 29

Одной из главных причин сегодняшней бедности Ирландии являются огромные доходы английского духовенства. Так что еретики и ортодоксы — протестанты и паписты — не могут упрекать друг друга. Все сбились с пути справедливости; все ослушались восьмой заповеди Десятисловия: "Не укради".

Развитие права в его различных проявлениях происходило в том же порядке, что и развитие собственности в ее формах. Повсюду мы видим, как правосудие вытесняет грабеж и ограничивает его все более и более узкими рамками. До сих пор победы справедливости над несправедливостью и равенства над неравенством одерживались инстинктом и простой силой вещей; но окончательный триумф нашей социальной природы будет обязан нашему разуму, иначе мы снова скатимся в феодальный хаос. Либо эта великолепная высота предназначена для нашего интеллекта, либо эта жалкая глубина - для нашей низости.

Вторым следствием собственности является деспотизм. Теперь, поскольку деспотизм неразрывно связан с идеей законной власти, при объяснении естественных причин первой проявится принцип второй.

Какой должна быть форма правления в будущем? послушайте, как некоторые из моих юных читателей отвечают: "Почему, как вы можете задавать такой вопрос?

- Вы республиканец. - Республиканец! Да, но это слово ничего не объясняет. *Res publica*; то есть публичное дело. Теперь любой, кто интересуется общественными делами — независимо от того, при какой форме правления — может называть себя республиканцем. Республиканцами являются даже короли". —

"Ну что! вы демократ?" — "Нет". — "Что? у вас была бы монархия". — "Нет". — "Конституционалист?" — "Боже упаси!" — "Значит, вы аристократ?" — "Вовсе нет". — "Вы хотите смешанного правления?" — "Еще меньше". — "Тогда кто вы?" — "Я анархист".

"О! Я понимаю вас; вы говорите сатирически. Это удар по правительству". — "Ни в коем случае. Я только что изложил вам свое серьезное и взвешенное исповедание веры. Хотя я и твердый друг порядка, я (в полном смысле этого слова) анархист. Послушай меня.

У всех видов общительных животных "слабость молодых заключается в принципе их повиновения старикам", которые сильны; и по привычке, которая у них является чем-то вроде совести, сила остается за старейшим, хотя в конце концов он становится самым слабым.

Всякий раз, когда общество находится под контролем вождя, этот вождь почти всегда является старейшим в отряде. Я говорю "почти всегда", потому что установленный порядок может быть нарушен вспышками насилия. Затем власть переходит к другому; и, будучи восстановлена силой, она снова поддерживается привычкой. Дикие лошади ходят стадами: у них есть вождь, который идет во главе, за которым они уверенно следуют и который подает сигнал к бегству или битве.

"Овца, которую мы вырастили, следует за нами, но она следует вместе со стадом, среди которого родилась. Она считает человека ГЛАВОЙ СВОЕГО СТАДА.... Домашние животные рассматривают человека как члена своего общества. Все, что ему нужно сделать, это добиться того, чтобы они приняли его в качестве партнера: вскоре он становится их вождем благодаря своему превосходному интеллекту. Таким образом, он не меняет ЕСТЕСТВЕННОГО СОСТОЯНИЯ этих животных, как сказал Буффон. Напротив, он использует это естественное состояние в своих интересах; другими словами, он находит ОБЩИТЕЛЬНЫХ животных и делает их ДОМАШНИМИ, становясь их компаньоном и вожаком. Таким образом, ОДОМАШНЕННОСТЬ животных - это лишь особое условие, простая модификация, окончательное следствие их ОБЩИТЕЛЬНОСТИ. Все домашние животные по своей природе животные общительные"....—Флуранс: Краткое изложение наблюдений Ф. Кювье.

Общительные животные ИНСТИНКТИВНО следуют за своим вожаком; но обратите внимание на тот факт (о котором Ф. Кювье умолчал), что функция вожака целиком связана с ИНТЕЛЛЕКТОМ. Вождь не учит других объединяться под его руководством, воспроизводить себе подобных, обращаться в бегство или защищаться. Относительно каждой из этих деталей его подчиненные осведомлены так же хорошо, как и он сам. Но именно вождь своим накопленным опытом предохраняет от несчастных случаев; именно его личный разум дополняет в трудных ситуациях

общий инстинкт; именно он обдумывает, решает и руководит; короче говоря, именно он с просвещенным благоразумием регулирует общественный распорядок ради величайшего блага для всех.

Человек (от природы общительное существо) естественным образом следует за вождем. Первоначально вождь - это отец, патриарх, старейшина; другими словами, хороший и мудрый человек, функции которого, следовательно, носят исключительно рефлексивный и интеллектуальный характер. Человеческая раса — как и все другие расы общительных животных — имеет свои инстинкты, свои врожденные способности, свои общие идеи и свои категории чувств и разума. Его вожди, законодатели или короли ничего не изобретали, ничего не предполагали, ничего не воображали. Они лишь направляли общество своим накопленным опытом, всегда, однако, в соответствии с мнениями и верованиями.

Те философы, которые (переноса в мораль и историю свои мрачные и фракционные прихоти) утверждают, что первоначально у человеческого рода не было ни вождей, ни королей, ничего не знают о природе человека. Королевская власть, причем абсолютная королевская власть, является — столь же истинно и даже более истинно, чем демократия, — примитивной формой правления. Понимая, что в самые отдаленные века короны и королевские звания носили герои, разбойники и странствующие рыцари, они смешивают эти две вещи — королевскую власть и деспотизм. Но королевская власть восходит к сотворению человека; она существовала в эпоху негативного коммунизма. Древний героизм (и порожденный им деспотизм) зародился только с первым проявлением идеи справедливости, то есть с господством силы. Как только при сравнении достоинств было решено, что сильнейший является лучшим, старейшему пришлось отказаться от своего положения, и королевская власть стала деспотичной.

Спонтанное, инстинктивное и, так сказать, физиологическое происхождение королевской власти изначально придает ей сверхчеловеческий характер. Народы связывали это с богами, от которых, по их словам, произошли первые цари. Это представление послужило источником божественных генеалогий царских семей, воплощений богов и мессианских басен. Из этого возникло учение о божественном праве, которое до сих пор отстаивают несколько исключительных личностей.

Сначала королевская власть была выборной, потому что — во времена, когда человек производил мало и ничем не владел — собственность была слишком слаба, чтобы установить принцип наследственности и обеспечить сыну трон его отца; но как только поля были расчищены и построены города, каждая функция, как и все остальное, была присвоена, и результатом стали наследственные королевские титулы и жречество. Принцип наследования применялся даже в самых обычных профессиях — обстоятельство, которое привело к классовым различиям, гордости положением и презрению простых людей, и которое подтверждает мое утверждение относительно принципа наследования по наследству, что это метод, предложенный Природой для заполнения вакансий в бизнесе и завершения незавершенных задач.

Время от времени честолюбие приводило к появлению узурпаторов или ТЕХ, кто ВЫТЕСНЯЛ королей; и, как следствие, одних называли королями по праву, или законными королями, а других - ТИРАНАМИ. Но мы не должны позволять этим именам вводить нас в заблуждение. Были отвратительные короли и вполне сносные тираны. Королевская власть всегда может быть хорошей, когда это единственно возможная форма правления; законной она никогда не бывает.

Ни наследственность, ни избрание, ни всеобщее избирательное право, ни превосходство суверена, ни освящение религии и времени не могут сделать королевскую власть легитимной. Какую бы форму это ни принимало — монархическую, олигархическую или демократическую, — королевская власть или правление человека человеком незаконны и абсурдны.

Человек, чтобы как можно скорее достичь наиболее полного удовлетворения своих потребностей, ищет ПРАВЛЕНИЯ. Вначале это правило является для него живым, видимым и осязаемым. Это его отец, его учитель, его король. Чем более невежественен человек, тем более он послушен и тем более абсолютна его уверенность в своем руководителе. Но поскольку подчиняться правилу — это закон природы человека, то есть обнаруживать его с помощью своих способностей к размышлению и разума, — человек рассуждает по приказу своих начальников. Итак, подобные рассуждения являются протестом против власти, началом неповиновения. В тот момент, когда человек исследует мотивы, которые управляют волей своего суверена, — в этот момент человек восстает. Если он повинуетя больше не потому, что король приказывает, а потому, что король демонстрирует мудрость своих приказов, можно сказать, что отныне он не признает никакой власти и что он стал своим собственным королем. Несчастен тот, кто осмелится командовать им и предложит в качестве своей власти только голос большинства; ибо рано или поздно меньшинство станет большинством, и этот неосторожный деспот будет свергнут, а все его законы отменены.

По мере того, как общество становится просвещенным, королевская власть ослабевает. Это факт, о котором свидетельствует вся история. При рождении наций люди размышляют и рассуждают напрасно. Без методов, без принципов, не зная, как использовать свой разум, они не могут судить о справедливости своих выводов. Тогда власть королей огромна, поскольку не было приобретено никаких знаний, которые могли бы ей противоречить. Но мало-помалу опыт вырабатывает привычки, которые развиваются в обычаи; затем обычаи формулируются в максимы, устанавливаются как принципы — короче говоря, превращаются в законы, которым должен подчиняться король, живой закон. Наступает время, когда обычаев и законов становится так много, что воля принца, так сказать, переплетается с волей общества; и что, принимая корону, он обязан поклясться, что будет править в соответствии с установленными обычаями; и что он всего лишь исполнительная власть общества, законы которого принимаются независимо от него.

До этого момента все делалось инстинктивно и, так сказать, бессознательно; но посмотрите, чем это движение должно закончиться.

Посредством самообучения и приобретения идей человек, наконец, приобретает представление о НАУКЕ, то есть о системе знаний, гармонирующей с реальностью вещей и выводимой из наблюдений. Он ищет науку или систему неодушевленных тел — систему органических тел, систему человеческого разума и систему вселенной: почему бы ему также не искать систему общества? Но, достигнув этой высоты, он понимает, что политическая истина, или наука о политике, существует совершенно независимо от воли суверенов, мнения большинства и народных верований, — что короли, министры, магистраты и нации как воли не имеют никакой связи с наукой и не заслуживают никакого рассмотрения. В то же время он понимает, что, если человек рождается общительным существом, власть его отца над ним прекращается в тот день, когда, сформировав свой ум и завершив образование, он становится товарищем своего отца; что его истинным вождем и королем является доказанная истина; что

политика - это наука, а не военная хитрость; и что функция законодателя сводится, в конечном счете, к методичному поиску истины.

Таким образом, в данном обществе власть человека над человеком обратно пропорциональна стадии интеллектуального развития, которой достигло это общество; и вероятная продолжительность этой власти может быть рассчитана исходя из более или менее общего стремления к истинному правительству, то есть к научному правительству. И точно так же, как право силы и право хитрости отступают перед неуклонным продвижением справедливости и в конце концов должны быть уничтожены равенством, так и суверенитет воли уступает суверенитету разума и в конце концов должен быть утрачен в научном социализме. Собственность и королевская власть разваливались на куски с тех пор, как возник мир. Как человек ищет справедливости в равенстве, так и общество ищет порядка в анархии.

АНАРХИЯ — отсутствие хозяина, суверена, [30](#)— такова форма правления, к которой мы приближаемся каждый день и которую наша привычка считать человека своим правителем, а его волю законом заставляет нас рассматривать как верх беспорядка и выражение хаоса. Рассказывают, что житель Парижа в семнадцатом веке, услышав, что в Венеции не было короля, добрый человек не мог оправиться от изумления и чуть не умер от смеха при одном упоминании о столь нелепой вещи. Так сильны наши предубеждения. Пока мы живы, нам нужен вождь или вожди; и в этот самый момент я держу в руках брошюру, автор которой — ревностный коммунист — мечтает, как второй Марат, о диктатуре. Самые продвинутые среди нас — это те, кто желает как можно большего количества суверенов, - их самое горячее желание - чтобы королевская семья состояла из Национальной гвардии. Несомненно, вскоре кто-нибудь, завидуя гражданскому ополчению, скажет: "Все здесь короли". Но когда он заговорит, я, в свою очередь, скажу: "Никто не является королем; мы, хотим мы того или нет, связаны". Каждый вопрос внутренней политики должен решаться ведомственной статистикой; каждый вопрос внешней политики - это дело международной статистики. Наука о государственном управлении по праву принадлежит одной из секций Академии наук, постоянным секретарем которой обязательно является премьер-министр; и, поскольку каждый гражданин может обратиться с мемуарами в Академию, каждый гражданин является законодателем. Но, поскольку ничье мнение не имеет никакой ценности, пока его истинность не доказана, никто не может заменить разум своей волей — никто не король.

Все вопросы законодательства и политики - это вопросы науки, а не мнения. Законодательная власть принадлежит только разуму, методически признанному и продемонстрированному. Приписывать какой бы то ни было власти право вето или санкции - это последняя степень тирании. Справедливость и законность - две вещи, столь же независимые от нашего одобрения, как математическая истина. Чтобы принуждать, их нужно только знать; чтобы быть известными, их нужно только рассматривать и изучать. Что же тогда такое нация, если она не суверен, если она не источник законодательной власти?

Нация стоит на страже закона, нация — это ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ. Каждый гражданин может утверждать: "Это верно, это справедливо", но его мнение не контролирует никого, кроме него самого. Чтобы истина, которую он провозглашает, могла стать законом, ее необходимо признать. Итак, что значит распознать закон? Это значит подтвердить математический или метафизический расчет; это значит повторить эксперимент, понаблюдать за явлением, установить факт. Только нация имеет право сказать: "Да будет это известно и предписано".

Я признаю, что это опровержение общепринятых идей и что я, по-видимому, пытаюсь произвести революцию в нашей политической системе; но я прошу читателя учесть, что, начав с парадокса, я должен, если я правильно рассуждаю, встречаться с парадоксами на каждом шагу и должен закончить парадоксами. В остальном я не вижу, каким образом свобода граждан была бы поставлена под угрозу, если бы они доверили в свои руки вместо пера законодателя меч закона. Исполнительная власть, должным образом принадлежащая волеизъявлению, не может быть передана слишком большому числу доверенных лиц. Это истинный суверенитет нации. 31

Собственник, грабитель, герой, суверен — ибо все эти титулы синонимичны — навязывает свою волю как закон и не терпит ни противоречий, ни контроля; то есть он претендует на роль законодательной и исполнительной власти одновременно. Соответственно, замена королевской воли научным и истинным законом достигается только путем ужасной борьбы; и эта постоянная замена является, после собственности, самым могущественным элементом в истории, самым плодовитым источником политических беспорядков. Примеров слишком много и они слишком поразительны, чтобы требовать перечисления.

Итак, собственность неизбежно порождает деспотизм — власть каприза, царство либидозных удовольствий. В этом настолько очевидна сущность собственности, что, чтобы убедиться в этом, нужно лишь вспомнить, что это такое, и понаблюдать за тем, что происходит вокруг него. Собственность - это право ИСПОЛЬЗОВАТЬ и ЗЛОУПОТРЕБЛЯТЬ. Итак, если правительство — это экономика, если его целью является производство и потребление, а также распределение труда и продуктов, то как возможно правительство, пока существует собственность? И если товары — это собственность, почему собственниками не должны быть короли, и короли-деспоты - короли пропорционально их *привилегиям*? И если каждый собственник является суверенным господином в сфере своей собственности, абсолютным королем во всех своих владениях, то как может правительство собственников быть чем-то иным, кроме хаоса и неразберихи?

% 3.Определение третьей формы общества. Заключение.

Тогда невозможно никакое правительство, никакая общественная экономика, никакая администрация, основанные на собственности.

Коммунизм стремится к РАВЕНСТВУ и ЗАКОНУ. Собственность, порожденная верховенством разума и чувством личной заслуги, желает превыше всего НЕЗАВИСИМОСТИ и СОРАЗМЕРНОСТИ.

Но коммунизм, ошибочно принимающий единообразие за закон, а уравнительность за равенство, становится тираническим и несправедливым. Собственность, благодаря своему деспотизму и посягательствам, вскоре оказывается деспотичной и антисоциальной.

Цели коммунизма и собственность хороши - их результаты плохи. И почему? Потому что оба являются исключительными, и каждый игнорирует два элемента общества. Коммунизм отвергает независимость и пропорциональность; собственность не удовлетворяет равенству и закону.

Теперь, если мы представим себе общество, основанное на этих четырех принципах — равенстве, законе, независимости и пропорциональности, — мы обнаружим:—

1. Это РАВЕНСТВО, состоящее только в РАВЕНСТВЕ УСЛОВИЙ, то есть СРЕДСТВ, а не в РАВЕНСТВЕ УДОБСТВ, — которого рабочие должны добиваться сами, когда они обеспечены равными средствами, — никоим образом не нарушает справедливости.

2. Этот ЗАКОН, вытекающий из знания фактов и, следовательно, основанный на самой необходимости, никогда не противоречит независимости.

3. Что индивидуальная НЕЗАВИСИМОСТЬ или автономия частного разума, берущая начало в различии талантов и способностей, может существовать без опасности в рамках закона.

4. Эта ПРОПОРЦИОНАЛЬНОСТЬ, допускаемая только в сфере интеллекта и чувств, а не в отношении материальных объектов, может соблюдаться без нарушения справедливости или социального равенства.

Эту третью форму общества, синтез коммунизма и собственности, мы назовем СВОБОДОЙ. 32

Определяя природу свободы, мы не объединяем коммунизм и собственность без разбора; такой процесс был бы абсурдной эклектикой. С помощью анализа мы ищем в каждом элементе те элементы, которые истинны и находятся в гармонии с законами природы и общества, полностью игнорируя остальное; и результат дает нам адекватное выражение естественной формы человеческого общества, одним словом, свободы.

Свобода - это равенство, потому что свобода существует только в обществе; а в отсутствие равенства нет и общества.

Свобода - это анархия, потому что она не признает власти воли, а только власть закона, то есть необходимости.

Свобода - это бесконечное разнообразие, потому что она уважает любую волю в рамках закона.

Свобода - это соразмерность, потому что она дает максимальную свободу стремлению к заслугам и соревнованию в славе.

Теперь мы можем сказать словами М. Кузена: "Наш принцип верен; он хорош, он социален; давайте не будем бояться доводить его до конца".

Социальная природа человека, становящаяся СПРАВЕДЛИВОЙ через размышление, РАВНОЙ через классификацию способностей и имеющей своей формулой СВОБОДУ, является истинной основой морали — принципом и регулятором всех наших действий. Это универсальный двигатель, который ищет философия, который усиливает религия, который вытесняет эгоизм и чье место чистый разум никогда не сможет заполнить. ДОЛГ и ПРАВО порождаются ПОТРЕБНОСТЬЮ, которая, когда рассматривается в связи с другими, является ПРАВОМ, а когда рассматривается в связи с нами самими, - ОБЯЗАННОСТЬЮ.

Нам нужно есть и спать. Это наше право - приобретать то, что необходимо для отдыха и питания. Наш долг - использовать их, когда этого требует Природа.

Нам нужно трудиться, чтобы жить. Делать это - наше право и наш долг.

Мы должны любить своих жен и детей. Наш долг - защищать и поддерживать их. Это наше право - быть любимыми больше, чем все остальные. Супружеская верность - это справедливость. Супружеская неверность - это государственная измена обществу.

Нам необходимо обменивать наши продукты на другие продукты. Наше право состоит в том, чтобы этот обмен был эквивалентным; и поскольку мы потребляем прежде, чем производим, нашим долгом было бы, если бы мы могли контролировать этот вопрос, позаботиться о том, чтобы наш последний продукт последовал за нашим последним потреблением. Самоубийство - это мошенническое банкротство.

Мы должны жить в соответствии с велениями нашего разума. Это наше право - сохранять нашу свободу. Наш долг - уважать мнение других.

Мы должны быть оценены нашими товарищами. Наш долг - заслужить их похвалу. Это наше право - быть оцененными по нашим работам.

Свобода не противоречит праву наследования. Она ограничивается предотвращением нарушений равенства. "Выбирайте, - говорит он нам, - между двумя наследиями, но не принимайте их оба". Все наше законодательство, касающееся передачи, последствий, усыновления и, если я осмелюсь употребить такое слово, СОВМЕСТНОГО ОБУЧЕНИЯ, требует пересмотра.

Свобода способствует соперничеству, а не уничтожает его. При социальном равенстве соперничество заключается в достижении результатов в одинаковых условиях; это само по себе награда. Никто не страдает от победы.

Свобода приветствует самопожертвование и отдает ему должное своими голосами, но она может обойтись без него. Одной справедливости достаточно для поддержания социального равновесия. Самопожертвование - это акт самосовершенствования. Однако счастлив тот человек, который может сказать: "Я жертвую собой". 33

Свобода - это, по сути, организующая сила. Чтобы обеспечить равенство между людьми и мир между нациями, сельское хозяйство и промышленность, а также центры образования, бизнеса и складирования должны быть распределены в соответствии с климатом и географическим положением страны, характером продуктов, характером и природными талантами жителей и т.д. В пропорциях настолько справедливых, настолько мудрых, настолько гармоничных, чтобы нигде никогда не было ни избытка, ни недостатка населения, потребления и продуктов. Так начинается наука о публичном и частном праве, истинная политическая экономия. Именно писатели по юриспруденции, отныне не смущенные ложным принципом собственности, должны описать новые законы и принести мир на землю. В знаниях и гениальности у них недостатка нет; теперь для них заложен фундамент. 34

Я выполнил свою задачу; собственность завоевана и больше никогда не возникнет. Где бы ни читали и ни обсуждали эту работу, там будет занесен зародыш смерти собственности; там рано или поздно привилегии и рабство исчезнут, и деспотизм воли уступит место господству разума. Какие софизмы, в самом деле, какие предрассудки (какими бы упрямыми они ни были) могут устоять перед простотой следующих положений:

I. Индивидуальное ВЛАДЕНИЕ [35](#) является условием общественной жизни; пять тысяч лет собственности демонстрируют это. СОБСТВЕННОСТЬ - самоубийство общества. Обладание - это право; собственность противоречит праву. Подавите собственность, сохраняя владение, и, благодаря этой простой модификации принципа, вы произведете революцию в законодательстве, правительстве, экономике и институтах; вы сместите зло с лица земли.

II. Все имеют равное право владения, владение варьируется в зависимости от количества владельцев; собственность не может утвердиться сама по себе.

III. Поскольку результат труда одинаков для всех, собственность теряется при всеобщем процветании.

IV. Поскольку весь человеческий труд является результатом коллективной силы, вся собственность становится, следовательно, коллективной и унитарной. Говоря точнее, труд разрушает собственность.

V. Поскольку всякая способность к труду, как и всякое орудие труда, является накопленным капиталом и коллективной собственностью, неравенство заработной платы и состояния (на основании неравенства способностей) является, следовательно, несправедливостью и грабежом.

VI. Необходимыми условиями торговли являются свобода договаривающихся сторон и эквивалентность обмениваемых товаров. Теперь, поскольку ценность выражается количеством времени и затрат, затрачиваемых на каждый продукт, а свобода неприкосновенна, заработная плата работников (как и их права и обязанности) должна быть равной.

VII. Продукты покупаются только продуктами. Теперь, когда условием любого обмена является эквивалентность продуктов, прибыль невозможна и несправедлива. Соблюдайте этот элементарный принцип экономии, и пауперизм, роскошь, угнетение, порок, преступность и голод исчезнут из нашей среды.

VIII. Люди объединяются в соответствии с физическими и математическими законами производства, прежде чем они добровольно объединяются по своему выбору. Следовательно, равенства условий требует справедливость, то есть строгий социальный закон: уважение, дружба, благодарность, восхищение - все это подпадает только под действие СПРАВЕДЛИВОГО или ПРОПОРЦИОНАЛЬНОГО закона.

IX. Свободная ассоциация, свобода, единственной функцией которой является поддержание равенства в средствах производства и эквивалентности в обменах, — это единственно возможная, единственно справедливая, единственно верная форма общества.

X. Политика - это наука о свободе. Управление человеком человеком (под каким бы именем это ни скрывалось) - это угнетение. Общество находит свое высшее совершенство в соединении порядка с анархией.

Старая цивилизация завершила свой бег; восходит новое солнце, которое вскоре обновит лик земли. Пусть погибнет нынешнее поколение, пусть старые уклончивцы умрут в пустыне! святая земля не покроет их кости. Молодой человек, раздраженный развращенностью века и поглощенный вашим рвением к справедливости!— если вам дорога ваша страна, и если вы принимаете близко к сердцу интересы человечества, наберитесь мужества поддержать дело

свободы! Отбросьте свой старый эгоизм и окунитесь в растущий поток всеобщего равенства! Там ваша возроденная душа обретет новую жизнь и силу; ваш ослабевший гений обретет непобедимую энергию; и ваше сердце, возможно, уже увядшее, будет омоложено! Каждая вещь приобретет иной облик в вашем просветленном видении; новые чувства породят в вас новые идеи; религия, мораль, поэзия, искусство, язык предстанут перед вами в более благородных и справедливых формах; и с этого момента, уверенные в своей вере и с глубоким энтузиазмом, вы будете приветствовать зарю всеобщего возрождения!

И вы, печальные жертвы отвратительного закона! — вы, кого насмешливый мир грабит и порочит! — вы, чей труд всегда был бесплодным, а покой безнадежным, — мужайтесь! ваши слезы сочтены! Отцы сеяли в горе, дети пожнут в радости!

О Бог свободы! Бог равенства! Ты, кто вложил в мое сердце чувство справедливости, прежде чем мой разум смог постичь это, услышь мою горячую молитву! Ты продиктовал все, что я написал; Ты сформировал мою мысль; Ты руководил моими исследованиями; Ты отучил мой разум от любопытства и мое сердце от привязанности, чтобы я мог обнародовать Твою истину господину и рабыне. Я говорил, с какой силой и талантом Ты дал мне: Тебе надлежит завершить работу. Ты знаешь, ищу ли я своего благополучия или Твоей славы, о Бог свободы! Ах! да сгинет память обо мне, и пусть человечество станет свободным! Позволь мне увидеть из моего мрака, что люди, наконец, получили наставления; пусть благородные учителя просветят их; пусть великодушный дух направит их! Сократите, если возможно, время нашего испытания; подавите гордыню и алчность равенством; уничтожьте эту любовь к славе, которая порабощает нас; научите этих бедных детей, что в лоне свободы нет ни героев, ни великих людей! Внуши могущественному человеку, богатому человеку, тому, чье имя мои уста никогда не произнесут в Твоем присутствии, ужас перед его преступлениями; пусть он первым подаст прошение о приеме в общество искупленных; пусть быстрота его раскаяния станет основанием для его прощения! Тогда великие и малые, мудрые и глупые, богатые и бедные объединятся в невыразимом братстве; и, распевая в унисон новый гимн, восстановят Твой алтарь, о Бог свободы и равенства!

КОНЕЦ ПЕРВЫХ МЕМУАРОВ.

ЧТО ТАКОЕ СОБСТВЕННОСТЬ? ВТОРЫЕ МЕМУАРЫ

ПИСЬМО мсье БЛАНКИ.

ВТОРЫЕ МЕМУАРЫ.

ПАРИЖ, 1 апреля 1841 года.

MONSIEUR,—

Прежде чем возобновить мои "Расследования о правительстве и собственности", уместно, ради удовлетворения некоторых достойных людей, а также в интересах порядка, дать вам простое объяснение. В хорошо управляемом государстве никому не было бы позволено нападать на внешнюю форму общества и основы его институтов, пока он не обосновал свое право на это — во-первых, своей моралью; во-вторых, своими способностями; и, в-третьих, чистотой своих намерений. Любой, кто, желая опубликовать трактат о конституции страны, не мог удовлетворить этому тройственному условию, был бы обязан заручиться поддержкой ответственного покровителя, обладающего необходимой квалификацией.

Но у нас, французов, есть свобода прессы. Это великое право - меч мысли, который возводит добродетельного гражданина в ранг законодателя и превращает злонамеренного гражданина в сеятеля раздора, — освобождает нас от всякой предварительной ответственности перед законом; но это не освобождает нас от нашей внутренней обязанности давать публичный отчет о наших чувствах и мыслях. Я воспользовался во всей полноте правом, которое предоставляет нам хартия, и в отношении важного вопроса. Я пришел сегодня, сэр, чтобы подчинить свою совесть вашему суду, а свою слабую проницательность - вашему проницательному разуму. Вы доброжелательно раскритиковали — я бы даже сказал, с пристрастием к автору — произведение, в котором излагается доктрина, которую вы сочли своим долгом осудить. "Академия моральных и политических наук, - сказали вы в своем докладе, - может принимать выводы автора только в той мере, в какой ей заблагорассудится". Я осмеливаюсь надеяться, сэр, что после того, как вы прочтете это письмо, если ваше благоразумие все еще сдерживает вас, ваша честность побудит вас воздать мне должное.

ЛЮДИ, РАВНЫЕ В СВОЕМ ЛИЧНОМ ДОСТОИНСТВЕ И РАВНЫЕ Перед ЗАКОНОМ, ДОЛЖНЫ БЫТЬ РАВНЫ В СВОИХ УСЛОВИЯХ, — таков тезис, который я отстаивал и развивал в мемуарах, озаглавленных "Что такое собственность? или Исследование Принципа Права и Правления".

Идея социального равенства, даже в отношении индивидуальных состояний, во все века, подобно смутному предчувствию, осаждала человеческое воображение. Поэты воспевали это в своих гимнах; философы мечтали об этом в своих Утопиях; священники учат этому, но только для духовного мира. Народ, управляемый им, никогда не верил в него; и гражданская власть никогда так не волновалась, как из-за басен о золотом веке и правлении Астреи. Однако год назад эта идея получила научное подтверждение, на которое до сих пор нет удовлетворительного ответа и, позвольте мне добавить, никогда не будет. Эта демонстрация, благодаря своему слегка страстному стилю, своему методу рассуждений, — который так расходился с тем, которым пользовались общепризнанные авторитеты, — и важности и новизне своих выводов, по своей природе вызвала некоторую тревогу; и могла бы быть опасной, если бы это не было — как вы, сэр, так хорошо сказали — запечатанным письмом, поскольку это касалось широкой публики, адресованным только людям разумным. Я был рад видеть, что сквозь метафизическую оболочку вы распознали мудрое предвидение автора; и я благодарю вас за это. Дай Бог, чтобы мои намерения, которые носят исключительно мирный характер, никогда не были обвинены в государственной измене!

Подобно камню, брошенному в клубок змей, Первые мемуары о собственности вызвали сильную враждебность и разожгли страсти многих. Но, в то время как некоторые желали публичного осуждения автора и его работ, другие находили в них просто решение фундаментальных проблем общества; некоторые даже основывали злонамеренные спекуляции на новом свете, который они получили. Не следовало ожидать, что система индукций, абстрактно собранная вместе и еще более абстрактно выраженная, будет понята с одинаковой точностью в ее совокупности и в каждой из ее частей.

Найти закон равенства уже не в благотворительности и самопожертвовании (которые по своей природе необязательны), а в справедливости; основать равенство функций на равенстве людей; определить абсолютный принцип обмена; нейтрализовать неравенство индивидуальных способностей коллективной силой; установить равенство между собственностью и грабежом; изменить закон наследования, не разрушая самого принципа; сохранить человеческую личность в системе абсолютной ассоциации и спасти свободу от цепей коммунизма; синтезировать монархическую и демократическую формы правления; отменить разделение властей; создать передать исполнительную власть нации и превратить законодательство в позитивную, фиксированную и абсолютную науку - какой ряд парадоксов! какая цепочка заблуждений! если не позволите, какая цепочка истин! Но в мои намерения здесь не входит излагать теорию права владения. Я не обсуждаю догмы. Моя единственная цель - обосновать свои взгляды и показать, что, написав то, что я сделал, я не только воспользовался правом, но и выполнил долг.

Да, я нападаю на собственность и буду нападать на нее снова; но, сэр, прежде чем требовать, чтобы я воздал должное аменде за то, что послушался своей совести и сказал чистую правду, прошу вас, снизойдите до того, чтобы бросить взгляд на события, которые происходят вокруг нас; посмотрите на наших депутатов, наших магистратов, наших философов, наших министров, наших профессоров и наших публицистов; изучите их методы решения вопроса собственности; подсчитайте вместе со мной ограничения, налагаемые на нее каждый день во имя общественного блага; измерьте уже допущенные нарушения; оцените те, которые мы применяем. который общество думает создать в будущем; добавьте идеи о собственности, общие для всех теорий; опросите историю, а затем скажите мне, что останется через полвека от этого старого права собственности; и, таким образом, поняв, что у меня так много сообщников, вы немедленно объявите меня невиновным.

Что такое закон об экспроприации на основании общественной полезности, который все одобряют и который даже считается слишком мягким? [36](#)

Вопиющее нарушение права собственности. Говорят, общество возмещает ущерб обездоленному собственнику; но возвращает ли оно ему традиционные ассоциации, поэтическое очарование и семейную гордость, которые сопровождают собственность? Навуфей и мельник из Сан-Суси запротестовали бы против французского закона, как они протестовали против каприза своих королей. "Это поле наших отцов, - воскликнули бы они, - и мы не продадим его!" У древних отказ личности ограничивал полномочия государства. Римский закон склонился перед волей гражданина, и император — Коммод, если я правильно помню, — отказался от проекта расширения форума из уважения к правам жителей, которые отказались отречься от престола. Собственность — это реальное право, *jus in re*, - право, присущее вещи и принцип которого заключается во внешнем проявлении воли человека. Человек оставляет свой

отпечаток, клеймо своего характера на предметах своего творчества. Эта пластическая сила человека, как говорят современные юристы, является печатью, которая, накладываясь на материю, делает ее священной. Тот, кто прибирает его к рукам против воли владельца, совершает насилие над личностью последнего. И все же, когда административный комитет счел нужным заявить, что этого требует общественная польза, собственность должна была уступить место общей воле. Вскоре во имя общественной пользы будут предписаны методы возделывания и условия пользования; будут назначены инспекторы сельского хозяйства и мануфактур; собственность будет изъята из неумелых рук и передана рабочим, которые этого больше заслуживают; и будет установлено общее руководство производством. Не прошло и двух лет с тех пор, как я видел, как собственник уничтожал лес площадью более пятисот акров. Если бы вмешались коммунальные службы, этот лес — единственный на многие мили вокруг — стоял бы до сих пор.

Но, как утверждается, экспроприация на основании общественной полезности является лишь исключением, которое подтверждает принцип и свидетельствует в пользу права. Очень хорошо; но от этого исключения мы перейдем к другому, от того к третьему и так далее, от исключения к исключению, пока не сведем правило к чистой абстракции.

Как вы думаете, сэр, сколько сторонников может быть у проекта преобразования государственных средств? Осмелюсь сказать, что все поддерживают его, за исключением владельцев средств. Так вот, это так называемое преобразование представляет собой обширную экспроприацию, и в данном случае без какой-либо компенсации. Государственные фонды представляют собой такую недвижимость, на доход от которой собственник рассчитывает в полной безопасности и которая обязана своей стоимостью молчаливому обещанию правительства выплачивать проценты по ней по установленной ставке до тех пор, пока владелец фонда не обратится с просьбой о выкупе. Ибо, если доход подвержен уменьшению, он менее выгоден, чем арендная плата за дом или ферму, ставки которой могут повышаться или понижаться в зависимости от колебаний рынка; и в таком случае, какой стимул у капиталиста вкладывать свои деньги в государство? Когда, таким образом, вы заставляете владельца фонда смириться с уменьшением процентов, вы делаете его банкротом в той мере, в какой это уменьшение происходит; и поскольку в результате преобразования столь же прибыльное вложение становится невозможным, вы обесцениваете его собственность.

Чтобы такая мера могла быть применена справедливо, она должна быть всеобщей; то есть закон, который предусматривает ее, должен также предписать, чтобы проценты на суммы, предоставленные на депозит или по ипотеке по всей территории королевства, а также арендная плата за дома и фермы были снижены до трех процентов. Такое одновременное сокращение всех видов доходов было бы осуществить ничуть не труднее, чем предлагаемое преобразование; и, кроме того, оно дало бы то преимущество, что одним ударом устранило бы все возражения против него, в то же время обеспечив справедливую оценку земельного налога. Смотрите! Если в момент конвертации объект недвижимости приносит доход в тысячу франков, то после вступления в силу нового закона он будет приносить только шестьсот франков. Теперь, допуская, что налог составляет аликвотную часть — например, одну четвертую — дохода, получаемого от каждого объекта собственности, с одной стороны, ясно, что собственник не стал бы, чтобы уменьшить свою долю налога, недооценивать стоимость своей собственности; поскольку арендная плата за дом и ферму определяется стоимостью капитала, а последний измеряется налогом, обесценивать свою недвижимость означало бы уменьшать свой доход. С

другой стороны, столь же очевидно, что те же самые собственники не могли переоценить стоимость своей собственности, чтобы увеличить свои доходы сверх пределов закона, поскольку арендаторы и фермеры, имея на руках старые договоры аренды, вышли бы на протест.

Таков, сэр, рано или поздно должен быть результат преобразования, которого так долго требовали; в противном случае финансовая операция, о которой мы говорим, была бы вопиющей несправедливостью, если бы не задумывалась как ступенька. Этот последний мотив кажется наиболее правдоподобным; ибо, несмотря на крики заинтересованных сторон и вопиющее нарушение определенных прав, общественное сознание обязано исполнить свое желание, и обвинение в посягательстве на собственность затрагивает его не больше, чем выслушивание жалоб держателей облигаций. В данном случае инстинктивная справедливость противоречит юридической справедливости.

Кто не слышал о неразберихе, в которую была повергнута Палата депутатов в прошлом году при обсуждении вопроса о колониальном и местном сахаре? Оставили ли они эти две отрасли промышленности самим себе? Местный производитель был разорен колонистом. Чтобы сохранить свеклу, тростник пришлось обложить налогом. Чтобы защитить собственность одного, стало необходимым нарушать собственность другого. Самой примечательной чертой этого бизнеса было как раз то, на что обращалось меньше всего внимания, а именно то, что так или иначе должна была быть нарушена собственность. Ввели ли они для каждой отрасли пропорциональный налог, чтобы сохранить баланс на рынке? Они установили максимальную ЦЕНУ на каждый сорт сахара; и, поскольку эта максимальная ЦЕНА не была одинаковой, они нападали на собственность двумя способами: с одной стороны, вмешиваясь в свободу торговли; с другой, пренебрегая равенством собственников. Подавили ли они производство свеклы, выплатив производителю компенсацию? Они пожертвовали имуществом налогоплательщика. Наконец, предпочитали ли они выращивать два сорта сахара за счет государства, точно так же, как выращиваются разные сорта табака? Они отменили, насколько это касалось сахарной промышленности, право собственности. Последний путь, будучи наиболее социальным, был бы, несомненно, наилучшим; но если собственность является необходимой основой цивилизации, то как объяснить этот глубоко укоренившийся антагонизм?

37

Не удовлетворенные властью лишать гражданина собственности на основании общественной полезности, они хотят также лишить его собственности на основании ЧАСТНОЙ ПОЛЕЗНОСТИ. Долгое время требовался пересмотр закона об ипотеке; требовался процесс в интересах всех видов кредитования и даже самих должников, который сделал бы экспроприацию недвижимости такой же быстрой, легкой и эффективной, как та, которая следует за коммерческим протестом. Палата депутатов в начале этого, 1841 года, обсудила этот проект, и закон был принят почти единогласно. По-видимому, нет ничего более справедливого, ничего более разумного, ничего более философского, чем мотивы, приведшие к этой реформе.

1. Раньше мелкий собственник, чье обязательство достигло срока погашения и который обнаружил, что не в состоянии его выполнить, должен был использовать все, что у него осталось после освобождения от долга, для покрытия судебных издержек. Отныне оперативность экспроприации спасет его от полного разорения. 2. Трудности на пути выплаты кредитов задерживали и препятствовали использованию капитала в сельскохозяйственных

предприятиях. Этой причины недоверия больше не существует, капиталисты найдут новые рынки сбыта, сельское хозяйство будет быстро развиваться, и фермеры первыми воспользуются преимуществами нового закона. 3. Наконец, было несправедливо и абсурдно, что из-за протестующей ноты бедный фабрикант в течение двадцати четырех часов стал свидетелем ареста своего предприятия, приостановления работы, ареста товаров, продажи оборудования с аукциона и, наконец, того, что его самого отправили в тюрьму, в то время как иногда требовалось два года, чтобы экспроприировать самый жалкий объект недвижимости.

Эти аргументы и другие, помимо них, вы четко изложили, сэр, в своих первых лекциях этого учебного года.

Но, приводя эти превосходные аргументы, спрашивали ли вы себя, сэр, к чему приведет такая трансформация нашей системы ипотечных кредитов?... Монетизировать, если можно так выразиться, земельную собственность; накапливать ее в портфелях; отделить рабочего от земли, человека от Природы; сделать его скитальцем по лицу земли; искоренить в его сердце всякий след семейных чувств, национальной гордости и любви к родине; изолировать его все больше и больше; сделать его равнодушным ко всему окружающему; сосредоточить его любовь на одном объекте — деньгах; и, наконец, путем нечестной практики ростовщичества монополизировать землю в интересах финансовой аристократии — достойного помощника в этом деле. промышленная феодальность, пагубное влияние которой мы начинаем так горько ощущать. Таким образом, мало-помалу было бы осуществлено подчинение рабочего бездельнику, восстановление упраздненных каст и различие между патрициями и плебеями; таким образом, благодаря новым привилегиям, предоставленным собственности капиталистов, собственность мелких и средних собственников постепенно исчезла бы, а вместе с ней и весь класс свободных и честных работников. Это, конечно, не входит в мои планы по отмене собственности. Далекий от мобилизации почвы, я бы, если возможно, обездвигил даже функции чистого разума, чтобы общество стало воплощением намерений Природы, которая дала нам наше первое достояние - землю. Ибо, если орудие или капитал производства является отличительной чертой работника, это также его пьедестал, его опора, его страна и, как говорит Псалмопевец, МЕСТО ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЕГО ОТДЫХА. 38

Давайте еще внимательнее рассмотрим неизбежный и приближающийся результат последнего закона о судебных продажах и залогах. При системе конкуренции, которая убивает нас и необходимым выражением которой является грабительское и тираническое правительство, фермер всегда будет нуждаться в капитале, чтобы возместить свои убытки, и будет вынужден брать займы. Всегда зависящий от будущего в вопросе выплаты своих долгов, он будет обманут в своей надежде и удивлен зрелостью. Ибо что может быть более быстрым, более неожиданным, более сокращающим пространство и время, чем срок исполнения обязательства? Я обращаюсь с этим вопросом ко всем, кого преследует эта безжалостная Немезида и даже беспокоит в их снах. Теперь, согласно новому закону, экспроприация должника будет производиться в сто раз быстрее; тогда также грабеж будет в сто раз надежнее, и свободный рабочий в сто раз быстрее перейдет из своего нынешнего состояния в состояние крепостного, прикрепленного к земле. Раньше срок, необходимый для осуществления ареста, обуздывал алчность ростовщика, давал заемщику возможность восстановиться и приводил к заключению сделки между ним и его кредитором, которая в конечном итоге могла привести к полному освобождению. Теперь приговор должнику не подлежит отмене: у него есть всего несколько дней отсрочки.

И какие преимущества сулит этот закон в качестве компенсации этому дамоклову мечу, висящему на волоске над головой несчастного земледельца? Говорят, что расходы на арест будут намного меньше; но будут ли проценты на заемный капитал менее непомерными? Ибо, в конце концов, именно проценты разоряют крестьянина и ведут к его экспроприации. Чтобы закон соответствовал своему принципу, чтобы он мог быть действительно вдохновлен тем духом справедливости, за который его восхваляют, он должен — одновременно способствуя экспроприации — снизить законную цену денег. В противном случае реформа, касающаяся ипотеки, является всего лишь ловушкой, расставленной для мелких собственников, — законодательной уловкой.

Снизить проценты на деньги! Но, как мы только что убедились, это означает ограничить собственность. Здесь, сэр, вы должны сами выступить в свою защиту. Не раз в ваших ученых лекциях я слышал, как вы выражали сожаление по поводу поспешности Палат, которые без предварительной подготовки и глубоких знаний предмета почти единогласно проголосовали за сохранение устава и привилегий Банка. Итак, эти привилегии, эти законы, это голосование Палат означают просто следующее— рыночная цена звонкой монеты, составляющая пять или шесть процентов, не слишком высока и что условия обмена, дисконтирования и обращения, которые обычно удваивают этот процент, не являются слишком суровыми. Так думает правительство. Мсье Бланки — профессор политической экономии, оплачиваемый государством, — утверждает обратное и делает вид, что убедительными аргументами доказывает необходимость реформы. Кто же тогда лучше понимает интересы собственности — государство или г-н Бланки?

Если бы наличные деньги можно было брать займы по вдвое меньшей ставке, чем сейчас, доходы от всех видов собственности вскоре также сократились бы наполовину. Например, когда построить дом обходится дешевле, чем нанять его, когда расчистить поле дешевле, чем приобрести уже расчищенное, конкуренция неизбежно приводит к снижению арендной платы за дом и ферму, поскольку самый надежный способ обесценить активный капитал - это увеличить его количество. Но закон политической экономии гласит, что увеличение производства увеличивает массу наличного капитала, следовательно, ведет к повышению заработной платы и, в конечном счете, к уничтожению процента. Тогда собственники заинтересованы в сохранении устава и привилегий Банка; тогда реформа в этом вопросе поставила бы под угрозу право на увеличение; тогда пэры и депутаты лучше информированы, чем профессор Бланки.

Но те же самые депутаты, которые так ревностно относятся к своим привилегиям всякий раз, когда уравнилительный эффект реформы оказывается в пределах их интеллектуального горизонта, — что они делали за несколько дней до принятия закона о судебных продажах? Они организовали заговор против собственности! Их закон, регулирующий труд детей на фабриках, без сомнения, не позволит производителю принуждать ребенка к труду более стольких-то часов в день; но это не заставит его увеличить заработную плату ни ребенку, ни его отцу. Сегодня, в интересах здоровья, мы уменьшаем прожиточный минимум бедных; завтра необходимо будет защитить их, установив для них МИНИМАЛЬНУЮ заработную плату. Но устанавливать их минимальную заработную плату - значит принуждать собственника, значит заставлять хозяина принимать своего работника в качестве компаньона, что нарушает свободу и делает обязательным взаимное страхование. Однажды вступив на этот путь, мы никогда не

остановимся. Мало-помалу правительство превратится в производителя, комиссионера и розничного торговца.

Это будет индивидуальный предприниматель. Почему во все эпохи государственные министры так неохотно вмешивались в вопрос заработной платы? Почему они всегда отказывались вмешиваться в отношения между хозяином и рабочим? Потому что они знали обидчивую и ревнивую природу собственности и, считая ее принципом всей цивилизации, чувствовали, что вмешиваться в нее означало бы расшатать сами основы общества. Печальное состояние режима собственности — неспособность проявлять милосердие, не нарушая справедливости!

39

И, сэр, это фатальное последствие, к которому вынуждает государство необходимость, - не просто воображение. Даже сейчас от законодательной власти требуют больше не просто регулировать управление фабриками, а создавать сами фабрики. Прислушайтесь к миллионам голосов, со всех сторон призывающих к ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА, К СОЗДАНИЮ НАЦИОНАЛЬНЫХ МАСТЕРСКИХ! Весь рабочий класс взбудоражен: у него есть свои журналы, органы и представители. Чтобы гарантировать труд рабочему, сбалансировать производство и продажу, согласовать промышленных собственников, сегодня он выступает — как суверенное средство правовой защиты — за единоличного руководителя, единую национальную опеку, одну огромную производственную компанию. Ибо, сэр, все это включено в идею национальных семинаров. По этому поводу я хочу процитировать в качестве доказательства взгляды выдающегося экономиста, блестящего ума, прогрессивного интеллекта, восторженной души, истинного патриота и в то же время официального защитника права собственности. 40

Тогда distinguished профессор консерватории предлагает:

1. СДЕРЖИВАТЬ ПОСТОЯННУЮ ЭМИГРАЦИЮ РАБОЧИХ ИЗ ДЕРЕВНИ В ГОРОДА.

Но чтобы удержать крестьянина в его деревне, его проживание там должно быть сносным: чтобы быть справедливым ко всем, к сельскому пролетарию нужно относиться так же, как к городскому. Следовательно, реформа необходима как на фермах, так и на фабриках; и когда правительство входит в мастерскую, правительство должно взять в руки плуг! Что становится во время этого постепенного вторжения независимым культивированием, исключительным владением, собственностью?

2. УСТАНОВИТЬ ДЛЯ КАЖДОЙ ПРОФЕССИИ УМЕРЕННУЮ ЗАРАБОТНУЮ ПЛАТУ, ВАРЬИРУЮЩУЮСЯ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ВРЕМЕНИ И МЕСТА И ОСНОВАННУЮ НА ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДАННЫХ.

Целью этой меры было бы обеспечить рабочим средства к существованию, а собственникам - прибыль, в то же время обязав последних жертвовать из соображений благоразумия, если не по какой-либо другой причине, частью своего дохода. Теперь я говорю, что эта доля в долгосрочной перспективе будет увеличиваться до тех пор, пока, наконец, не установится равенство наслаждений между пролетарием и собственником. Ибо, как мы уже несколько раз имели случай заметить, интерес капиталиста — другими словами, увеличение числа бездельников — имеет тенденцию из-за силы труда, увеличения количества продуктов и обмена постоянно уменьшаться и, вследствие постоянного уменьшения, исчезать. Так что в обществе, предложенном г-ном Бланки, равенство не было бы реализовано изначально, но существовало бы потенциально; поскольку собственность, хотя внешне и кажущаяся

промышленной феодальностью, будучи уже не принципом исключения и посягательства, а всего лишь привилегией разделения, не замедлила бы, благодаря интеллектуальной и политической эмансипации пролетариата, перейти в абсолютное равенство, - по крайней мере, настолько абсолютное, насколько это вообще возможно на этой земле.

Я опускаю, ради краткости, многочисленные соображения, которые профессор приводит в поддержку того, что он называет, на мой взгляд, слишком скромно, своей Утопией. Они послужили бы лишь неоспоримым доказательством того, что из всех шарлатанов-радикалистов, которые утомляют слух публики, никто не сравнится по глубине и ясности мысли с дерзким месье Бланки.

3. НАЦИОНАЛЬНЫЕ МАСТЕРСКИЕ ДОЛЖНЫ ФУНКЦИОНИРОВАТЬ ТОЛЬКО В ПЕРИОДЫ ЗАСТОЯ В ОБЫЧНЫХ ОТРАСЛЯХ ПРОМЫШЛЕННОСТИ; В ТАКИЕ ПЕРИОДЫ ИХ СЛЕДУЕТ ОТКРЫВАТЬ КАК ШИРОКИЕ КАНАЛЫ ДЛЯ ПРИТОКА РАБОТАЮЩЕГО НАСЕЛЕНИЯ.

Но, сэр, остановка частной промышленности является результатом перепроизводства и нехватки рынков сбыта. Если, таким образом, производство в национальных мастерских продолжится, то как кризис будет преодолен? Несомненно, общим обесцениванием товаров и, в конечном счете, преобразованием частных мастерских в национальные мастерские. С другой стороны, правительству понадобится капитал, чтобы платить своим рабочим; теперь, как этот капитал будет получен? Путем налогообложения. И с чего будет взиматься налог? С собственности. Тогда у вас будет собственная промышленность, поддерживающая против себя и за свой счет другую отрасль, с которой она не может конкурировать. Как вы думаете, что станет в этом роковом круге с возможностью получения прибыли — одним словом, с собственностью?

Слава Богу! в государственных школах учат равенству условий; давайте больше не бояться революций. Самый непримиримый враг собственности не смог бы, если бы захотел уничтожить ее, приступить к работе более мудрым и эффективным способом. Тогда мужайтесь, министры, депутаты, экономисты! поспешите перехватить это славное начинание; пусть лозунги равенства, произносимые с высот науки и власти, будут повторены в народе; пусть они трепещут в груди пролетариев и вселяют смятение в ряды последних представителей привилегий!

Тенденция общества к принуждению собственников поддерживать национальные мастерские и государственные мануфактуры настолько сильна, что в течение нескольких лет под названием ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ РЕФОРМЫ это было исключительно вопросом дня. Что же, в конце концов, представляет собой эта избирательная реформа, за которую люди хватаются, как за приманку, и к которой так много амбициозных людей либо призывают, либо осуждают? Это признание права масс на право голоса при исчислении налогов и принятии законов; законы эти, всегда направленные на защиту материальных интересов, затрагивают, в большей или меньшей степени, все вопросы налогообложения или заработной платы. Теперь люди, давным-давно наученные своими журналами, своими драмами, [41](#) и своими песнями, [42](#) знают сегодня, что налогообложение, для справедливого распределения, должно быть постепенным и должно ложиться главным образом на богатых, — что оно должно взиматься с предметов роскоши и т. Д. И будьте уверены, что люди, получив большинство в Палате представителей, не преминут воспользоваться этими уроками. У нас уже есть министр общественных работ. За этим последуют национальные мастерские; и вскоре, как следствие, превышение дохода

собственника над заработной платой рабочего будет поглощено государственной казной. Разве вы не видите, что таким образом собственность постепенно сводится, как некогда дворянство, к номинальному титулу, к отличию чисто почетному по своей природе?

Либо избирательная реформа не достигнет того, чего от нее ожидают, и разочарует своих бесчисленных сторонников, либо она неизбежно приведет к трансформации абсолютного права, в соответствии с которым мы живем, в право собственности; то есть, в то время как в настоящее время собственность делает избирателя, после завершения этой реформы гражданин, производитель станет собственником. 43 Следовательно, радикалы правы, говоря, что избирательная реформа в их глазах является лишь средством; но когда они умалчивают о цели, они демонстрируют либо глубокое невежество, либо бесполезное лицемерие. Не должно быть никаких секретов или оговорок от народов и держав. Он позорит себя и теряет уважение к своим товарищам, которые, публикуя свои мнения, прибегают к уклончивости и хитрости. Прежде чем люди начнут действовать, им нужно знать всю правду. Несчастен тот, кто посмеет шутить с ними! Ибо люди лековерны, но они сильны. Давайте же скажем им, что предлагаемая реформа — это всего лишь средство, — средство, часто испытываемое и до сих пор безуспешное, - но что логической целью избирательной реформы является равенство состояний; и что само это равенство является лишь новым средством, имеющим в виду высшую и окончательную цель спасения общества, восстановления морали и религии, а также возрождения поэзии и искусства.

Это утверждение М. Росси не подтверждается историей. Собственность является основой избирательного права не как ПРЕЗУМПЦИЯ ДЕЕСПОСОБНОСТИ — идея, которая никогда не преобладала до недавнего времени и которая крайне абсурдна, — а как ГАРАНТИЯ ПРЕДАННОСТИ УСТАНОВЛЕННОМУ ПОРЯДКУ. Избирательный орган - это лига тех, кто заинтересован в сохранении собственности, против тех, кто не заинтересован. Существуют тысячи документов, даже официальных, подтверждающих это, если это необходимо. В остальном нынешняя система является лишь продолжением муниципальной системы, которая в средние века возникла в связи с феодализмом, — деспотичной, приносящей вред системы, полной мелких страстей и низменных интриг.

Было бы злоупотреблением терпением читателя продолжать настаивать на тенденции нашего времени к равенству. Более того, так много людей осуждают нынешнюю эпоху, что ничего не выиграешь, выставляя на всеобщее обозрение популярные, научные и репрезентативные тенденции нации.

Стремясь признать точность выводов, сделанных на основе наблюдений, они ограничиваются общим осуждением фактов и абсолютным отрицанием их законности. "Что удивительного, - говорят они, - что эта атмосфера равенства опьяняет нас, учитывая все, что было сказано и сделано за последние десять лет!... Разве вы не видите, что общество распадается, что дух безумия уносит нас прочь? Все эти надежды на возрождение - всего лишь предчувствия смерти; ваши триумфальные песни подобны молитвам уходящих, ваши трубные раскаты возвещают о крещении умирающего человека. Цивилизация гибнет: *Imus, imus, praecipites!*"

Такие люди отрицают Бога. Я мог бы удовлетвориться ответом, что дух 1830 года был результатом сохранения нарушенной хартии; что эта хартия возникла в результате революции 89 года; что 89 год подразумевает право Генеральных штатов на протест и предоставление

избирательных прав коммуна; что коммуны предполагают феодализм, который, в свою очередь, предполагает вторжение, римское право, христианство и т.д.

Но надо смотреть дальше. Мы должны проникнуть в самое сердце древних институтов, погрузиться в социальные глубины и раскрыть ту неистребимую закваску равенства, которую Бог справедливости вдохнул в наши души и которая проявляется во всех наших делах.

Труд - современник человека; это обязанность, поскольку это условие существования: "В поте лица твоего будешь есть хлеб". Это больше, чем обязанность, это миссия: "Бог поместил человека в сад, чтобы он возделывал его". Я добавляю, что труд является причиной и средством равенства.

Выброшенные на необитаемый остров двое мужчин: один крупный, сильный и деятельный; другой слабый, робкий и домашний. Последний умрет от голода, в то время как другой, искусный охотник, опытный рыбак и неутомимый земледелец, будет запасаться провизией с избытком. Какое еще большее неравенство при этом Естественном состоянии, столь дорогое сердцу Жан-Жака, можно было себе представить! Но пусть эти двое мужчин встретятся и объединятся: второй немедленно займется приготовлением пищи, возьмет на себя домашние дела и позаботится о провизии, кроватях и одежде; при условии, что более сильный не злоупотребляет своим превосходством, поработав своего товарища и жестоко обращаясь с ним, их социальное положение будет совершенно равным. Таким образом, посредством обмена услугами природные неравенства нейтрализуют друг друга, таланты объединяются, а силы уравниваются. Насилие и инертность встречаются только среди бедных и аристократов. И в этом заключается философия политической экономии, тайна человеческого братства. *Hic est sapientia*. Давайте перейдем от гипотетического состояния чистой Природы к цивилизации.

Собственник земли, который производит, я полагаю вместе с экономистами, предоставляя в аренду свой инструмент, получает при создании общества столько-то бушелей зерна на каждый акр пахотной земли. Пока труд слаб, а разнообразие его продуктов невелико, собственник могуществен по сравнению с рабочими; у него в десять, в сто раз больше доли честного человека. Но пусть труд, умножая свои изобретения, умножает свои удовольствия и потребности, и собственник, если он хочет наслаждаться новыми продуктами, будет вынужден каждый день уменьшать свой доход; а поскольку первые продукты имеют тенденцию скорее обесцениваться, чем повышаться в стоимости, — вследствие постоянного добавления новых, которые можно рассматривать как дополнение к первым, — отсюда следует, что праздный собственник беднеет с той же скоростью, с какой увеличивается общественное благосостояние. "Доходы" (мне нравится цитировать вас, сэр, потому что невозможно дать слишком веское обоснование этим элементарным принципам экономики, и потому что я сам не могу выразить их лучше), "доходы, — сказали вы, — имеют тенденцию исчезать по мере увеличения капитала. Тот, кто сегодня имеет доход в двадцать тысяч фунтов, далеко не так богат, как тот, кто обладал такой же суммой пятьдесят лет назад. Наступает время, когда вся собственность станет обузой для праздных и обязательно перейдет в руки способных и трудолюбивых. 44..."

Таким образом, чтобы жить как собственник или потреблять, не производя, необходимо жить за счет труда другого; другими словами, необходимо убить работника. Именно исходя из этого принципа, собственники тех видов капитала, которые являются предметом первой необходимости, увеличивают свою сельскохозяйственную ренту так же быстро, как развивается

промышленность, гораздо более бережно относясь к своим привилегиям в этом отношении, чем те экономисты, которые в целях укрепления собственности выступают за снижение процента. Но преступление бесполезно: труд и производство увеличиваются; вскоре собственник будет вынужден трудиться, и тогда собственность будет потеряна.

Собственник - это человек, который, обладая абсолютным контролем над орудием производства, заявляет о праве пользоваться продуктом этого орудия, не используя его сам. С этой целью он ссужает их; и мы только что видели, что из этой ссуды рабочий черпает силу обмена, которая рано или поздно уничтожит право на прирост. Во-первых, собственник обязан предоставить рабочему часть продукта, ибо без этого рабочий не смог бы жить. Вскоре последний, благодаря развитию своей промышленности, находит средство вернуть себе большую часть того, что он отдает собственнику; так что, в конце концов, объекты наслаждения постоянно увеличиваются, в то время как доход бездельника остается прежним, собственник, исчерпав свои ресурсы, начинает подумывать о том, чтобы самому пойти работать. Тогда победа производителя несомненна. Труд начинает склонять чашу весов в свою сторону, а торговля приводит к равновесию.

Человеческий инстинкт не может ошибаться; поскольку при свободе обмен функциями неизбежно ведет к равенству между людьми, поэтому торговля - или обмен продуктами, который идентичен обмену функциями, — является новой причиной равенства. До тех пор, пока собственник не работает, каким бы небольшим ни был его доход, он пользуется привилегией; благосостояние рабочего может быть равным его благосостоянию, но равенства условий не существует. Но как только собственник становится производителем, — поскольку он может обменивать свой особый продукт только со своим арендатором или *подчиненным*, — рано или поздно этот арендатор, этот *эксплуатируемый* человек, если над ним не будет совершено насилие, получит прибыль от собственника и обяжет его восстанавливать — при обмене их соответствующих продуктов — проценты с его капитала. Таким образом, уравнивая одну несправедливость другой, договаривающиеся стороны будут равны. Таким образом, труд и обмен, когда преобладает свобода, приводят к равенству состояний; взаимность услуг нейтрализует привилегии. Вот почему деспоты во все века и страны брали на себя контроль над торговлей; они хотели помешать труду своих подданных стать препятствием для алчности тиранов.

До этого момента все происходит в естественном порядке; нет ни преднамеренности, ни хитрости. Весь процесс регулируется только законами необходимости. Собственники и рабочие действуют только в соответствии со своими желаниями. Таким образом, осуществление права на прирост, искусство ограбления производителя зависит — в течение этого первого периода цивилизации — от физического насилия, убийств и войн.

Но в этот момент вынашивается гигантский и сложный заговор против капиталистов. На оружие ЭКСПЛУАТАТОРОВ ЭКСПЛУАТИРУЕМЫЕ отвечают орудием торговли — чудесным изобретением, осужденным при его появлении моралистами, выступавшими за собственность, но вдохновленным, без сомнения, гением труда, Минервой пролетариев.

Главная причина зла заключалась в накоплении и неподвижности всех видов капитала — неподвижности, которая препятствовала тому, чтобы труд, поработанный и подчиненный высокомерной праздности, когда-либо приобрел его. Ощущалась необходимость разделения и мобилизации богатства, придания ему портативности, перехода из рук владельца в руки

рабочего. Труд изобрел ДЕНЬГИ. Впоследствии это изобретение было возрождено и развито ПЕРЕВОДНЫМ ВЕКСЕЛЕМ и БАНКОМ. Ибо все эти вещи по существу одинаковы и исходят из одного и того же разума. Первый человек, которому пришла в голову идея представлять ценность с помощью раковины, драгоценного камня или металла определенного веса, был настоящим изобретателем банка. Что такое денежная единица на самом деле? Это переводной вексель, написанный на прочном и долговечном материале и несущий в себе собственное погашение. Таким образом, угнетенное равенство получило возможность смеяться над усилиями собственников, и баланс справедливости впервые был восстановлен в лавке торговца. Ловушка была хитро расставлена и достигла своей цели так тщательно, что в праздных руках деньги превратились всего лишь в растворяющееся богатство, ложный символ, тень богатства. Превосходным экономистом и глубоким философом был тот скряга, который взял за свой девиз: "КОГДА ГИНЕЯ ОБМЕНИВАЕТСЯ, ОНА ИСПАРЯЕТСЯ". Поэтому можно сказать: "Когда недвижимость превращается в деньги, она теряется". Это объясняет неизменный исторический факт, что дворяне — непроизводительные собственники земли — повсюду были вытеснены промышленными и торговыми плебейми. Особенно это имело место при образовании итальянских республик, возникших в средние века в результате обнищания сеньоров. Я не буду вдаваться в интересные рассуждения, на которые наводит этот вопрос; я мог бы только повторить свидетельства историков и представить экономические демонстрации в измененной форме.

Величайшим врагом земельной и промышленной аристократии наших дней, неустанным поборником равенства состояний, являются БАНКИРЫ. Благодаря ему разделяются необъятные равнины, горы меняют свое положение, на общественных площадях вырастают леса, одно полушарие производит продукцию для другого, и каждый уголок земного шара имеет свои узуфруктуарии. Посредством Банка постоянно создается новое богатство, использование которого (вскоре становящееся необходимым для эгоизма) вырывает дремлющий капитал из рук ревнивого собственника. Банкир одновременно является самым могущественным создателем богатства и главным распространителем продуктов искусства и Природы. И все же, в силу самой странной антиномии, тот же самый банкир является самым безжалостным собирателем прибылей, приумножения и ростовщичества, когда-либо вдохновляемым демоном собственности. Важность услуг, которые он оказывает, заставляет нас терпеть, хотя и не без недовольства, налоги, которые он налагает. Тем не менее, поскольку ничто не может избежать своей провиденциальной миссии, поскольку ничто из существующего не может избежать цели, ради которой оно существует, банкир (современный Крез) должен когда-нибудь стать восстановителем равенства. И, следуя по вашим стопам, сэр, я уже привел причину, а именно: прибыль уменьшается по мере умножения капитала, поскольку увеличение капитала, требующее большего количества рабочих, без которых оно остается непроизводительным, всегда вызывает увеличение заработной платы. Отсюда следует, что Банку, который сегодня является всасывающим насосом богатства, суждено стать управляющим человеческой расой.

Фраза "РАВЕНСТВО СОСТОЯНИЙ" раздражает людей, как будто она относится к состоянию другого мира, неизвестного здесь, внизу. Есть некоторые люди, как радикалы, так и умеренные, которых само упоминание этой идеи вызывает негодование. Пусть же тогда эти глупые аристократы упразднят торговые общества и страховые компании, которые основаны из благоразумия для взаимопомощи. Ибо все эти социальные факты, столь спонтанные и свободные от всех уравнилельных намерений, являются законными плодами инстинкта равенства.

Когда законодатель издает закон, собственно говоря, он его не СОЗДАЕТ, — он его не СОЗДАЕТ: он его ОПИСЫВАЕТ. Устанавливая законы о моральных, гражданских и политических отношениях граждан, он не выражает произвольного понятия: он излагает общую идею — высший принцип, управляющий рассматриваемым им вопросом; одним словом, он является провозглашателем, а не изобретателем закона. Итак, когда два или более человека образуют между собой по синаллагматическому договору промышленную или страховую ассоциацию, они осознают, что их интересы, ранее изолированные ложным духом эгоизма и независимости, прочно связаны их внутренней природой и взаимностью их отношений. На самом деле они не связывают себя актом своей частной воли: они клянутся впредь соответствовать ранее существовавшему социальному закону, которым они до сих пор пренебрегали. И это доказывается тем фактом, что те же самые люди, если бы они могли избежать общения, не стали бы общаться. Прежде чем их можно будет побудить объединить свои интересы, они должны полностью осознать опасности конкуренции и изоляции; следовательно, переживание зла — это единственное, что приводит их в общество.

Теперь я говорю, что для установления равенства между людьми необходимо лишь обобщить принцип, на котором основаны страховые, сельскохозяйственные и коммерческие ассоциации. Я утверждаю, что конкуренция, изоляция интересов, монополия, привилегии, накопление капитала, исключительное пользование, подчинение функций, индивидуальное производство, право на прибыль или приумножение, эксплуатация человека человеком и, если свести все эти виды под одну рубрику, то СОБСТВЕННОСТЬ является главной причиной нищеты и преступности. И за то, что я пришел к этому оскорбительному и направленному против собственности выводу, я являюсь отвратительным монстром; радикалы и консерваторы одинаково указывают на меня как на подходящий объект для судебного преследования; академии осыпают меня порицаниями; самые достойные люди считают меня сумасшедшим; и те чрезмерно терпимы, кто довольствуется утверждением, что я дурак. О, несчастен писатель, который публикует правду иначе, чем выполняя свой долг! Если он рассчитывал на аплодисменты толпы; если он предполагал, что алчность и своекорыстие забудут о себе в восхищении им; если он пренебрег тем, что заключил себя в три слоя меди толщиной, — он потерпит неудачу, как и следовало ожидать, в своем эгоистичном предприятии. Несправедливая критика, горькие разочарования, отчаяние из-за его ошибочных амбиций убьют его.

Но, если мне больше не позволено выражать свое личное мнение по этому интересному вопросу социального равновесия, позвольте мне, по крайней мере, изложить мысль моих учителей и развить доктрины, отстаиваемые от имени правительства.

В мои намерения никогда не входило, сэр, несмотря на решительное порицание, которое вы от имени вашей академии высказали доктрине равенства состояний, противоречить вам и иметь с вами дело. Слушая вас, я слишком остро ощутил свою неполноценность, чтобы позволить себе вступать в подобную дискуссию. И потом, — если уж так нужно сказать, — как бы ни отличался ваш язык от моего, мы верим в одни и те же принципы; вы разделяете все мои мнения. Я не хочу этим намекать, сэр, что у вас есть (используя школьную фразеологию) эзотерическая и ЭКЗОТЕРИЧЕСКАЯ доктрина, что, втайне веря в равенство, вы защищаете собственность только из соображений благоразумия и по приказу. Я не настолько опрометчив, чтобы считать вас своим коллегой в моих революционных проектах; более того, я слишком высоко ценю вас, чтобы заподозрить в лицемерии. Я только имею в виду, что истины, которые методичное

исследование и кропотливые метафизические спекуляции болезненно продемонстрировали мне, глубокое знакомство с политической экономией и многолетний опыт работы открывают вам. В то время как я пришел к своей вере в равенство путем долгих размышлений и почти вопреки моим желаниям, вы придерживаетесь своего, сэр, со всем рвением веры, со всей непосредственностью гения. Вот почему ваш курс лекций в консерватории - это вечная война с собственностью и неравенством состояний; вот почему ваши самые ученые исследования, ваши самые остроумные анализы и ваши бесчисленные наблюдения всегда завершаются формулой прогресса и равенства; вот почему, наконец, никогда вами так не восхищаются и вам так не рукоплещают, как в те моменты вдохновения, когда, уносимый на крыльях науки, вы возносите к тем высоким истинам, которые заставляют восторженно биться сердца плебеев и вселяют ужас в людей, намерения которых злы. Сколько раз с того места, где я жадно впитывал ваши красноречивые слова, я мысленно благодарил Небеса за то, что они освободили вас от суждения, вынесенного святым Павлом философам его времени— "Они познали истину, но не сделали ее известной"! Сколько раз я радовался, находя свое собственное оправдание в каждой из ваших бесед! Нет, нет; я не желаю и не прошу ничего такого, чему вы сами не учите. Я обращаюсь к вашей многочисленной аудитории; пусть она опровергнет меня, если, комментируя вас, я искажу ваш смысл.

Скажите, ученик, что в ваших глазах более антисоциально, чем таможни, или, как вы правильно их называете, барьеры, воздвигаемые монополией между нациями? Что может быть более раздражающим, более несправедливым или более абсурдным, чем эта запретительная система, которая вынуждает нас платить сорок су во Франции за то, что в Англии или Бельгии принесло бы нам всего пятнадцать? Это таможня, как вы однажды сказали, [45](#), которая останавливает развитие цивилизации, препятствуя специализации отраслей; это таможня, которая обогащает сотни монополистов, разоряя миллионы граждан; это таможня, которая вызывает голод среди изобилия, которая делает труд бесплодным, запрещая обмен, и которая душит производство в смертельных объятиях. Именно таможня заставляет народы ревновать и враждовать друг с другом; четыре пятых войн всех эпох изначально были вызваны таможней. И затем, на пике своего энтузиазма, вы закричали: "Да, если бы для того, чтобы положить конец этой ненавистной системе, мне потребовалось бы пролить последнюю каплю своей крови, я бы с радостью бросился в пропасть, прося только достаточно времени, чтобы возблагодарить Бога за то, что он счел меня достойным мученичества!"

И в тот торжественный момент я сказал себе: "Поставьте в каждом департаменте Франции такого профессора, и революции удастся избежать".

Но, сэр, этой великолепной теорией свободы торговли вы делаете военную славу невозможной, вы ничего не оставляете дипломатии; вы даже лишаете ее желания завоевывать, в то же время полностью упраздняя прибыль. В самом деле, какое значение имеет, кто восстанавливает Константинополь, Александрию и Сен-Жан-д'Акр, если сирийцы, египтяне и турки свободны выбирать своих хозяев; свободны обмениваться своими товарами с кем им заблагорассудится? Почему Европа должна впадать в такое смятение из-за этого мелкого султана и его старого паши, если вопрос только в том, мы или англичане цивилизуем Восток, обучим Египет и Сирию европейским искусствам и научим их конструировать машины, рыть каналы и прокладывать железные дороги? Ибо, если к национальной независимости добавить свободную торговлю, иностранное влияние этих двух стран впоследствии будет проявляться только через добровольные отношения производителя к производителю или подмастерья к подмастерью.

Единственная среди европейских держав Франция с радостью приняла задачу цивилизовать Восток и начала вторжение, которое по своему характеру было вполне апостольским, — настолько радостными и возвышенными делают благородные мысли нашу нацию! Но дипломатическое соперничество, национальный эгоизм, английская алчность и русские амбиции стояли у нее на пути. Чтобы осуществить давно задуманную узурпацию, необходимо было сокрушить слишком великодушного союзника: разбойники Священного союза объединились против бесстрашной и безупречной Франции. Следовательно, при известии об этом знаменитом договоре среди нас поднялся хор проклятий в адрес принципа собственности, который в то время действовал в соответствии с лицемерными формулами старой политической системы. Последний час борьбы за собственность, казалось, пробил со стороны Сирии; от Альп до океана, от Рейна до Пиренеев народное сознание пробудилось. Вся Франция пела военные песни, и коалиция побледнела при звуке этих дрожащих криков: "Война самодержцу, который хочет быть хозяином старого света! Война английскому клятвопреступнику, пожирателю Индии, отравителю Китая, тирану Ирландии и извечному врагу Франции! Война союзникам, устроившим заговор против свободы и равенства! Война! война! война собственности!"

По воле Провидения освобождение народов откладывается. Франция должна победить не оружием, а личным примером. Универсальный разум еще не понимает этого великого уравнивания, которое, начавшись с отмены рабства и продвигаясь по руинам аристократии и тронов, должно закончиться равенством прав и состояний; но недалек тот день, когда знание этой истины станет таким же обычным явлением, как знание равенства происхождения. Кажется, уже понятно, что восточный вопрос - это всего лишь вопрос таможен. Неужели же общественному мнению так трудно обобщить эту идею и, наконец, понять, что, если упразднение таможен влечет за собой уничтожение национальной собственности, оно влечет за собой также, как следствие, уничтожение индивидуальной собственности?

Фактически, если мы уничтожим таможи, то этим самым актом будет провозглашен союз наций; будет признана их солидарность и провозглашено их равенство. Если мы уничтожим таможи, принцип объединения не замедлит распространиться от штата к провинции, от провинции к городу и от города к мастерской. Но что тогда происходит с привилегиями авторов и художников? Какую пользу приносят патенты на изобретения, воображение, улучшение и усовершенствование? Когда наши депутаты пишут закон о литературной собственности рядом с законом, который открывает большую брешь в работе таможи, они действительно противоречат самим себе и одной рукой разрушают то, что они создают другой. Без таможи литературная собственность не существует, и надежды наших голодающих авторов рушатся. Ибо, конечно, вы не ожидаете, как и добрый человек Фурье, что литературная собственность будет использоваться в Китае к выгоде французского писателя; и что ода Ламартина, привилегированно продаваемая по всему миру, принесет ее автору миллионы! Творчество поэта специфично для климата, в котором он живет; где бы то ни было воспроизведение его произведений, не имеющих рыночной стоимости, должно быть откровенным и бесплатным. Но каким! будет ли необходимо, чтобы нации взяли себя под взаимное наблюдение ради стихов, статуй и эликсиров? Таким образом, у нас всегда будут акцизы, городская пошлина, права въезда и транзита, наконец, таможи; и затем, как реакция на привилегии, контрабанда.

Контрабанда! Это слово напоминает мне об одной из самых ужасных форм собственности. "Контрабанда, - сказали вы, сэр, [46](#), - это преступление политического характера; это осуществление естественной свободы, которая в определенных случаях определяется как

преступление по воле суверена. Контрабандист — это галантный человек, человек духа, который весело занимается приобретением для своего соседа по очень низкой цене драгоценного камня, шали или любого другого предмета необходимости или роскоши, который отечественная монополия делает чрезмерно дорогим ". Затем, к очень поэтичной монографии о контрабандисте, вы добавляете этот мрачный вывод, — что контрабандист принадлежит к семье Мандрина, и что галеры должны быть его домом!

Но, сэр, вы не привлекли внимания к ужасной эксплуатации, которая осуществляется таким образом во имя собственности.

Говорят, — и я привожу этот отчет только в качестве гипотезы и иллюстрации, поскольку я в это не верю, — говорят, что нынешний министр финансов обязан своим состоянием контрабанде. Г-н Хуманн из Страсбурга, как говорят, отправил из Франции огромное количество сахара, за что получил обещанную государством награду за вывоз; затем, вернув контрабандой этот сахар обратно, он экспортировал его заново, получив награду за вывоз во второй раз, и так далее. Заметьте, сэр, что я не утверждаю это как факт; я привожу это только так, как это сказано, не одобряя и даже не веря в это. Моя единственная цель - закрепить идею в уме с помощью примера. Если бы я считал, что министр совершил такое преступление, то есть если бы у меня были личные и достоверные сведения о том, что он имел, я бы донес на господина Юманна, министра финансов, в Палату депутатов и громко потребовал бы его исключения из министерства.

Но то, что, несомненно, ложно в отношении месье Хуманна, верно и в отношении многих других, столь же богатых и не менее благородных, чем он. Контрабанда, организованная в больших масштабах пожирателями человеческого мяса, осуществляется ради наживы нескольких пашей с риском для их неосторожных жертв. Бездействующий владелец выставляет свой товар на продажу; настоящий контрабандист рискует своей свободой, своей честью и своей жизнью. Если предприятие увенчивается успехом, храброму слуге платят за его путешествие; прибыль достается трусу. Если удача или предательство передадут оружие этой отвратительной торговли в руки таможенника, мастер-контрабандист понесет убытки, которые вскоре возместит более удачливое плавание. Агента, объявленного негодяем, бросают в тюрьму вместе с грабителями, в то время как его славный покровитель, присяжный, выборщик, депутат или министр, издает законы, касающиеся экспроприации, монополий и таможен!

В начале этого письма я пообещал, что никакие нападки на собственность не выйдут из-под моего пера, моя единственная цель - оправдаться перед публикой общими взаимными обвинениями. Но я не мог удержаться от того, чтобы заклеить столь одиозный способ эксплуатации, и я надеюсь, что это короткое отступление будет прощено. Я надеюсь, что собственность не мстит за ущерб, причиняемый контрабандой.

Заговор против собственности носит всеобщий характер; он вопиющий; он овладевает всеми умами и вдохновляет все наши законы; он лежит в основе всех теорий. Здесь пролетарий преследует собственность на улице, там законодатель налагает на нее запрет; теперь профессор политической экономии или промышленного законодательства, которому платят за ее защиту, подрывает ее с удвоенной силой; в другое время академия ставит это под сомнение,48или интересуется ходом ее разрушения.....48 49 Сегодня нет ни одной идеи, ни одного мнения, ни одной секты, которая не мечтала бы о лишении собственности. Никто не признается в этом, потому что никто еще не осознает этого; слишком мало умов, способных

спонтанно ухватить этот ансамбль причин и следствий, принципов и следствий, с помощью которых я пытаюсь продемонстрировать приближающееся исчезновение собственности; с другой стороны, представления, которые обычно формируются об этом праве, слишком расходятся и слишком слабо определены, чтобы допустить столь скорое признание противоположной теории. Таким образом, в средних и низших слоях литературы и философии, не меньше, чем среди простых людей, считается, что, когда собственность будет упразднена, никто не сможет наслаждаться плодами своего труда; что ни у кого не будет ничего особенного и что тиранический коммунизм установится на руинах семьи и свободы! — химеры, которые должны еще некоторое время поддерживать дело привилегий.

Но, прежде чем точно определить идею собственности, прежде чем искать среди противоречий систем общий элемент, который должен лечь в основу нового права, давайте бросим быстрый взгляд на изменения, которым подвергалась собственность в различные периоды истории. Политические формы государств являются выражением их верований. Подвижность этих форм, их модификация и разрушение - это торжественный опыт, который показывает нам ценность идей и постепенно устраняет из бесконечного разнообразия обычаев абсолютную, вечную и неизменную истину. Теперь мы увидим, что каждый политический институт неизбежно стремится и под страхом смерти уравнивать условия; что везде и всегда равенство состояний (как и равенство прав) было социальной целью, независимо от того, пытались ли плебейские классы подняться к политической власти с помощью собственности, или же — уже правители — они использовали политическую власть для свержения собственности. Короче говоря, по прогрессу общества мы увидим, что достижение справедливости заключается в исчезновении индивидуальной сферы.

Ради краткости я пренебрежу свидетельствами церковной истории и христианского богословия: этот предмет заслуживает отдельного трактата, и я предлагаю впоследствии вернуться к нему. Моисей и Иисус Христос под именем ростовщичества и неравенства запретили [50](#) всякую прибыль и приумножение. Сама церковь в своих самых чистых учениях всегда осуждала собственность; и когда я нападал не только на авторитет церкви, но и на ее неверие справедливости, я делал это во славу религии. Я хотел спровоцировать безапелляционный ответ и проложить путь к торжеству христианства, несмотря на бесчисленные нападки, объектом которых оно в настоящее время является. Я надеялся, что немедленно появится апологет и, опираясь на Священное Писание, Отцов Церкви, каноны, соборы и конституции пап, продемонстрирует, что церковь всегда придерживалась доктрины равенства и приписывала временной необходимости противоречия своей дисциплины. Такой труд послужил бы делу религии так же, как и делу равенства. Рано или поздно мы должны знать, должно ли христианство возродиться в церкви или вне ее, и принимает ли эта церковь брошенные ей упреки в ненависти к свободе и антипатии к прогрессу. До тех пор мы отложим суждения и удовлетворимся изложением духовенству исторических учений.

Когда Ликург взялся издавать законы для Спарты, в каком состоянии он застал эту республику? С этим согласны все историки. Народ и знать находились в состоянии войны. Город был в смятении и разделен на две партии — партию бедных и партию богатых. Общество, едва избежавшее варварства героических эпох, быстро приходило в упадок. Пролетариат объявил войну собственности, которая, в свою очередь, угнетала пролетариат. Что сделал Ликург? Его первой мерой была мера общей безопасности, при одной мысли о которой наши законодатели

пришли бы в трепет. Он отменил все долги; затем, применяя поочередно убеждение и силу, он побудил дворян отказаться от своих привилегий и восстановил равенство.

Одним словом, Ликург охотился за собственностью в Лакедемонне, не видя другого способа гармонизировать свободу, равенство и закон. Я, конечно, не хотел бы, чтобы Франция следовала примеру Спарты; но замечательно, что древнейший из греческих законодателей, досконально знакомый с природой и нуждами народа, более способный, чем кто—либо другой, оценить законность обязательств, которые он, пользуясь своей абсолютной властью, отменил; который сравнил законодательные системы своего времени и мудрость которого провозгласил оракул, - замечательно, говорю я, что Ликург счел право собственности несовместимым со свободными учреждениями и счел своим долгом предварить свое законодательство государственным переворотом, который уничтожил все различия в судьбе.

Ликург прекрасно понимал, что роскошь, любовь к удовольствиям и неравенство состояний, порождаемые собственностью, являются проклятием общества; к сожалению, средства, которые он использовал для сохранения своей республики, были подсказаны ему ложными представлениями о политической экономии и поверхностным знанием человеческого сердца. Соответственно, собственность, которую этот законодатель ошибочно смешивал с богатством, вернулась в город вместе с роем зол, которые он пытался изгнать; и на этот раз Спарта была безнадежно развращена.

"Приход богатства, - говорит г-н Пасторе, - был одной из главных причин несчастий, которые они испытали. Однако против этого законы приняли чрезвычайные меры предосторожности, лучшей из которых было насаждение нравственности, направленной на подавление желаний".

Лучшей из всех мер предосторожности было бы предвосхищение желания путем удовлетворения. Обладание - это превосходное средство от алчности, средство, которое было бы менее опасным для Спарты, потому что состояния там были почти равными, а условия - почти одинаковыми. Как правило, пост и воздержание - плохие учителя умеренности.

"Существовал закон, - снова говорит г-н Пасторе, - запрещавший богатым носить лучшую одежду, чем бедным, есть более изысканную пищу и владеть элегантною мебелью, вазами, коврами, прекрасными домами" и т. Д. Ликург надеялся, таким образом, сохранить равенство, сделав богатство бесполезным. Насколько мудрее он был бы, если бы в соответствии со своей военной дисциплиной организовал промышленность и научил людей добывать своим собственным трудом то, чего он тщетно пытался их лишить. В таком случае, наслаждаясь счастливыми мыслями и приятными чувствами, гражданин не знал бы иного желания, кроме того, которое пытался внушить ему законодатель, — любви к чести и славе, торжествам таланта и добродетели.

"Золото и все виды украшений были запрещены женщинам". Абсурд. После смерти Ликурга его институты пришли в упадок, и за четыре столетия до христианской эры от былой простоты не осталось и следа. Роскошь и жажда золота рано развились у спартанцев в такой степени, какой можно было ожидать из-за их вынужденной бедности и неопытности в искусстве. Историки обвиняли Павсания, Лисандра, Агесилая и других в том, что они развратили мораль своей страны путем использования богатств, добытых на войне. Это клевета. Мораль спартанцев неизбежно испортилась, как только лакедемонянская бедность соприкоснулась с персидской

роскошью и афинской элегантностью. Таким образом, Ликург совершил роковую ошибку, пытаясь внушить великодушие и скромность, навязывая тщеславную и гордую простоту.

"Ликург не боялся безделья! Лакедемонянин, случайно оказавшийся в Афинах (где праздность была запрещена) во время наказания гражданина, признанного виновным, попросил разрешения увидеть афинянина, осужденного таким образом за то, что он воспользовался правами свободного человека.... Одним из принципов Ликурга, которому следовали на протяжении нескольких столетий, было то, что свободные люди не должны заниматься прибыльными профессиями.... Женщины презирали домашний труд; они не пряли шерсть сами, как это делали другие греки (значит, они не читали Гомера!); они предоставляли своим рабам шить для них одежду". — Пасторе: История законодательства.

Могло ли быть что-либо более противоречивое? Ликург запретил собственность среди граждан и основал средства существования на наихудшей форме собственности — на собственности, полученной силой. Что удивительного после этого, что ленивый город, где не было никакой промышленности, превратился в логово алчности? Спартанцы тем легче поддавались соблазну роскоши и азиатского сладострастия, что были полностью отданы на их милость своей собственной грубостью. То же самое произошло с римлянами, когда военный успех вывел их из Италии, — вещь, которую автор "прозопопеи" Фабриция объяснить не смог. Нравы развращает не развитие искусств, а их деградация, вызванная бездействием и роскошным изобилием. Инстинкт собственности состоит в том, чтобы подчинить промышленность Дедала, так же как и талант Фидия, своим собственным фантастическим прихотям и постыдным удовольствиям. Собственность, а не богатство погубило спартанцев.

Когда появился Солон, анархия, вызванная собственностью, была в Афинской республике в самом разгаре. "Жители Аттики разделились между собой по поводу формы правления. Те, кто жил в горах (бедняки), предпочитали народную форму; те, кто жил на равнине (средний класс), — олигархов; те, кто жил на морском побережье, — смесь олигархии и демократии. Другие разногласия возникали из-за неравенства состояний. Взаимный антагонизм богатых и бедных стал настолько сильным, что единоличная власть казалась единственной надежной защитой от революции, которая угрожала республике". (Пасторе: История законодательства.)

Ссоры между богатыми и бедными, которые редко случаются в монархиях, потому что хорошо установленная власть подавляет разногласия, по-видимому, являются жизнью народных правительств. Аристотель заметил это. Угнетение богатства, обусловленное аграрными законами или чрезмерным налогообложением; ненависть низших классов к высшему классу, который всегда подвергается клеветническим обвинениям, выдвигаемым в надежде на конфискацию, — вот те черты афинского правительства, которые были особенно отвратительны Аристотелю и которые побудили его отдать предпочтение ограниченной монархии. Аристотель, если бы он жил в наши дни, поддержал бы конституционное правительство. Но, при всем уважении к стагириту, правительство, приносящее жизнь пролетария в жертву жизни собственника, столь же иррационально, как и то, которое поддерживает первых, грабя вторых; ни одно из них не заслуживает поддержки свободного человека, а тем более философа.

Солон последовал примеру Ликурга. Он отпраздновал свое законодательное вступление упразднением долгов, то есть банкротством. Другими словами, Солон запускать государственную машину на более длительное или более короткое время в зависимости от процентной ставки. Следовательно, когда пружина ослабла и цепь размоталась, республика

должна была либо погибнуть, либо восстановиться путем второго банкротства. Этой уникальной политики придерживались все древние. После вавилонского пленения Неемия, глава еврейского народа, отменил долги; Ликург отменил долги; Солон отменил долги; римский народ после изгнания царей до восшествия на престол Цезарей боролся с Сенатом за отмену долгов. Впоследствии, ближе к концу республики и долгое время спустя после основания империи, когда сельское хозяйство было заброшено, а провинции обезлюдели из-за чрезмерных процентных ставок, императоры свободно предоставляли земли тому, кто хотел их обрабатывать, — то есть они ликвидировали долги. Никто, кроме Ликурга, впавшего в другую крайность, никогда не понимал, что главное - не освободить должников путем государственного переворота, а предотвратить сокращение долгов в будущем.

Напротив, самые демократические правительства всегда основывались исключительно на частной собственности, так что социальным элементом всех этих республик была война между гражданами.

Солон издал указ о проведении переписи всех состояний, определил политические права в зависимости от результатов, предоставил более крупным собственникам большее влияние, установил баланс сил — словом, внес в конституцию самую активную закваску раздора; как будто вместо законодателя, избранного народом, он был их злейшим врагом. В самом деле, разве это не верх неосторожности - предоставлять равные политические права людям, находящимся в неравных условиях? Если бы фабрикант, объединив всех своих рабочих в акционерное общество, предоставил каждому из них совещательный голос, то есть сделал бы их всех хозяевами, обеспечило бы это равенство господства дальнейшее неравенство заработной платы? Такова вся политическая система Солона, сведенная к ее простейшему выражению.

"Придав собственности справедливый перевес, - говорит г-н Пасторе, - Солон восстановил, насколько это было в его силах, свой первый официальный акт — отмену долгов.... Он считал, что ради общественного спокойствия обязан принести в жертву приобретенные права и естественное равенство. Но посягательство на личную собственность и письменные контракты - плохое предисловие к публичному кодексу".

На самом деле подобные нарушения всегда жестоко караются. В 89-м и 93-м годах имущество дворянства и духовенства было конфисковано, умные пролетарии обогатились; и сегодня последние, став аристократами, заставляют нас дорого платить за грабеж наших отцов. Что же, следовательно, нужно делать сейчас? Наша задача - не нарушать право, а восстанавливать его. Так вот, было бы нарушением справедливости лишать собственности одних и наделять других, а затем останавливаться на достигнутом. Мы должны постепенно снижать норму процента, организовать промышленность, объединить работников и их функции и провести перепись крупных состояний не с целью предоставления привилегий, а для того, чтобы мы могли осуществить их погашение путем выплаты пожизненной ренты их владельцам. Мы должны широко применять принцип коллективного производства, отдать государству исключительную власть над всем капиталом! возложить ответственность на каждого производителя, отменить таможенную и превратить каждую профессию и ремесло в общественную функцию. Таким образом, крупные состояния исчезнут без конфискации или насилия; личное владение

утвердится само собой, без коммунизма, под контролем республики; и равенство условий больше не будет зависеть просто от воли граждан.

Из авторов, писавших о римлянах, Боссюэ и Монтескье занимают видные позиции в первом ряду; первого обычно считают отцом философии истории, а второго - самым глубоким автором по вопросам права и политики. Тем не менее, можно было бы показать, что эти два великих писателя, каждый из которых проникнут предрассудками своего века и своей традиции, оставили вопрос о причинах возвышения и падения римлян именно там, где они его нашли.

Боссюэ достоин восхищения до тех пор, пока он ограничивается описанием: обратите внимание, среди прочих отрывков, на представленную им картину Греции до Персидской войны, которая, по-видимому, вдохновила "Телемаха"; на параллель между Афинами и Спартой, проводимую двадцать раз со времен Боссюэ; на описание характера и морали древних римлян; и, наконец, на возвышенное высказывание, которым завершается "Рассуждение о всеобщей истории". Но когда знаменитый историк имеет дело с причинами, его философия ошибается.

"Трибуны всегда выступали за раздел захваченных земель или доходов от их продажи между гражданами. Сенат решительно выступал против этих законов, наносящих ущерб государству, и хотел, чтобы стоимость земель поступала в государственную казну".

Таким образом, согласно Боссюэ, первое и величайшее зло гражданских войн было нанесено народу, который, умирая от голода, требовал, чтобы земли, за завоевание которых они проливали свою кровь, были отданы им для обработки. Патриции, которые покупали их, чтобы доставлять своим рабам, больше заботились о справедливости и общественных интересах. Как мало это влияет на мнение людей! Если бы роли Цицерона и Гракхов поменялись местами, Боссюэ, чьи симпатии были вызваны красноречием великого оратора больше, чем криками трибун, рассматривал бы аграрные законы совсем в другом свете. Тогда он понял бы, что интерес казны был лишь предлогом; что, когда захваченные земли были выставлены на аукцион, патриции поспешили купить их, чтобы воспользоваться доходами от них, более того, уверенные, что уплаченная цена рано или поздно вернется к ним в обмен либо на припасы, поставляемые ими республике, либо на пропитание толпы, которая могла купить только их, и чьи услуги в одно время и бедность в другое были вознаграждены государством. Ибо государство не копит; напротив, государственные средства всегда возвращаются к народу. Если, таким образом, определенное количество людей являются единственными торговцами предметами первой необходимости, то из этого следует, что государственная казна, проходя через их руки, депонирует и накапливает там недвижимое имущество.

Когда Менений рассказывал народу свою басню о членах и желудке, если бы кто-нибудь заметил этому рассказчику, что желудок даром снабжает члены пищей, которую он даром получает, но что патриции давали плебеям только за наличные и давали им взаймы только за ростовщичество, он, несомненно, заставил бы замолчать коварного сенатора и спас народ от большого обложения. Отцы-призывники были отцами только своей собственной линии. Что касается простых людей, то они считались нечистой расой, подверженной эксплуатации, облагаемой налогами и способной работать по усмотрению и милости своих хозяев.

Как правило, Боссюэ не проявляет особого уважения к людям. Его монархические и теологические инстинкты не знают ничего, кроме власти, послушания и раздачи милостыни под именем милосердия.

Это неудачное предрасположение постоянно приводит его к тому, что он принимает симптомы за причины; и его глубина, которой так восхищаются, позаимствована у его авторов и, в конце концов, ничего не значит.

Когда он говорит, например, что "разногласия в республике и, наконец, ее падение были вызваны завистью ее граждан и их любовью к свободе, доведенной до крайней и невыносимой степени", разве у нас нет соблазна спросить его, что вызвало эту ЗАВИСТЬ? — что вдохновило людей на эту ЛЮБОВЬ К СВОБОДЕ, КРАЙНЮЮ И НЕВЫНОСИМУЮ? Бесполезно было бы отвечать: разложение нравов; пренебрежение к древней бедности; разврат, роскошь и классовая зависть; мятежный характер Гракхов и т. Д. Почему нравы испортились и откуда возникли эти вечные раздоры между патрициями и плебеями?

В Риме, как и во всех других местах, разногласия между богатыми и бедными были вызваны не прямым стремлением к богатству (люди, как правило, не жаждут того, что они считают незаконным приобретать), а естественным инстинктом плебеев, который побудил их искать причину своих невзгод в конституции республики. Так мы поступаем и сегодня; вместо того чтобы изменять нашу государственную экономику, мы требуем избирательной реформы. Римский народ хотел вернуться к общественному договору; он требовал реформ, пересмотра законов и создания новых магистратур. Патриции, которым не на что было жаловаться, выступали против любого нововведения. Богатство всегда было консервативным. Тем не менее народ преодолел сопротивление сената; избирательное право было значительно расширено; привилегии плебеев были увеличены — у них были свои представители, свои трибуны и свои консулы; но, несмотря на эти реформы, республику спасти не удалось. Когда все политические средства были исчерпаны, когда гражданская война истощила население, когда цезари набросили свою кровавую мантию на раковую опухоль, пожиравшую империю, — поскольку накопленная собственность всегда пользовалась уважением, и поскольку пожар никогда не прекращался, нация должна была погибнуть в огне. Имперская власть была компромиссом, который защищал собственность богатых и кормил пролетариев пшеницей из Африки и Сицилии: двойная ошибка, которая уничтожила аристократов изобилием, а простолюдинов голодом. Наконец остался только один настоящий собственник - император, — чьим иждивенцем, льстецом, паразитом или рабом стал каждый гражданин; и когда этот собственник разорился, погибли и те, кто собирал крошки из-под его стола и смеялся, когда он отпускал шутки.

Монтескье преуспел не лучше Боссюэ в понимании причин упадка Рима; действительно, можно сказать, что президент лишь развил идеи епископа. Если бы римляне были более умеренными в своих завоеваниях, более справедливыми к своим союзникам, более гуманными к побежденным; если бы знать была менее алчной, императоры менее незаконными, народ менее жестоким, а все классы менее развращенными; если бы ... и т. Д., — возможно, достоинство империи могло бы быть сохранено, и Рим мог бы сохранить скипетр мира! Это все, что можно почерпнуть из учения Монтескье. Но истина истории заключается не в этом; судьбы мира не зависят от таких тривиальных причин. Страсти людей, подобно течению времени и разнообразию климата, служат поддержанию сил, которые движут человечеством и вызывают все исторические изменения; но они не объясняют их. Песчинка, о которой говорит Паскаль, могла бы стать причиной смерти только одного человека, если бы предшествующие действия не привели к событиям, которым предшествовала эта смерть.

Монтескье много читал; он досконально знает римскую историю, прекрасно знаком с людьми, о которых он говорит, и очень ясно видит, почему они смогли победить своих соперников и править миром. Читая его, мы восхищаемся римлянами, но они нам не нравятся; мы без удовольствия наблюдаем за их триумфами и без печали наблюдаем за их падением. Творчество Монтескье, как и произведения всех французских писателей, искусно составлено — энергично, остроумно и наполнено мудрыми наблюдениями. Он радуется, интересуется, наставляет, но почти не побуждает к размышлениям; он не покоряет глубиной мысли; он не возвышает ум возвышенным разумом или искренним чувством. Напрасно мы стали бы искать в его трудах сведения о древности, характере первобытного общества или описание героических эпох, мораль и предрассудки которых сохранялись до последних дней республики. Вико, рисуя римлян с их ужасными чертами, представляет их как простительных, потому что он показывает, что все их поведение определялось существовавшими ранее идеями и обычаями и что они были, так сказать, проинформированы высшим гением, о котором они не подозревали; у Монтескье зверства римлян возмущают, но не объясняются. Таким образом, как писатель, Монтескье делает большую честь французской литературе; как философ пальма первенства принадлежит Вико.

Первоначально собственность в Риме была национальной, а не частной. Нума был первым, кто установил индивидуальную собственность, распределив земли, захваченные Ромулом. Каковы были дивиденды от этого распределения, произведенного Нумой? Какие условия были наложены на отдельных лиц, какие полномочия были предоставлены государству? Абсолютно никаких. Неравенство состояний, абсолютный отказ республики от своего права выдающегося владения собственностью граждан — таковы были первые результаты раскола Нумы, которого по праву можно считать зачинщиком римских революций. Именно он установил поклонение богу Термину, хранителю частных владений и одному из древнейших богов Италии. Это был Нума, который отдал собственность под покровительство Юпитера; который, в подражание этрурийцам, пожелал сделать землемеров священниками; который изобрел литургию для кадастровых операций и церемонии освящения для обозначения границ, — короче говоря, который превратил собственность в религию. 51 Все эти фантазии были бы скорее полезными, чем опасными, если бы святой царь не забыл одну существенную вещь, а именно: установить сумму, которой мог владеть каждый гражданин, и на каких условиях он мог ею владеть. Ибо, поскольку сущность собственности состоит в постоянном увеличении за счет присоединения и получения прибыли, и поскольку кредитор воспользуется любой возможностью применить этот принцип, присущий собственности, из этого следует, что собственности имеют тенденцию, благодаря своей естественной энергии и религиозному уважению, которое их защищает, поглощать друг друга, а состояния увеличиваться или уменьшаться в неопределенной степени — процесс, который неизбежно приводит к разорению народа и падению республики. Римская история — это всего лишь развитие этого закона.

Едва Тарквинии были изгнаны из Рима и монархия упразднена, как между орденами начались раздоры. В 494 году до н.э. отделение общины от Святого престола привело к учреждению трибунала. На что жаловались плебеи? Что они были бедны, истощены процентами, которые они платили собственникам, — *foeneratoribus*; что республика, управляемая в интересах знати, ничего не делала для народа; что, отданные на милость своих кредиторов, которые могли продать их самих и их детей, и не имеющие ни очага, ни крова, они были лишены средств к существованию, в то время как норма процента оставалась на самом высоком уровне, и т.д. В течение пяти столетий единственной политикой сената было уклоняться от этих справедливых

жалоб; и, несмотря на энергию трибунов, несмотря на красноречие Гракхов, жестокость Мария и триумф Цезаря, эта отвратительная политика увенчалась слишком большим успехом. Сенат всегда тянул время; меры, предложенные трибунами, могли быть хороши, но они были несвоевременны. Он признал, что что-то должно быть сделано; но сначала было необходимо, чтобы народ возобновил исполнение своих обязанностей, потому что Сенат не мог уступить насилию, а сила должна применяться только в соответствии с законом. Если народ — из уважения к законности — последовал этому прекрасному совету, то Сенат столкнулся с трудностями; реформа была отложена, и на этом все закончилось. Напротив, если требования пролетариев становились слишком настоятельными, они объявляли иностранную войну, и соседние народы лишались свободы, чтобы сохранить римскую аристократию.

Но военные тяготы были лишь остановкой для плебеев в их дальнейшем движении к пауперизму. Земли, конфискованные у покоренных народов, были немедленно присоединены к владениям государства, к *ager publicus*; и, как таковые, обрабатывались в пользу казны; или, что случалось чаще, они продавались с аукциона. Ни одно из них не было предоставлено пролетариям, которые, в отличие от патрициев и рыцарей, не были обеспечены победой средствами для их покупки. Война никогда не обогащала солдата; обширным грабежом всегда занимались генералы. Фургоны Ожеро и двадцати других известны в наших армиях; но никто никогда не слышал о том, чтобы рядовой разбогател. В Риме не было ничего более распространенного, чем обвинения в казнокрадстве, вымогательстве, растрате и разбое, совершавшиеся в провинциях во главе армий и на других государственных должностях. Все эти обвинения были смягчены интригами, подкупом судей или нежеланием обвинителя. В конце концов преступнику всегда позволялось спокойно наслаждаться добычей; его сын пользовался еще большим уважением только из-за преступлений своего отца. И, по сути, иначе и быть не могло. Что бы с нами стало, если бы каждого депутата, пэра или государственного служащего призвали продемонстрировать свое право на свое состояние!

"Патриции присвоили себе исключительное пользование *ager publicus* и, подобно феодальным сеньорам, предоставили некоторые участки своих земель своим иждивенцам — совершенно ненадежная уступка, подлежащая отмене по воле лица, предоставляющего право. Плебеи, напротив, имели право пользоваться лишь небольшим количеством пастбищ, оставленных им совместно: совершенно несправедливое положение вещей, поскольку вследствие этого налогообложение *-перепись-* ложилось более тяжелым бременем на бедных, чем на богатых. Патриций, по сути, всегда освобождал себя от десятины, которую он должен был уплатить в качестве цены и в знак признания уступки владения; и, с другой стороны, не платил налогов на свое ИМУЩЕСТВО, если, как есть веские основания полагать, налогом облагалась только собственность граждан". —Лабуле: История собственности.

Чтобы досконально понять предыдущую цитату, мы должны знать, что поместья ГРАЖДАН, то есть поместья, не зависящие от общественного достояния, независимо от того, были ли они получены при разделении Нума или впоследствии проданы квесторами, — сами по себе рассматривались как СОБСТВЕННОСТЬ; на них был наложен налог, или *ценз*. Напротив, поместья, полученные в результате уступок общественного достояния, *ager publicus* (за которые выплачивалась небольшая арендная плата), назывались ВЛАДЕНИЯМИ. Таким образом, у римлян существовало ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ и ПРАВО ВЛАДЕНИЯ, регулирующее управление всеми поместьями. Итак, чего хотели пролетарии? Что *jus possessionis* — простое право владения — должно быть распространено на них за счет, как очевидно, не частной

собственности, а общественного достояния, — *agri publici*. Короче говоря, пролетарии требовали, чтобы они были арендаторами земли, которую они завоевали. Патриции в своей алчности никогда не согласились бы с этим требованием. Купив столько этой земли, сколько смогли, они впоследствии нашли способы приобрести остальную ЧАСТЬ в СОБСТВЕННОСТЬ. На этой земле они нанимали своих рабов. Люди, которые не могли ни покупать из-за конкуренции богатых, ни нанимать, потому что, обрабатывая землю своими руками, они не могли обещать ренту, равную доходу, который приносила бы земля при обработке рабами, всегда были лишены владения и собственности.

Гражданские войны в какой-то степени облегчали страдания множества людей. "Люди записывались под знамена честолубцев, чтобы силой получить то, в чем им отказывал закон, — собственность. Колония была наградой победоносному легиону. Но теперь уже не только *ager publicus*; вся Италия была отдана на милость легионов. Общественный возраст исчез почти полностью ... но причина зла — накопленная собственность — стала более могущественной, чем когда-либо". (Лабуле: История собственности.)

Автор, которого я цитирую, не объясняет нам, почему это разделение территории, последовавшее за гражданскими войнами, не остановило посягательства на накопленную собственность; это упущение легко восполнить. Земля - не единственное, что необходимо для обработки; необходим также рабочий инвентарь— животные, инструменты, упряжь, дом, аванс и т. Д. Откуда колонисты, уволенные диктатором, который вознаграждал их, получили все это? Из кошелька ростовщиков, то есть патрициев, которым все эти земли в конце концов вернулись вследствие быстрого роста ростовщичества и захвата поместий. Саллюстий в своем рассказе о заговоре Катилины сообщает нам об этом факте. Заговорщиками были старые солдаты Суллы, которые в награду за свои услуги получили от него земли в Цизальпинской Галлии, Тоскане и других частях полуострова. Не прошло и двадцати лет с тех пор, как эти колонисты, свободные от долгов, оставили службу и занялись земледелием; и уже они были искалечены ростовщичеством и почти разорены. Нищета, вызванная требованиями кредиторов, была основой этого заговора, который почти охватил всю Италию и который, возможно, преуспел бы при более достойном руководителе и более справедливых средствах. В Риме народные массы благосклонно относились к заговорщикам — *cuncta plebes Catilinae incepta probabat*; союзники устали от грабежей патрициев; депутаты от аллоброгов (савояров) прибыли в Рим, чтобы обратиться к Сенату от имени своих сограждан, погрязших в долгах; короче говоря, жалоба на крупных собственников была всеобщей. "Мы призываем людей и богов в свидетели, - сказали солдаты Катилины, которые были римскими гражданами, и среди них не было ни одного раба, - что мы взяли оружие не против страны и не для того, чтобы нападать на кого-либо, а для защиты наших жизней и свобод. Несчастные, нищие, большинство из нас лишены родины, все мы - славы и богатства из-за насилия и жестокости ростовщиков, у нас нет ни прав, ни собственности, ни свободы". 52

Дурная репутация Катилины и его чудовищные замыслы, неосторожность его сообщников, измена нескольких человек, стратегия Цицерона, вспышки гнева Катона и ужас сената помешали этому предприятию, которое, создав прецедент для походов против богатых, возможно, спасло бы республику и даровало мир всему миру. Но Рим не мог уклониться от своей судьбы; конец его искуплению еще не наступил. Никогда не было известно, чтобы нация предвосхищала свое наказание внезапным и неожиданным обращением. Теперь затянувшиеся преступления Вечного города не могли быть искуплены резней нескольких сотен патрициев.

Катилина пришел, чтобы остановить божественную месть; следовательно, его заговор провалился.

Посягательство крупных собственников на мелких собственников с помощью ростовщичества, арендной платы и прибыли всех видов было обычным явлением по всей империи. Самые честные граждане вкладывали свои деньги под высокие проценты. 53 Катон, Цицерон, Брут, все стоики, столь известные своей бережливостью, *virī frugī*, — Сенека, учитель добродетели, — взимали огромные налоги в провинциях под названием ростовщичества; и примечательно, что последние защитники республики, гордые Помпеи, все были аристократами-ростовщиками и угнетателями бедных. Но после битвы при Фарсале, в которой погибли только люди, не затронув учреждений, посягательства со стороны крупных владений с каждым днем становились все более активными. С момента зарождения христианства Отцы Церкви изо всех сил противодействовали этому вторжению. Их труды полны жгучих проклятий этому преступлению ростовщичества, в котором христиане не всегда невинны.

Святой Киприан жалуется на некоторых епископов его времени, которые, поглощенные позорными биржевыми операциями, бросили свои церкви и разъезжали по провинциям, присваивая земли обманом, ссужая деньги и нагромождая проценты на проценты. 54 Почему в разгар этой страсти к накоплению владение общественной землей, подобно частной собственности, не сосредоточилось в нескольких руках?

По закону владения государства были неотчуждаемы, и, следовательно, владение всегда подлежало отмене; но эдикт претора продлевал это действие на неопределенный срок, так что в конце концов владения патрициев были преобразованы в абсолютную собственность, хотя название "владения" все еще применялось к ним. Это обращение, спровоцированное алчностью сенаторов, было обусловлено самой прискорбной и неосмотрительной политикой. Если бы во времена Тиберия Гракха, который хотел ограничить владение каждым гражданином публичным земельным участком пятьюстами акрами, размер этого владения был установлен на уровне, достаточном для обработки одной семьей, и предоставлен при четком условии, что владелец должен обрабатывать его сам и никому не сдавать в аренду, империя никогда не была бы опустошена крупными поместьями; и владение, вместо увеличения собственности, поглотило бы ее. От чего же тогда зависело установление и поддержание равенства в условиях и судьбе? О более справедливом разделении общественного возраста, о более разумном распределении права владения.

Я настаиваю на этом моменте, который имеет первостепенное значение, потому что он дает нам возможность изучить историю этого индивидуального владения, о котором я так много говорил в своих первых мемуарах и который, похоже, поняли так мало моих читателей. Римская республика, имевшая право неограниченно распоряжаться своей территорией и налагать условия на владельцев, была ближе к свободе и равенству — чем какая-либо нация с тех пор. Если бы Сенат был разумным и справедливым, — если бы во время отступления к Священной горе, вместо нелепого фарса, разыгранного Менением Агриппой, каждый гражданин торжественно отказался от права приобретения при получении своей доли имущества, — республика, основанная на равенстве имущества и трудовой обязанности, не выродилась бы в нравственном отношении при достижении своего богатства; Фабриций наслаждался бы искусствами, не контролируя художников; и завоевания древних римлян были бы средством

распространения цивилизации, а не средством борьбы с ней. серия убийств и ограблений, которыми они были.

Но собственность, обладавшая неограниченной властью накапливать и сдавать в аренду, ежедневно увеличивалась за счет добавления новых владений. Со времен Нерона шесть человек были единоличными владельцами половины римской Африки. В пятом веке доходы богатых семей составляли не менее двух миллионов долларов: некоторые владели до двадцати тысяч рабов. Все авторы, писавшие о причинах падения Римской республики, сходятся во мнении.

Месье Жиро из Экса [55](#) цитирует свидетельства Цицерона, Сенеки, Плутарха, Олимпиодора и Фотия. При Веспасиане и Тите Плиний, натуралист, воскликнул: "Большие поместья разорили Италию и разоряют провинции".

Но никогда не было понято, что расширение собственности осуществлялось тогда, как и сегодня, под эгидой закона и в силу конституции. Когда Сенат продавал захваченные земли с аукциона, это было в интересах казны и общественного благосостояния. Когда патриции скупали имущество, они понимали цель постановлений Сената; когда они давали займы под высокие проценты, они пользовались юридической привилегией. "Собственность, - сказал кредитор, - это право пользоваться ею, даже в степени злоупотребления, *jus utendi et abutendi*; то есть право давать займы под проценты, сдавать в аренду, приобретать, а затем снова сдавать в аренду и давать займы". Но собственность - это также право на обмен, передачу и продажу. Итак, если общественные условия таковы, что собственник, разоренный ростовщицеством, может быть вынужден продать свою собственность, средства к существованию, он продаст ее; и, благодаря закону, накопленная собственность — собственность пожирателей и антропофагов — будет установлена.[56](#)

Непосредственной и вторичной причиной упадка римлян были, таким образом, внутренние раздоры между двумя сословиями республики — патрициями и плебеями, — раздоры, которые привели к гражданским войнам, проскрипциям и потере свободы и, в конце концов, привели к созданию империи; но первичной и промежуточной причиной их упадка было установление Нумой института собственности.

Я заканчиваю выдержкой из работы, которую я цитировал уже несколько раз и которая недавно получила премию Академии моральных и политических наук:

"Концентрация собственности, - говорит г-н Лабуле, - хотя и приводила к крайней бедности, вынуждала императоров кормить и развлекать народ, чтобы он мог забыть о своих страданиях. *Панем и цирки*: таков был римский закон в отношении бедных; страшное и, возможно, неизбежное зло везде, где существует земельная аристократия.

"Чтобы накормить эти голодные рты, зерно привозили из Африки и провинций и безвозмездно раздавали нуждающимся. Во времена Цезаря таким образом кормились триста двадцать тысяч человек. Август видел, что такая мера прямо вела к уничтожению земледелия; но отменить эти раздачи означало дать оружие в руки первому претенденту на власть.

Император съежился при этой мысли.

"Пока зерно давалось даром, сельское хозяйство было невозможно. Обработка почвы уступила место выпасу скота, что стало еще одной причиной сокращения населения, даже среди рабов.

"Наконец, роскошь, распространявшаяся с каждым днем все дальше и дальше, покрыла землю Италии элегантными виллами, которые занимали целые кантоны. Сады и рощи заменили поля, и свободное население бежало в города. Земледелие исчезло почти полностью, а вместе с земледелием и земледелец. Африка поставляла пшеницу, а Греция - вино. Тиберий горько жаловался на это зло, отдавшее жизни римского народа на милость ветров и волн: такова была его тревога. День спустя триста тысяч голодающих вышли на улицы Рима: это была революция.

Этот упадок Италии и провинций не прекратился. После правления Нерона началась депопуляция в таких известных городах, как Анций и Тарент. Во времена правления Пертинакса было так много пустынных земель, что император передал их, даже те, что принадлежали казне, тому, кто будет их обрабатывать, помимо освобождения фермеров от налогов сроком на десять лет. Сенаторы были вынуждены вложить треть своего состояния в недвижимость в Италии; но эта мера только усилила зло, от которого они хотели избавиться. Заставить богатых владеть в Италии означало увеличить крупные поместья, которые разорили страну. И должен ли я, наконец, сказать, что Аврелиан хотел отправить пленников в пустынные земли Этрурии, а Валентиниан был вынужден поселить аламаннов на плодородных берегах По?

Если читатель, просматривая эту книгу, пожалуется, что не встречает ничего, кроме цитат из других работ, выдержек из журналов и публичных лекций, комментариев к законам и их толкований, я хотел бы напомнить ему, что сама цель этих мемуаров - установить соответствие моего мнения о собственности общепринятому; что я далек от стремления к парадоксу, моим главным занятием было следовать советам мира; и, наконец, что моя единственная претензия - четко сформулировать общее мнение. Я не могу повторять это слишком часто, — и я признаю это с гордостью, — я не учу абсолютно ничему новому; и я счел бы доктрину, которую я защищаю, радикально ошибочной, если бы хоть один свидетель свидетельствовал против нее.

Давайте теперь проследим имущественные перевороты у варваров.

Пока германские племена жили в своих лесах, им не приходило в голову делить и присваивать землю. Земля была общей: каждый человек мог пахать, сеять и жать. Но когда империя однажды подверглась вторжению, они подумали о том, чтобы разделить землю точно так же, как они делили добычу после победы. "Отсюда, - говорит М. Лабуле, - выражения *sortes Burgundiorum Gothorum* и (греческое, 'k'); отсюда немецкие слова *allod*, *allodium*, и *loos*, *lot*, которые используются во всех современных языках для обозначения даров случая".

Таким образом, аллодиальная собственность, по крайней мере, с массой сопартентов, первоначально принадлежала равным долям; поскольку все призы были равными или, по крайней мере, эквивалентными. Эта собственность, как и собственность римлян, была полностью индивидуальной, независимой, исключительной, подлежащей передаче и, следовательно, подверженной накоплению и вторжению. Но вместо того, чтобы быть, как это было у римлян, большим сословием, которое посредством увеличения и ростовщичества подчиняло и поглощало малое, у варваров, более любящих войну, чем богатство, более стремящихся распоряжаться людьми — чем присваивать вещи, именно воин благодаря превосходству в вооружении поработил своего противника. Римлянин хотел материю; варвар хотел человека. Следовательно, в феодальные времена арендная плата составляла почти

ничего — просто зайца, куропатку, пирог, несколько пинт вина, принесенного маленькой девочкой, или майское дерево, установленное в пределах досягаемости сюзерена. Взамен вассал или должностное лицо должно было следовать за сеньором на битву (что происходило почти каждый день), экипироваться и питаться за свой счет. "Этот дух германских племен — этот дух товарищества и ассоциации — управлял территорией так же, как он управлял отдельными людьми. Земли, как и люди, были закреплены за вождем или сеньором узами взаимной защиты и верности. Это подчинение было результатом немецкой эпохи, породившей феодализм. Честными или нечестными средствами каждый собственник, который не мог быть вождем, был вынужден стать вассалом ". (Лабуле: История собственности.)

Честными или нет средствами каждый механик, который не может быть мастером, должен быть подмастерьем; каждый собственник, который не является захватчиком, будет захвачен; каждый производитель, который не может за счет эксплуатации других людей производить продукцию дешевле ее надлежащей стоимости, потеряет свой труд. Корпорации и господства, которые мы так люто ненавидим, но которые появятся снова, если мы не будем осторожны, являются необходимыми результатами принципа конкуренции, который присущ собственности; их организация ранее строилась по образцу феодальной иерархии, которая была результатом подчинения людей и собственности.

Времена, которые проложили путь к приходу феодализма и возрождению крупных собственников, были временами кровавой бойни и самой ужасающей анархии. Никогда прежде убийства и насилие не причиняли такого опустошения человеческой расе. Десятый век, среди прочих, если мне не изменяет память, был назван ВЕКОВ ЖЕЛЕЗА. Его имущество, его жизнь и честь его жены и детей всегда были в опасности, и мелкий собственник поспешил засвидетельствовать почтение своему сеньору и пожертвовать что-нибудь церкви, находящейся в его собственности, чтобы он мог получить защиту.

"Как факты, так и законы свидетельствуют о том, что с VI по X век владельцы небольших фригальдов постепенно подвергались разграблению или были низведены посягательствами крупных собственников и графов до положения либо вассалов, либо данников. Капитулярии полны репрессивных положений; но непрекращающееся повторение этих угроз только показывает упорство зла и бессилие правительства. Более того, методы угнетения мало различаются. Жалобы свободных собственников и стоны плебеев во времена Гракхов были одним и тем же. Говорят, что всякий раз, когда бедняк отказывался отдать свое имущество епископу, викарию, графу, судье или центуриону, они немедленно искали случая разорить его. Они заставляли его служить в армии до тех пор, пока, полностью разоренный, он не был вынужден, честными или подлыми средствами, отказаться от своего владения ". — Лабуле: История собственности.

Сколько мелких собственников и производителей не были разорены крупными из-за махинаций, судебных исков и конкуренции? Стратегия, насилие и ростовщичество — таковы методы собственника ограбления рабочего.

Таким образом, мы видим собственность во все времена и во всех ее формах, колеблющуюся в силу своего принципа между двумя противоположными терминами — крайним разделением и крайним накоплением.

Собственность в ее первом значении практически равна нулю. Сведенная к личной эксплуатации, она является собственностью лишь потенциально. На втором этапе она существует в своем совершенстве; тогда это действительно собственность.

Когда собственность широко распределена, общество процветает, прогрессирует, разрастается и быстро достигает зенита своего могущества. Таким образом, евреи, покинув Вавилон вместе с Ездрой и Неемией, вскоре стали богаче и могущественнее, чем они были при своих царях. Спарта находилась в сильном и процветающем состоянии в течение двух или трех столетий, последовавших за смертью Ликурга. Лучшими днями Афин были времена персидской войны; Рим, жители которого с самого начала были разделены на два класса — эксплуататоров и эксплуатируемых, — не знал такого понятия, как мир.

Когда собственность концентрируется, общество, злоупотребляя собой, так сказать, загрязняясь, коррумпируется, изнашивается — как бы мне выразить эту ужасную мысль? — погружается в продолжительную и пагубную роскошь.

Когда установился феодализм, общество должно было умереть от той же болезни, которая убила его при цезарях, — я имею в виду накопленную собственность. Но человечество, созданное для бессмертной судьбы, бессмертно; революции, которые его тревожат, — это очищающие кризисы, за которыми неизменно следует более крепкое здоровье. В пятом веке вторжение варваров частично вернуло мир к состоянию естественного равенства. В двенадцатом веке новый дух, пронизывающий все общество, дал рабу его права и через справедливость вдохнул новую жизнь в сердца народов. Было сказано и часто повторялось, что христианство возродило мир. Это правда; но мне кажется, что в дате допущена ошибка. Христианство не оказало никакого влияния на римское общество; когда пришли варвары, это общество исчезло. Ибо таково Божье проклятие собственности; всякая политическая организация, основанная на эксплуатации человека, должна погибнуть: рабский труд — это смерть для расы тиранов. Патрицианские семьи вымерли, как это произошло с феодальными семьями и как должно быть со всеми аристократиями.

Именно в средние века, когда реакционное движение начало тайно подрывать накопленную собственность, влияние христианства впервые проявилось в полной мере.

Разрушение феодализма, превращение крепостного в простолюдина, освобождение общин и приход Третьего сословия к политической власти были делами, совершенными исключительно христианством. Я говорю "христианство", а не "экклезиастизм", ибо священники и епископы сами были крупными собственниками и как таковые часто преследовали вилланов. Без средневекового христианства существование современного общества не могло быть объяснено и было бы невозможно.

Истинность этого утверждения подтверждается теми самыми фактами, которые приводит М. Лабуле, хотя этот автор склоняется к противоположному мнению. [57](#)

Так вот, мы начали любить Бога и думать о своем спасении только после распространения Евангелия.

1. Рабство у римлян. — "Римский раб был в глазах закона всего лишь вещью, не более чем бык или лошадь. У него не было ни собственности, ни семьи, ни личности; он был беззащитен перед жестокостью, безрассудством или алчностью своего хозяина. "Продавай своих быков, которые

не годятся, - сказал Катон, - продавай своих телят, своих ягнят, свою шерсть, свои шкуры, свои старые плуги, свое старое железо, своего старого раба и своего больного раба, и все, что тебе бесполезно". Когда не нашлось рынка сбыта для рабов, измученных болезнями или старостью, их бросили умирать с голоду. Клавдий был первым защитником этой позорной практики".

"Увольте своего старого работника, - говорит экономист школы собственников, - выгоните эту больную прислугу, этого беззубого и изношенного слугу. Уберите непригодную красоту; в больницу с бесполезными ртами!"

"Положение этих несчастных существ мало улучшилось при императорах; и лучшее, что можно сказать о доброте Антонина, это то, что он запретил невыносимую жестокость как ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ СОБСТВЕННОСТЬЮ. *Expedit enim reipublicae ne quis re re sua male utatur*, says Gaius.

"Как только Церковь собралась на совет, она обрушила анафему на хозяев, которые осуществляли над своими рабами это ужасное право на жизнь и смерть. Разве рабы, благодаря праву на убежище и своей бедности, не были самыми дорогими защитниками религии? Константин, воплотивший в законах великие идеи христианства, ценил жизнь раба так же высоко, как и свободного человека, и объявил господина, намеренно навлекшего смерть на своего раба, виновным в убийстве. Между этим законом и законом Антонина происходит полный переворот в моральных представлениях: раб был вещью; религия сделала его человеком".

Обратите внимание на последние слова: "Между законом Евангелия и законом Антонина происходит полный переворот в моральных представлениях: раб был вещью; религия сделала его человеком". Моральная революция, превратившая раба в гражданина, была произведена христианством еще до того, как варвары ступили на землю империи. Нам остается только проследить ход этой МОРАЛЬНОЙ революции в КАДРАХ общества. "Но, - справедливо замечает г-н Лабуле, - это изменило положение людей не в одно мгновение, как и положение вещей; между рабством и свободой была пропасть, которую нельзя было заполнить за один день; переходной ступенью было рабство".

Итак, что такое подневольное состояние? Чем оно отличалось от римского рабства и откуда взялось это отличие? Пусть ответит тот же автор.

2. О рабстве.— "Я вижу в поместье лорда рабов, на которых возложены домашние обязанности. Некоторые из них наняты для личной службы хозяину; другим поручены домашние заботы. Женщины прядут шерсть; мужчины мелют зерно, пекут хлеб или практикуют в интересах сеньора то немного, что они знают о промышленном искусстве. Хозяин наказывает их, когда ему заблагорассудится, безнаказанно убивает и продает их самих, как стадо крупного рогатого скота. У раба нет личности, и, следовательно, нет *свойственного ему* вергельда⁵⁸, - он вещь. *Вергельд* принадлежит хозяину в качестве компенсации за потерю его собственности. Убит ли раб или украден, возмещение не меняется, ибо ущерб один и тот же; но возмещение увеличивается или уменьшается в зависимости от стоимости крепостного. Во всех этих деталях германское рабство и римское подневольное состояние схожи".

Это сходство заслуживает внимания. Рабство всегда одно и то же, будь то на римской вилле или на ферме варваров. Человек, подобно быку и ослу, является частью живого скота; за его голову

назначена награда; он - инструмент без совести, движимое имущество без личности, безупречное, безответственное существо, у которого нет ни прав, ни обязанностей.

Почему его состояние улучшилось?

"В хорошее время года..." [когда?] "крепостного стали рассматривать как человека; и, как таковой, закон вестготов, под влиянием христианских идей, наказывал штрафом или изгнанием любого, кто искалечил или убил его".

Всегда христианство, всегда религия, хотя нам хотелось бы говорить только о законах. Филантропия вестготов впервые проявилась до или после проповеди Евангелия? Этот момент необходимо прояснить.

"После завоевания крепостные были разбросаны по большим поместьям варваров, у каждого был свой дом, свой участок и свои материальные ценности, в обмен на которые он платил арендную плату и выполнял службу. Они редко разлучались со своими домами, когда их земля продавалась; они и все, что у них было, становилось собственностью покупателя. Закон благоприятствовал такой реализации крепостного, не позволяя ему быть проданным из страны".

Что вдохновило этот закон, разрушительный не только для рабства, но и для самой собственности? Ибо, если хозяин не может изгнать из своих владений раба, которого он однажды поселил там, из этого следует, что раб является собственником так же, как и хозяин.

"Варвары, — снова говорит г-н Лабуле, - были первыми, кто признал права раба на семью и собственность - два права, несовместимых с рабством".

Но было ли это признание необходимым результатом режима рабства, вошедшего в моду среди германских народов до их обращения в христианство, или же это было непосредственным следствием того духа справедливости, проникнутого религией, благодаря которому сеньор был вынужден уважать в крепостном душу, равную его собственной, брата в Иисусе Христе, очищенного тем же крещением и искупленного той же жертвой Сына Божьего в образе человека? Ибо мы не должны закрывать глаза на тот факт, что, хотя варварская мораль, невежество и беспечность сеньоров, которые занимались главным образом войнами и сражениями, уделяя мало внимания сельскому хозяйству или вообще не уделяя его, возможно, были большим подспорьем в освобождении крепостных, все же жизненный принцип этого освобождения был по сути христианским. Предположим, что варвары остались язычниками посреди языческого мира. Поскольку они не изменили Евангелие, они не изменили бы и политеистических обычаев; рабство осталось бы таким, каким оно было; они продолжали бы убивать рабов, жаждущих свободы, семьи и собственности; целые народы были бы низведены до состояния илотов; на земной сцене ничего бы не изменилось, за исключением актеров. Варвары были менее эгоистичны, менее властны, менее распутны и менее жестоки, чем римляне. Такова была природа, на которую после падения империи и обновления общества должно было воздействовать христианство. Но эта природа, основанная, как и в прежние времена, на рабстве и войне, своей собственной энергией не произвела бы ничего, кроме войны и рабства.

"ПОСТЕПЕННО крепостные получили привилегию быть судимыми по тем же стандартам, что и их хозяева"

Когда, как и на основании какого титула они получили эту привилегию?

"ПОСТЕПЕННО их обязанности были регламентированы".

Откуда взялись эти правила? У кого были полномочия их вводить?

"Хозяин забирает часть труда крепостного, — например, три дня, — а остальное оставлял ему. Что же касается воскресенья, то оно принадлежало Богу".

А что установило воскресенье, если не религия? Отсюда я делаю вывод, что та же самая власть, которая взяла на себя обязательство приостановить военные действия и облегчить обязанности крепостного, была также той, которая регулировала судебную систему и создала своего рода закон для раба.

Но сам этот закон, на что он опирался?—каков был его принцип?—какова была философия соборов и пап по отношению к этому вопросу? Ответу на все эти вопросы, исходящему от меня одного, никто бы не поверил. Авторитет мсье Лабуле подтвердит мои слова. Эта святая философия, которой рабы были обязаны всем, это обращение к Евангелию было анафемой собственности.

Владельцы мелких фригольдов, то есть свободные представители среднего класса, вследствие тирании знати оказались в худшем положении, чем арендаторы и крепостные. "Военные расходы ложились меньшим бременем на крепостного, чем на свободного человека; а что касается правовой защиты, то дворянский суд, где крепостного судили его пэры, был гораздо предпочтительнее кантонального собрания. Лучше иметь дворянина в качестве сеньора, чем в качестве судьи".

Так что сегодня лучше иметь в качестве партнера человека с большим капиталом, чем конкурента. Честному арендатору — рабочему, который еженедельно получает умеренную, но постоянную зарплату, — можно позавидовать больше, чем независимому, но мелкому фермеру или бедному лицензированному механику.

В то время все были либо сеньорами, либо крепостными, угнетателями или угнетаемых. "Затем, под защитой монастырей или сеньориальной башни, были сформированы новые общества, которые безмолвно распространились по почве, плодородной их руками, и которые черпали свою силу в уничтожении свободных классов, которых они привлекли на свою сторону. Как арендаторы, эти люди из поколения в поколение приобретали священные права на землю, которую они обрабатывали в интересах ленивых и грабительствующих хозяев. Как только социальная буря утихла, стало необходимо уважать союз и наследие этих вилланов, которые своим трудом действительно возделывали почву для собственной выгоды".

Я спрашиваю, как предписание могло вступить в силу, если уже существовали противоположные правоустанавливающие документы и владение? М. Лабуле - юрист. Где же тогда он когда-либо видел, чтобы труд раба и обработка земли арендатором использовались для получения собственной прибыли в ущерб признанному хозяину, ежедневно действующему как собственник? Давайте не будем ничего скрывать. Как только арендаторы и крепостные разбогатели, они захотели быть независимыми и свободными; они начали объединяться, разворачивать свои муниципальные знамена, возводить колокольни, укреплять свои города и отказываться платить сеньориальные взносы. Поступая таким образом, они были совершенно

правы, ибо на самом деле их положение было невыносимым. Но по закону — я имею в виду римское и наполеоновское право — их отказ подчиняться своим хозяевам и платить им дань был незаконным.

Так вот, эта незаметная узурпация собственности простолюдинами была вдохновлена религией.

Сеньор привязал крепостного к земле; религия предоставила крепостному права на землю. Сеньор налагал на крепостного обязанности; религия устанавливала их пределы. Сеньор мог безнаказанно убить крепостного, мог лишить его жены, изнасиловать его дочь, разграбить его дом и лишить его сбережений; религия сдерживала его вторжения: она отлучала сеньора от церкви. Религия была реальной причиной разорения феодальной собственности. Почему бы ей не набраться смелости сегодня решительно осудить капиталистическую собственность? Со времен средневековья в социальной экономике не произошло никаких изменений, за исключением ее форм; ее отношения остаются неизменными.

Единственным результатом освобождения крепостных было то, что собственность перешла из рук в руки; или, скорее, были созданы новые собственники. Рано или поздно расширение привилегий, далекое от излечения зла, должно было обернуться в ущерб плебеям. Тем не менее, новая социальная организация не везде преследовала одну и ту же цель. Например, в Ломбардии, где люди, быстро разбогатевшие за счет торговли и промышленности, вскоре подчинили себе власти, вытеснив даже дворян, — сначала дворянство обеднело и деградировало и было вынуждено, чтобы жить и поддерживать свой кредит, вступать в гильдии; затем обычная субалтернизация собственности, ведущая к неравенству состояний, к богатству и бедности, к зависти и ненависти, города быстро вышли из состояния самой низкопробной демократии под гнетом нескольких амбициозных лидеров. Такова была судьба большинства ломбардских городов — Генуи, Флоренции, Болоньи, Милана, Пизы и других, — которые впоследствии часто меняли правителей, но которые с тех пор никогда не выступали за свободу. Люди могут легко спастись от тирании деспотов, но они не знают, как избавиться от последствий своего собственного деспотизма; точно так же, как мы избегаем оружия убийцы, в то время как поддаемся конституционной болезни. Как только нация становится собственником, она должна либо погибнуть, либо иностранное вторжение должно заставить ее снова начать свой эволюционный цикл. 59

"Когда коммуны были организованы, короли относились к ним как к высшим вассалам. Теперь, точно так же, как младший вассал не имел связи с королем, кроме как через прямого вассала, так и простолюдины не могли подавать никаких жалоб, кроме как через коммуну.

"Сходные причины порождают сходные следствия. Каждая коммуна превратилась в маленькое отдельное государство, управляемое несколькими гражданами, которые стремились распространить свою власть на другие; которые, в свою очередь, мстили несчастным жителям, не имевшим права гражданства. Феодализм в неземансипированных странах и олигархия в коммунах нанесли почти такой же ущерб. В коммунах существовали субассоциации, братства, ассоциации торговцев, а в университетах - колледжи. Угнетение было настолько велико, что не было редкостью видеть, как жители коммуны требовали его подавления...." —Мейер: Судебные институты Европы.

Во Франции революция была гораздо более постепенной. Коммуны, находившие убежище под защитой королей, нашли в них скорее хозяев, чем защитников. Их свобода была давным-давно

утрачена, или, скорее, их эмансипация была приостановлена, когда феодализм получил смертельный удар от руки Ришелье. Тогда свобода прекратилась; князь феодалов получил единоличную и безраздельную власть. Знать, духовенство, простолюдины, парламенты, короче говоря, все, за исключением нескольких кажущихся привилегий, находилось под контролем короля; который, как и его ранние предшественники, регулярно и почти всегда авансом расходовал доходы своих владений, а этими владениями была Франция.

Наконец наступил 89—й год; свобода возобновила свое шествие; потребовалось полтора столетия, чтобы уничтожить последнюю форму феодальной собственности - монархию.

Французскую революцию можно определить как *замену личного права реальным*; иными словами, во времена феодализма стоимость собственности зависела от положения собственника, в то время как после революции уважение к человеку было пропорционально его собственности. Итак, из того, что было сказано на предыдущих страницах, мы видели, что это признание прав трудящихся было постоянной целью крепостных и общин, тайным мотивом их усилий. Движение 89-го года было лишь последним этапом этого долгого восстания. Но мне кажется, что мы не обратили достаточного внимания на тот факт, что революция 1789 года, спровоцированная теми же причинами, воодушевленная тем же духом, одержавшая победу в той же борьбе, завершилась в Италии четыре столетия назад. Италия первой подала сигнал к войне против феодализма; Франция последовала за ней; Испания и Англия начинают действовать; остальные все еще спят. Если бы миру был подан великий пример, день суда был бы значительно сокращен.

Обратите внимание на следующее краткое изложение имущественных революций со времен Римской империи вплоть до настоящего времени:

1. Пятый век.—Вторжения варваров; разделение земель империи на независимые части или фригольды.
2. С пятого по восьмой век.— Постепенная концентрация фригольдов или превращение мелких фригольдов в феодалы, междоусобицы, землевладения и т. Д. Крупные владения, мелкие владения. Карл Великий (771-814) постановил, что все фригольды зависят от короля Франции.
3. С восьмого по десятый век. Связь между короной и высшими иждивенцами нарушена; последние становятся свободными владельцами, в то время как меньшие иждивенцы перестают признавать короля и подчиняются ближайшему сюзерену. Феодальная система.
4. Двенадцатый век.—Движение крепостных к свободе; эмансипация общин.
5. Тринадцатый век.—Отмена личных прав и феодальной системы в Италии. Итальянские республики.
6. Семнадцатый век.—Отмена феодализма во Франции во время правления Ришелье. Деспотизм.
7. 1789.—Отмена всех привилегий рождения, каст, провинций и корпораций; равенство лиц и прав. Французская демократия.
8. 1830.— Отмечен принцип концентрации, присущий индивидуальной собственности. Развитие идеи ассоциации.

Чем больше мы размышляем над этой серией трансформаций и изменений, тем яснее видим, что они были необходимы по своему принципу, по своим проявлениям и по своему результату.

Было необходимо, чтобы неопытные завоеватели, жаждущие свободы, разделили Римскую империю на множество поместий, таких же свободных и независимых, как они сами.

Было необходимо, чтобы эти люди, которым война нравилась даже больше свободы, подчинились своим лидерам; и поскольку фригольд представлял человека, эта собственность должна была нарушать собственность.

Было необходимо, чтобы под властью дворянства, которое всегда бездействовало, когда не воевало, выросло сообщество рабочих, которые благодаря производительной силе, а также разделению и обращению богатства постепенно получили бы контроль над торговлей, промышленностью и частью земли и которые, разбогатев, также стремились бы к власти.

Наконец, было необходимо, чтобы после достижения свободы и равенства прав и сохранения индивидуальной собственности, сопровождаемой грабежом, нищетой, социальным неравенством и угнетением, было проведено расследование причин этого зла и сформирована идея всеобщей ассоциации, посредством которой при условии труда все интересы должны быть защищены и консолидированы.

"Зло, когда оно заходит слишком далеко, - говорит ученый юрист, - излечивается само по себе; и политические новшества, направленные на усиление могущества государства, в конце концов становятся жертвами своих собственных действий. Немцы, чтобы обеспечить свою независимость, выбирали вождей, и вскоре они были угнетены своими королями и знатью. Монархи окружили себя добровольцами, чтобы контролировать свободных людей; и они оказались в зависимости от своих гордых вассалов. *Missi dominici* были посланы в провинции для поддержания власти императоров и защиты народа от притеснений знати; и они не только в значительной степени узурпировали императорскую власть, но и более сурово обращались с жителями. Свободные люди становились вассалами, чтобы избавиться от военной службы и придворных обязанностей; и они немедленно оказывались вовлеченными во все личные распри своих сеньоров и были вынуждены исполнять обязанности присяжных в своих судах.... Короли защищали города и коммуны в надежде освободить их от ига крупных вассалов и сделать свою собственную власть более абсолютной; и те же самые коммуны в нескольких европейских странах добились установления конституционной власти, теперь держат королевскую власть в узде и порождают всеобщее стремление к политическим реформам". — Мейер: Судебные институты Европы.

В перепросмотре.

Что такое феодализм? Конфедерация великих сеньоров против вилланов и против короля. 60
Что такое конституционное правительство? конфедерация буржуазии против рабочих и против короля. 61

Как закончился феодализм? В союзе коммун и королевской власти. Как закончится буржуазная аристократия? В союзе пролетариата и суверенной власти.

Каков был непосредственный результат борьбы коммун и короля против сеньоров? Монархическое единство Людовика XIV. Каким будет результат совместной борьбы

пролетариата и суверенной власти против буржуазии? Абсолютное единство нации и правительства.

Еще предстоит выяснить, будет ли нация, единая и верховная, представлена в своей исполнительной и центральной власти ОДНИМ, ПЯТЬЮ, СТА или ТЫСЯЧЬЮ; то есть еще предстоит выяснить, намерена ли королевская власть баррикад поддерживать себя народом или без народа, и желает ли Луи Филипп, чтобы его правление было самым знаменитым во всей истории.

Я сделал это заявление настолько кратким, но в то же время настолько точным, насколько мог, пренебрегая фактами и деталями, чтобы уделить больше внимания экономическим отношениям в обществе. Ибо изучение истории подобно изучению человеческого организма; точно так же, как последний имеет свою систему, свои органы и свои функции, которые можно рассматривать отдельно, так и первый имеет свой ансамбль, свои инструменты и свои причины. Конечно, я не претендую на то, что принцип собственности является полным обобщением всех социальных сил; но, как в том замечательном механизме, который мы называем нашим телом, гармония целого позволяет нам сделать общий вывод из рассмотрения отдельной функции или органа, так и при обсуждении исторических причин я был способен с абсолютной точностью рассуждать на основе единого порядка фактов, будучи уверенным в совершенной корреляции, существующей между этим особым порядком и всеобщей историей. Достоянием нации являются ее семья, ее брак, ее религия, ее гражданская и военная организация, а также ее законодательные и судебные институты. История, рассматриваемая с этой точки зрения, представляет собой грандиозное и возвышенное психологическое исследование.

Что ж, сэр, в письме против собственности я сделал больше, чем процитировал язык истории? Я сказал современному обществу, дочери и наследнице всех предшествующих обществ, — *Vos age quod agis*: завершите задачу, которую вы выполняли в течение шести тысяч лет по вдохновению и повелению Бога; поспешите завершить свое путешествие; не сворачивайте ни направо, ни налево, но следуйте по дороге, которая лежит перед вами. Вы ищете разум, закон, единство и дисциплину; но в дальнейшем вы сможете найти их, только сбросив покровы своего младенчества и перестав следовать инстинкту как руководству. Пробуди свою спящую совесть; открой глаза навстречу чистому свету размышлений и науки; узри призрак, который тревожил твои сны и так долго держал тебя в состоянии невыразимой тоски. Познай себя, о общество, долгое время пребывавшее в заблуждении, познай своего врага!... И я осудил собственность.

Мы часто слышим, как защитники права собственности цитируют в защиту своих взглядов свидетельства народов и эпох. Из только что сказанного мы можем судить, насколько этот исторический аргумент соответствует реальным фактам и выводам науки.

Чтобы завершить это извинение, я должен рассмотреть различные теории.

Ни политика, ни законодательство, ни история не могут быть объяснены и поняты без позитивной теории, которая определяет их элементы и раскрывает их законы; короче говоря, без философии. Так вот, две основные школы, которые по сей день разделяют внимание мира, не удовлетворяют этому условию.

Первый, по существу ПРАКТИЧЕСКИЙ по своему характеру, ограниченный изложением фактов и погруженный в изучение, очень мало заботится о том, по каким законам развивается человечество. Для него эти законы являются тайной Всемогущего, которую никто не может

постичь без поручения свыше. Применяя исторические факты к управлению государством, эта школа не рассуждает; она не предвосхищает; она не сравнивает прошлое с настоящим, чтобы предсказать будущее. По его мнению, уроки опыта учат нас только повторять старые ошибки, и вся его философия состоит в том, чтобы постоянно идти по следам древности, вместо того чтобы вечно идти прямо вперед в том направлении, в котором они указывают.

Вторую школу можно назвать либо ФАТАЛИСТИЧЕСКОЙ, либо ПАНТЕИСТИЧЕСКОЙ. Для нее движение империй и революции человечества являются проявлениями, инкарнациями Всемогущего. Человеческая раса, отождествляемая с божественной сущностью, вращается по кругу явлений, информации и разрушений, что неизбежно исключает идею абсолютной истины и уничтожает провидение и свободу.

Этим двум историческим школам соответствуют две школы юриспруденции, одинаково противоположные и обладающие одинаковыми особенностями.

1. Практическая и конвенциональная школа, для которой закон всегда является творением законодателя, выражением его воли, привилегией, которую он снисходит предоставить, — короче говоря, безвозмездным утверждением, которое следует рассматривать как разумное и законное, что бы оно ни провозглашало.

2. Фаталистическая и пантеистическая школа, иногда называемая исторической школой, которая выступает против деспотизма первой и утверждает, что право, подобно литературе и религии, всегда является выражением общества, его манифестацией, его формой, внешней реализацией его подвижного духа и его постоянно меняющихся побуждений.

Каждая из этих школ, отрицая абсолют, отвергает тем самым всю позитивную и априорную философию.

Итак, очевидно, что теории этих двух школ, какой бы точки зрения мы на них ни придерживались, совершенно неудовлетворительны: ибо, будучи противопоставлены, они не образуют дилеммы, то есть, если одна из них ложна, из этого не следует, что другая истинна; и, объединенные, они не составляют истины, поскольку игнорируют абсолют, без которого истины нет. Они являются соответственно ТЕЗИСОМ и АНТИТЕЗИСОМ. Таким образом, остается найти СИНТЕЗ, который, предсказывая абсолют, оправдывает волю законодателя, объясняет вариации закона, уничтожает теорию кругового движения человечества и демонстрирует его прогресс.

Легисты, в силу самой природы своих исследований и вопреки своим стойким предрассудкам, были непреодолимо вынуждены подозревать, что абсолют в науке права не так химеричен, как принято считать; и это подозрение возникло из-за сравнения ими различных отношений, которые законодатели были призваны регулировать.

М. Лабуле, лауреат премии Института, начинает свою "Историю собственности" такими словами:—

"В то время как договорное право, регулирующее только взаимные интересы людей, не менялось на протяжении веков (за исключением определенных форм, которые больше связаны с доказательством, чем с характером обязательства), гражданское право собственности, регулирующее взаимоотношения граждан, претерпело несколько радикальных изменений и в

своих вариациях соответствовало всем превратностям общества. Договорное право, которое по существу соответствует тем принципам вечной справедливости, которые выгравированы в глубинах человеческого сердца, является неизменным элементом юриспруденции и, в определенном смысле, ее философией. Собственность, напротив, является переменным элементом юриспруденции, ее истории, ее политики".

Изумительно! В праве, а следовательно, и в политике есть что-то переменное и что-то неизменное. Неизменным элементом является обязательство, узы справедливости, долг; переменным элементом является собственность, то есть внешняя форма права, предмет договора. Отсюда следует, что закон может изменять собственность, реформировать ее и судить о ней. Примирите это, если сможете, с идеей вечного, абсолютного, неизменного и непреложного права.

Однако г-н Лабуле совершенно согласен с самим собой, когда добавляет: "Владение землей основывается исключительно на силе, пока общество не возьмет ее в свои руки и не поддержит дело владельца"; [62](#) и, чуть дальше, "Право собственности не естественное, а социальное. Законы не только защищают собственность: они дают ей рождение" и т. Д. Теперь то, что закон сделал законом, может быть отменено; тем более что, согласно М. Лабуле, — признанному приверженцу исторической или пантеистической школы, — закон не абсолютен, это не идея, а форма.

Но почему так получается, что собственность изменчива и, в отличие от обязательства, не поддается определению и урегулированию? Прежде чем утверждать, несколько смело, без всяких сомнений, что в праве нет абсолютных принципов (самое опасное, самое аморальное, самое тираническое — словом, самое антисоциальное утверждение, какое только можно вообразить), было бы уместно подвергнуть право собственности тщательному исследованию, чтобы доказать его переменные, произвольные и случайные элементы, а также те, которые являются вечными, законными и абсолютными; затем, после выполнения этой операции, стало легко объяснить законы и исправить все кодексы.

Итак, я утверждаю, что провел это исследование собственности, причем в мельчайших деталях; но либо из-за отсутствия интереса у публики к нелюбимой и непривлекательной брошюре, либо — что более вероятно — из-за слабости изложения и отсутствия гениальности, которые характеризуют эту работу, Первые мемуары о собственности остались незамеченными; вряд ли несколько коммунистов, перелистав их, снизили бы до того, чтобы заклеить их своим неодобрением. Вы один, сэр, несмотря на нелюбовь, которую я проявил к вашим экономным предшественникам, слишком сурово критикуя их, — вы один судили меня справедливо; и хотя я не могу принять, по крайней мере буквально, ваше первое суждение, все же именно к вам одному я апеллирую из-за решения, слишком двусмысленного, чтобы считаться окончательным.

В мои намерения не входит сейчас вступать в обсуждение принципов, поэтому я ограничусь оценкой теорий собственности, созданных нашим поколением, с точки зрения этого простого и понятного абсолюта.

Наиболее точное представление о собственности дает нам римское право, которому, в частности, неукоснительно следовали древние легисты. Это абсолютная, исключительная, автократическая власть человека над вещью — власть, которая начинается с ЗАХВАТА,

поддерживается ВЛАДЕНИЕМ и, наконец, с помощью ПРЕДПИСАНИЯ находит свое разрешение в гражданском праве; власть, которая настолько отождествляет человека с вещью, что собственник может сказать: "Тот, кто использует мое поле, фактически заставляет меня работать на него; следовательно, он должен мне компенсацию".

Я умалчиваю о вторичных способах приобретения собственности — *традиции, продаже, обмене, наследовании* и т. Д., — Которые не имеют ничего общего с происхождением собственности.

Соответственно, Потье сказал О СФЕРЕ СОБСТВЕННОСТИ, а не просто СОБСТВЕННОСТИ. И наиболее образованные авторы по юриспруденции — в подражание римскому претору, который признавал ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ и ПРАВО ВЛАДЕНИЯ — тщательно проводили различие между ДОМЕНОМ и правом УЗУФРУКТА, ПОЛЬЗОВАНИЯ и ПРОЖИВАНИЯ, которое, сведенное к своим естественным границам, является самым выражением справедливости; и которое, по моему мнению, должно вытеснить доманиальную собственность и, в конечном итоге, составить основу всей юриспруденции.

Но, сэр, восхититесь неуклюжестью систем или, скорее, фатальностью логики! В то время как римское право и все ученые, вдохновленные им, учат, что собственность по своему происхождению является правом первого владения, санкционированным законом, современные легисты, недовольные этим жестоким определением, утверждают, что собственность основана на ТРУДЕ. Они сразу же делают вывод, что тот, кто больше не трудится, но вместо него выполняет другой труд, теряет свое право на заработок последнего. Именно в силу этого принципа средневековые крепостные заявляли о законном праве на собственность и, следовательно, на пользование политическими правами; что духовенство было лишено в 89 году своих огромных поместий и взамен получило пенсию; что при реставрации депутаты-либералы выступили против выплаты компенсации в размере миллиарда франков. "Нация, - говорили они, - за двадцать пять лет труда и владения приобрела собственность, которой эмигранты лишились из-за заброшенности и долгого безделья: почему к дворянам следует относиться с большей благосклонностью, чем к священникам?" [63](#)

Такая позиция вполне согласуется с моими принципами, и я сердечно приветствую негодование господина Лерминье; но я не знаю, чтобы собственника когда-либо лишали его собственности по причине НЕДОСТОЙНОСТИ; и какой бы разумной, социальной и даже полезной ни казалась эта вещь, она совершенно противоречит использованию собственности и обычаям.

Все узурпации, порожденные не войной, были вызваны трудом и поддерживались им. Вся современная история доказывает это, начиная с конца Римской империи и вплоть до наших дней. И как бы для того, чтобы дать своего рода юридическую санкцию этим узурпациям, доктрина труда, подрывающая собственность, широко провозглашается в римском праве под названием ДАВНОСТИ.

Было сказано, что человек, который возделывает землю, делает ее своей собственностью; следовательно, собственности больше нет. Это было ясно замечено старыми юристами, которые не преминули осудить это новшество; в то время как, с другой стороны, молодая школа возмущается абсурдностью теории первого жильца. Другие представились, делая вид, что

примирают два мнения, объединяя их. Они потерпели неудачу, как и все *правители* мира, и над ними смеются за их эклектичность. В настоящее время тревога в лагере старой доктрины; со всех сторон сыплются АРГУМЕНТЫ В ЗАЩИТУ СОБСТВЕННОСТИ, ИССЛЕДОВАНИЯ, КАСАЮЩИЕСЯ СОБСТВЕННОСТИ, ТЕОРИИ СОБСТВЕННОСТИ, каждая из которых, опровергая остальные, наносит собственности новую рану.

Подумайте, в самом деле, о неразрешимых затруднениях, противоречиях, нелепостях, невероятной бессмыслице, в которую так легкомысленно впутываются смелые защитники собственности. Я выбираю эклектиков, потому что те, кого убили, остальным не выжить.

Месье Троплонг, юрист, в глазах редакторов "Права" слышит философом. Я говорю господам из "Le Droit", что, по мнению философов, г-н Троплонг всего лишь защитник; и я доказываю свое утверждение.

М. Троплонг - защитник прогресса. "Слова кодекса, - говорит он, - это плодотворный сок, которым переполнены классические произведения восемнадцатого века. Желать подавить их ... значит нарушать закон прогресса и забывать, что наука, которая движется, - это наука, которая растет". 64

Итак, единственная изменчивая и прогрессивная часть права, как мы уже видели, - это та, которая касается собственности. Итак, если вы спросите, какие реформы следует провести в области права собственности? - М. Троплонг не дает ответа. - на какой прогресс можно надеяться? нет ответа; какова будет судьба собственности в случае всеобщей ассоциации? нет ответа; что является абсолютным, а что случайным, что истинным, а что ложным в собственности? ответа нет. М. Троплонг выступает за спокойствие и *сохранение статуса-кво* в отношении собственности. Что может быть более нефилософским в прогрессивном философе?

Тем не менее, М. Троплонг думал об этих вещах. "Есть, - говорит он, - множество слабых мест и устаревшие идеи в учениях современных авторов, касающиеся недвижимости: свидетельство трудов М. М. Toullier и Дюрантон м". Итак, доктрина М. Троплонга обещает сильные стороны, передовые идеи. Давайте посмотрим; давайте исследуем:—

"Человек, оказавшийся в присутствии материи, осознает власть над ней, которая была дана ему для удовлетворения потребностей его существа. Король неживой или неразумной природы, он чувствует, что имеет право изменять ее, управлять ею и приспособлять для своего использования. Вот он, предмет собственности, который законен только тогда, когда осуществляется над вещами, но никогда - над людьми".

М. Троплонг настолько не философ, что он даже не осознает значения философских терминов, которые он демонстративно использует. Он говорит о материи, что это ПРЕДМЕТ собственности; ему следовало бы сказать ОБЪЕКТ. М. Троплонг использует язык анатомов, которые применяют термин "ПРЕДМЕТ" к человеческой материи, используемой в их экспериментах.

Эта ошибка нашего автора повторяется далее: "Свобода, которая побеждает материю, субъект собственности и т. Д." Субъектом собственности является человек; ее ОБЪЕКТОМ является материя. Но даже это всего лишь небольшое умерщвление плоти; сразу же у нас будет несколько распятий.

Таким образом, согласно только что процитированному отрывку, принцип собственности следует искать именно в совести и личности человека. Есть ли что-то новое в этой доктрине? Очевидно, тем, кто со времен Цицерона и Аристотеля и ранее утверждал, что ВЕЩИ ПРИНАДЛЕЖАТ ПЕРВОМУ ВЛАДЕЛЬЦУ, никогда не приходило в голову, что занятие ими могут осуществлять существа, лишенные совести и личности. Человеческая личность, хотя она и может быть принципом или субъектом собственности, поскольку материя является объектом, не является УСЛОВИЕМ. Итак, именно это условие нам больше всего нужно знать. Пока что М. Троплонг говорит нам не больше, чем его хозяева, и фигуры, которыми он украшает свой стиль, ничего не добавляют к старой идее.

Таким образом, свойство подразумевает три термина: субъект, объект и условие. В отношении первых двух терминов нет никаких трудностей. Что касается третьего, то условием владения до сего дня, как для грека, так и для варвара, было первое заселение. Чего бы вы теперь хотели, прогрессивный доктор?

"Когда человек впервые прикасается к предмету без хозяина, он совершает действие, которое среди людей имеет величайшее значение. Захваченная таким образом вещь участвует, так сказать, в личности того, кто ее держит. Она становится священной, как и он сам. Невозможно взять его, не совершив насилия над его свободой, или убрать его, не вторгнувшись опрометчиво в его личность. Диоген всего лишь выразил эту истину интуиции, когда сказал: "Отойди от моего света!"

Очень хорошо! но имел ли бы право князь киников, очень личный и очень надменный Диоген, требовать с другого киника в качестве арендной платы за это же самое место под солнцем кость за двадцать четыре часа владения? Это то, что составляет собственника; это то, что вы не в состоянии оправдать. Рассуждая от человеческой личности и индивидуальности до права собственности, вы бессознательно выстраиваете силлогизм, в котором вывод включает в себя нечто большее, чем посылки, вопреки правилам, установленным Аристотелем. Индивидуальность человеческой личности доказывает ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ВЛАДЕНИЕ, первоначально называвшееся *proprietas*, в противоположность коллективному владению, *communio*.

Это порождает различие между ТВОИМ и МОИМ, истинные признаки равенства, ни в коем случае не подчинения. "От двусмысленности к двусмысленности, - говорит г-н Мишле, [65](#), - собственность поползла бы на край света; человек не смог бы ограничить ее, не будь он сам ее пределом. Там, где они столкнутся, будет его граница". Короче говоря, индивидуальность бытия разрушает гипотезу коммунизма, но по этой причине она не порождает владения — того владения, в силу которого владелец вещи осуществляет над человеком, который занимает его место, право господства и сюзеренитета, которое всегда отождествлялось с самой собственностью.

Далее, то, что тот, чье законно приобретенное владение никому не причиняет вреда, не может быть отвергнут без вопиющей несправедливости, является истиной не ИНТУИЦИИ, как говорит М. Троплонг, а ВНУТРЕННЕГО ОЩУЩЕНИЯ, [66](#) которое не имеет ничего общего с собственностью.

Таким образом, М. Троплонг признает наличие жилья в качестве условия собственности. В этом он согласуется с римским правом, с ММ. Тулье и Дюрантон; но, по его мнению, это условие не единственное, и именно в этом его доктрина выходит за рамки их собственной.

"Но каким бы исключительным ни было право, вытекающее из единоличного владения, не становится ли оно еще более исключительным, когда человек сформировал материю своим трудом; когда он вложил в нее частицу самого себя, воссоздав ее своим усердием и наложив на нее печать своего интеллекта и деятельности? Из всех завоеваний это самое законное, ибо это цена труда.

"Тот, кто лишит человека того, что было таким образом переделано, таким образом очеловечено, вторгнется в самого человека и нанесет глубочайшие раны его свободе".

Я пропускаю мимо ушей очень красивые объяснения, в которых М. Троплонг, обсуждая труд и промышленность, демонстрирует все богатство своего красноречия. М. Троплонг не только философ, он оратор, художник. ОН ИЗОБИЛУЕТ ПРИЗЫВАМИ К СОВЕСТИ И СТРАСТЯМ. Я мог бы сделать печальную работу из его риторики, если бы взялся ее анализировать; но пока я ограничиваюсь его философией.

Если бы М. Троплонг только знал, как думать и рефлексировать, прежде чем отказаться от первоначального факта занятости и погрузиться в теорию труда, он бы спросил себя: "Что значит занимать?" И он обнаружил бы, что ЗАНЯТИЕ - это всего лишь общий термин, которым выражаются все способы владения— захват, положение, имманентность, проживание, культивирование, использование, потребление и т. Д.; Что труд, следовательно, является лишь одной из тысячи форм владения. Он понял бы, наконец, что право владения, возникающее в результате труда, регулируется теми же общими законами, что и то, которое возникает в результате простого захвата вещей. Что же это за легист, который декламирует, когда ему следовало бы рассуждать, который постоянно принимает свои метафоры за юридические аксиомы и который даже не знает, как получить всеобщее путем индукции и сформировать категорию?

Если труд тождественен занятию, единственное благо, которое он обеспечивает рабочему, - это право индивидуального владения предметом его труда; если он отличается от занятия, он порождает право, равное только ему самому, то есть право, которое начинается, продолжается и заканчивается трудом занимающего его лица. Именно по этой причине, говоря словами закона, нельзя приобрести справедливое право собственности на вещь одним трудом. Он также должен владеть им в течение года и одного дня, чтобы считаться его владельцем; и владеть им двадцать или тридцать лет, чтобы стать его владельцем.

После этих предварительных выводов вся структура М. Троплонга рушится под собственной тяжестью, и выводы, которые он пытается сделать, исчезают.

"Собственность, однажды приобретенная в результате занятия и труда, естественным образом сохраняет себя не только теми же средствами, но и отказом владельца отречься от престола; ибо из самого факта, что она достигла высоты права, ее природа заключается в том, чтобы увековечивать себя и существовать в течение неопределенного периода.... Права, рассматриваемые с идеальной точки зрения, нетленны и вечны; и время, влияющее только на контингент, может нарушить их не больше, чем оно может повредить самому Богу".

Удивительно, что наш автор, говоря об ИДЕАЛЕ, ВРЕМЕНИ и ВЕЧНОСТИ, не использовал в своем предложении БОЖЕСТВЕННЫЕ КРЫЛЬЯ Платона, столь модные сегодня в философских трудах.

За исключением лжи, я ненавижу бессмыслицу больше всего на свете. СОБСТВЕННОСТЬ, ОДНАЖДЫ ПРИОБРЕТЕННАЯ! Хорошо, если оно приобретено; но поскольку оно не приобретено, его нельзя сохранить. ПРАВА ВЕЧНЫ! Да, в глазах Бога, подобно архетипическим идеям платоников. Но на земле права существуют только при наличии субъекта, объекта и условия. Уберите одну из этих трех вещей, и прав больше не будет. Таким образом, индивидуальное владение прекращается со смертью субъекта, при уничтожении объекта или в случае обмена или оставления.

Давайте, однако, согласимся с М. Троплонгом, что собственность - это абсолютное и вечное право, которое не может быть уничтожено иначе, как действием и по воле собственника. Каковы последствия, которые непосредственно вытекают из этой позиции?

Чтобы показать справедливость и полезность предписания, М. Троплонг рассматривает случай добросовестного владельца, которого собственник, давно забытый или даже неизвестный, пытается изгнать из своего владения. "Поначалу ошибка владельца была простительной, но не непоправимой. Следуя своим курсом и постепенно старея, она так полно облачилась в цвета истины, она так громко говорила языком справедливости, она затронула так много доверенных интересов, что справедливо можно спросить, не вызовет ли возвращение к реальности большего замешательства, чем одобрение вымыслов, которые она (ошибка, без сомнения) посеяла на своем пути? Что ж, да; следует без колебаний признать, что лекарство оказалось бы хуже болезни и что его применение привело бы к самой возмутительной несправедливости".

Сколько времени прошло с тех пор, как полезность стала принципом права? Когда афиняне по совету Аристиды отвергли предложение, в высшей степени выгодное для их республики, но в то же время совершенно несправедливое, они проявили более тонкое моральное восприятие и большую ясность интеллекта, чем г-н Троплонг. Собственность - это вечное право, независимое от времени, нерушимое иначе, как действием и по воле собственника; а здесь это право отнято у собственника, и на каком основании? Боже милостивый! на основании ОТСУТСТВИЯ! Разве это не правда, что законники руководствуются капризом, давая и отнимая права? Когда этим джентльменам заблагорассудится, праздность, недостойность или отсутствие могут лишить силы право, для получения которого при совершенно аналогичных обстоятельствах недостаточно труда, места жительства и добродетели. Не удивляйтесь, что законники отвергают абсолют. Закон доставляет им удовольствие, а их неупорядоченное воображение является реальной причиной ИЗМЕНЕНИЙ в юриспруденции.

"Если бы номинальный собственник сослался на незнание, его требование не стало бы более обоснованным. Действительно, его невежество может быть результатом непростительной беспечности и т.д."

Что! чтобы узаконить изъятие имущества по давности, вы предполагаете ошибки владельца! Вы вините его отсутствие, которое, возможно, было произвольным; его пренебрежение, — не зная, чем оно вызвано; его беспечность, — ваше собственное необоснованное предположение! Это абсурдно. Достаточно одного очень простого наблюдения, чтобы опровергнуть эту теорию. Общество, которое, как нам говорят, в интересах порядка делает исключение в пользу собственника по сравнению со старым собственником, обязано последнему возместить ущерб,

поскольку привилегия предписания есть не что иное, как экспроприация ради общественной пользы.

Но вот кое—что посильнее:-

"В обществе место не может оставаться вакантным безнаказанно. Новый человек возникает на месте старого, который исчезает или уходит; он приносит сюда свое существование, становится полностью поглощенным и посвящает себя этому посту, который, по его мнению, оставлен. Должен ли тогда дезертир оспаривать честь победы у солдата, который сражается до тех пор, пока пот не выступит у него на лбу, и несет бремя дня во имя дела, которое он считает справедливым?"

Когда язык адвоката однажды приходит в движение, кто может сказать, где он остановится? Г-н Троплонг признает и оправдывает узурпацию в случае ОТСУТСТВИЯ владельца и на простом предположении о его НЕБРЕЖНОСТИ. Но когда факт пренебрежения удостоверен; когда отказ торжественно и добровольно оговаривается в контракте в присутствии судьи; когда собственник осмеливается сказать: "Я прекращаю работать, но все еще требую долю продукта", — тогда право отсутствующего на собственность защищено; узурпация владельца была бы преступной; арендная плата за ферму является наградой за безделье. Где, я не говорю, последовательность, но честность этого закона?

Предписание - это результат гражданского права, творение законодателя. Почему законодатель не установил условия по—другому? - почему вместо двадцати и тридцати лет недостаточно одного года для предписания?— почему добровольное отсутствие и осознанное безделье не являются таким же веским основанием для лишения собственности, как вынужденное отсутствие, невежество или апатия?

Но напрасно мы должны просить М. Троплонга, философа, указать нам основание для предписания. Что касается кодекса, М. Троплонг не рассуждает. "Интерпретатор, - говорит он, - должен принимать вещи такими, какие они есть, общество таким, какое оно существует, законы такими, какими они созданы : это единственная разумная отправная точка". Что ж, тогда не пишите больше книг; перестаньте упрекать своих предшественников, которые, как и вы, стремились только к толкованию закона, за то, что остались в тылу; не говорите больше о философии и прогрессе, ибо ложь застревает у вас в горле.

Г-н Троплонг отрицает реальность права владения; он отрицает, что владение когда-либо существовало как принцип общества; и он цитирует г-на де Савиньи, который придерживается прямо противоположной позиции и которого он довольствуется тем, что оставляет без ответа. В одном случае г-н Троплонг утверждает, что владение и собственность ОДНОВРЕМЕННЫ и что они существуют В ОДНО И ТО ЖЕ ВРЕМЯ, что подразумевает, что ПРАВО собственности основано на ФАКТЕ владения, — вывод, который явно абсурден; в другом случае он отрицает, что владение СУЩЕСТВОВАЛО ИСТОРИЧЕСКИ ДО СОБСТВЕННОСТИ, — утверждение, которому противоречат обычаи многих народов, которые обрабатывают землю, не присваивая ее; римское право, которое так четко проводит различие между ВЛАДЕНИЕМ и СОБСТВЕННОСТЬЮ; и сам наш кодекс, который делает владение в течение двадцати или тридцати лет условием собственности. Наконец, М. Троплонг заходит так далеко, что утверждает, что римская максима "*Nihil comunc habet proprietatis cum possessione*", которая содержит столь поразительный намек на обладание публичным законом и которая рано или

поздно будет снова принята без оговорок, выражает во французском праве лишь юридическую аксиому, простое правило, запрещающее объединение *права владения* с *правом требования*, — мнение столь же регрессивное, сколь и нефилософское .

Рассматривая *посессорные действия*, М. Троплонг настолько неудачлив или неуклюж, что калечит экономику из—за неспособности понять ее значение: "Точно так же, - пишет он, - как собственность привела к иску о возмещении ущерба, так и владение - *jus possessionis* — было причиной посессорных запретов.... Существовало два вида запретов — запрет на *восстановление собственности* и запрет на *возвращение собственности*, которые соответствуют нашей жалобе *по делу о преступлениях против человечности*. Существует также третий — *adipiscendae possessionis*, — о котором в книгах римского права говорится в связи с двумя другими. Но на самом деле этот запрет не является собственническим: ибо тот, кто желает приобрести владение таким способом, не владеет и не обладал; и все же приобретенное владение является условием собственнических запретов ". Почему действие по приобретению владения не является в равной степени мыслимым с действием по восстановлению владения? Когда римские плебеи требовали раздела завоеванной территории; когда лионские пролетарии взяли своим девизом *Vivre en travaillant, ou mourir en combattant* (жить, работая, или умереть, сражаясь); когда наиболее просвещенные из современных экономистов заявляют о праве каждого человека на труд и жизнь, — они лишь предлагают этот запрет, *adipiscendae possessionis*, который так серьезно смущает г-на Троплонга. И какова моя цель в оспаривании собственности, если не получить ее во владение? Как же так получается, что г-н Троплонг — юрист, оратор, философ — не видит, что логически этот запрет должен быть принят, поскольку он является необходимым дополнением двух других, а три соединенных образуют неделимую троицу — ВОССТАНАВЛИВАТЬ, ПОДДЕРЖИВАТЬ, ПРИОБРЕТАТЬ? Нарушить этот ряд - значит создать пробел, разрушить естественный синтез вещей и последовать примеру геометра, который пытался представить себе твердое тело только с двумя измерениями. Но неудивительно, что М. Троплонг отвергает третий класс *посессорных действий*, если учесть, что он отвергает само обладание. Он настолько полностью находится под контролем своих предрассудков в этом отношении, что бессознательно склоняется не к объединению (это было бы ужасно в его глазах), а к отождествлению *действия обладания* с *действием обращения*. Это можно было бы легко доказать, если бы не было слишком утомительно погружаться в эти метафизические дебри.

Как толкователь закона М. Троплонг не более успешен, чем как философ. Один образец его мастерства в этом направлении, и я покончил с ним:—

Гражданско-процессуальный кодекс, статья 23: "*Владельческие иски* возбуждаются только в том случае, если в течение года проблем они возбуждены теми, кто владел по крайней мере год безотзывным титулом".

Комментарии М. Троплонга:—

Должны ли мы поддерживать — как того хотели бы Дюпарк, Пулен и Ланжуине — правило *spoliatus ante omnia restituendus*, когда физическое лицо, которое не является ни собственником, ни годовым владельцем, изгоняется третьей стороной, не имеющей права на имущество? Я думаю, что нет. Статья 23 Кодекса носит общий характер: она абсолютно требует, чтобы истец по *искам о владении* имуществом находился в мирном владении не менее года. Это неизменный принцип: он ни в коем случае не может быть изменен. И почему он должен быть

отменен? У истца не было сейсина; у него не было привилегированного владения; у него было только временное владение, недостаточное для того, чтобы оправдать в его пользу презумпцию собственности, которая делает ежегодное владение таким ценным. Что ж! это *фактическое* владение он утратил; им наделен другой: владение находится в руках этого новичка. Итак, не является ли это случаем применения принципа, *In pari causa possessor potior habetur*? Не следует ли предпочесть действительного владельца выселенному владельцу? Разве он не может удовлетворить жалобу своего противника, сказав ему: "Докажи, что ты был годовым владельцем до меня, ибо ты истец. Что касается меня, то не мне рассказывать вам, как я владею и как долго я владею. *Possideo quia possideo*. У меня нет другого ответа, нет другой защиты. Когда вы докажете, что ваши действия приемлемы, тогда мы посмотрим, имеете ли вы право приподнять завесу, скрывающую происхождение моего имущества".

И это то, что носит название юриспруденции и философии, — восстановление силы. Что! когда я "сформовал материю своим трудом" [цитирую М. Троплонга]; когда я "вложил в нее частичку себя" [М. Троплонга]; когда я "воссоздал ее своим усердием и поставил на ней печать своего интеллекта" [М. Троплонга], — на том основании, что я не владел ею в течение года, незнакомец может лишиться меня собственности, и закон не предлагает мне никакой защиты! И если мсье Троплонг мой судья, мсье Троплонг осудит меня! И если я окажу сопротивление своему противнику, — если за этот клочок грязи, который я могу назвать СВОИМ ПОЛЕМ, и который они хотят у меня отнять, разразится война между двумя соперниками, — законодатель будет сурово ждать, пока более сильный, убив другого, не овладеет им в течение года! Нет, нет, месье Троплонг! вы не понимаете слов закона, ибо я предпочитаю подвергать сомнению ваш интеллект, а не справедливость законодателя. Вы ошибаетесь в применении принципа *In pari causa possessor potior habetur*: действительность владения здесь относится к тому, кто владел в момент возникновения трудности, а не к тому, кто владеет в момент подачи жалобы. И когда кодекс запрещает получение *владельческих исков*, в случаях, когда срок владения не превышает года, это просто означает, что если по истечении года владелец отказывается от владения и фактически перестает занимать *in propria persona*, он не может воспользоваться *владельческим иском* против своего преемника. Короче говоря, кодекс трактует владение сроком менее года так, как он должен трактовать любое владение, как бы долго оно ни существовало, — то есть состояние собственности должно быть не просто арестованным на год, а бессрочным.

Я не буду продолжать этот анализ дальше. Когда автор основывает два тома "придинок" на столь сомнительных основаниях, можно смело заявить, что его работа, какой бы объем знаний в ней ни демонстрировался, представляет собой нагромождение бессмыслицы, недостойное внимания критика.

В данный момент, сэр, мне кажется, вы упрекаете меня в этом тщеславном догматизме, в этом незаконном высокомерии, которое ничего не уважает, претендует на монополию справедливости и здравого смысла и предполагает выставить к позорному столбу любого, кто осмеливается придерживаться мнения, противоречащего его собственному. Этот недостаток, как мне говорят, более одиозный, чем любой другой у автора, был слишком заметной чертой моих Первых мемуаров, и мне следовало бы исправить его.

Для успеха моей защиты важно, чтобы я оправдал себя от этого упрека; и поскольку, замечая в себе другие недостатки иного характера, я все же придерживаюсь в данном конкретном случае

своего стиля ведения спора, будет правильно, если я изложу причины своего поведения. Я действую не по склонности, а по необходимости.

Итак, я говорю, что отношусь к своим авторам так, как я это делаю, по двум причинам: по ПРИЧИНЕ ПРАВА и ПО ПРИЧИНЕ НАМЕРЕНИЯ; обе являются непреложными.

1. Обоснование права. Когда я проповедую равенство состояний, я не выдвигаю мнение, более или менее вероятное, утопию, более или менее остроумную, идею, зародившуюся в моем мозгу только посредством воображения. Я излагаю абсолютную истину, относительно которой колебания невозможны, скромность излишня, а сомнения смешны.

Но, спросите вы, что убеждает меня в том, что то, что я говорю, - правда?

Что меня убеждает, сэр? Логические и метафизические процессы, которые я использую, правильность которых я продемонстрировал с помощью априорных рассуждений; тот факт, что я обладаю безошибочным методом исследования и проверки, с которым не знакомы мои авторы; и, наконец, тот факт, что по всем вопросам, касающимся собственности и правосудия, я нашел формулу, которая объясняет все законодательные вариации и дает ключ ко всем проблемам. Итак, есть ли хоть тень метода в М. Тулье, М. Троплонге и этом рое безвкусных комментаторов, почти столь же лишенных разума и морального смысла, как и сам кодекс? Даете ли вы название методу алфавитной, хронологической, аналогичной или просто номинальной классификации предметов? Называете ли вы методом эти списки абзацев, собранные под произвольным заголовком, эти софистические причуды, эту массу противоречивых цитат и мнений, этот тошнотворный стиль, эту спазматическую риторику, образцы которых так распространены в баре, хотя редко встречаются где-либо еще? Принимаете ли вы за философию эту болтовню, это невыносимое пустословие, приукрашенное несколькими схоластическими налетами? Нет, нет! уважающий себя писатель никогда не согласится уравниваться с этими манипуляторами законом, ошибочно называемыми ЮРИСТАМИ; и я, со своей стороны, возражаю против сравнения.

2. Причина намерения. Насколько мне позволено разглашать эту тайну, я являюсь заговорщиком в грандиозной революции, ужасной для шарлатанов и деспотов, для всех эксплуататоров бедных и легковверных, для всех наемных бездельников, торговцев политическими панацеями и притчами, тиранов в словах и мнениях. Я работаю над тем, чтобы побудить разум отдельных людей к восстанию против разума властей.

Согласно законам общества, членом которого я являюсь, все зло, от которого страдает человечество, проистекает из веры во внешние учения и подчинения авторитету. И если не выходить за пределы нашего века, разве, например, не правда, что Францию грабят, над ней насмеются и ею тиранят, потому что она говорит массами, а не головами? Французы сбиваются в три или четыре стаи, получают сигнал от вождя, реагируют на голос вождя и думают именно так, как он говорит. Говорят, у некоего журнала пятьдесят тысяч подписчиков; если предположить, что на каждого подписчика приходится по шесть читателей, то у нас триста тысяч овец, пасущихся и блеющих в одном и том же загоне. Примените этот расчет ко всей периодической печати, и вы обнаружите, что в нашей свободной и разумной Франции два миллиона существ каждое утро получают из журналов "Духовное пастбище". Два миллиона! Другими словами, вся нация позволяет десятку маленьких человечков водить ее за нос.

Я ни в коем случае, сэр, не отказываю журналистам в таланте, науке, любви к правде, патриотизме и во всем, что вам заблагорассудится. Это очень достойные и умные люди, на которых я, несомненно, хотел бы быть похожим, если бы имел честь знать их. На что я жалуясь и что сделало меня заговорщиком, так это на то, что вместо того, чтобы просвещать нас, эти джентльмены командуют нами, навязывают нам символы веры, и это без демонстрации или проверки. Когда, например, я спрашиваю, почему эти укрепления Парижа, которые в прежние времена под влиянием определенных предрассудков и благодаря стечению чрезвычайных обстоятельств, которые, как предполагается ради аргументации, существовали, возможно, служили для нашей защиты, но которые сомнительно, будут ли когда-нибудь использоваться нашими потомками, - когда я спрашиваю, я говорю, на каком основании они уподобляют будущее гипотетическому прошлому, они отвечают, что М. Тьер, обладающий большим умом, написал по этому поводу отчет, отличающийся восхитительной элегантностью и поразительной ясностью. На это я рассердился и отвечаю, что М. Тьер не знает, о чем говорит. Почему, если семь лет назад нам не нужны были отдельные форты, мы хотим их сегодня?

"О! черт возьми, - говорят они, - разница велика; первые форты были слишком близко к нам; с них нас нельзя обстреливать". Вы не можете подвергнуться бомбардировке; но вы можете быть блокированы, и будете блокированы, если пошевелитесь. Что! чтобы получить от парижан блокадные форты, достаточно было предубеждать их против бомбардировочных фортов! И они думали перехитрить правительство! О, суверенитет народа!..

- Черт возьми! господин Тьер, который мудрее вас, говорит, что было бы абсурдно предполагать, что правительство ведет войну против граждан и поддерживает себя силой вопреки воле народа. Это было бы абсурдно!" Возможно, и так: подобное случалось не раз и может случиться снова. Кроме того, когда деспотизм силен, он кажется почти законным. Как бы то ни было, они лгали в 1833 году и снова лгут в 1841 году — те, кто угрожает нам бомбой-снарядом. И тогда, если М. Тьер так хорошо осведомлен о намерениях правительства, почему же он не желает, чтобы форты были построены до того, как будет расширен кругооборот? Откуда такая атмосфера подозрительности по отношению к правительству, если только между правительством и М. Тьером не была спланирована интрига?

- Черт возьми! мы не хотим, чтобы на нас снова напали. Если бы Париж был укреплен в 1815 году, Наполеон не был бы побежден!" Но я говорю вам, что Наполеон был не побежден, а продан; и что если бы в 1815 году в Париже были укрепления, то с ними было бы то же самое, что с тридцатью тысячами солдат Груши, которые были введены в заблуждение во время битвы. По-прежнему легче сдавать крепости, чем вести за собой солдат. Разве у эгоистичного и трусливого когда-нибудь не было причин уступить врагу?

- Но разве вы не видите, что абсолютистские суды провоцируются у наших укреплений?— доказательство того, что они думают не так, как вы". Вы верите в это; и, со своей стороны, я верю, что на самом деле они совершенно спокойно относятся к этому вопросу; и если кажется, что они дразнят наших министров, они делают это только для того, чтобы дать последним возможность отказаться. Абсолютистские суды всегда в лучших отношениях с нашей конституционной монархией, чем наша монархия с нами. Разве месье Гизо не говорит, что Францию нужно защищать как изнутри, так и снаружи? Внутри! против кого? Против Франции. О парижане! прошло всего шесть месяцев с тех пор, как вы требовали войны, а теперь вы хотите только баррикад. Почему союзники должны бояться ваших доктрин, когда вы не можете

контролировать даже самих себя?... Как вы могли выдержать осаду, когда вы оплакиваете отсутствие актрисы?

- Но, наконец, неужели вы не понимаете, что по правилам современной войны столица страны всегда является целью нападающих? Предположим, что наша армия потерпела поражение на Рейне, Франция вторглась, и беззащитный Париж попал в руки врага. Это было бы смертью административной власти; без главы она не могла бы жить. Столица взята, нация должна подчиниться. Что вы на это скажете?"

Ответ очень прост. Почему общество устроено таким образом, что судьба страны зависит от безопасности столицы? Почему в случае вторжения на нашу территорию и осады Парижа законодательная, исполнительная и военная власти не могут действовать за пределами Парижа? Почему все жизненно важные силы Франции сосредоточены именно здесь?... Не критикуйте децентрализацию. Этот избитый упрек дискредитировал бы только ваш собственный интеллект и искренность. Это не вопрос децентрализации; я нападаю на ваш политический фетишизм. Почему национальное единство должно быть привязано к определенному месту, к определенным функционерам, к определенным штыкам? Почему площадь Мобер и дворец Тюильри должны быть палладиумом Франции?

Теперь позвольте мне высказать гипотезу.

Предположим, что в хартии было бы написано: "В случае, если в страну снова вторгнутся и Париж будет вынужден капитулировать, правительство будет уничтожено, а национальное собрание распущено, коллегии выборщиков соберутся спонтанно и без какого-либо другого официального уведомления с целью назначения новых депутатов, которые организуют временное правительство в Орлеане.

"Если Орлеан падет, правительство восстановит себя таким же образом в Лионе; затем в Бордо, затем в Байонне, пока вся Франция не будет захвачена или враг не будет изгнан с этой земли. Правительство может погибнуть, но нация никогда не умрет. Король, пэры и депутаты убиты, **ДА ЗДРАВСТВУЕТ ФРАНЦИЯ!**"

Не думаете ли вы, что такое дополнение к хартии было бы лучшей гарантией свободы и целостности страны, чем стены и бастионы вокруг Парижа? Что ж, тогда! впредь делайте для администрации, промышленности, науки, литературы и искусства то, что хартия должна предписывать для центрального правительства и общей обороны. Вместо того чтобы пытаться сделать Париж неприступным, постарайтесь скорее сделать потерю Парижа незначительной. Вместо того, чтобы сосредоточивать в одной точке академии, факультеты, школы, политические, административные и судебные центры; вместо того, чтобы останавливать интеллектуальное развитие и ослаблять общественный дух в провинциях этой роковой агломерацией, — разве вы не можете, не разрушая единства, распределить социальные функции как между местами, так и между людьми? Такая система, позволяющая каждой провинции участвовать в политической власти и действиях, а также уравнивающая промышленность, разведку и силу во всех частях страны, в равной степени обеспечила бы защиту от врагов внутри страны и врагов за рубежом, свободу народа и стабильность правительства.

Тогда проводите различие между централизацией функций и концентрацией органов; между политическим единством и его материальным символом.

-О! это правдоподобно, но это невозможно!" — что означает, что город Париж не намерен отказываться от своих привилегий и что там все еще остается вопрос собственности.

Пустые разговоры! Страна, находящаяся в состоянии паники, которой умело воспользовались, попросила укрепления. Осмелюсь утверждать, что она отказалась от своего суверенитета. Все партии виноваты в этом самоубийстве — консерваторы, из-за их молчаливого согласия с планами правительства; друзья династии, потому что они не желают противодействия тому, что им нравится, и потому что народная революция уничтожила бы их; демократы, потому что они надеются править в свою очередь. 67 То, чему все радуются, является средством будущих репрессий. Что касается обороны страны, то это их не беспокоит. Идея тирании обитает в умах всех и объединяет в единый заговор все формы эгоизма. Мы желаем возрождения общества, но подчиняем это желание нашим идеям и удобству. Чтобы наш приближающийся брак состоялся, чтобы наш бизнес преуспел, чтобы наши мнения восторжествовали, мы откладываем реформы. Нетерпимость и эгоизм приводят нас к тому, что мы надеваем оковы на свободу; и, поскольку мы не можем желать всего, чего желает Бог, мы бы, если бы это зависело от нас, пошли по пути судьбы, а не пожертвовали нашими собственными интересами и себялюбием. Разве это не тот случай, когда применимы слова Соломона: *"Продолжайте в том же духе, что и elle—meme"*?

Говорят, что по этому вопросу укрепления Парижа сотрудники "Ле Насьональ" не пришли к единому мнению. Это доказало бы, если бы требовались доказательства, что журнал может допускать ошибки и фальсифицировать, не давая кому-либо право обвинять его редакторов. Журнал - это метафизическое существо, за которое на самом деле никто не несет ответственности и которое обязано своим существованием исключительно взаимным уступкам. Эта идея должна была бы напугать тех достойных граждан, которые, заимствуя свои мнения из журнала, воображают, что они принадлежат к политической партии, и у которых нет ни малейшего подозрения, что они на самом деле без головы.

По этой причине, сэр, я вступил в отчаянную войну против любой формы власти над толпой. Передовой страж пролетариата, я скрещиваю штыки со знаменитостями того времени, а также со шпионами и шарлатанами. Что ж, когда я сражаюсь с прославленным противником, должен ли я останавливаться в конце каждой фразы, подобно оратору с трибуны, чтобы сказать "ученый автор", "красноречивый писатель", "глубокий публицист" и сотню других банальностей, которыми модно насмехаться над людьми? Эта вежливость кажется мне не менее оскорбительной для человека, на которого напали, чем бесчестной для агрессора. Но когда, упрекая автора, я говорю ему: "Гражданин, ваша доктрина абсурдна, и, если попытка доказать, что мое утверждение оскорбляет вас, я виновен в этом", слушатель немедленно раскрывает уши; он весь внимание; и, если мне не удастся убедить его, по крайней мере, я даю импульс его мысли и показываю ему полезный пример сомнения и свободного исследования.

Тогда не думайте, сэр, что, искажая философию вашего очень образованного и очень уважаемого коллеги, мсье Троплонга, я не могу оценить ни его писательский талант (по моему мнению, для юриста у него его слишком много), ни его знания, хотя они слишком тесно ограничены буквой закона и чтением старых книг. В этих деталях М. Троплонг склоняется скорее к избытку, чем к недостатку. Кроме того, не верьте, что мной движет какая-либо личная неприязнь к нему или что у меня есть хоть малейшее желание уязвить его самолюбие. Я знаю г-на Троплонга только по его "Трактату о рецептах", который лучше бы он не писал; а что касается моих критиков, то ни г-н Троплонг, ни кто-либо из тех, чьим мнением я дорожу, никогда меня не

прочтут. Еще раз, моя единственная цель - доказать, насколько я в состоянии, этой несчастной французской нации, что те, кто издает законы, так же как и те, кто их интерпретирует, не являются непогрешимыми органами общего, безличного и абсолютного разума.

Я решил подвергнуть систематической критике полуофициальную защиту права собственности, недавно выдвинутую М. Воловски, вашим коллегой по консерватории. С этой целью я начал собирать документы, необходимые для каждой из его лекций, но, вскоре заметив, что идеи профессора были бессвязными, что его аргументы противоречили друг другу, что одно утверждение наверняка было опровергнуто другим, и что в рассуждениях М. Воловского хорошее всегда смешивалось с плохим, и, будучи по натуре немного подозрительным, мне вдруг пришло в голову, что М. Воловский был замаскированным сторонником равенства, невольно оказавшимся в положении, в котором патриарх Иаков изображает одного из своих сыновей, — *inter duas clitellas*, между двумя табуретками, как гласит пословица. Выражаясь более парламентским языком, я ясно видел, что М. Воловский был поставлен между своими глубокими убеждениями, с одной стороны, и своими официальными обязанностями - с другой, и что, чтобы сохранить свое положение, он должен был принять определенный уклон. Тогда я испытал сильную боль, увидев скрытность, околичности, цифры и иронию, к которым был вынужден прибегать профессор законодательства, в чьи обязанности входит ясно и точно преподавать догмы; и я начал проклинать общество, в котором честному человеку не позволено откровенно говорить то, что он думает. Никогда, сэр, вы не представляли себе такой пытки: мне казалось, я был свидетелем мученичества разума. Я собираюсь дать вам представление об этих удивительных встречах, или, скорее, об этих печальных сценах.

Понедельник, 20 ноября 1840 г. — кратко заявляет профессор -1. Что право собственности основано не на занятии, а на впечатлении человека; 2. Что каждый человек имеет естественное и неотъемлемое право на использование материи.

Итак, если материю можно присвоить и если, несмотря на это, все люди сохраняют неотъемлемое право на использование этой материи, что такое собственность?— а если материя может быть присвоена только трудом, как долго это присвоение будет продолжаться? — вопросы, которые приведут в замешательство всех юристов вообще.

Затем М. Воловски ссылается на свои авторитеты. Великий Боже! каких свидетелей он приводит! Во—первых, г—н Троплонг, великий метафизик, о котором мы говорили; затем г-н Луи Блан, редактор "Ревю дю Прогресс", которого чуть не судили присяжные за публикацию его "Организации труда" и который вырвался из лап государственного обвинителя только благодаря трюку жонглера; 68 Коринн, - я имею в виду мадам де Сталь, - которая в оде, поэтически сравнивающей сушу с волнами, борозду от плуга с кильватерной струей судна, говорит: "это собственность существует только там, где человек оставил свой след", что делает собственность зависимой от прочности элементов; Руссо, апостол свободы и равенства, но который, согласно М. Воловский нападал на собственность только В ШУТКУ и для того, чтобы указать на парадокс; Робеспьер, который запретил раздел земли, потому что рассматривал такую меру как возрождение собственности, и который, ожидая окончательной организации республики, передал всю собственность на попечение?? от народа, — то есть передал право выдающегося владения от личности обществу; Бабеф, который хотел собственности для нации и коммунизма для граждан; г—н Консидеран, который выступает за разделение земельной собственности на доли, - то есть кто хочет сделать собственность номинальной и фиктивной:

все это перемешано с шутками и остротами (несомненно, предназначенными для того, чтобы увести людей от ОСИНЫХ ГНЕЗД) за счет противников права собственности!

26 ноября.—М. Воловский предполагает следующее возражение: земля, подобно воде, воздуху и свету, необходима для жизни, поэтому ее нельзя присвоить; и он отвечает: значение земельной собственности уменьшается по мере роста мощи промышленности.

Хорошо! это значение УМЕНЬШАЕТСЯ, но не ИСЧЕЗАЕТ; и это само по себе показывает незаконность земельной собственности. Здесь М. Воловски делает вид, что думает, что противники собственности имеют в виду только собственность на землю, в то время как они просто используют это как термин для сравнения; и, показывая с поразительной ясностью абсурдность положения, в которое он их ставит, он находит способ привлечь внимание своих слушателей к другому предмету, не искажая истины, опровергать которую входит в его обязанности.

"Собственность, - говорит М. Воловски, - это то, что отличает человека от животных". Возможно, но должны ли мы рассматривать это как комплимент или сатиру?

"Магомет, - говорит М. Воловски, - установил закон о собственности". То же самое сделали Чингисхан, Тамерлан и все опустошители народов. Что это были за законодатели?

"Собственность существовала с момента зарождения человеческой расы". Да, то же самое относится к рабству и деспотизму; а также к полигамии и идолопоклонству. Но о чем свидетельствует эта древность?

Члены Государственного совета во главе с М. Порталисом при обсуждении Кодекса не поднимали вопрос о законности собственности. "Их молчание, - говорит М. Воловски, - является прецедентом в пользу этого права". Я могу рассматривать этот ответ как адресованный лично мне, поскольку замечание принадлежит мне. Я отвечаю: "Пока мнение общепризнанно, универсальность веры сама по себе служит аргументом и доказательством. Когда это же мнение подвергается нападкам, прежняя вера ничего не доказывает; мы должны прибегнуть к разуму. Невежество, каким бы старым и простительным оно ни было, никогда не перевешивает разум".

У собственности есть свои злоупотребления, признает М. Воловски. "Но, - говорит он, - эти злоупотребления постепенно исчезают. Сегодня известна их причина. Все они проистекают из ложной теории собственности. В принципе, собственность неприкосновенна, но ее можно и нужно контролировать и дисциплинировать". Таковы выводы профессора.

Когда человек таким образом витает в облаках, ему не нужно бояться двусмысленностей. Тем не менее, я хотел бы, чтобы он дал определение этим ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯМ собственностью, показал их причину, объяснил эту истинную теорию, из которой не должно вытекать никаких злоупотреблений; короче говоря, рассказал мне, как, не уничтожая собственность, можно управлять ею ради величайшего блага для всех. "Наш гражданский кодекс, - говорит М. Воловски, говоря об этом предмете, - оставляет желать лучшего". Я думаю, что он оставляет все незавершенным.

Наконец, М. Воловски выступает, с одной стороны, против концентрации капитала и вытекающего из нее поглощения; а с другой, он возражает против крайнего раздела земли. Теперь я думаю, что в своих Первых мемуарах я продемонстрировал, что крупное накопление и

мелкое деление являются первыми двумя членами экономической троицы — ТЕЗИСЫ и АНТИТЕЗИСЫ. Но, в то время как М. Воловский ничего не говорит о третьем термине, СИНТЕЗЕ, и, таким образом, оставляет вывод в подвешенном состоянии. Я показал, что этот третий термин — АССОЦИАЦИЯ, которая представляет собой уничтожение собственности.

30 ноября. —ЛИТЕРАТУРНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ. М. Воловский соглашается, что справедливо признавать права таланта (что ни в малейшей степени не противоречит равенству); но он серьезно возражает против вечной и абсолютной собственности на произведения гения к выгоде наследников авторов. Его главный аргумент заключается в том, что общество имеет право коллективного производства на каждое творение разума. Так вот, именно этот принцип коллективной власти я развил в своих "Исследованиях собственности и правительства" и на основе которого я построил полное здание новой социальной организации. М. Воловский, насколько мне известно, является первым юристом, который применил этот экономический закон в законодательном порядке. Только, в то время как я распространил принцип коллективной власти на любой вид продукции, М. Воловский, более предусмотрительный, чем это свойственно моей натуре, ограничивает его нейтральной территорией. Итак, то, что я имею смелость сказать о целом, он довольствуется утверждением о части, предоставляя разумному слушателю самому заполнить пустоту. Однако его аргументы остры и близки. Чувствуется, что профессор, почувствовав себя более непринужденно с одним аспектом собственности, дал волю своему интеллекту и устремляется к свободе.

1. Абсолютная литературная собственность препятствовала бы деятельности других людей и препятствовала бы развитию человечества. Это было бы смертью прогресса; это было бы самоубийством. Что бы произошло, если бы первые изобретения — плуг, уровень, пила и т. д. — были присвоены?

Таково первое предложение М. Воловского.

Я отвечаю: Абсолютная собственность на землю и орудия труда препятствует человеческой деятельности и препятствует прогрессу и свободному развитию человека.

Что произошло в Риме и у всех древних народов? Что происходило в средние века? Что мы видим сегодня в Англии вследствие абсолютной собственности на источники производства?

Самоубийство человечества.

2. Недвижимая и личная собственность находится в гармонии с общественными интересами. Вследствие литературной собственности социальные и индивидуальные интересы постоянно находятся в конфликте.

Формулировка этого предложения содержит риторическую фигуру, обычную для тех, кто не пользуется полной свободой слова. Эта фигура является *антифразисом* или *противоположностью*. Согласно Дюмарсе и лучшим гуманистам, оно состоит в том, чтобы говорить одно, имея в виду другое. Предложение М. Воловского, выраженное естественным образом, звучало бы следующим образом: "Точно так же, как реальная и личная собственность по сути враждебна обществу, так и вследствие литературной собственности социальные и индивидуальные интересы постоянно находятся в конфликте".

3. Г-н де Монталамбер в Палате пэров яростно протестовал против приравнивания авторов к изобретателям машин; приравнивание, которое, по его утверждению, наносит ущерб первым. Г-н Вольски отвечает, что права авторов без машин были бы равны нулю; что без бумажных фабрик, литейных заводов и типографий продажа стихов и прозы была бы невозможна; что многие механические изобретения — компас, например, телескоп или паровая машина - столь же ценны, как книга .

До М. Монталамбера М. Шарль Конт смеялся над выводами в пользу механических изобретений, которые логические умы никогда не преминут сделать из привилегий, предоставляемых авторам. "Тот, - говорит г-н Конт, - кто первым задумал и осуществил идею превращения куска дерева в пару сабо или шкуры животного в пару сандалий, тем самым приобрел бы исключительное право на изготовление обуви для человечества!" Несомненно, при системе собственности. Ибо на самом деле эти сабо, над которыми вы так потешаетесь, - творение сапожника, произведение его гения, выражение его мысли; для него это его поэма в такой же степени, в какой "Король любви" - драма Виктора Гюго. Справедливость для всех одинакова. Если вы отказываете в патенте изготовителю сапог, откажите также в привилегии сочинителю рифм.

4. То, что придает важность книге, является фактом, внешним по отношению к автору и его работе. Без интеллекта общества, без его развития и определенной общности идей, страстей и интересов между ним и авторами произведения последних ничего бы не стоили. Меновая ценность книги обусловлена даже в большей степени СОЦИАЛЬНЫМ ПОЛОЖЕНИЕМ, чем талантом, проявленным в ней.

Действительно, кажется, что я копирую свои собственные слова. Это предложение М. Вольского содержит особое выражение общей и абсолютной идеи, одной из самых сильных и убедительных против права собственности. Почему художники, как и механики, находят средства к существованию? Потому что общество сделало изящные искусства, подобно самым грубым отраслям промышленности, объектами потребления и обмена, подчиняясь, следовательно, всем законам торговли и политической экономии. Итак, первый из этих законов - это уравновешенность функций, то есть равенство партнеров.

5. М. Вольский позволяет себе сарказм по отношению к претендентам на литературную собственность. "Есть авторы, - говорит он, - которые жаждут привилегий авторов и которые с этой целью указывают на силу мелодрамы. Они говорят о племяннице Корнеля, просящей милостыню у дверей театра, который обогатили работы ее дяди.... Чтобы удовлетворить алчность литераторов, было бы необходимо создать литературные майораты и составить целый кодекс исключений".

Мне нравится эта добродетельная ирония. Но М. Вольски ни в коем случае не исчерпал трудностей, связанных с этим вопросом. И, во-первых, просто ли Мм? Кузен, Гизо, Вильмен, Дамирон и компания, которым государство платит за чтение лекций, должны быть оплачены вторично через книготорговцев? — что я, имеющий право публиковать их лекции, не должен иметь права их печатать? Справедливо ли, что мм. Ноэль и Шапсал, руководители университета, должны использовать свое влияние для продажи своих подборок литературы молодежи, учебной которой им поручено руководить за вознаграждение? И если это несправедливо, то разве не подобает отказывать в литературной собственности каждому автору, занимающему государственные должности и получающему пенсии или синекуры?

Опять же, должна ли привилегия автора распространяться на нерелигиозные и аморальные произведения, рассчитанные только на то, чтобы развратить сердце и затемнить разум? Предоставить эту привилегию - значит санкционировать законом безнравственность; отказаться от нее - значит осудить автора. И поскольку при нынешнем несовершенном состоянии общества невозможно предотвратить все нарушения морального закона, необходимо будет открыть лицензионное бюро как для книг, так и для морали. Но тогда три четверти наших литераторов будут обязаны зарегистрироваться; и, признанные отныне по их собственному заявлению ПРОСТИТУТКАМИ, они обязательно будут принадлежать публике. Мы платим пошлину проститутке; мы не жертвуем ей.

Наконец, следует ли приравнивать плагиат к подделке документов? Если вы отвечаете "Да", вы заранее определяете все темы, о которых говорится в книгах; если вы говорите "Нет", вы оставляете весь вопрос на усмотрение судьи. За исключением случая тайной перепечатки, как он отличит подделку от цитаты, имитации, плагиата или даже совпадения? Ученый тратит два года на вычисление таблицы логарифмов с точностью до девяти или десяти знаков после запятой. Он печатает ее. Через две недели после того, как его книга была продана за полцены; невозможно сказать, вызван ли этот результат подделкой или конкуренцией. Что должен сделать суд? В случае сомнений, должно ли оно передать собственность первому жильцу? Также решайте вопрос по жребию.

Это, однако, пустяковые соображения; но видим ли мы, что, предоставляя бессрочную привилегию авторам и их наследникам, мы действительно наносим смертельный удар по их интересам? Мы считаем, что ставить книготорговцев в зависимость от авторов — заблуждение. Книготорговцы объединятся против произведений и их владельцев. Против произведений, отказываясь продвигать их продажу, заменяя их плохими имитациями, воспроизводя их сотнями косвенных способов; и никто не знает, как далеко может зайти наука о плагиате и искусном подражании. Против собственников. Разве мы не осведомлены о том факте, что спрос на дюжину экземпляров позволяет книготорговцу продать тысячу; что с тиражом в пятьсот экземпляров он может обеспечивать королевство в течение тридцати лет? Что будут делать бедные авторы в присутствии этого всемогущего союза книготорговцев? Я скажу им, что они будут делать. Они поступят на работу к тем, к кому сейчас относятся как к пиратам; и, чтобы обеспечить себе преимущество, они станут наемными рабочими. Достойная награда за постыдную алчность и ненасытную гордыню. 69

Противоречия из противоречий! "Гений - великий уравнитель мира", - восклицает г-н де Ламартин. - "Тогда гений должен быть собственником. Литературная собственность - богатство демократии". Этот несчастный поэт считает себя глубокомысленным, хотя он всего лишь кичится. Его красноречие состоит исключительно в соединении идей, которые противоречат друг другу: КРУГЛАЯ ПЛОЩАДЬ, ТЕМНОЕ СОЛНЦЕ, ПАДШИЙ АНГЕЛ, СВЯЩЕННИК и ЛЮБОВЬ, МЫСЛЬ и ПОЭЗИЯ, ГУНИЙ и УДАЧА, ВЫРАВНИВАНИЕ и СОБСТВЕННОСТЬ. Давайте скажем ему в ответ, что его ум - темное светило; что каждое из его выступлений представляет собой беспорядочную гармонию; и что все его успехи, будь то в стихах или прозе, обусловлены использованием экстраординарного в трактовке самых обычных предметов.

"Le National" в ответ на доклад М. Ламартина пытается доказать, что литературная собственность имеет совершенно иную природу, чем земельная собственность; как будто природа права собственности зависит от объекта, к которому оно применяется, а не от способа

его осуществления и условий его существования. Но главная цель "Ле Насьональ" - угодить классу собственников, которых раздражает расширение права собственности: вот почему "Ле Насьональ" выступает против литературной собственности. Скажет ли оно нам раз и навсегда, за равенство оно или против него?

6. ВОЗРАЖЕНИЕ.—Собственность на оккупированной земле переходит к наследникам оккупанта. "Почему, - говорят авторы, - гениальное произведение не должно таким же образом переходить к наследникам гениального человека?" Ответ М. Воловски: "Потому что труд первого владельца продолжают его наследники, в то время как наследники автора не изменяют и не дополняют его работы. При земельной собственности продолжение труда объясняет продолжение права".

Да, когда труд продолжается; но если труд не продолжается, право прекращается. Так право владения, основанное на личном труде, признается М. Воловским.

М. Воловски принимает решение в пользу предоставления авторам права собственности на их произведения на определенное количество лет, начиная со дня их первой публикации.

Последующие лекции о патентах на изобретения были не менее поучительными, хотя и перемежались шокирующими противоречиями, вставленными с целью сделать полезные истины более приемлемыми. Необходимость краткости вынуждает меня не без сожаления завершить здесь этот анализ.

Таким образом, из двух юристов-эклектиков, пытающихся защитить собственность, один запутался в наборе догм без принципа или метода и постоянно несет чушь; а другой намеренно отказывается от дела собственности, чтобы представить под тем же названием теорию индивидуального владения. Ошибался ли я, утверждая, что среди легистов царяла неразбериха, и должен ли я быть привлечен к юридической ответственности за то, что сказал, что их наука отныне признана ложной, а ее слава померкла?

Обычных ресурсов закона уже недостаточно, были проведены консультации с философией, политической экономией и создателями систем. Все оракулы, к которым обращались, были обескураживающими.

Философы сегодня не более ясны, чем во времена расцвета эклектики; тем не менее, сквозь их мистические апофеогмы мы можем различить слова "ПРОГРЕСС", "ЕДИНСТВО", "АССОЦИАЦИЯ", "СОЛИДАРНОСТЬ", "БРАТСТВО", которые, безусловно, не успокаивают владельцев. Один из этих философов, мсье Пьер Леру, написал две большие книги, в которых он утверждает, что всеми религиозными, законодательными и философскими системами доказывает, что, поскольку люди ответственны друг перед другом, равенство условий является высшим законом общества. Верно, что этот философ допускает своего рода собственность; но поскольку он предоставляет нам самим представить, какой стала бы собственность при равенстве, мы можем смело причислить его к противникам права на приумножение.

Здесь я должен открыто заявить — чтобы меня не заподозрили в тайном попустительстве, которое чуждо моей натуре, — что я полностью сочувствую мсье Леру. Не то чтобы я верил в его квазипифагорейскую философию (по этому поводу у меня было бы более чем одно замечание, которым я мог бы поделиться с ним, при условии, что ветеран, покрытый нашивками, не стал бы презирать замечания призывника); не то чтобы я чувствовал себя связанным с этим автором

каким-либо особым вниманием к его неприятию собственности. На мой взгляд, мсье Леру мог бы и даже должен был изложить свою позицию более четко и логично. Но мне нравится, я восхищаюсь мсье Леру, антагонистом наших философских полубогов, разрушителем узурпированных репутаций, безжалостным критиком всего, что вызывает уважение из-за своей древности. Такова причина моего высокого уважения к мсье Леру; таков был бы принцип единственного литературного объединения, которое в наш век кружков я хотел бы создать. Нам нужны люди, которые, подобно г-ну Леру, подвергают сомнению социальные принципы — не для того, чтобы рассеять сомнения относительно них, но чтобы сделать их вдвойне надежными; люди, которые возбуждают разум смелыми отрицаниями и заставляют совесть трепетать доктринами уничтожения. Где тот человек, который не содрогнется, услышав восклицание мсье Леру: "Нет ни рая, ни ада; злые не будут наказаны, а добрые не вознаграждены. Смертные! перестаньте надеяться и бояться; вы возвращаетесь в круговороте видимостей; человечество - это бессмертное дерево, ветви которого, увядая одна за другой, питают своими обломками вечно молодой корень!" Где тот человек, который, услышав это отчаянное исповедание веры, не спросит с ужасом: "Значит, это правда, что я всего лишь совокупность элементов, организованных неизвестной силой, идея, реализованная на несколько мгновений, форма, которая проходит и исчезает? Правда ли, что мой разум - это всего лишь гармония, а моя душа - вихрь? Что такое эго? что такое Бог? что такое санкция общества?"

В прежние времена мсье Леру считался бы великим преступником, достойным только (как и Ванини) смерти и всеобщего проклятия. Сегодня мсье Леру выполняет миссию спасения, за которую, что бы он ни говорил, он будет вознагражден. Подобно тем мрачным инвалидам, которые постоянно говорят о своей приближающейся смерти и падают в обморок, когда заключение врача подтверждает их притворство, наше материалистическое общество приходит в волнение и теряет самообладание, слушая этот поразительный указ философа: "Ты умрешь!" Тогда воздайте должное господину Леру, который раскрыл нам трусость эпикурейцев; господину Леру, который делает необходимыми новые философские решения! Честь антиэклектику, апостолу равенства!

В своей работе "Человечество" М. Леру начинает с утверждения необходимости собственности: "Вы хотите отменить собственность; но разве вы не понимаете, что тем самым вы уничтожили бы человека и даже само имя человека?... Вы хотите упразднить собственность; но могли бы вы жить без тела? Я не буду говорить вам, что необходимо поддерживать это тело;... Я скажу вам, что это тело само по себе является своего рода собственностью".

Чтобы ясно понять доктрину М. Леру, необходимо иметь в виду, что существуют три необходимые и примитивные формы общества: коммунизм, собственность и то, что сегодня мы правильно называем ассоциацией. М. Леру отвергает в первую очередь коммунизм и борется с ним изо всех сил. Человек - личностное и свободное существо, и поэтому нуждается в сфере независимости и индивидуальной активности. М. Леру подчеркивает это, добавляя: "Вы не хотите ни семьи, ни страны, ни собственности; следовательно, нет больше ни отцов, ни сыновей, ни братьев. Вот ты здесь, не связанный ни с каким существом во времени и, следовательно, не имеющий имени; вот ты здесь, один среди миллиарда людей, которые сегодня населяют землю. Как, по-твоему, я смогу различить тебя в пространстве среди этой толпы?"

Если человек неотличим, он ничто. Так вот, он может быть выделен, индивидуализирован только через посвящение определенных вещей в его пользование, таких как его тело, его способности и инструменты, которыми он пользуется. "Отсюда, - говорит г-н Леру, - необходимость присвоения", короче говоря, собственности.

Но собственность на каком условии? Здесь г-н Леру, осудив коммунизм, в свою очередь осуждает право владения. Всю его доктрину можно резюмировать в одном—единственном утверждении: *Собственность может поочередно превращать человека в раба или деспота.*

Таким образом, если мы попросим М. Леру рассказать нам, при какой системе собственности человек не будет ни рабом, ни деспотом, но свободным, справедливым и гражданином, М. Леру ответит в третьем томе своего труда "Человечество":

"Есть три способа разрушить связь человека со своими братьями и со вселенной: ... 1. Разделив человека во времени; 2. разделив его в пространстве; 3. разделив землю или, в общих чертах, орудия производства; привязав людей к вещам, подчинив человека собственности, сделав человека собственником".

Следует признать, что этот язык чересчур отдаёт метафизическими высотами, к которым часто прибегает автор, и школой мсье Кузена. Тем не менее, можно видеть, как мне кажется, достаточно ясно, что г-н Леру выступает против исключительного присвоения орудий производства; только он называет это непринятие орудий производства **НОВЫМ МЕТОДОМ** установления собственности, в то время как я, в соответствии со всеми прецедентами, называю это уничтожением собственности. На самом деле, без присвоения инструментов собственность - ничто.

"До сих пор мы ограничивались указанием на деспотические черты собственности и борьбой с ними, рассматривая только собственность. Мы не смогли увидеть, что деспотизм собственности является коррелятом разделения человеческой расы;... эта собственность, вместо того чтобы быть организованной таким образом, чтобы способствовать неограниченному общению человека со своими братьями и со вселенной, была, напротив, обращена против этого общения".

Давайте переведем это на коммерческую фразеологию. Чтобы уничтожить деспотизм и неравенство условий, люди должны отказаться от конкуренции и объединить свои интересы. Пусть работодатель и нанятый (теперь враги и соперники) станут партнерами.

Теперь спросите любого фабриканта, торговца или капиталиста, считал бы он себя собственником, если бы ему пришлось делиться своими доходами и прибылью с этой массой наемных рабочих, которых предлагается сделать его компаньонами.

Семья, собственность и страна - это конечные вещи, которые должны быть организованы с прицелом на бесконечное. Ибо человек - конечное существо, стремящееся к бесконечному. Для него абсолютная конечность - зло. Бесконечное - его цель, неопределенное - его право".

Немногие из моих читателей поняли бы эти иерофантические слова, если бы я оставил их необъясненными. Мсье Леру подразумевает под этой великолепной формулой, что человечество представляет собой единое огромное общество, которое в своем коллективном единстве представляет бесконечное; что каждая нация, каждое племя, каждая коммуна и

каждый гражданин в разной степени являются фрагментами или конечными членами бесконечного общества, зло в котором проистекает исключительно из индивидуализма и привилегий, — другими словами, из подчинения бесконечного конечному; наконец, что для достижения цели человечества каждая часть имеет право на к бесконечно прогрессивному развитию.

"Все зло, от которого страдает человеческая раса, проистекает из касты. Семья - это благословение; семейная каста (знать) - это зло. Страна - это благословение; сельская каста (верховная, доминирующая, завоевывающая) - это зло; собственность (индивидуальное владение) - это благословение; каста собственников (владения Потье, Тулье, Троплонга и т. Д.) - это зло".

Таким образом, согласно М. Леру, существует собственность и property, — одна хорошая, другая плохая. Теперь, поскольку правильно называть разные вещи разными именами, если мы сохраним название "собственность" для первого, мы должны назвать последнее грабежом, разбоем, разбойничьим хулиганством. Если, напротив, мы оставляем за последним название "собственность", мы должны обозначить первое термином "ВЛАДЕНИЕ" или каким-либо другим эквивалентом; в противном случае мы столкнулись бы с неприятной синонимией.

Каким благословением было бы, если бы философы, осмелившиеся хоть раз высказать все, что они думают, заговорили на языке простых смертных! Народы и правители извлекли бы гораздо большую пользу из их лекций и, применяя одни и те же названия к одним и тем же идеям, пришли бы, возможно, к пониманию друг друга. Я смело заявляю, что в отношении собственности я придерживаюсь того же мнения, что и мсье Леру; но, если бы я перенял стиль философа и повторил за ним: "Собственность — это благословение, но каста собственников — *statu quo* собственности - это зло", - все холостяки, пишущие для рецензий, превозносили бы меня как гения. ⁷⁰ Если же, напротив, я предпочитаю классический язык Рима и гражданский кодекс и говорю соответственно: "Владение - это благословение, но собственность - это грабеж", то вышеупомянутые холостяки немедленно поднимают шум против чудовища, и судья угрожает мне. О, сила языка!

"Ле Нэшнл", с другой стороны, посмеялась над месье Леру и его идеями о собственности, обвинив его в ТАВТОЛОГИИ и РЕБЯЧЕСТВЕ. "Ле Насьональ" не желает понимать. Нужно ли напоминать этому журналу, что он не имеет права высмеивать философа-догматика, потому что у него нет самой доктрины? С момента своего основания "Ле Насьональ" была рассадником интриганов и ренегатов. Время от времени она заботится о том, чтобы предупредить своих читателей. Вместо того чтобы сокрушаться обо всех своих неудачах, "Демократической газете" лучше было бы возложить вину на саму себя и признаться в поверхностности своих теорий. Когда этот орган народных интересов и избирательная реформа перестанут привлекать скептиков и сеять сомнения? Я готов поспорить, не вдаваясь в подробности, что месье Леон Дюроше, критик месье Леру, является анонимным редактором какого-нибудь буржуазного или даже аристократического журнала под псевдонимом.

Опрошенные экономисты, в свою очередь, предлагают связать капитал и рабочую силу. Вы знаете, сэр, что это значит. Если мы будем следовать доктрине, то вскоре обнаружим, что она заканчивается поглощением собственности не сообществом, а всеобщим и неразрывным *commandite*, так что положение собственника будет отличаться от положения рабочего только получением большей заработной платы. Эта система, с некоторыми своеобразными

дополнениями и украшениями, является идеей фаланстерства. Но ясно, что, если неравенство условий является одним из атрибутов собственности, это не вся собственность. То, что делает собственность ВОСХИТИТЕЛЬНОЙ вещью, как сказал какой-то философ (не знаю, кто именно), - это способность распоряжаться по своему усмотрению не только своими благами, но и их специфической природой; использовать их по своему усмотрению; ограничивать и ограждать их; отлучать человечество, как говорит мсье Пьер Леру; короче говоря, использовать их так, как может подсказать страсть, интерес или даже каприз. Что такое обладание деньгами, долей в сельскохозяйственном или промышленном предприятии или купоном государственных облигаций по сравнению с бесконечным очарованием быть хозяином своего дома и участка, под своей виноградной лозой и смоковницей? *"Будьте поссидентес!"* - говорит автор, которого цитирует М. Троплонг. Seriously, можно ли это применить к человеку с достатком, у которого нет ничего другого под солнцем, кроме рынка, и в кармане у него деньги? С таким же успехом можно утверждать, что корыто - это трус. Хороший метод реформирования! Они никогда не перестают осуждать жажду золота и растущий индивидуализм века; и все же, вопреки самым немыслимым противоречиям, они готовятся превратить все виды собственности в один — собственность в монетах.

Я должен еще кое-что сказать о теории собственности, недавно выдвинутой с некоторой суматохой: я имею в виду теорию месье Консидеранта.

Фурьеристы - это не те люди, которые исследуют доктрину с целью выяснить, противоречит ли она их системе. Напротив, у них в обычае ликовать и петь победные песни всякий раз, когда противник проходит мимо, не замечая его.

Эти джентльмены хотят прямых опровержений, чтобы, если их разобьют, они могли иметь, по крайней мере, эгоистичное утешение в том, что о них заговорили. Что ж, пусть их желание исполнится.

Г-н Консидеран предъявляет самые высокие претензии на логику. Его метод процедуры всегда состоит из ГЛАВНОГО, ВТОРОСТЕПЕННОГО И ВЫВОДА. Он охотно написал бы на своей шляпе: *"Спорщик в 'Барбаре'"*. Но мсье Консидеран слишком умен и сообразителен, чтобы быть хорошим логиком, о чем свидетельствует тот факт, что он, по-видимому, принял силлогизм за логику.

Силлогизм, как известно каждому, кто интересуется философскими курьезами, является первым и вечным софизмом человеческого разума, излюбленным орудием лжи, камнем преткновения науки, пособником преступления. Силлогизм породил все зло, которое баснописец так красноречиво осуждал, и не сделал ничего хорошего или полезного: он так же лишен истины, как и справедливости. Мы могли бы применить к этому следующие слова Священного Писания: *"Обморок, который я испытал, когда исповедовался, закончился"*. Следовательно, лучшие философы давно осудили его; так что теперь никто, кроме врагов разума, не желает делать силлогизм своим оружием.

Таким образом, месье Консидеран построил свою теорию собственности на силлогизме. Будет ли он склонен поставить систему Фурье на кон в своих аргументах, подобно тому как я готов рискнуть всей доктриной равенства, опровергая эту систему? Такая дуэль вполне соответствовала бы воинственным и рыцарским вкусам месье Консидеранта, и публика

извлекла бы из нее пользу, ибо, если бы один из двух противников пал, о нем больше ничего не было бы сказано, и в мире стало бы одним ворчуном меньше.

Теория г-на Консидеранта обладает той замечательной особенностью, что, пытаясь одновременно удовлетворить требования как рабочих, так и собственников, она в равной степени ущемляет права первых и привилегии вторых. Во-первых, автор излагает это как принцип: "1. Пользование землей принадлежит каждому члену расы; что это естественное и неотъемлемое право, подобное во всех отношениях праву на воздух и солнечный свет. 2. Что право на труд в равной степени является фундаментальным, естественным и неотчуждаемым". Я показал, что признание этого двойного права означало бы смерть собственности. Я доношу на мсье Консидеранта владельцам!

Но мсье Консидерант утверждает, что право на труд создает право собственности, и вот как он рассуждает:—

Основная предпосылка. — "Каждый человек на законных основаниях владеет вещью, созданной его трудом, его умением — или, в более общих чертах, его действием".

К чему М. Консидеран добавляет в качестве комментария: "Действительно, поскольку земля создана не человеком, из фундаментального принципа собственности следует, что земля, будучи передана расе совместно, никоим образом не может быть исключительной и законной собственностью таких-то лиц, которые не были создателями этой ценности".

Если я не ошибаюсь, нет никого, кому это утверждение, на первый взгляд и во всей его полноте, не казалось бы совершенно неопровержимым. Читатель, не доверяй этому силлогизму.

Во-первых, я замечая, что слова "ЗАКОННО ВЛАДЕЕТ" означают, по мнению автора, "является **ЗАКОННЫМ СОБСТВЕННИКОМ**"; в противном случае аргумент, призванный доказать законность собственности, не имел бы смысла. Я мог бы здесь поднять вопрос о различии между собственностью и владением и призвать г-на Консидеранта, прежде чем идти дальше, дать определение тому и другому; но я прохожу мимо.

Это первое утверждение ложно вдвойне. 1. В том смысле, что оно утверждает акт ТВОРЕНИЯ как единственную основу собственности. 2. В том смысле, что он считает этот закон достаточным во всех случаях для утверждения права собственности.

И, во-первых, если человек может быть владельцем дичи, которую он не создает, но которую он УБИВАЕТ; плодов, которые он не создает, но которые он СОБИРАЕТ; овощей, которые он не создает, но которые он САЖАЕТ; животных, которых он не создает, но которых он ВЫРАЩИВАЕТ, — вполне возможно, что люди могут аналогичным образом стать владельцами земли, которую они не создают, но которую они расчищают и удобряют. Таким образом, акт творения не является НЕОБХОДИМЫМ для приобретения права собственности. Я говорю далее, что одного этого действия не всегда достаточно, и я доказываю это второй посылкой г-на Консидеранта:

Второстепенная предпосылка. — "Предположим, что на изолированном острове, на территории нации или по всему лицу земли (масштабы места действия не влияют на наше суждение о фактах) поколение людей впервые посвящает себя промышленности, сельскому хозяйству, мануфактурам и т. Д. Это поколение своим трудом, интеллектом и активностью создает продукты, развивает ценности, которых не существовало на необработанной земле. Разве не

совершенно ясно, что собственность этого трудолюбивого поколения будет основана на праве, если стоимость или богатство, произведенные в результате деятельности всех, будут распределены между производителями в соответствии с участием каждого в создании общего богатства? Это бесспорно".

Это весьма сомнительно. Ибо эта ценность или богатство, СОЗДАВАЕМОЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ВСЕХ, самым фактом своего создания является КОЛЛЕКТИВНЫМ богатством, использование которого, подобно использованию земли, может быть разделено, но которое как собственность остается НЕДЕЛИМЫМ. И почему это безраздельное владение? Потому что общество, которое творит, само неделимо, — постоянная единица, неспособная к разделению на части. И именно это единство общества делает землю общей собственностью и которое, как говорит г-н Консидеран, делает ее пользование обязательным для каждого отдельного человека. Предположим, в самом деле, что в данный момент земля была бы разделена поровну; уже в следующий момент этот раздел, если бы он допускал право собственности, стал бы незаконным. При малейшей неправильности в способе передачи люди, члены общества, неотъемлемые владельцы земли, могут быть одним ударом лишены собственности, владения и средств производства. Короче говоря, собственность на капитал неделима и, следовательно, неотчуждаема, не обязательно, когда капитал НЕ СОЗДАН, но когда он ОБЩИЙ или КОЛЛЕКТИВНЫЙ.

Я подтверждаю эту теорию против г—на Консидеранта третьим членом его силлогизма:

Заключение

"Результаты труда, выполняемого этим поколением, делятся на два класса, между которыми важно четко проводить различие. К первому классу относятся продукты почвы, которые принадлежат к этому первому поколению по своей производственной способности, дополненные, улучшенные и облагороженные его трудом и промышленностью. Эти продукты состоят либо из предметов потребления, либо из орудий труда. Ясно, что эти продукты являются законной собственностью тех, кто создал их своей деятельностью.... Второй класс.— Это поколение не только создало только что упомянутые продукты (предметы потребления и орудия труда), но и увеличило первоначальную ценность почвы за счет обработки, возведения зданий, за счет всего труда, приносящего постоянные результаты, который оно выполняло. Эта добавочная стоимость, очевидно, составляет продукт — стоимость, созданную деятельностью первого поколения; и если КАКИМ-ЛИБО ОБРАЗОМ собственность на эту стоимость будет распределена между членами общества справедливо, то есть пропорционально труду, который каждый из них выполнил, — каждый будет законно владеть той частью, которую он получает. Затем он может распоряжаться этой законной частной собственностью так, как считает нужным, — обменивать ее, раздавать или передавать другим лицам; и никакой другой индивид

или совокупность других индивидов, то есть общество, — не может предъявлять никаких претензий на эти ценности".

Таким образом, благодаря распределению коллективного капитала, на использование которого каждый участник, либо сам по себе, либо по праву своих авторов, имеет неотъемлемое и неделимое право, в фаланстере, как во Франции 1841 года, будут бедные и богатые; одни люди, которым, чтобы жить в роскоши, остается только, как говорит Фигаро, потрудиться родиться, и другие, для которых счастье жизни - всего лишь возможность для длительной бедности; бездельники с большими доходами и рабочие, чье состояние всегда в опасности. будущее; одни привилегированы по рождению и касте, а другие - парии, единственными гражданскими и политическими правами которых являются ПРАВО НА ТРУД И ПРАВО НА ЗЕМЛЮ. Ибо мы не должны обманываться; в фаланстере все будет таким, как оно есть сегодня, объектом собственности, — машины, изобретения, мысли, книги, произведения искусства, сельского хозяйства и промышленности; животные, дома, изгороди, виноградники, пастбища, леса, поля, — короче говоря, все, кроме НЕВОЗДЕЛАННОЙ ЗЕМЛИ. Теперь, не хотите ли вы знать, сколько стоит необработанная земля, по мнению защитников собственности? "Квадратной лиги едва ли хватит для содержания дикаря", - говорит месье Шарль Конт. Оценивая жалкое существование этого дикаря в триста франков в год, мы находим, что квадратная лига, необходимая для его жизни, относительно него точно представлена арендной платой в пятнадцать франков. Во Франции двадцать восемь тысяч квадратных лье, общая арендная плата за которые, по этой оценке, составила бы четыреста двадцать тысяч франков, что, будучи разделено между почти тридцатью четырьмя миллионами человек, дало бы каждому ДОХОД В САНТИМ С ЧЕТВЕРТЬЮ. Это новое право, которое великий гений Фурье изобрел ВО ИМЯ ФРАНЦУЗСКОГО НАРОДА и с помощью которого его первый ученик надеется преобразовать мир. Я доношу на господина Консидеранта пролетариату!

Если бы теория месье Консидеранта, по крайней мере, действительно гарантировала это свойство, которым он так ревностно дорожит, я мог бы простить ему недостатки в его силлогизме, несомненно, лучшем из всех, которые он когда-либо делал в своей жизни. Но нет: то, что мсье Консидерант принимает за собственность, является всего лишь привилегией в виде дополнительной оплаты. В системе Фурье ни созданный капитал, ни возросшая стоимость земли не делятся и не присваиваются каким-либо эффективным образом: орудия труда, созданные или нет, остаются в руках фаланги; мнимый собственник может касаться только дохода. Ему не разрешается ни реализовывать свою долю акций, ни владеть ими исключительно, ни управлять ими, какими бы они ни были. Кассирша бросает ему его дивиденды; а потом, владелец, съешь все, если сможешь!

Система Фурье не подошла бы собственникам, поскольку она лишает собственности самого восхитительного свойства — свободного распоряжения своим имуществом. Коммунистам это понравилось бы ничуть не больше, поскольку предполагает неравные условия. Это противно сторонникам свободной ассоциации и равенства из—за тенденции стирать человеческий характер и индивидуальность, подавляя собственность, семью и страну - тройственное выражение человеческой личности.

Из всех наших активных публицистов никто не кажется мне более богатым по ресурсам, воображению, более пышным и разнообразным по стилю, чем месье Консидеран. Тем не менее я сомневаюсь, что он возьмется восстановить свою теорию собственности. Если у него хватит

смелости, вот что я бы сказал ему: "Прежде чем писать свой ответ, хорошо обдумайте свой план действий; не рыщите по стране; не прибегайте ни к одному из ваших обычных средств; никаких жалоб на цивилизацию; никаких сарказмов по поводу равенства; никакого прославления фаланстерства. Оставьте Фурье и усопших в покое и попытайтесь только переставить части вашего силлогизма. С этой целью вам следует, во-первых, внимательно проанализировать каждое утверждение вашего оппонента; во-вторых, показать ошибку либо прямым опровержением, либо доказательством обратного; в-третьих, противопоставлять аргумент аргументу, чтобы при столкновении возражения и ответа лицом к лицу более сильный мог сломить более слабого и разнести его на атомы. Только таким способом вы можете похвастаться победой и заставить меня считать вас честным мыслителем и хорошим артиллеристом".

У меня не было бы оправдания дольше задерживаться с этими фаланстерскими чудаками, если бы обязательство, которое я возложил на себя, провести чистую проверку и необходимость отстаивать свое писательское достоинство, не помешали мне молча выслушать упрек, брошенный в мой адрес корреспондентом "Ла Фаланж". "Совсем недавно мы убедились, - говорит этот журналист, [71](#) - что г-н Прудон, каким бы энтузиастом он ни был в отношении науки, созданной Фурье, является или будет энтузиастом чего бы то ни было еще".

Если когда-либо сектанты имели право упрекать другого за изменение его убеждений, это право, конечно, не принадлежит ученикам Фурье, которые всегда так стремятся провести фаланстерское крещение дезертиров из всех партий. Но зачем считать это преступлением, если они искренни? Какое значение имеет постоянство или непостоянство индивидуума по отношению к истине, которая всегда одна и та же? Лучше просвещать умы людей, чем учить их упорствовать в своих предрассудках. Разве мы не знаем, что человек хрупок и непостоянен, что его сердце полно заблуждений, а его уста - это винокурня лжи? *Omnis homo mendax*. Хотим мы того или нет, но все мы какое-то время служим инструментами этой истины, царство которой наступает каждый день.

Только Бог неизменен, потому что он вечен.

Это ответ, на который, как правило, всегда имеет право честный человек и которым мне, возможно, следовало бы довольствоваться в качестве оправдания, ибо я ничем не лучше моих отцов. Но в век сомнений и отступничества, подобный нашему, когда важно подавать маленьким и слабым пример силы и честности высказываний, я не должен допустить, чтобы моя репутация публичного посягателя на собственность была опозорена. Я должен изложить свои прежние взгляды.

Исследуя себя, таким образом, по этому обвинению в фурьеризме и пытаясь освежить свою память, я нахожу, что, поскольку я был связан с фурьеристами во время учебы и дружеских отношений, возможно, что, сам того не зная, я был одним из сторонников Фурье. Жером Лаланд включил Наполеона и Иисуса Христа в свой каталог атеистов. Фурьеристы похожи на этого астронома: если человек случайно находит недостатки в существующей цивилизации и признает справедливость нескольких их критических замечаний, они волей-неволей сразу же зачисляют его в свою школу. Тем не менее я не отрицаю, что был фурьеристом; ибо, раз они так говорят, конечно, это может быть так. Но, сэр, то, о чем мои бывшие коллеги ничего не знают и что, несомненно, удивит вас, так это то, что я был многим другим: в религии поочередно протестантом, папистом, арианином и полуарианином, манихеем, гностиком, даже адамитом и доадамитом, скептиком, пелагианином, социнианцем, антиринитарием и неохристианином; [72](#)

в философии и политике идеалистом, пантеистом, платонистом, христианином. Картезианец, эклектик (то есть своего рода *juste-milieu*), монархист, аристократ, конституционалист, последователь Бабефа и коммунист. Я проштудировал целую энциклопедию систем. Вам не кажется удивительным, сэр, что среди них всех я недолгое время был фурьеристом?

Со своей стороны, я несколько не удивлен, хотя в настоящее время ничего об этом не помню. Несомненно одно— мои суеверия и легкоеверие достигли своего апогея в тот самый период моей жизни, который мои критики с упреком считают датой моих фурьеристских убеждений. Сейчас я придерживаюсь совсем других взглядов. Мой разум больше не допускает того, что демонстрируется силлогизмами, аналогиями, или метафорами, которые являются методами фаланстеры, но требует процесса обобщения и индукции, который исключает ошибку. Из моих прошлых МНЕНИЙ я не сохранил абсолютно ничего. Я приобрел некоторые ЗНАНИЯ. Я больше не ВЕРЮ. Я либо ЗНАЮ, либо НЕВЕЖЕСТВЕНЕН. Одним словом, в поисках причины вещей я увидел, что я РАЦИОНАЛИСТ.

Несомненно, было бы проще начать с того места, где я закончил. Но тогда, если таков закон человеческого разума; если все общество в течение шести тысяч лет только и делало, что впадало в заблуждение; если все человечество все еще погребено во тьме веры, обмануто своими предрассудками и страстями, руководствуясь только инстинктом своих лидеров; если сами мои обвинители не свободны от сектантства (ибо они называют себя фурьеристами), — разве мне одному непростительно, что я внутри себя, перед тайным трибуналом своей совести, заново начал путь нашего бедного человечества?

Тогда я ни в коем случае не стал бы отрицать свои ошибки; но, сэр, то, что отличает меня от тех, кто бросается в печать, - это тот факт, что, хотя мои мысли сильно изменились, мои сочинения не изменились. Даже сегодня по множеству вопросов меня осаждают тысячи экстравагантных и противоречивых мнений; но свои мнения я не печатаю, поскольку публика не имеет к ним никакого отношения. Прежде чем обратиться к своим собратьям, я жду, пока хаос моих идей прольется светом, чтобы то, что я могу сказать, было не всей правдой (ни один человек не может этого знать), но ничем иным, как правдой.

Эта странная склонность моего ума сначала отождествлять себя с системой, чтобы лучше понять ее, а затем размышлять над ней, чтобы проверить ее законность, - это то самое, что вызвало у меня отвращение к Фурье и подорвало в моем уважении общественную школу. Чтобы быть верным фурьеристом, на самом деле, нужно отказаться от своего разума и принимать все от учителя — доктрину, интерпретацию и применение. М. Консидеран, чья чрезмерная нетерпимость предаёт анафеме всех, кто не подчиняется его суверенным решениям, не имеет другого представления о фурьеризме. Разве он не был назначен викарием Фурье на земле и папой Церкви, которая, к несчастью для своих апостолов, никогда не будет принадлежать этому миру? Пассивная вера является теологической добродетелью всех сектантов, особенно фурьеристов.

Так вот, это то, что случилось со мной. Пытаясь аргументированно продемонстрировать религию, приверженцем которой я стал, изучая Фурье, я внезапно осознал, что рассуждая, я становлюсь недоверчивым; что по каждому пункту символа веры мой разум и моя вера расходились, и что мой шестинедельный труд был полностью потрачен впустую. Я увидел, что фурьеристы — несмотря на их неистощимую болтовню и экстравагантное стремление решать все вопросы — не были ни учеными, ни логиками, ни даже верующими; что они были

НАУЧНЫМИ шарлатанами, которых больше вело себялюбие, чем совесть, к труду ради торжества своей секты, и для которых были хороши все средства для достижения этой цели. Тогда я понял, почему эпикурейцам они обещали женщин, вино, музыку и море роскоши; ригористам - сохранение брака, чистоту нравов и воздержание; рабочим - высокую заработную плату; собственникам - большие доходы; философам - решения, секретом которых владел один Фурье; священникам - дорогостоящую религию и великолепные празднества; ученым - знания невообразимой природы; каждому, действительно, то, чего он больше всего желал. Вначале это показалось мне забавным; в конце концов, я расценил это как верх наглости. Нет, сэр; никто еще не знает о глупости и позоре, присущих фаланстерской системе. Это тема, к которой я намерен приступить, как только сведу баланс своих счетов с имуществом. 73

Ходят слухи, что фурьеристы подумывают покинуть Францию и отправиться в новый свет, чтобы основать фаланстер. Когда дом грозит рухнуть, крысы разбегаются; это потому, что они и есть крысы. Мужчины поступают лучше; они восстанавливают его. Не так давно сен-симонианцы, отчаявшись в своей стране, которая не обращала на них внимания, гордо отряхнули пыль со своих ног и отправились на Восток, чтобы сразиться в битве за свободную женщину. Гордыня, своеобразие, безумный эгоизм! Истинное милосердие, как и истинная вера, не беспокоится, никогда не отчаивается; оно не стремится ни к собственной славе, ни к своим интересам, ни к власти; оно делает все для всех, говорит со снисхождением к разуму и воле и желает победить только убеждением и жертвой. Оставайтесь во Франции, фурьеристы, если прогресс человечества - единственное, что у вас на сердце! Здесь можно сделать больше, чем в новом свете. В противном случае уезжайте! вы не кто иные, как лжецы и лицемеры!

Приведенное выше утверждение никоим образом не охватывает все политические элементы, все мнения и тенденции, которые угрожают будущему собственности; но оно должно удовлетворить любого, кто знает, как классифицировать факты и вывести их закон или идею, которая ими управляет. Существующее общество кажется покинутым демоном лжи и раздора; и именно это печальное зрелище так глубоко огорчает многие выдающиеся умы, которые слишком долго прожили в прежнюю эпоху, чтобы быть способными понять нашу. Теперь, в то время как близорукий наблюдатель начинает отчаиваться в человечестве и, отвлекаясь и проклиная то, о чем он ничего не знает, погружается в скептицизм и фатализм, истинный наблюдатель, уверенный в духе, который управляет миром, стремится постичь Провидение. Мемуары "Собственность", опубликованные в прошлом году пенсионером Безансонской академии, представляют собой просто исследование такого рода.

Пришло время мне рассказать историю этого злополучного трактата, который уже причинил мне столько огорчений и сделал меня таким непопулярным; но который был с моей стороны настолько произвольным и непреднамеренным, что я осмелился бы утверждать, что нет ни экономиста, ни философа, ни юриста, которые не были бы в сто раз виновнее меня. Есть что-то настолько необычное в том, как я был склонен посягать на собственность, что если, услышав мою печальную историю, вы, сэр, будете упорствовать в своей вине, я надеюсь, что, по крайней мере, вы будете вынуждены пожалеть меня.

Я никогда не претендовал на роль великого политика; более того, я всегда испытывал величайшее отвращение к спорам политического характера; и если в моем "Эссе о собственности" я иногда высмеивал наших политиков, поверьте, сэр, что мною руководила гораздо меньше моя гордость за то немногое, что я знаю, чем мое живое сознание их

невежества и чрезмерного тщеславия. Полагаясь больше на Провидение, чем на людей; поначалу не подозревая, что политика, как и любая другая наука, содержит абсолютную истину; одинаково хорошо соглашаясь с Боссюэ и Жан Жаком, я со смирением принял свою долю человеческих страданий и удовлетворился тем, что молился Богу о хороших депутатах, честных министрах и честном короле. Руководствуясь вкусом, а также осмотрительностью и неуверенностью в своих силах, я медленно занимался некоторыми банальными исследованиями в области филологии, смешанными с небольшой метафизикой, когда внезапно наткнулся на величайшую проблему, которая когда-либо занимала философские умы: я имею в виду критерий достоверности.

Те из моих читателей, кто не знаком с философской терминологией, будут рады в нескольких словах узнать, что это за критерий, играющий столь важную роль в моей работе.

Критерием достоверности, по мнению философов, будет, когда он будет открыт, безошибочный метод установления истинности мнения, суждения, теории или системы, почти таким же образом, как золото распознается по пробному камню, как железо приближается к магниту, или, что еще лучше, когда мы проверяем математическую операцию, применяя ДОКАЗАТЕЛЬСТВО. ВРЕМЯ до сих пор служило своего рода критерием для общества. Таким образом, первобытные люди, заметив, что не все они равны по силе, красоте и трудолюбию, рассудили, и справедливо, что некоторые из них были призваны природой к выполнению простых и обыденных функций; но они пришли к выводу, и в этом заключалась их ошибка, что те же самые индивидуумы с более тупым интеллектом, более ограниченным гением и более слабой личностью были предопределены СЛУЖИТЬ другим; то есть трудиться, пока последние отдыхают, и не иметь никакой иной воли, кроме их собственной; и из этой идеи естественного подчинения среди людей возникло домашнее хозяйство, которое, добровольно приняв на себя в во—первых, был незаметно обращен в ужасное рабство. Время, сделав эту ошибку более ощутимой, свершило правосудие. Нации на свой страх и риск усвоили, что подчинение человека человеку - это ложная идея, ошибочная теория, пагубная как для господина, так и для раба. И все же такая социальная система просуществовала несколько тысяч лет, и ее защищали знаменитые философы; даже сегодня, в несколько смягченных формах, софисты всех мастей поддерживают и превозносят ее. Но опыт подводит этому конец.

Таким образом, время является критерием обществ; при таком рассмотрении история представляет собой демонстрацию ошибок человечества с помощью аргумента *reductio ad absurdum*.

Итак, критерий, к которому стремятся метафизики, имел бы то преимущество, что сразу же проводил бы различие между истинным и ложным во всяком мнении; так что, например, в политике, религии и морали истинное и полезное распознается немедленно, и нам больше не нужно было бы ждать печального опыта времени. Очевидно, что такая тайна была бы смертельной для софистов — этого проклятого отродья, которое под разными именами возбуждает любопытство народов и из-за трудности отделить истину от заблуждения в своих искусно сплетенных теориях втягивает их в роковые предприятия, нарушает их покой и наполняет их такими необычайными предрассудками.

По сей день критерий достоверности остается загадкой; это связано с множеством критериев, которые были последовательно предложены. Одни принимали за абсолютный и определенный критерий показания органов чувств; другие - интуицию; эти свидетельства; те аргументы. М.

Ламенне утверждает, что нет другого критерия, кроме универсального разума. До него месье де Бональд думал, что открыл это в языке. Совсем недавно М. Бюше предложил мораль; и, чтобы согласовать их все, эклектики заявили, что абсурдно искать абсолютный критерий, поскольку критериев столько же, сколько и специальных категорий знания.

Из всех этих гипотез можно отметить, что показания органов чувств не являются критерием, потому что органы чувств, соотнося нас только с явлениями, не дают нам никаких идей; что интуиция нуждается во внешнем подтверждении или объективной достоверности; что очевидность требует доказательств и проверки аргументов; что универсальный разум много раз ошибался; что язык одинаково хорошо служит для выражения истинного или ложного; что мораль, как и все остальное, нуждается в демонстрации и правиле; и, наконец, что эклектическая идея наименее разумна из всех, поскольку бесполезно говорить, что существует несколько критериев, если мы не можем указать на них. один. Я очень боюсь, что с критерием будет то же самое, что и с философским камнем; что от него в конце концов откажутся не только как от несостоятельного, но и как от химерического. Следовательно, я не питаю никаких надежд на то, что нашел это; тем не менее, я не уверен, что кто-нибудь более искусный не обнаружит это.

Как бы то ни было, в отношении критерия или критериев существуют методы демонстрации, которые при применении к определенным предметам могут привести к открытию неизвестных истин, выявить отношения, о которых до сих пор никто не подозревал, и возвести парадокс на высшую степень достоверности. В таком случае о системе следует судить не по ее новизне и даже не по ее содержанию, а по ее методу. Следовательно, критикующему следует последовать примеру Верховного суда, который в делах, поступающих на его рассмотрение, никогда не рассматривает факты, а только форму процедуры. Итак, какова форма процедуры? Способ.

Затем я попытался увидеть, чего достигла философия в отсутствие критерия с помощью специальных методов, и должен сказать, что я не смог обнаружить — несмотря на громко провозглашаемые претензии некоторых, — что она создала что-либо действительно ценное; и, наконец, устав от философской болтовни, я решил предпринять новые поиски критерия. Признаюсь, к своему стыду, это безумие длилось два года, и я до сих пор не совсем от него избавился. Это было все равно что искать иголку в стоге сена. Я мог бы выучить китайский или арабский за то время, которое я потерял на обдумывание и пересмотр силлогизмов, на то, чтобы подняться на вершину индукции, как на вершину лестницы, на то, чтобы вставить предложение между рогами дилеммы, на то, чтобы разложить, различить, отделить, отрицать, утверждать, допускать, как если бы я мог пропускать абстракции через сито.

Я выбрал справедливость в качестве предмета своих экспериментов. Наконец, после тысячи разложений, рекомпозиций и двойных композиций я обнаружил на дне своего аналитического тигля не критерий достоверности, а метафизико-экономико-политический трактат, выводы которого были таковы, что я не позаботился представить их в более художественной или, если хотите, более доходчивой форме. Эффект, который эта работа произвела на умы всех классов, дал мне представление о духе нашего времени и не заставил меня сожалеть о благоразумной и научной неясности моего стиля. Как случилось, что сегодня я вынужден защищать свои намерения, когда мое поведение носит очевидный отпечаток такой высокой морали?

Вы читали мою работу, сэр, и знаете суть моих нудных и схоластических рассуждений. Размышляя о революциях человечества, превратностях империй, преобразованиях

собственности и бесчисленных формах справедливости, я спросил: "Присуще ли зло, от которого мы страдаем, нашему состоянию как людей, или оно возникает только из-за ошибки? Это неравенство состояний, которое все признают причиной затруднений общества, является ли оно, как утверждают некоторые, следствием Природы; или же при разделении продуктов труда и почвы не могла ли быть какая-то ошибка в расчетах? Получает ли каждый работник все, что ему причитается, и только то, что ему причитается? Короче говоря, при нынешних условиях труда, заработной платы и обмена никто не пострадал?—хорошо ли ведутся счета?—точен ли социальный баланс?"

Затем я приступил к самому кропотливому расследованию. Необходимо было составить неофициальные заметки, обсудить противоречивые названия, ответить на придирчивые обвинения, опровергнуть абсурдные претензии и описать фиктивные долги, нечестные сделки и мошеннические счета. Чтобы одержать победу над придирчивыми людьми, мне пришлось отрицать авторитет обычая, исследовать аргументы законодателей и противопоставить науке саму науку. Наконец, все эти операции завершились, я должен был вынести судебное решение.

Поэтому я заявил, положив руку на сердце, перед Богом и людьми, что причин социального неравенства всего три: 1. БЕЗВОЗМЕЗДНОЕ ПРИСВОЕНИЕ КОЛЛЕКТИВНОГО БОГАТСТВА; 2. НЕРАВЕНСТВО В ОБМЕНЕ; 3. ПРАВО НА ПРИБЫЛЬ Или ПРИУМНОЖЕНИЕ.

И поскольку этот тройной метод вымогательства составляет саму суть сферы собственности, я отрицал законность собственности и провозгласил ее идентичность грабежу.

Это мое единственное оскорбление. Я рассуждал о собственности; я искал критерий справедливости; я доказал не возможность, а необходимость равенства состояний; я не позволял себе нападок на людей, никаких нападок на правительство, временным сторонником которого я больше, чем кто-либо другой. Если я иногда и употреблял слово "СОБСТВЕННИК", то использовал его как абстрактное название метафизического существа, реальность которого дышит в каждом индивидууме, а не только в горстке привилегированных.

Тем не менее, я признаю — ибо хочу, чтобы мое признание было искренним, — что общий тон моей книги подвергся резкой критике. Они жалуются на атмосферу страсти и оскорбления, недостойные честного человека и совершенно неуместные при рассмотрении столь серьезной темы.

Если этот упрек вполне обоснован (чего я не могу ни отрицать, ни признать, потому что в моем собственном деле я не могу быть судьей), — если, говорю я, я заслуживаю этого обвинения, я могу только смириться и признать себя виновным в невольном проступке; единственное оправдание, которое я мог бы предложить, было такого характера, что его не следовало бы доводить до сведения общественности. Все, что я могу сказать, это то, что я лучше, чем кто-либо другой, понимаю, как гнев, вызываемый несправедливостью, может сделать автора резким и неистовым в его критике. Когда после двадцати лет труда человек все еще оказывается на грани голодной смерти, а затем внезапно обнаруживает в двусмысленности, ошибке в расчетах причину зла, которое мучает его вместе со столькими миллионами его собратьев, он едва может сдержать крик скорби и отчаяния.

Но, сэр, хотя моя грубость оскорбляет самолюбие, я приношу извинения не самолюбию, а пролетариям, простодушным людям, которых я, возможно, шокировал. Моя гневная диалектика, возможно, произвела дурное впечатление на некоторые миролюбивые умы.

Какой—нибудь бедный рабочий, более тронутый моим сарказмом, чем силой моих аргументов, возможно, пришел бы к выводу, что собственность является результатом вечного макиавеллизма со стороны управляющих по отношению к управляемым, — прискорбной ошибки, лучшим опровержением которой является сама моя книга. Я посвятил две главы тому, чтобы показать, как собственность проистекает из человеческой личности и сравнения индивидов. Затем я объяснил ее постоянное ограничение; и, следуя той же идее, я предсказал ее приближающееся исчезновение. Как же тогда могли редакторы "Revue Democratique", позаимствовав у меня почти всю суть своих экономических статей, осмелиться заявить: "Владельцы земли и другого производительного капитала являются более или менее сознательными соучастниками масштабного грабежа, они являются исключительными получателями и распределителями украденного"?

Владельцы, УМЫШЛЕННО виновные в совершении преступления грабежа! Никогда эта смертоносная фраза не сходила с моего пера; никогда в моем сердце не возникала ужасная мысль. Слава богу! Я не знаю, как оклеветать себе подобных, и у меня слишком сильное желание искать причину вещей, чтобы охотно верить в преступные заговоры. Миллионер не более запятнан собственностью, чем подмастерье, который работает за тридцать су в день. Ошибка обеих сторон одинакова, как и намерение. Эффект тоже тот же, хотя в первом случае положительный, а во втором отрицательный. Я обвинял собственность; я не осуждал собственников, что было бы абсурдно; и я сожалею, что среди нас есть люди с такой извращенной волей и с таким разбитым разумом, что их интересует лишь та часть правды, которая поможет им в их злых замыслах. Таково единственное сожаление, которое я испытываю из-за моего негодования, которое, хотя и выражалось, возможно, слишком горько, было, по крайней мере, честным и законным в своем источнике.

Однако, что я сделал в этом эссе, которое добровольно представил в Академию моральных наук? В поисках неизменной аксиомы в условиях социальной неопределенности я свел к одному фундаментальному вопросу все второстепенные вопросы, по поводу которых в настоящее время бушует столь острый и разносторонний конфликт, - это вопрос о праве собственности. Затем, сравнивая все существующие теории друг с другом и извлекая из них то, что является общим для них всех, я попытался обнаружить тот элемент в идее собственности, который является необходимым, неизменным и абсолютным; и утверждал, после достоверной проверки, что эта идея сводима к идее ИНДИВИДУАЛЬНОГО И ПЕРЕДАВАЕМОГО ВЛАДЕНИЯ; ПОДДАЕТСЯ ОБМЕНУ, НО НЕ ОТЧУЖДЕНИЮ; ОСНОВАНА НА ТРУДЕ, А НЕ НА ФИКТИВНОМ ВЛАДЕНИИ ИЛИ ПРАЗДНОМ КАПРИЗЕ. Далее я сказал, что эта идея была результатом наших революционных движений, кульминационной точкой, к которой сходятся все мнения, постепенно освобождаясь от своих противоречивых элементов. И я попытался продемонстрировать это с помощью духа законов, политической экономии, психологии и истории.

Один Отец Церкви, заканчивая ученое изложение католической доктрины, воскликнул в порыве своей веры: "*Domine, si error est, a te decepti sumus* (если моя религия ложна, виноват Бог)". Я, так же как и этот теолог, могу сказать: "Если равенство - это выдумка, то Бог, через которого мы действуем, думаем и существуем; Бог, который управляет обществом по вечным законам, который вознаграждает справедливые нации и наказывает собственников, — только Бог является автором зла; Бог солгал. Вина лежит не на мне".

Но, если я ошибаюсь в своих выводах, мне следует указать на мою ошибку и вывести из нее. Это, безусловно, стоит потрудиться, и я думаю, что заслуживаю этой чести. Оснований для запрета нет.

Ибо, по словам того члена конвента, которому не нравилась гильотина, *убивать - не значит отвечать*. До тех пор я продолжаю считать свою работу полезной, общественной, полной наставлений для государственных служащих, короче говоря, достойной вознаграждения и поощрения.

Ибо есть одна истина, в которой я глубоко убежден: нации живут абсолютными идеями, а не приблизительными и частичными концепциями; следовательно, нужны люди, которые определяют принципы или, по крайней мере, проверяют их в огне споров. Таков закон — сначала идея, чистая идея, понимание законов Бога, теория: практика следует медленными шагами, осторожная, внимательная к последовательности событий; уверенная в том, что по направлению к этому вечному меридиану уловит указания высшего разума.

Сотрудничество теории и практики производит в человечестве осознание порядка — абсолютной истины. 74

Все мы, пока мы живы, призваны, каждый в меру своих сил, к этой возвышенной работе. Единственная обязанность, которую это налагает на нас, - воздерживаться от присвоения правды самим себе, либо скрывая ее, либо приспособлявая к духу века, либо используя ее в наших собственных интересах. Этот принцип совести, такой великий и такой простой, всегда присутствовал в моих мыслях.

Подумайте, в самом деле, сэр, о том, что я мог бы сделать, но не хотел делать. Я рассуждаю на основе самой благородной гипотезы. Что мешало мне скрывать в течение нескольких последующих лет абстрактную теорию равенства состояний и в то же время не критиковать конституции и кодексы; не показывать абсолютное и случайное, неизменное и эфемерное, вечное и преходящее в законах настоящего и прошлого; не создавать новую систему законодательства и не устанавливать на прочном фундаменте это общественное здание, которое когда-либо разрушалось и так же часто восстанавливалось? Разве я не мог бы, взявшись за определения казуистов, ясно показать причину их противоречий и неопределенности и в то же время указать на неадекватность их выводов? Разве я не мог бы подкрепить этот труд обширным историческим изложением, в котором принцип исключения и накопления собственности, присвоение коллективного богатства и радикальный порок обмена фигурировали бы как постоянные причины тирании, войн и революций?

"Это следовало сделать", - скажете вы. Не сомневайтесь, сэр, что такая задача потребовала бы больше терпения, чем гениальности. С принципами социальной экономики, которые я проанализировал, мне пришлось бы только рыть землю и идти по борозде. Критик законов не находит ничего более трудного, чем определить справедливость: один только труд был бы более длительным. О, если бы я погнался за этой блестящей перспективой и, подобно человеку из неопалимой купины, с вдохновенным выражением лица и глубоким и торжественным голосом, когда-нибудь представил бы себе новые столы, нашлись бы дураки, которыми можно было бы восхищаться, олухи, которым можно было бы аплодировать, и трусы, которые предложили бы мне диктатуру; ибо на пути народного увлечения нет ничего невозможного.

Но, сэр, после этого памятника дерзости и гордыни, что, по вашему мнению, я должен был заслужить перед судом Божиим и свободными людьми? Смерть, сэр, и вечное поругание!

Поэтому я сказал правду, как только увидел ее, подождав ровно столько времени, чтобы придать ей надлежащее выражение. Я указал на ошибку для того, чтобы каждый мог исправиться и сделать свой труд более полезным. Я объявил о существовании нового политического элемента для того, чтобы мои единомышленники по реформе, развивая его согласованно, могли быстрее прийти к тому единству принципов, которое одно может обеспечить обществу лучшие времена. Я ожидал получить, если не за мою книгу, то, по крайней мере, за мое похвальное поведение, небольшую оvation республиканцев. И вот! журналисты осуждают меня, академики проклинают, политические авантюристы (великий Боже!) пытаются сделать себя терпимыми, заявляя, что они не такие, как я! Я даю формулу, с помощью которой все общественное здание может быть научно реконструировано, и самые сильные умы упрекают меня в том, что я способен только разрушать. Остальные презируют меня, потому что я неизвестен. Когда "Эссе о собственности" попало в исправительный лагерь, некоторые спросили: "Кто высказался? Это Араго? Это Ламенне? Мишель де Бурж или Гарнье-Паж?"

И когда они слышали имя нового человека: "Мы его не знаем", - они отвечали. Таким образом, монополия на мысль, собственность на разум угнетает как пролетариат, так и *буржуазию*. Поклонение бесчестным господствует даже на ступенях скинии.

Но что я говорю? Пусть меня постигнет зло, если я обвиню бедных созданий! О! давайте не будем презирать эти великодушные души, которые в пылу своего патриотизма всегда готовы отождествить голос своих вождей с истиной. Давайте лучше поощрять их простодушную доверчивость, благодушно и нежно просвещать их драгоценную искренность и приберегать наши стрелы для тех тщеславно-славных духов, которые всегда восхищаются их гением и на разных языках ласкают людей, чтобы управлять ими.

Только эти соображения обязывают меня ответить на странные и поверхностные выводы "Journal du Peuple" (выпуск от 11 октября 1840 г.) по вопросу о собственности. Поэтому я предоставляю журналисту обращаться только к своим читателям. Я надеюсь, что самолюбие писателя не будет оскорблено, если в присутствии масс я проигнорирую отдельного человека.

Вы говорите, пролетарии "Народа": "По той самой причине, что существуют люди и вещи, всегда найдутся люди, которые будут владеть вещами; следовательно, ничто не может уничтожить собственность".

Говоря таким образом, вы бессознательно рассуждаете в точности в манере месье Кузена, который всегда переходит от *обладания* к СОБСТВЕННОСТИ. Это совпадение, однако, меня не удивляет. месье Кузен - философ большого ума, а у вас, пролетариев, их еще больше. Конечно, быть вашим спутником в заблуждении почетно, даже для философа.

Первоначально слово "СОБСТВЕННОСТЬ" было синонимом НАДЛЕЖАЩЕГО или ИНДИВИДУАЛЬНОГО ВЛАДЕНИЯ. Оно обозначало особое право каждого человека на использование вещи. Но когда это право пользования, инертное (если можно так выразиться), каким оно было по отношению к другим узупфруктуариям, стало активным и первостепенным, — то есть когда узупфруктуарий превратил свое право личного пользования вещью в право использовать ее трудом своего соседа, — тогда собственность изменила свою природу, и ее идея стала сложной. Легисты знали это очень хорошо, но вместо того, чтобы противостоять, как

им следовало бы, этому накоплению прибылей, они приняли и санкционировали все это в целом. И поскольку право на сельскохозяйственную ренту обязательно подразумевает право пользования, - другими словами, поскольку право обрабатывать землю трудом раба предполагает способность человека обрабатывать ее самому, согласно принципу, что большее включает меньшее, — название собственность было зарезервировано для обозначения этого двойного права, а название владение было принято для обозначения права пользования.

Отсюда собственность стала называться совершенным правом, правом владения, выдающимся правом, героическим или *квиритарным* правом, — по—латыни, *jus perfectum, jus optimum, jus quiritarium, jus dominii*, - в то время как владение стало приравняться к арендной плате.

Итак, то, что индивидуальное владение существует по праву или, лучше сказать, из естественной необходимости, признают все философы, и это легко может быть продемонстрировано; но когда, в подражание М. Кузену, мы предполагаем, что это основа сферы собственности, мы впадаем в софизм, называемый *sophisma amphiboliae vel ambiguitatis*, который состоит в изменении значения посредством словесной двусмысленности.

Люди часто считают себя очень глубокими, потому что с помощью выражений крайней общности они, по-видимому, поднимаются на высоту абсолютных идей и таким образом вводят в заблуждение неопытные умы; и, что еще хуже, это обычно называется ИССЛЕДОВАНИЕМ АБСТРАКЦИЙ. Но абстракция, сформированная путем сравнения идентичных фактов, - это одно, в то время как то, что выводится из различных значений одного и того же термина, - совсем другое. Первое дает универсальную идею, аксиому, закон; второе указывает на порядок порождения идей. Все наши ошибки возникают из-за постоянного смешения этих двух видов абстракций. В этом отношении языки и философии одинаково несовершенны. Чем менее распространена идиома и чем более неясны ее термины, тем чаще она становится источником ошибок: философ софистичен пропорционально своему незнанию какого-либо метода нейтрализации этого несовершенства языка. Если когда-нибудь будет открыто искусство исправления речевых ошибок научными методами, тогда философия найдет свой критерий достоверности.

Итак, поскольку различие между собственностью и владением хорошо установлено и установлено, что первое по причинам, которые я только что привел, обязательно должно исчезнуть, не лучше ли ради небольшого преимущества восстановления этимологии сохранить слово СОБСТВЕННОСТЬ? Мое мнение таково, что это было бы очень неразумно, и я расскажу почему. Цитирую из "Journal du Peuple":—

"Законодательной власти принадлежит право регулировать собственность, предписывать условия ее приобретения, владения и передачи... Нельзя отрицать, что наследование, оценка, торговля, промышленность, рабочая сила и заработная плата требуют наиболее важных изменений".

Вы хотите, пролетарии, УПОРЯДОЧИТЬ СОБСТВЕННОСТЬ; то есть вы хотите уничтожить ее и свести к праву владения. Ибо регулировать собственность без согласия собственников - значит отрицать право ВЛАДЕНИЯ; связывать наемных работников с собственниками - значит уничтожать ВЫДАЮЩЕЕСЯ право; подавлять или даже уменьшать арендную плату за ферму, дом, доход и увеличение в целом - значит уничтожать СОВЕРШЕННУЮ собственность. Почему же тогда, с таким похвальным энтузиазмом трудясь над установлением равенства, вы должны

сохранять выражение, двусмысленный смысл которого всегда будет препятствием на пути к вашему успеху?

Вот вам и первая причина — сугубо философская — для отказа не только от вещи, но и от названия, свойства. Вот теперь политическая, высшая причина.

Каждая социальная революция, — скажет вам М. Кузен, — совершается только путем реализации идеи, будь то политической, моральной или религиозной. Когда Александр завоевывал Азию, его идеей было отомстить за греческую свободу за оскорбления восточного деспотизма; когда Марий и Цезарь свергли римских патрициев, их идеей было дать хлеб людям; когда христианство произвело революцию в мире, его идеей было освободить человечество и заменить поклонение единому Богу божествами Эпикура и Гомера; когда Франция восстала в 89 году, ее идеей были свобода и равенство перед законом. Не было настоящей революции, говорит М. Кузен, без ее идеи; так что там, где идеи не существует или даже не имеет формального выражения, революция невозможна. Есть толпы, заговорщики, бунтовщики, цареубийцы. Революционеров нет. Общество, лишенное идей, извивается и мечется, и умирает посреди своего бесплодного труда.

Тем не менее, вы все чувствуете, что грядет революция, и что вы один можете ее совершить. Какая же тогда идея руководит вами, пролетарями девятнадцатого века? — ибо на самом деле я не могу назвать вас революционерами. Что вы думаете?—во что вы верите?—чего вы хотите? Будьте осторожны в своем ответе. Я добросовестно читал ваши любимые журналы, ваших самых уважаемых авторов. Я повсюду нахожу только тщеславных и ребяческих *сущностей*; нигде я не нахожу идеи.

Я объясню значение этого слова *entite*, нового, без сомнения, для большинства из вас.

Под *сущностью* обычно понимается субстанция, которую схватывает воображение, но которая непознаваема чувствами и разумом. Таким образом, СНОТВОРНАЯ СИЛА опиума, о которой говорит Сганарель, и ПАГУБНЫЕ СВОЙСТВА древней медицины являются *едиными целыми*. *Entite* - это поддержка тех, кто не желает признаваться в своем невежестве. Это непостижимо, или, как говорит апостол Павел, *аргумент без очевидности*. В философии *целое* часто является всего лишь повторением слов, которые ничего не добавляют к мысли.

Например, когда месье Пьер Леру, который говорит так много превосходных вещей, но который, на мой взгляд, слишком любит свои платоновские формулы, уверяет нас, что зло человечества происходит от нашего НЕЗНАНИЯ ЖИЗНИ, месье Пьер Леру произносит *целое*; ибо очевидно, что если мы злы, то потому, что не знаем, как жить; но знание этого факта не имеет для нас никакой ценности.

Когда г-н Эдгар Кине заявляет, что Франция страдает и приходит в упадок из-за АНТАГОНИЗМА людей и интересов, он заявляет о *правоте*; ибо проблема состоит в том, чтобы обнаружить причину этого антагонизма.

Когда г-н Ламенне громовым тоном проповедует самопожертвование и любовь, он провозглашает две *сущности*; ибо нам нужно знать, при каких условиях самопожертвование и любовь могут возникнуть и существовать.

Точно так же, пролетарии, когда вы говорите о СВОБОДЕ, ПРОГРЕССЕ и СУВЕРЕНИТЕТЕ НАРОДА, вы превращаете эти естественно понятные вещи во множество *сущностей* в пространстве: ибо, с одной стороны, нам нужно новое определение свободы, поскольку определения 89-го года больше недостаточно; и, с другой стороны, мы должны знать, в каком направлении должно двигаться общество, чтобы быть прогрессивным. Что касается суверенитета народа, то это более грубая *сущность* чем суверенитет разума; это *сущность* из *сущностей*. Фактически, поскольку суверенитет может быть понят вне народа не в большей степени, чем вне разума, остается установить, кто из народа будет осуществлять суверенитет; и среди стольких же умов, которые будут суверенами. Сказать, что народ должен избирать своих представителей, - значит сказать, что народ должен признавать своих суверенов, что нисколько не устраняет трудности.

Но предположим, что, равные по рождению, равные перед законом, равные как личность, равные в социальных функциях, вы хотите также быть равными в условиях.

Предположим, что, воспринимая все взаимные отношения людей, производят ли они, обменивают или потребляют, как отношения коммутативной справедливости, — одним словом, общественные отношения; предположим, говорю я, что, осознавая это, вы хотите обеспечить этому естественному обществу законное существование и установить этот факт законом, —

Я говорю, что тогда вам нужно ясное, позитивное и точное выражение всей вашей идеи, то есть выражение, которое сразу определяет принцип, средства и цель; и я добавляю, что это выражение является АССОЦИАЦИЕЙ.

И поскольку объединение человеческой расы восходит, по крайней мере по праву, к началу мира и постепенно утвердилось и усовершенствовалось, последовательно избавляясь от своих негативных элементов — рабства, благородства, деспотизма, аристократии и феодализма, - я говорю, что для устранения последнего отрицания общества, для формулирования последней революционной идеи вы должны изменить свои старые лозунги: "БОЛЬШЕ НИКАКОГО АБСОЛЮТИЗМА, БОЛЬШЕ НИКАКОЙ ЗНАТИ, БОЛЬШЕ НИКАКИХ РАБОВ!" в то, у чего БОЛЬШЕ НЕТ СОБСТВЕННОСТИ!...

Но я знаю, что поражает вас, бедняги, продуваемые ветром бедности и раздавленные гордыней ваших покровителей: это РАВЕНСТВО, последствия которого пугают вас. Как, как вы написали в своем дневнике, — как мы можем "мечтать об уровне, который, будучи неестественным, следовательно, несправедлив? Как мы будем оплачивать дневной труд Корменина или Ламенне?"

Плебеи, слушайте! Когда после битвы при Саламине афиняне собрались, чтобы вручить призы за храбрость, после сбора бюллетеней выяснилось, что у каждого бойца был один голос за первую награду, а у Фемистокла - все голоса за вторую. Жители Минервы были коронованы своими собственными руками. Поистине героические души! все были достойны оливковой ветви, поскольку все отважились присвоить ее себе. Древность восхваляла этот возвышенный дух. Учитесь, пролетарии, уважать себя и свое достоинство. Вы хотите быть свободными, но не знаете, как быть гражданами. Итак, тот, кто говорит "граждане", обязательно говорит "равные".

Если бы я назвал себя Ламенне или Корменином, а какой—нибудь журнал, говоря обо мне, разразился бы такими гиперболами: НЕСРАВНЕННЫЙ ГЕНИЙ, ПРЕВОСХОДНЫЙ УМ, НЕПРЕВЗОЙДЕННАЯ ДОБРОДЕТЕЛЬ, БЛАГОРОДНЫЙ ХАРАКТЕР, - мне бы это не понравилось, и

я бы пожаловался, - во-первых, потому, что таких восхвалений никто не заслуживает; и, во-вторых, потому, что они подают плохой пример. Но я хочу, чтобы примирить вас с равенством, оценить для вас величайшую литературную личность нашего столетия. Не обвиняйте меня в зависти, пролетарии, если я, защитник равенства, оцениваю по достоинству таланты, которыми восхищаются все и которые я лучше, чем кто-либо, умею распознавать. Карлик всегда может измерить гиганта: все, что ему нужно, - это мерило.

Вы видели претенциозные объявления "L'Esquisse d'une Philosophie" и искренне восхищались этим произведением, поскольку либо не читали его, либо, если читали, не способны судить о нем. Итак, познакомьтесь с этим предположением, более блестящим, чем здравый смысл, и, восхищаясь энтузиазмом автора, перестаньте сожалеть о тех полезных трудах, которые только привычка и большое количество занятых ими людей делают презренными. Я буду краток, ибо, несмотря на важность предмета и гениальность автора, то, что я должен сказать, не имеет большого значения.

М. Ламенне начинает с существования Бога. Как он это доказывает? Аргументацией Цицерона, то есть согласием человечества. В этом нет ничего нового. Нам еще предстоит выяснить, законна ли вера человечества; или, как говорит Кант, соответствует ли наша субъективная уверенность в существовании Бога объективной истине. Это, однако, не беспокоит М. Ламенне. Он говорит, что если человечество верит, то это потому, что у него есть причина для веры.

Затем, произнеся имя Бога, господин Ламенне поет гимн; и это его демонстрация!

Признав эту первую гипотезу, г-н Ламенне выдвигает вслед за ней вторую, а именно, что в Боге есть три личности. Но, в то время как христианство учит догмату о Троице только на основании авторитета откровения, г-н Ламенне претендует на то, чтобы прийти к нему с помощью единственной силы аргументации; и он не понимает, что его мнимое доказательство от начала до конца является антропоморфизмом, то есть приписыванием способностей человеческого разума и сил природы Божественной субстанции. Новые песни, новые гимны!

Бог и Троица, ПРОДЕМОНСТРИРОВАННЫЕ таким ОБРАЗОМ, философ переходит к творению — третьей гипотезе, в которой г-н Ламенне, всегда красноречивый, разнообразный и возвышенный, ДЕМОНСТРИРУЕТ, что Бог создал мир не из ничего, не из чего-то, не из самого себя; что он был свободен в творчестве, но, тем не менее, он не мог не творить; что в материи есть материя, которая не является материей; что архетипические идеи мира отделены друг от друга в Божественном разуме разделением, которое является темным и непонятным, и все же существенным и реальным., что включает в себя разборчивость и т. Д. Мы сталкиваемся с аналогичными противоречиями относительно происхождения зла. Чтобы объяснить эту проблему, одну из самых глубоких в философии, М. Ламенне то отрицает зло, то делает Бога виновником зла, а в третий раз ищет вне Бога первопричину, которая не является Богом, — смесь *сущностей*, более или менее бессвязных, заимствованных у Платона, Прокла, Спинозы, я бы сказал, даже у всех философов.

Установив таким образом свою троицу гипотез, г-н Ламенне выводит из нее с помощью плохо связанной цепочки аналогий всю свою философию. И именно здесь мы особенно замечаем свойственный ему синкретизм. Теория М. Ламенне охватывает все системы и поддерживает все мнения. Вы материалист? Подавите, как бесполезные *сущности*, три личности в Боге; тогда, отталкиваясь непосредственно от тепла, света и электромагнетизма, которые, согласно автору,

являются тремя изначальными жидкостями, тремя первичными внешними проявлениями Воли, Разума и Любви, вы получите материалистическую и атеистическую космогонию. Напротив, вы привержены спиритуализму? С теорией нематериальности тела вы способны повсюду видеть только духов. Наконец, если вы склоняетесь к пантеизму, вас удовлетворит г—н Ламенне, который формально учит, что мир — это не ЭМАНАЦИЯ Божественности, что является чистым пантеизмом, а ПОТОК Божественности.

Я, однако, не претендую на то, чтобы отрицать, что в "L'Esquisse" есть несколько превосходных вещей; но, по заявлению автора, эти вещи принадлежат не ему; это его система. Несомненно, именно по этой причине г-н Ламенне так презрительно отзывается о своих предшественниках в философии и брезгует цитировать свои оригиналы. Он думает, что, поскольку "L'Esquisse" содержит всю истинную философию, мир ничего не потеряет, когда исчезнут имена и труды древних философов. М. Ламенне, прославляющий Бога в прекрасных песнях, не знает, как также воздать справедливость своим собратьям. Его роковой ошибкой является присвоение знания, которое теологи называют ФИЛОСОФСКИМ ГРЕХОМ или ГРЕХОМ ПРОТИВ СВЯТОГО ДУХА — грехом, который не проклянет ни вас, пролетарии, ни меня.

Короче говоря, "Эскавайр", рассматриваемый как система и лишенный всего, что его автор заимствует из предыдущих систем, представляет собой заурядное произведение, метод которого состоит в постоянном объяснении известного с помощью неизвестного и в предоставлении сущностей для абстракций и тавтологий для доказательств. Вся его теодицея - произведение не гения, а воображения, податка неоплатонических идей. Психологическая часть ничего не значит, г-н Ламенне открыто высмеивает труды такого характера, без которых, однако, невозможна метафизика. Книга, в которой говорится о логике и ее методах, слаба, расплывчата и неглубока. Наконец, мы находим в физических и физиологических спекуляциях, которые М. Ламенне выводит из своей тринитарной космогонии, серьезные ошибки, предвзятый замысел подогнать факты под теорию и почти в каждом случае подменить реальность гипотезой. Третий том о промышленности и искусстве - самый интересный для чтения и лучший. Это правда, что М. Ламенне не может похвастаться ничем, кроме своего стиля. Как философ, он не добавил ни одной идеи к тем, которые существовали до него.

Почему же тогда эта чрезмерная посредственность г-на Ламенне рассматривалась как мыслитель, посредственность, которая раскрылась во время публикации "Эссе о различиях"? Это потому, что (запомните это хорошенько, пролетарии!) Природа не делает человека по-настоящему совершенным, и еще потому, что развитие определенных способностей почти всегда исключает равное развитие противоположных способностей; это потому, что г-н Ламенне - выдающийся поэт, человек чувствующий. Посмотрите на его стиль — буйный, звучный, живописный, неистовый, полный преувеличений и оскорблений, — и будьте уверены, что ни один человек, обладавший таким стилем, никогда не был настоящим метафизиком. Это богатство выражения и иллюстраций, которым все восхищаются, становится у Ламенне неизлечимой причиной его философского бессилия. Его поток речи и его чувствительная натура вводят в заблуждение его воображение, он думает, что рассуждает, в то время как он всего лишь повторяется, и с готовностью принимает описание за логический вывод. Отсюда его ужас перед позитивными идеями, слабые способности к анализу, ярко выраженный вкус к неопределенным аналогиям, словесным абстракциям, гипотетическим обобщениям, короче говоря, ко всем видам сущностей.

Далее, вся жизнь М. Ламенне является убедительным доказательством его антифилософского гения. Набожный даже до мистицизма, ярый ультрамонтанин, нетерпимый теократ, он сначала ощущает двойное влияние религиозной реакции и литературных теорий, которые ознаменовали начало этого столетия, и возвращается к средневековью и Григорию VII.; затем, внезапно становясь прогрессивным христианином и демократом, он постепенно склоняется к рационализму и, наконец, впадает в деизм. В настоящее время все ждут у люка. Что касается меня, хотя я и не стал бы в этом клясться, я склонен думать, что г-н Ламенне, и без того настроенный скептически, умрет в состоянии безразличия. Этим искуплением своих ранних эссе он обязан индивидуальному разуму и методическому сомнению.

Утверждалось, что г-н Ламенне, проповедующий то теократию, то всеобщую демократию, всегда был последователен; что под разными названиями он неизменно добивался одного и того же — единства. Жалкое оправдание для автора, застигнутого врасплох в самом акте противоречия! Что бы подумали о человеке, который поочередно был слугой деспотизма при Людовике XVI, демагогом при Робеспьере, придворным императора, фанатиком в течение пятнадцати лет Реставрации, консерватором с 1830 года, осмелился бы сказать, что он когда-либо желал только одного — общественного порядка? Будет ли он в меньшей степени рассматриваться как отступник со всех сторон? Общественный порядок, единство, мировое благосостояние, социальная гармония, союз наций — относительно каждой из этих вещей невозможно расхождение во мнениях. Каждый желает их получить; характер публициста зависит только от средств, с помощью которых он предлагает их достичь. Но зачем надеяться на непоколебимость мнения г-на Ламенне, которое он сам отвергает? Разве он не сказал: "Разум не имеет закона; во что я верю сегодня, я не верил вчера; я не знаю, поверю ли я в это завтра"?

Нет; настоящего превосходства среди людей нет, поскольку все таланты и способности никогда не сочетаются в одном человеке. У этого человека есть сила мысли, у того — воображение и стиль, у другого — промышленные и коммерческие способности. По самой нашей природе и образованию мы обладаем только особыми способностями, которые ограничены и заточены, и которые, следовательно, становятся более необходимыми по мере того, как они углубляются и укрепляются. Способности относятся друг к другу как функции и личности; кто осмелится классифицировать их по рангам? Величайший гений, по законам своего существования и развития, в наибольшей степени зависит от общества, которое его создает. Кто осмелился бы сделать из этого славного ребенка бога?

"Человека делает не сила, — сказал восхищенной толпе Геркулес с рыночной площади. — это характер". Этот человек, у которого были только мускулы, презирал силу. Урок хороший, пролетарии; мы должны извлечь из него пользу. Не талант (который тоже является силой), не знания, не красота создают человека. Это сердце, мужество, воля, добродетель. Итак, если мы равны в том, что делает нас мужчинами, то как случайное распределение второстепенных способностей может умять нашу мужественность?

Помните, что привилегии естественно и неизбежно являются уделом слабых; и пусть вас не вводит в заблуждение слава, сопутствующая некоторым талантам, величайшее достоинство которых состоит в их редкости и долгом и кропотливом обучении. Г-ну Ламенне легче процитировать филиппику или спеть гуманитарную оду на платоновский манер, чем открыть одну полезную истину; экономисту легче применить законы производства и распределения, чем написать десять строк в стиле г-на Ламенне; обоим легче говорить, чем действовать. Тогда

вы, кто приложил свои руки к работе, кто один по-настоящему творит, почему вы хотите, чтобы я признал вашу неполноценность? Но, что я говорю?

Да, вы неполноценны, ибо вам недостает добродетели и воли! Готовый к труду и битве, ты не обладаешь, когда речь идет о свободе и равенстве, ни мужеством, ни характером!

В предисловии к своей брошюре "О деньгах и управлении", а также в своей защите перед присяжными, г-н Ламенне откровенно объявил себя защитником собственности. Из уважения к автору и его несчастью я воздержусь от характеристики этого заявления и от рассмотрения этих двух печальных выступлений. Г-н Ламенне, по-видимому, всего лишь орудие квазирадикальной партии, которая льстит ему, чтобы использовать его без уважения к славной, но, следовательно, бессильной старости. Что означает это исповедание веры? Начиная с первого номера "Авенира" и заканчивая "Исследованием единой философии", г-н Ламенне всегда выступает за равенство, ассоциацию и даже своего рода расплывчатый и неопределенный коммунизм. Г-н Ламенне, признавая право собственности, ставит крест на своей прошлой карьере и отказывается от своих самых великодушных наклонностей. Может ли тогда быть правдой, что в этом человеке, с которым слишком грубо обращались, но которому также слишком легко льстить, сила таланта уже пережила силу воли?

Говорят, что М. Ламенне отклонил предложения нескольких своих друзей попытаться добиться для него смягчения приговора. М. Ламенне предпочитает отбывать свой срок. Не может ли это притворство ложного стоицизма исходить из того же источника, что и его признание права собственности? Гурон, взятый в плен, осыпает своего победителя оскорблениями и угрозами — в этом героизм дикаря; мученик молится за своих палачей и желает получить от них свою жизнь — в этом героизм христианина. Почему апостол любви стал апостолом гнева и мести? Неужели переводчик "Подражания" забыл, что тот, кто оскорбляет милосердие, не может уважать добродетель? Галилей, на коленях отказавшийся перед трибуналом инквизиции от своей ереси относительно движения земли и вернувший себе этой ценой свободу, кажется мне в сто раз более великим, чем г-н Ламенне. Что?! если мы страдаем за правду и справедливость, должны ли мы в отместку изгнать наших преследователей за пределы человеческого общества; и, будучи приговорены к несправедливому наказанию, должны ли мы отказаться от освобождения, если оно нам предлагается, потому что нескольким подлым сателлитам нравится называть это помилованием? Не такова мудрость христианства. Но я забыл, что в присутствии месье Ламенне это имя больше не произносится. Пусть пророк "Авенира" будет поскорее возвращен свободе и своим друзьям; но, прежде всего, пусть отныне он черпает вдохновение только из своего гения и своего сердца!

О пролетарии, пролетарии! как долго вы будете жертвой этого духа мести и непримиримой ненависти, который разжигают ваши ложные друзья и который, возможно, нанес больше вреда развитию реформаторских идей, чем коррупция, невежество и злоба правительства? Поверьте мне, в настоящее время виноваты все. На самом деле, в намерении или в примере все оказываются недостаточными; и вы не имеете права никого обвинять. Сам король (прости меня, Господи! Я не люблю оправдывать короля), — сам король, как и его предшественники, всего лишь олицетворение идеи, и идеи, пролетарии, которая все еще владеет вами. Его величайшая ошибка состоит в том, что он желает ее полной реализации, в то время как вы желаете, чтобы она была реализована лишь частично, — следовательно, в логичности его правления; в то

время как вы в своих жалобах совсем не таковы. Вы требуете второго царевубийства. Тот, кто без греха среди вас, пусть первым бросит камень в князя собственности!

Насколько успешными вы были бы, если бы для того, чтобы влиять на людей, вы взывали к самолюбию людей, — если бы для того, чтобы изменить конституцию и закон, вы поставили себя в рамки конституции и закона! Пятьдесят тысяч законов, говорят они, составляют наши политические и гражданские кодексы. Из этих пятидесяти тысяч законов двадцать пять тысяч за вас, двадцать пять тысяч против вас. Разве не ясно, что ваш долг - противопоставить первое второму и таким образом, с помощью аргумента противоречия загнать привилегии в последнюю канаву? Отныне этот метод действий является единственно полезным, поскольку является единственно моральным и рациональным.

Со своей стороны, если бы я прислушивался к мнению этой нации, к которой я привязан по рождению и пристрастиям, не имея намерения играть ведущую роль в будущей республике, я бы дал указание трудящимся массам завоевывать собственность с помощью институтов и судебных разбирательств; искать помощников и сообщников в высших слоях общества и разорять все привилегированные классы, пользуясь их общим стремлением к власти и популярности.

Петиция о реформе избирательной системы уже собрала двести тысяч подписей, а прославленный Араго угрожает нам миллионом. Конечно, это было бы хорошо сделано; но из этого миллиона граждан, которые так же охотно голосуют за императора, как и за равенство, не могли бы мы отобрать десять тысяч подписей — я имею в виду добросовестные подписи, — авторы которых умеют читать, писать, шифровать и даже немного думать, и которых мы могли бы пригласить, после должного прочтения и устных объяснений, подписать такую петицию, как следующая:

"ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ:—

"ГОСПОДИН МИНИСТР, В тот день, когда в "Мониторе" появится королевский указ, предписывающий создание образцовых национальных мастерских, нижеподписавшиеся в количестве ДЕСЯТИ ТЫСЯЧ человек отправятся во дворец Тюильри и там во всю мощь своих легких прокричат: "Да здравствует Луи Филипп!"

"В тот день, когда "Монитор" сообщит общественности, что это прошение отклонено, нижеподписавшиеся числом в ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ человек тайно скажут в своих сердцах: "Долой Луи Филиппа!"

Если я не ошибаюсь, такая петиция возымела бы некоторый эффект. [75](#) Удовольствие от всенародных оваций стоило бы пожертвовать несколькими миллионами. Они сеют так много, чтобы пожинать непопулярность! Затем, если нация, восстановившая свои надежды 1830 года, почувствует, что ее долг сдержать свое обещание, — а она его сдержит, ибо слово нации, как и слово Бога, священо, — если, говорю я, нация, примирившаяся этим актом с монархией, движимой духом общества, принесет к подножию трона свои приветствия и свои клятвы и в этот торжественный момент выберет меня говорить от ее имени, суть моей речи будет следующей:

"СИР, вот что нация желает сказать вашему величеству:

"О король! ты видишь, чего стоит заслужить аплодисменты граждан. Хотели бы вы, чтобы мы впредь взяли своим девизом: "Давайте поможем королю, король поможет нам"? Вы хотите, чтобы люди кричали: "ЗА КОРОЛЯ И ФРАНЦУЗСКУЮ НАЦИЮ"? Тогда оставьте этих алчных банкиров, этих сварливых юристов, этих жалких буржуа, этих печально известных писателей, этих обесчещенных людей. Все они, сир, ненавидят вас и продолжают поддерживать только потому, что боятся нас. Завершите дело наших королей; уничтожьте аристократию и привилегии; посоветуйтесь с этими верными пролетариями, с нацией, которая единственная может чтить суверена и искренне кричать: "Да здравствует король!"

Остальное из того, что я должен сказать, сэр, предназначено только для вас; другие меня бы не поняли. Вы, как я понимаю, не только экономист, но и республиканец, и ваш патриотизм восстает при самой мысли обратиться к властям с петицией, в которой должно быть молчаливо признано правительство Луи Филиппа. "Национальные мастерские! хорошо было бы основать такие учреждения, - думаете вы, - но патриотические сердца никогда не примут их ни от аристократического министерства, ни от любезности короля". Несомненно, ваши старые предрассудки уже вернулись, и вы теперь рассматриваете меня только как софиста, готового льстить сильным мира сего, равно как и позорить, доводя их до крайности, принципы равенства и всеобщего братства.

Что мне тебе сказать?... Чтобы я так легко ставил под угрозу будущее своих теорий, либо эта хитроумная софистика, которую мне приписывают, должна быть, в сущности, очень пустяковой, либо же мои убеждения должны быть настолько тверды, что они лишают меня свободы воли.

Но, не настаивая далее на необходимости компромисса между исполнительной властью и народом, мне кажется, сэр, что, сомневаясь в моем патриотизме, вы рассуждаете очень капризно и что ваши суждения чрезвычайно опрометчивы. Вам, сэр, якобы защищающему правительство и собственность, позволено быть республиканцем, реформатором, фаланстерцем, кем угодно; я, напротив, требующий достаточно явной небольшой реформы в общественном хозяйстве, мне предназначено быть консерватором, а также другом династии. Я не могу объяснить себя более ясно. Я настолько твердо верю в философию свершившихся фактов и в *statu quo* государственных форм, что вместо того, чтобы разрушать то, что существует, и начинать все заново с прошлого, я предпочитаю придавать каждой вещи законность, исправляя ее. Это правда, что исправления, которые я предлагаю, хотя и соблюдают форму, имеют тенденцию в конечном итоге изменять природу исправляемых вещей. Кто это отрицает? Но это именно то, что составляет мою систему *statu quo*. Я не веду войну с символами, фигурами или фантомами. Я уважаю пугала и преклоняюсь перед багбирами. Я прошу, с одной стороны, оставить собственность такой, какая она есть, но постепенно снизить проценты на все виды капитала и, наконец, отменить их; с другой стороны, сохранить хартию в ее нынешнем виде, но внедрить этот метод в управление и политику. Вот и все. Тем не менее, подчиняясь всему, что есть, хотя и не удовлетворенный этим, я стараюсь соответствовать установленному порядку и отдавать Кесарю то, что принадлежит Кесарю. Думают ли, например, что я люблю собственность?... Очень хорошо; я сам являюсь собственником и уважаю право на приумножение, что подтверждается тем фактом, что у меня есть кредиторы, которым я добросовестно выплачиваю каждый год большую сумму процентов. То же самое и с политикой. Поскольку мы монархия, я бы скорее воскликнул: "ДА ЗДРАВСТВУЕТ КОРОЛЬ", чем принял смерть; что, однако, не мешает мне требовать, чтобы несменяемый, неприкосновенный и наследственный представитель нации действовал вместе с пролетариями против

привилегированных классов; одним словом, чтобы король стал лидером радикальной партии. Таким образом, мы, пролетарии, получили бы все; и я уверен, что этой ценой Луи Филипп мог бы обеспечить своей семье бессрочное президентство в республике. И вот почему я так думаю.

Если бы во Франции существовало только одно большое функциональное неравенство, а именно обязанность чиновника с конца года до конца содержать полный двор ученых, художников, солдат, депутатов, инспекторов и т. Д., Очевидно, что расходы президентства тогда были бы национальными расходами; и что благодаря возврату гражданского списка к массе потребителей огромное неравенство, о котором я говорю, составило бы точное уравнение для всей нации. В доказательстве этого ни один экономист не нуждается. Следовательно, больше не было бы страха перед кликами, придворными и уделами, поскольку не могло бы быть установлено никакого нового неравенства. У короля, как у короля, были бы друзья (неслыханная вещь), но не было семьи. Его родственники — *agnats et cognats*, — если бы они были дураками, ничего бы для него не значили; и ни в коем случае, за исключением предполагаемого наследника, они не имели бы, даже при дворе, больше привилегий, чем другие. Больше никакого кумовства, никакой благосклонности, никакой низости. Никто не обращался бы ко двору, кроме как когда того требовал долг или когда его призывали почетные отличия; и поскольку все условия были бы равны и все функции одинаково почитались, не было бы никакого другого соревнования, кроме соревнования заслуг и добродетели. Я хотел бы, чтобы король Франции мог сказать без стыда: "Мой брат - садовник, моя невестка - молочница, мой сын - королевский принц, а мой сын - кузнец". Его дочь вполне могла бы стать художницей. Это было бы прекрасно, сэр; это было бы по-королевски; никто, кроме шута, не смог бы этого не понять.

Таким образом, я пришел к мысли, что формы правления королевской семьи можно привести в соответствие с требованиями равенства, и придал монархическую форму моему республиканскому духу. Я видел, что во Франции отнюдь не так много демократов, как принято считать, и я пошел на компромисс с монархией. Однако я не говорю, что, если бы Франция хотела республики, я не смог бы приспособиться к этому так же хорошо, а может быть, и лучше. По натуре я ненавижу все знаки отличия, почетные кресты, золотые галуны, ливреи, костюмы, почетные звания и т.д., и, прежде всего, парады. Будь моя воля, ни генерала нельзя было бы отличить от солдата, ни пэра Франции от крестьянина. Почему я никогда не участвовал в смотре? ибо я счастлив сказать, сэр, что я служу в национальной гвардии; у меня нет ничего другого в мире, кроме этого. Потому что смотр всегда проводится в месте, которое мне не нравится, и потому что у них есть дураки вместо офицеров, которым я вынужден подчиняться. Вы видите, — и это не лучший момент в моей истории, — что, несмотря на мои консервативные взгляды, моя жизнь является постоянной жертвой республике.

Тем не менее, я сомневаюсь, что такая простота была бы приятна французскому тщеславию, той непомерной любви к отличиям и лести, которая делает нашу нацию самой легкомысленной в мире. М. Ламартин в своем грандиозном "Размышлении о Бонапарте" называет французов НАЦИЕЙ БРУТАЛОВ. Мы всего лишь нация нарциссов. До 89-го у нас была аристократия крови; тогда каждый буржуа смотрел свысока на простолюдинов и хотел быть дворянином. Впоследствии различие было основано на богатстве, и буржуазия, завидовавшая дворянству и гордившаяся своими деньгами, использовала 1830 год для продвижения не свободы любыми средствами, а аристократии богатства. Когда силой событий и естественными законами общества, для развития которого Франция предлагает такую свободу действий, будет

установлено равенство в функциях и состояниях, тогда beaux и красавицы, ученые и артисты сформируют новые классы. В этой галльской стране существует всеобщее и врожденное стремление к славе. У нас должны быть различия, какими бы они ни были, — знатность, богатство, талант, красота или одежда. Я подозреваю, что ММ. Арадж и Гарнье - Страницы с аристократическими манерами, и я представляю себе наших великих журналистов, которые в своих колонках, таких дружелюбных к людям, наносят грубые удары наборщикам в своих типографиях.

"Этот человек, - однажды сказала "Ле Насьональ", говоря о Карреле, - которого мы провозгласили ПЕРВЫМ КОНСУЛОМ!.... Разве это не правда, что монархический принцип все еще живет в сердцах наших демократов и что они хотят всеобщего избирательного права, чтобы сделать себя королями? Поскольку "Ле Насьональ" гордится тем, что придерживается более твердых мнений, чем "Журнал дебатов", я предполагаю, что после смерти Армана Карреля мсье Арман Марраст теперь первый консул, а мсье Гарнье - второй консул Пейджа. Депутат должен во всем уступать журналисту. Я не говорю о месье Араго, которого я считаю, несмотря на клевету, слишком образованным для консульства. Пусть будет так. Хотя у нас есть консулы, наше положение не сильно изменилось. Я готов уступить свою долю суверенитета ММ. Арман Марраст и Гарнье-Паж, назначенные консулы, при условии, что они поклянутся при вступлении в должность отказаться от собственности и не быть высокомерными.

Вечные обещания! Вечные клятвы! Почему народ должен доверять трибунам, когда короли лжесвидетельствуют сами? Увы! правда и честность больше не звучат, как во времена короля Джона, в устах принцев. Целый сенат был осужден за уголовное преступление, и поскольку интересы губернаторов по какой-то загадочной причине всегда противоречат интересам управляемых, парламенты сменяют друг друга, в то время как нация умирает от голода. Нет, нет! Больше никаких протекторов, никаких императоров, никаких консулов. Лучше управлять нашими делами самим, чем через агентов. Лучше объединить наши отрасли, чем просить милостыню у монополий; и, поскольку республика не может обойтись без добродетелей, мы должны трудиться над нашей реформой.

Следовательно, такова моя линия поведения. Я проповедую освобождение пролетариям, объединение рабочим, равенство богатым. Я продвигаю революцию всеми средствами, которые в моей власти, — языком, пером, прессой, действием и примером. Моя жизнь - это постоянное апостольство.

Да, я реформатор; я говорю то, что думаю, искренне, и чтобы меня больше не упрекали в моем тщеславии. Я хочу обратить мир в свою веру. Весьма вероятно, что эта фантазия проистекает из восторженной гордости, которая, возможно, переросла в бред; но, по крайней мере, следует признать, что у меня много друзей и что мое безумие не является мономанией. В наши дни каждый желает, чтобы его причислили к сумасшедшим Беранже. Не говоря уже о Бабефах, Маратах и Робеспьерах, которые кишмя кишат на наших улицах и в мастерских, все великие реформаторы древности снова оживают в самых прославленных личностях нашего времени. Один - Иисус Христос, другой - Моисей, третий - Магомет; это Орфей, тот - Платон или Пифагор. Сам Григорий VII восстал из могилы вместе с евангелистами и апостолами; и может оказаться, что даже я тот раб, который, сбежав из дома своего господина, был немедленно поставлен святым Павлом епископом и реформатором. Что касается девственниц и святых жен, то их ожидают ежедневно; в настоящее время у нас есть только Аспазии и куртизанки.

Итак, как и во всех болезнях, диагностика варьируется в зависимости от темперамента, поэтому мое безумие имеет свои особые аспекты и отличительные характеристики.

Реформаторы, как правило, ревниво относятся к своей роли; они не терпят соперников, им не нужны партнеры; у них есть ученики, но нет соработников. Напротив, я хочу поделиться своим энтузиазмом и сделать его, насколько это возможно, повсеместным. Я хотел бы, чтобы все были, подобно мне, реформаторами, чтобы больше не существовало сект; и чтобы Христы, антихристы и лжехристы были вынуждены понимать и соглашаться друг с другом.

Опять же, каждый реформатор - волшебник или, по крайней мере, желает им стать. Таким образом, Моисей, Иисус Христос и апостолы доказали свою миссию чудесами. Магомет высмеял чудеса после того, как попытался их совершить. Фурье, более хитрый, обещает нам чудеса, когда земной шар покроется фаланстерами. Что касается меня, то я испытываю такой же ужас перед чудесами, как и перед авторитетами, и ориентируюсь только на логику. Вот почему я постоянно ищу критерий достоверности. Я работаю над преобразованием идей. Не имеет значения, что они находят меня сухим и аскетичным. Я намерен победить смелой борьбой или умереть в этой попытке; и кто бы ни встал на защиту собственности, я клянусь, что заставлю его спорить, как г-на Консидеранта, или философствовать, как г-на Троплонга.

Наконец, — и именно в этом я больше всего отличаюсь от своих коллег, — я не считаю необходимым для достижения равенства переворачивать все с ног на голову. Утверждать, что ничто, кроме переворота, не может привести к реформе, - значит, на мой взгляд, строить силлогизм и искать истину в областях неизвестного. Итак, я за обобщение, индукцию и прогресс. Я считаю всеобщее неодобрение невозможным: с этой точки зрения проблема всеобщей ассоциации кажется мне неразрешимой. Собственность подобна дракону, которого убил Геракл: чтобы уничтожить ее, ее нужно брать не за голову, а за хвост, то есть за прибыль и проценты.

Я останавливаюсь. Я сказал достаточно, чтобы удовлетворить любого, кто может читать и понимать. Самый надежный способ, которым правительство может помешать интригам и расколоть партии, - это овладеть наукой и указать нации, находящейся на уже осязаемом расстоянии, на растущую орифламму равенства; сказать тем политикам из "трибюн" и прессы, за бесплодные споры с которыми мы так дорого расплачиваемся: "Вы, как ни слепы, стремитесь к отмене собственности; но правительство шагает с открытыми глазами. Вы приближаете будущее беспринципной и неискренней полемикой; но правительство, которое знает это будущее, ведет вас туда счастливым и мирным переходом. Нынешнее поколение не уйдет из жизни до тех пор, пока Франция, проводник и образец цивилизованных наций, не восстановит свое положение и законное влияние".

Но, увы! само правительство, — кто просветит его? Кто может заставить его принять эту доктрину равенства, страшную, но решающую формулу которой самые великодушные умы едва ли осмеливаются признать?... Я чувствую, как все мое существо трепещет, когда я думаю, что свидетельства трех человек — да, трех мужчин, которые считают своим долгом учить и определять, — было бы достаточно, чтобы дать полную волю общественному мнению, изменить убеждения и исправить судьбы. Разве эти трое мужчин не будут найдены?..

Можем ли мы надеяться или нет? Что мы должны думать о тех, кто нами управляет? В мире скорби, в котором движется пролетариат, и где ничего не известно о намерениях власти,

следует сказать, что преобладает отчаяние. Но вы, сэр, — вы, кто по должности принадлежит к официальному миру; вы, в ком народ признает одного из своих благороднейших друзей, а собственность - своего самого благоразумного противника, — что вы скажете о наших депутатах, наших министрах, нашем короле? Вы верите, что власти дружелюбны к нам? Тогда пусть правительство заявит о своей позиции; пусть оно напечатает свое исповедание веры в равенство, а я буду немым. В противном случае я продолжу войну; и чем больше будет проявлено упрямства и злобы, тем чаще я буду удваивать свою энергию и дерзость. Я уже говорил раньше и повторяю это, — я поклялся не на кинжале и не на мертвой голове, среди ужасов катакомб и в присутствии людей, запятнанных кровью; но я поклялся своей совестью преследовать собственность, не давать ей ни мира, ни перемирия, пока я не увижу, как ее повсюду проклиняют. Я еще не опубликовал и половины того, что я должен сказать о праве на домен, равно как и самого лучшего. Пусть рыцари собственности, если есть такие, которые сражаются иначе, чем отступая, будут готовы каждый день к новой демонстрации и обвинению; пусть они выходят на арену, вооруженные разумом и знаниями, а не окутанные софизмами, ибо справедливость восторжествует.

"Чтобы стать просветленными, мы должны обладать свободой. Одного этого достаточно; но это должна быть свобода использовать разум в отношении всех общественных вопросов.

И все же мы слышим, как со всех сторон авторитеты всех видов и степеней кричат: "Не рассуждайте!"

"Если требуется какое—то различие, то вот одно:-

"ПУБЛИЧНОЕ использование разума всегда должно быть бесплатным, но ЧАСТНОЕ использование всегда должно быть жестко ограничено. Под общественным использованием я подразумеваю научное, литературное использование; под частным - то, чем могут воспользоваться гражданские чиновники и общественные функционеры. Поскольку правительственный механизм должен поддерживаться в движении, чтобы сохранить единство и достичь нашей цели, мы не должны рассуждать; мы должны подчиняться. Но тот же самый индивид, который связан, с этой точки зрения, пассивным повиновением, имеет право высказываться в качестве гражданина и ученого. Он может обратиться к общественности, представить ей свои наблюдения за событиями, происходящими вокруг него и в вышестоящих инстанциях, стараясь, однако, избегать правонарушений, которые наказуемы.

"Тогда рассуждайте сколько хотите; только повинуйтесь". — Кант: Фрагмент о свободе мысли и печати. Перевод Тиссо.

Эти слова великого философа указывают мне на мой долг. Я отложил переиздание работы, озаглавленной "Что такое собственность?". для того, чтобы я мог поднять дискуссию на философскую высоту, с которой ее низвергла нелепая шумиха; и чтобы, по-новому поставив вопрос, я мог рассеять опасения добропорядочных граждан. Теперь я возвращаюсь к публичному использованию моего разума и даю полную волю правде. Второе издание первых мемуаров о собственности выйдет сразу же после публикации этого письма. Прежде чем публиковать что-либо дальше, я буду ждать замечаний моих критиков и сотрудничества друзей народа и равенства.

До сих пор я говорил от своего имени и под свою личную ответственность. Это был мой долг. Я пытался привлечь внимание к принципам, которые античность не могла открыть, потому что она

ничего не знала о науке, которая их раскрывает, — политической экономии. Итак, я свидетельствовал относительно ФАКТОВ; короче говоря, я был СВИДЕТЕЛЕМ. Теперь моя роль меняется. Мне остается сделать вывод о практических последствиях провозглашенных фактов. Должность ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ - единственная, которую я отныне могу занимать, и я подведу итог по делу от имени НАРОДА.

Я, сэр, со всем уважением, которым я обязан вашему таланту и вашему характеру,

Ваш покорный слуга,

П. Ж. ПРУДОН,

Пенсионер Академии Безансона.

P.S. Во время заседания 2 апреля Палата депутатов отклонила очень значительным большинством законопроект о литературной собственности, ПОТОМУ ЧТО НЕ ПОНЯЛА ЕГО. Тем НЕ менее, литературная собственность - это всего лишь особая форма права собственности, которую все утверждают, что понимают. Будем надеяться, что этот законодательный прецедент не окажется бесплодным для дела равенства. Следствием голосования Палаты является отмена капиталистической собственности, собственности непонятной, противоречивой, невозможной и абсурдной.

СНОСКИ:

1 (возврат)

[Во французском издании сочинений Прудона приведенный выше очерк его жизни помещен в качестве префикса к первому тому его переписки, но переводчик предпочитает вставить его здесь, как лучший способ представить автора американской публике.]

2 (возврат)

["Исследование грамматических классификаций". П. Ж. Прудона. Трактат, получивший почетное упоминание Академии надписей, 4 мая 1839 г. Вышел из печати.]

3 (возвращение)

["Полезность празднования воскресенья" и др. П. Ж. Прудон. Безансон, 1839, 12 месяцев; 2-е издание, Париж, 1841, 18 месяцев.]

4 (возвращение)

[Чаррон, о "Мудрости", глава xviii.]

5 (возврат)

[Г-н Вивьен, министр юстиции, прежде чем начать разбирательство против "Мемуаров о собственности", поинтересовался мнением г-на Бланки; и именно на основании замечаний этого distinguished академика он пощадил книгу, которая уже вызвала негодование магистратов. Г-н Вивьен - не единственное должностное лицо, которому я обязан с момента моей первой публикации помощью и защитой; но такая щедрость на политической арене настолько редка, что ее можно милостиво и свободно признать. Я, со своей стороны, всегда думал, что плохие институты создают плохих судей; точно так же трусость и лицемерие некоторых организаций проистекают исключительно из духа, который ими управляет. Почему, например, несмотря на добродетели и таланты, которыми они так отмечены, академии обычно являются центрами интеллектуального подавления, глупости и низменных интриг? Этот вопрос должна была бы предложить академия: недостатка в конкурентах не было бы.]

6 (возврат)

[По-гречески экзаменатор; философ, чье дело - искать истину.]

7 (возвращение)

[Религия, законы, брак были привилегиями свободных людей, и вначале только дворян. *Dii majorum gentium* — боги патрицианских родов; *jus gentium* - право наций, то есть семей или знати. У раба и плебея не было семей; с их детьми обращались как с потомством животных. ЗВЕРЯМИ они родились, ЗВЕРЯМИ они должны жить.]

8 (возврат)

[Если глава исполнительной власти несет ответственность, то и заместители тоже должны нести ответственность. Удивительно, что эта идея никому не приходила в голову; ее можно было бы сделать темой интересного эссе. Но я заявляю, что ни за что на свете не стал бы этого утверждать; люди все же слишком логичны, чтобы я мог привести им аргументы.]

9 (возвращение)

[См. Де Токвиль, "Демократия в Соединенных Штатах"; и Мишель Шевалье, "Письма о Северной Америке". Плутарх сообщает нам в "Жизни Перикла", что в Афинах честные люди были вынуждены скрываться во время учебы, опасаясь, что их будут рассматривать как претендентов на должность.]

10 (возвращение)

["Суверенитет, - согласно Тулье, - это человеческое всемогущество". Материалистическое определение: если суверенитет - это что-либо, то это ПРАВО, а не СИЛА или способность. И что такое человеческое всемогущество?]

11 (возврат)

[Прудон, о котором здесь идет речь, - это Ж. Б. В. Прудон; выдающийся французский юрист и дальний родственник Переводчика.]

12 (возвращение)

[Здесь, особенно, простота наших предков предстает во всей своей грубости. Сделав наследниками двоюродных братьев, у которых не было законных детей, они не могли так разделить имущество между двумя разными ветвями, чтобы предотвратить одновременное существование чрезвычайного богатства и крайней бедности в одной семье. Например: — Джеймс, умирая, оставляет двух сыновей, Питера и Джона, наследниками своего состояния: имущество Джеймса делится между ними поровну. Но у Питера только одна дочь, в то время как у Джона, его брата, осталось шестеро сыновей. Ясно, что, чтобы быть верным принципу равенства и в то же время принципу наследственности, два состояния должны быть разделены семью равными долями между детьми Петра и Иоанна; ибо в противном случае посторонний человек мог бы жениться на дочери Петра, и в результате этого союза половина имущества Джеймса, деда, перешла бы к другой семье, что противоречит принципу наследственности. Более того, дети Джона были бы бедны из-за своего количества, в то время как их двоюродный брат, будучи единственным ребенком, был бы богат, что противоречит принципу равенства. Если мы расширим это совместное применение двух принципов, явно противоположных друг другу, мы убедимся, что право наследования, на которое в наши дни нападают так неразумно, не является препятствием для поддержания равенства.]

13 (возвращение)

[Зевс клезиос.]

14 (возвращение)

[Жиро, "Исследования права собственности у римлян".]

15 (возвращение)

[Ненадежный, от гресор - "Я молюсь"; потому что акт уступки недвусмысленно означал, что господь в ответ на молитвы своих людей или рабов разрешил им трудиться.]

16 (возвращение)

[Я не могу понять, как кто-либо осмеливается оправдывать неравенство условий, указывая на низкие наклонности определенных людей. Откуда берется эта постыдная деградация сердца и разума, жертвами которой становятся столь многие, если не из-за нищеты и унижения, в которые ввергает их собственность?]

17 (возвращение)

[Сколько граждан необходимо для поддержки профессора философии?— Тридцать пять миллионов. Сколько для экономиста?— Два миллиарда. А для литератора, который не является ни ученым, ни художником, ни философом, ни экономистом и который пишет романы для газет?— Нет.]

18 (возврат)

[Здесь в расчетах автора допущена ошибка; но переводчик, будучи уверен, что читатель поймет смысл слов Прудона, предпочитает не изменять его цифр.—Переводчик.]

19 (return)

[Hoc inter se differunt onanismus et manuspratio, nempe quod haec a solitario exercetur, ille autem a duobus recipitur, masculo scilicet et faemina. Porro foedam hanc onanismi venerem ludentes uxoria mariti habent nunc omnigm suavissimam]

20 (возвращение)

[Многомужество, множественность мужей.]

21 (возвращение)

[Детоубийство только что публично пропагандировалось в Англии в брошюре, написанной учеником Мальтуса. Он предлагает ЕЖЕГОДНО УСТРАИВАТЬ МАССОВОЕ УБИЙСТВО НЕВИННЫХ во всех семьях, в которых больше детей, чем позволяет закон; и он просит, чтобы великолепное кладбище, украшенное статуями, рощами, фонтанами и цветами, было выделено как особое место захоронения для лишних детей. Матери прибегали в это восхитительное место, чтобы помечтать о счастье этих маленьких ангелочков, и возвращались, вполне утешенные, рожать других, которых, в свою очередь, хоронили.]

22 (возврат)

[Совершить акт благожелательности по отношению к ближнему на иврите называется вершить правосудие; по-гречески проявлять сострадание или жалость ({греч. n n fe }, от которого происходит французское *aitone*); по-латыни совершать акт любви или милосердия; по-французски подавать милостыню. Мы можем проследить деградацию этого принципа с

помощью следующих различных выражений: первое означает долг; второе - только симпатию; третье - привязанность, вопрос выбора, а не обязательства; четвертое - каприз.]

23 (возвращение)

[Здесь я подразумеваю под *equite* то, что латиняне называли *humanitas*, то есть вид общительности, свойственный человеку. Человечество, мягкое и учтивое ко всем, знает, как различать звания, добродетели и способности без ущерба для кого бы то ни было.]

24 (возвращение)

[Справедливость и равноправие никогда не были поняты.]

25 (возвращение)

[Между женщиной и мужчиной могут существовать любовь, страсть, узы обычая и тому подобное; но настоящего общества не существует. Мужчина и женщина - не компаньоны. Разница полов воздвигает между ними барьер, подобный тому, который расовая разница воздвигает между животными. Следовательно, я далек от того, чтобы отстаивать то, что сейчас называется эмансипацией женщины, я скорее склонялся бы, если бы не было другой альтернативы, исключить ее из общества.]

26 (возвращение)

["Сейф Космо де Медичи был могилой флорентийской свободы", - сказал М. Мишле Французскому колледжу.]

27 (возвращение)

["Мое право - мое копьё и мой щит". Генерал де Броссар сказал, подобно Ахиллесу: "Я добываю вино, золото и женщин своим копьём и щитом".]

28 (возврат)

[Было бы интересно и выгодно сделать обзор авторов, писавших о ростовщичестве, или, используя более мягкое выражение, которое некоторые предпочитают, о ссуде под проценты. Теологи всегда выступали против ростовщичества; но, поскольку они всегда признавали законность ренты и поскольку рента, очевидно, тождественна проценту, они заблудились в лабиринте тонких различий и в конце концов достигли точки, где они не знают, что думать о ростовщичестве. Церковь — учитель морали, столь ревнивый и так гордящийся чистотой своего учения, — всегда была в неведении относительно реальной природы собственности и ростовщичества. Она даже провозгласила устами своих понтификов самые прискорбные ошибки. *Non potest mutuum, said Benedict XIV., locationi ullo pacto comparari.* "Рента, - говорит Боссюэ, - так же далека от ростовщичества, как небо от земли". Как, исходя из такой доктрины,

осуждать ссуду под проценты? как оправдать Евангелие, которое прямо запрещает ростовщичество? Теологи сталкиваются с очень серьезными трудностями. Неспособные опровергнуть экономические доказательства, которые справедливо отождествляют процент с рентой, они больше не осмеливаются осуждать процент и могут сказать только, что должна существовать такая вещь, как ростовщичество, поскольку Евангелие запрещает это.]

29 (возвращение)

["Я проповедую Евангелие, я живу Евангелием", - сказал Апостол, подразумевая под этим, что он жил своим трудом. Католическое духовенство предпочитает жить за счет собственности. Известны столкновения в средневековых коммунах между священниками и епископами и крупными собственниками и сеньорами. Не менее важны и папские отлучения от церкви, прозвучавшие в защиту церковных доходов. Даже сегодня официальные органы галликанского духовенства по-прежнему утверждают, что жалованье, получаемое духовенством, является не жалованьем, а компенсацией за товары, которыми они когда-то владели и которые были отобраны у них в 89 году Третьим сословием. Духовенство предпочитает жить правом на приумножение, а не трудом.]

30 (возврат)

[Значение, обычно придаваемое слову "анархия", - это беспринципность, отсутствие правления; следовательно, оно рассматривалось как синоним "беспорядка".]

31 (возврат)

[Если такие идеи когда-либо будут навязаны людям, то это будет представительское правительство и тирания болтунов. Когда-то наука, мышление и речь характеризовались одним и тем же выражением. Чтобы обозначить вдумчивого и образованного человека, они говорили: "человек, говорящий быстро и сильный в рассуждениях". Долгое время речь абстрактно отличалась от науки и разума. Постепенно эта абстракция осознается, как говорят логики, в обществе; так что сегодня у нас есть ученые многих видов, которые говорят очень мало, и БОЛТУНЫ, которые даже не являются учеными в науке о речи. Таким образом, философ больше не ученый: он болтун. Законодатели и поэты когда-то были глубокими и возвышенными личностями: теперь они болтуны. Говорящий - это звонкий колокольчик, которого достаточно малейшего удара, чтобы привести в вечное движение. У говорящего поток речи всегда прямо пропорционален бедности мысли. Болтуны правят миром; они оглушают нас, они надоедают нам, они беспокоят нас, они сосут нашу кровь и смеются над нами. Что касается ученых, то они хранят молчание: если они хотят сказать хоть слово, их прерывают. Пусть пишут.]

32 (возвращение)

[*libertas, librare, libratio, весы*, —свобода, освобождать, либрация, баланс (фунт), — слова, имеющие общее происхождение. Свобода - это баланс прав и обязанностей. Сделать человека свободным — значит уравновесить его с другими, то есть поставить его или их на один уровень.]

33 (возврат)

[В ежемесячном издании, первый номер которого только что вышел под названием "Равенство", самопожертвование провозглашается как принцип равенства. Это путаница идей. Самопожертвование, взятое само по себе, является последней степенью неравенства. Искать равенства в самопожертвовании - значит признавать, что равенство противоречит природе. Равенство должно основываться на справедливости, на строгом праве, на принципах, на которые ссылается сам собственник; в противном случае его никогда не будет. Самопожертвование выше справедливости; но оно не может быть навязано как закон, потому что оно по своей природе не допускает вознаграждения. Действительно, желательно, чтобы все осознали необходимость самопожертвования, и идея "Равноправия" является прекрасным примером. К сожалению, это не может возыметь никакого эффекта. В самом деле, что бы вы ответили человеку, который сказал бы вам: "Я не хочу жертвовать собой"? Нужно ли его принуждать к этому? Когда самопожертвование вынужденно, оно становится угнетением, рабством, эксплуатацией человека человеком. Так пролетарии приносили себя в жертву собственности.]

34 (возврат)

[Ученики Фурье долгое время казались мне самыми передовыми из всех современных социалистов и почти единственными, кто достоин этого названия. Если бы они понимали природу своей задачи, говорили с людьми, пробуждали их сочувствие и хранили молчание, когда они не понимали; если бы они делали менее экстравагантные заявления и проявляли больше уважения к общественному разуму, возможно, реформа сейчас, благодаря им, шла бы полным ходом. Но почему эти ревностные реформаторы постоянно преклоняются перед властью и богатством, то есть перед всем, что является антиреформаторским? Как в наш мыслящий век они могут не понимать, что мир должен быть преобразован ДЕМОНСТРАЦИЕЙ, а не мифами и аллегориями? Почему они, смертельные враги цивилизации, заимствуют у нее, тем не менее, ее самые пагубные плоды — собственность, неравенство в состоянии и ранге, обжорство, наложничество, проституцию, что я знаю? теургия, магия и колдовство? Зачем эти бесконечные обвинения в адрес морали, метафизики и психологии, когда злоупотребление этими науками, которых они не понимают, составляет всю их систему? Откуда эта мания обожествления человека, главное достоинство которого состояло в том, что он нес чушь о вещах, даже названий которых он не знал, самым сильным языком, когда-либо написанным на бумаге? Тот, кто признает непогрешимость человека, становится тем самым неспособным наставлять других. Тот, кто отрицает свой собственный разум, вскоре запретит свободу мысли. Фаланстерцы не преминули бы сделать это, если бы у них была власть. Пусть они снизойдут до разума, пусть они действуют систематически, пусть они покажут нам демонстрации вместо откровений, и мы охотно выслушаем. Тогда пусть они организуют производство, сельское хозяйство и торговлю; пусть они сделают труд привлекательным, а самые скромные функции почетными, и мы воздадим им хвалу. Прежде всего, пусть они отбросят тот иллюминизм, который придает им вид самозванцев или простофилей, а не верующих и апостолов.]

35 (возвращение)

[Индивидуальное владение не является препятствием для экстенсивного культивирования и единой эксплуатации. Если я не говорил о недостатках, связанных с небольшими поместьями, то только потому, что считал бесполезным повторять то, что говорили так много других и что к этому времени должен знать весь мир. Но я удивлен, что экономисты, которые так ясно показали недостатки земледелия лопатами, не смогли увидеть, что оно полностью вызвано собственностью; прежде всего, что они не осознали, что их план мобилизации почвы является первым шагом к отмене собственности.]

36 (возврат)

[В Палате депутатов во время заседания пятого января 1841 года г-н Дюфор внес предложение возобновить законопроект об экспроприации на основании соображений общественной полезности.]

37 (возврат)

["Что такое собственность?" Глава IV, Девятое предложение.]

38 (возврат)

[*Tu cognovisti sessionem meam et resurrectionem meam.* Псалом 139.]

39 (возврат)

[Император Николай только что вынудил всех фабрикантов в его империи содержать за свой счет на своих предприятиях небольшие больницы для приема больных рабочих, причем количество коек в каждой пропорционально количеству рабочих на фабрике. "Вы извлекаете выгоду из человеческого труда", - мог бы сказать царь своим собственникам; "Вы будете нести ответственность за жизнь человека". Г-н Бланки сказал, что такая мера не могла бы увенчаться успехом во Франции. Это было бы посягательством на собственность, что едва ли мыслимо даже в России, Скифии или среди казаков; но среди нас, старейших сынов цивилизации!.... Я очень боюсь, что это свойство возраста может в конце концов оказаться признаком дряхлости.]

40 (возвращение)

[Курс М. Бланки. Лекция от 27 ноября 1840 г.]

41 (возврат)

(В "Мазаньелло" неаполитанский рыбак под аплодисменты галер требует ввести налог на предметы роскоши.)

42 (возвращение)

[Семя чемпиона, пролетарий; Это и есть любовь к возвращению.]

43 (возвращение)

["В некоторых странах осуществление определенных политических прав зависит от размера собственности. Но в этих же странах собственность является выражением, а не атрибутивным признаком качеств, необходимых для осуществления этих прав. Это скорее предположительное доказательство, чем причина этих оговорок". — Росси: Трактат по уголовному праву.]

44 (возвращение)

[Лекция от 22 декабря.]

45 (возвращение)

[Лекция от 15 января 1841 г.]

46 (возвращение)

[Лекция от 15 января 1841 г.]

47 (возвращение)

[М. Бланки и Воловски.]

48 (возвращение)

[Тема, предложенная четвертым классом Института Академии моральных и политических наук: "Как организация труда повлияет на рабочий класс в соответствии с современными идеями ассоциации?"]

49 (возвращение)

[Тема, предложенная Академией Безансона: "Экономические и моральные последствия во Франции до настоящего времени и те, которые, по-видимому, появятся в будущем, закона о равном разделе наследственного имущества между детьми".]

50 (возвращение)

[{ГРЕЧ., ?n n'}, — большая собственность. Вульгата переводит это как "алчность".]

51 (возвращение)

[Похожие обычаи существовали у всех народов. Обратитесь, среди прочих работ, к "Происхождению французского права" М. Мишле и "Древностям немецкого права" Гримма.]

52 (return)

[*Dees hominesque testamur, nos arma neque contra patriam cepisse neque quo periculum aliis faceremus, sed uti corpora nostra ab injuria tuta forent, qui miseri, egentes, violentia atque crudelitate foeneraterum, plerique patriae, sed omnes farna atque fortunis expertes sumus; neque cuiquam nostrum licuit, more majorum, lege uti, neque, amisso patrimonio, liberum corpus habere.*—Sallus: *Bellum Catilinarium.*]

53 (доходность)

[Пятьдесят, шестьдесят и восемьдесят процентов. Курс М. Бланки.]

54 (return)

[*Episcopi plurimi, quos et hortamento esse oportet caeteris et exemplo, divina prouratione contempta, procuratores rerum saeularium fieri, derelicta cathedra, plebe leserta, per alienas provincias oberrantes, negotiationis quaestuosae nundinas au uucu-, pari, esurientibus in ecclesia fratribus habere argentum largitur velle, fundos insidi. sis fraudibus rapere, usuris multiplicantibus faenus augere.*—Cyprian: *De Lapsis.* {—ПРИМЕЧАНИЕ: к чему это относится? Это внизу страницы 341 в MS} В этом отрывке святой Киприан ссылается на кредитование по ипотечным кредитам и сложные проценты.]

55 (возвращение)

["Расспросы о собственности римлян".]

56 (возвращение)

["Его стяжательская природа быстро срабатывает во сне закона. Оно готово по одному слову впитать в себя все. Станьте свидетелем знаменитой двусмысленности о бычьей шкуре, которая, будучи разрезанной на ленты, была достаточно большой, чтобы покрыть место основания Карфагена.... Со времен Дидоны легенда появлялась несколько раз.... Такова любовь человека к своей земле. Ограниченный могилами, измеряемый членами человеческого тела, большим пальцем, ступней и рукой, он гармонирует, насколько это возможно, с самими пропорциями человека. Он также еще не удовлетворен: он призывает Небеса в свидетели того, что это его земля; он пытается сделать свою землю похожей на небеса.... В своем титаническом опьянении он описывает собственность теми же терминами, которые использует при описании Всемогущего —*fundus optimus maximus*.... Он сделает это своим ложем, и они больше не будут разлучены, — {греч. "nf gh gg".} —Мишле: *Происхождение французского права.*]

57 (возвращение)

[М. Гизо отрицает, что только христианство имеет право на славу отмены рабства. "Для достижения этой цели, - говорит он, - было необходимо множество причин - эволюция других идей и других принципов цивилизации". Столь общее утверждение невозможно опровергнуть. Следовало бы указать на некоторые из этих идей и причин, чтобы мы могли судить, не был ли их источник полностью христианским или, по крайней мере, не проник ли в них христианский дух и не оплодотворил ли их таким образом. Большинство хартий об освобождении начинаются такими словами: "Во имя любви к Богу и спасения моей души".]

58 (возврат)

[*Оборотень*, — штраф, уплаченный за убийство человека. Так много для графа, так много для барона, так много для свободного человека, так много для священника; для раба - ничего. Его стоимость была возвращена владельцу.]

59 (возврат)

[Дух деспотизма и монополии, одушевлявший коммуны, не ускользнул от внимания историков. "Формирование ассоциаций простолюдинов, - говорит Мейер, - проистекало не из истинного духа свободы, а из желания освободиться от обвинений сеньоров, от личных интересов и ревности к благополучию других.... Каждая коммуна или корпорация выступали против создания любой другой; и этот дух усилился до такой степени, что король Англии Генрих V. После основания университета в Кане в 1432 году город и университет Парижа выступили против регистрации эдикта ".]

60 (возвращение)

[Феодализм был по духу и своему провиденциальному предназначению длительным протестом человеческой личности против монашеского коммунизма, которым была наводнена Европа в средние века. После оргий языческого эгоизма общество, доведенное христианской религией до противоположной крайности, рисковало своей жизнью из-за неограниченного самоотречения и абсолютного безразличия к мирским удовольствиям. Феодализм был тем противовесом, который спас Европу от совместного влияния религиозных общин и манчестерских сект, возникших с четвертого века под разными названиями и в разных странах. Современная цивилизация обязана феодализму окончательным становлением личности, брака, семьи и страны. (См. по этому поводу Гизо, "История цивилизации в Европе".)]

61 (возвращение)

[Это стало очевидным в июле 1830 года и в последующие годы, когда избирательная буржуазия совершила революцию, чтобы получить контроль над королем, и подавила восстание, чтобы сдержать народ. Буржуазия через суд присяжных, магистратуру, свое положение в армии и муниципальный деспотизм управляет как королевской семьей, так и народом. Именно буржуазия более, чем какой-либо другой класс, консервативна и регрессивна. Именно буржуазия создает и отменяет министерства. Именно буржуазия уничтожила влияние Верхней

палаты и свергнет короля всякий раз, когда он станет ее не устраивать. Именно в угоду буржуазии королевская власть становится непопулярной. Именно буржуазия обеспокоена надеждами народа и препятствует реформам. Журналы буржуазии - это те, которые проповедуют нам мораль и религию, оставляя скептицизм и безразличие для себя; которые нападают на личное правительство и выступают за лишение избирательных привилегий тех, у кого нет собственности. Буржуазия скорее согласится на что угодно, только не на освобождение пролетариата. Как только оно сочтет, что его привилегии под угрозой, оно объединится с королевской семьей; и кто не знает, что в этот самый момент эти два антагониста прекратили свои ссоры?... Это был вопрос собственности.]

62 (возврат)

(То же самое мнение недавно выразил с трибуны один из наших самых уважаемых депутатов, г-н Гогье. "Природа, - сказал он, - не наделила человека земельной собственностью". Заменяя прилагательное "ПРИЗЕМЛЕННЫЙ", обозначающее только вид, на "КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ", обозначающий род, Гогье провозгласил равноправное исповедание веры.]

63 (возвращение)

[Профессор сравнительного законодательства М. Лерминье пошел еще дальше. Он осмелился сказать, что нация отняла у духовенства все их имущество не из-за ПРАЗДНОСТИ, а из-за НЕДОСТОИНСТВА. "Вы цивилизовали мир, - восклицает этот апостол равенства, обращаясь к священникам, - и по этой причине вам были даны ваши владения. В ваших руках они были одновременно инструментом и наградой. Но теперь вы их не заслуживаете, ибо вы давно перестали относиться к чему бы то ни было цивилизованно..."]

64 (возврат)

["Трактат о рецепте".]

65 (возвращение)

["Происхождение французского права".]

66 (возврат)

[Почитать своих родителей, быть благодарным своим благодетелям, не убивать и не воровать — истины внутреннего ощущения. Повиноваться Богу, а не людям, отдавать каждому то, что принадлежит ему; целое больше, чем часть, прямая линия — кратчайший путь из одной точки в другую, - истины интуиции. Все они априорны, но первые ощущаются совестью и подразумевают лишь простой акт души; вторые воспринимаются разумом и подразумевают сравнение и взаимосвязь. Короче говоря, первые - это чувства, вторые - идеи.]

67 (возвращение)

[Арман Каррель высказался бы за укрепление столицы. "Ле Насьональ" снова и снова повторяла, помещая имя своего старого редактора рядом с именами Наполеона и Вобана. Что означает эта эксгумация антинародного политика? Это означает, что Арман Каррель хотел сделать правительство индивидуальной и несменяемой, но выборной собственностью, и что он хотел, чтобы эта собственность избиралась не народом, а армией. Политическая система Карреля была просто реорганизацией преторианской гвардии. Каррель также ненавидел *лекинов*. Говорят, что то, о чем он сожалел в июльской революции, было не народным восстанием, а победой народа над солдатами. Вот причина, по которой Каррель после 1830 года никогда не поддерживал патриотов. "Вы ответите мне несколькими полками?" спросил он. Арман Каррель считал армию — военную мощь — основой закона и правительства. У этого человека, несомненно, было моральное чувство, но у него определенно не было чувства справедливости. Если бы он все еще был в этом мире, я смело заявляю это, у свободы не было бы большего врага, чем Каррель.]

68 (возврат)

[В очень короткой статье, которую зачитал М. Воловски, М. Луи Блан заявляет, по существу, что он не коммунист (чему я легко верю); что нужно быть дураком, чтобы нападать на собственность (но он не говорит почему); и что крайне необходимо остерегаться смешения собственности со злоупотреблениями. Когда Вольтер ниспровергал христианство, он неоднократно признавался, что у него нет злобы против религии, а только против ее злоупотреблений.]

69 (возврат)

[Имущественная лихорадка среди писателей и художников в самом разгаре, и любопытно видеть самодовольство, с которым наши законодатели и литераторы лелеют эту всепожирающую страсть. Художник продает картину, а затем, получив товар, предполагает помешать покупателю продать гравюры под предлогом того, что он, художник, продавая оригинал, не продал свой ДИЗАЙН. Между любителем и художником возникает спор как по факту, так и по закону. М. Виллемэн, министр общественного просвещения, проконсультировавшись по этому конкретному делу, приходит к выводу, что художник прав; только собственность на рисунок должна была быть специально зарезервирована в контракте: так что, в действительности, М. Виллемэн признает за художником право передавать свою работу и препятствовать ее передаче; таким образом, противореча юридической аксиоме, НЕЛЬЗЯ ДАРИТЬ И СОХРАНЯТЬ ОДНОВРЕМЕННО. Станный рассуждатель - М. Виллмен! Двусмысленный принцип приводит к ложному заключению. Вместо того, чтобы отвергнуть принцип, М. Виллмен спешит признать заключение. Для него *доведение до абсурда* является убедительным аргументом. Таким образом, он становится официальным защитником литературной собственности, уверенным в том, что его поймет и поддержит кучка бездельников, позор литературы и язва общественной морали. Почему же тогда г—н Вильмен испытывает такой сильный интерес к тому, чтобы провозгласить себя главой литературных кругов, играть для их блага роль Триссотена в государственных советах и стать сообщником шайки распутников - *так называемых* литераторов, — которые более десяти лет с таким

прискорбным успехом трудились над разрушением общественного духа и развращением сердец путем извращения разума?]

70 (возвращение)

[М. Леру получил высокую оценку в рецензии за защиту собственности. Я не знаю, доволен ли трудолюбивый энциклопедист похвалой, но я очень хорошо знаю, что на его месте я бы скорбел о разуме и истине.]

71 (возвращение)

["Беспристрастный" из Безансона.]

72 (возвращение)

[Ариане отрицают божественность Христа. Полуарийцы отличаются от ариан лишь несколькими тонкими отличиями. Месье Пьер Леру, который считает Иисуса человеком, но утверждает, что в него был вселен Дух Божий, является истинным полуарианином.

Манихеи признают два сосуществующих и вечных принципа — Бога и материю, дух и плоть, свет и тьму, добро и зло; но, в отличие от фаланстерцев, которые притворяются, что примиряют эти два принципа, манихеи ведут войну с материей и изо всех сил трудятся над уничтожением плоти, осуждая брак и запрещая размножение, что, однако, не мешает им предаваться всем плотским удовольствиям, какие только может представить самая сильная похоть. В этом последнем аспекте тенденция фурьеристской морали вполне манихейская.

Гностики не отличаются от ранних христиан. Как указывает их название, они считали себя богодухновенными. Фурье, который придерживался своеобразных идей относительно видений сомнамбул и который верил в возможность развития магнетической силы до такой степени, чтобы дать нам возможность общаться с невидимыми существами, мог бы, если бы он был жив, также сойти за гностика.

Адамиты посещают мессу полностью обнаженными из соображений целомудрия. Жан-Жак Руссо, принимавший сон чувств за целомудрие и видевший в скромности лишь утонченное удовольствие, склонялся к адамизму. Я знаю такую секту, члены которой обычно совершают свои мистерии в костюме Венеры, выходящей из ванны.

Доадамиты верили, что люди существовали до появления первого человека. Однажды я встретил доадамита. Правда, он был глухим и фурьеристом.

Пелагиане отрицают благодать и приписывают все заслуги добрых дел свободе. Фурьеристы, которые учат, что природа и страсти человека добры, являются обратными пелагианцами; они отдают все благодати и ничего свободе.

Социнианцы, деисты во всех других отношениях, признают изначальное откровение. Сегодня многие люди являются социнианцами, которые не подозревают об этом и считают свои мнения новыми.

Неохристиане - это те простаки, которые восхищаются христианством, потому что оно породило колокола и соборы. Низкие душой, развращенные сердцем, распущенные умом и чувствами, неохристиане особенно стремятся к внешней форме и восхищаются религией, как они любят женщин, за их физическую красоту. Они верят в грядущее откровение, а также в преображение католицизма. Они будут петь мессы на грандиозном представлении в фаланстере.]

73 (возврат)

[Следует понимать, что вышесказанное относится только к моральным и политическим доктринам Фурье, — доктринам, которые, подобно всем философским и религиозным системам, имеют свои корни и *смысл существования* в самом обществе и по этой причине заслуживают рассмотрения. Своеобразные рассуждения Фурье и его секты относительно космогонии, геологии, естественной истории, физиологии и психологии я предоставляю вниманию тех, кто счел бы своим долгом серьезно опровергнуть басни о Синей Бороде и Ослиной шкуре.]

74 (возвращение)

[Автор радикальной прессы М. Луи Рейбо сказал в предисловии к своим "Исследованиям современных реформаторов": "Кто не знает, что мораль относительна? Помимо нескольких возвышенных чувств, которые поразительно инстинктивны, мера человеческих поступков варьируется в зависимости от страны и климата, и только цивилизация — прогрессивное воспитание расы — может привести к универсальной морали.... Абсолют ускользает от нашей случайной и конечной природы; абсолют - это тайна Бога". Боже, храни от зла месье Луи Рейбо! Но я не могу не отметить, что все политические отступники начинают с отрицания абсолюта, что на самом деле является отрицанием истины. Что может быть общего у писателя, исповедующего скептицизм, с радикальными взглядами? Что он может сказать своим читателям? Какое суждение он вправе вынести современным реформаторам? Мсье Рейбо подумал, что было бы разумно повторить старую дерзость легиста, и это может послужить ему оправданием. У всех нас есть эти слабости. Но я удивлен, что такой умный человек, как месье Рейбо, ИЗУЧАЮЩИЙ СИСТЕМЫ, не видит того, что ему следовало бы признать в первую очередь, а именно, что системы — это продвижение разума к абсолюту.]

75 (возврат)

[Избирательная реформа, как постоянно утверждается, является не ЦЕЛЬЮ, а СРЕДСТВОМ. Несомненно; но что же тогда является целью? Почему бы не дать недвусмысленное объяснение ее цели? Как может народ выбирать своих представителей, если он заранее не знает цели, с которой он их выбирает, и предмета поручения, которое он им поручает? Но, как говорят, само дело тех, кого избрал народ, - выяснить цель реформы. Это уловка. Что мешает этим людям, которые должны быть избраны в будущем, сначала искать эту цель, а затем, когда они ее найдут, сообщить о ней народу? Реформаторы хорошо сказали, что, хотя цель избирательной реформы остается по меньшей мере неопределенной, она будет лишь средством передачи власти из рук мелких тиранов в руки других тиранов. Мы уже знаем, как нация может быть угнетена, если ее заставить поверить, что она подчиняется только своим собственным законам.

История всеобщего избирательного права среди всех наций - это история ограничений свободы массами и во имя них. Тем не менее, если бы избирательная реформа в ее нынешнем виде была рациональной, практичной, приемлемой для людей с чистой совестью и прямыми умами, возможно, кого-то можно было бы извинить за ее поддержку, хотя он и не знает о ее цели. Но нет; текст петиции ничего не определяет, не проводит различий, не требует никаких условий, никаких гарантий; он устанавливает право без обязанности. "Каждый француз является избирателем и имеет право занимать должность". С таким же успехом можно сказать: "Каждый штык умен, каждый дикарь цивилизован, каждый раб свободен". В своей расплывчатой обобщенности реформаторская петиция является слабейшей из абстракций или высшей формой политической измены. Следовательно, просвещенные патриоты не доверяют друг другу и презируют их. Самый радикальный писатель того времени, чьи экономические и социальные теории являются, без всякого сравнения, самыми передовыми, — М. Леру занял смелую позицию против всеобщего избирательного права и демократического правления и написал чрезвычайно острую критику Ж. Ж. Руссо. Несомненно, именно по этой причине мсье Леру больше не является философом "Ле Насьональ". Этот журнал, как и Наполеон, не любит людей с идеями. Тем не менее, "Ле Насьональ" должна знать, что тот, кто борется против идей, погибнет из-за идей.]